

РУССКОЕ ПОЛЕ

РОССИЙСКИЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

7

Орёл
2018

РУССКОЕ ПОЛЕ

РОССИЙСКИЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

2018
№7

ВЫХОДИТ два раза в год

ГОД 200-ЛЕТИЯ
ТУРГЕНЕВА

РЕДАКЦИЯ

Золотарёв Леонард Михайлович –
ответственный за литературно-художественный блок

Анишкин Валерий Георгиевич –
ответственный секретарь

Золотарёв Игорь Леонардович –
заместитель главного редактора,
ответственный за науку, литературную критику

Катанов Василий Михайлович –
отдел очерка и прозы

Васичкин Валентин Митрофанович –
отдел поэзии и краеведения

Тарабрина Зоя Федотовна –
заведующая редакцией

ISBN 978-5-91468-173-6

E-mail: val_anishkin@mail.ru
igozolo@yandex.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор **Леонард Золотарёв,**
Владимир Коротеев,
Валерий Анишкин,
Игорь Золотарёв,
Зоя Тарабрина

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Гусев Владимир Иванович –
доктор филологических наук, профессор (Москва),
Криволапов Владимир Николаевич –
доктор филологических наук, профессор (Курск),
Коротеев Владимир Ильич –
специалист сельского хозяйства
Орловской области,
Грачёв Иван Александрович –
Глава Мценского района,
Логвинов Владимир Николаевич –
председатель Орловского районного
Совета народных депутатов,
Трунов Александр Сергеевич –
мэр г. Малоархангельска,
Гладкова Ирина Анатольевна –
директор Центральной городской библиотеки
имени Пушкина,
Травинская Жанна Анатольевна –
художник,
Котюков Лев Константинович –
поэт (Переделкино, Подмосковье),
Шендаков Андрей Игоревич –
писатель,
Ходулин Валерий Георгиевич –
поэт (Тула),
Лютый Вячеслав Дмитриевич –
литературный критик (Воронеж).

ББК 92
УДК 3 (2)
3-80

Русское поле. Российский публицистический и литературно-художественный журнал. – №7: – Орёл: писатели из Союза писателей России и Союза российских писателей. 2018. – 260 с., илл.

Журнал «Русское поле» создан по инициативе писателя Леонарда Михайловича Золотарёва и писателей области. Выход намечен по два номера в год. В публицистическом блоке выступают видные работники культуры, историки, краеведы.

В публицистическом и литературно-художественном блоках свои лучшие произведения представляют орловские писатели и журналисты, а также авторы из других областей. Это очерки, проза, поэзия, литература для детей. Сюда же включается поэзия и проза уже ушедших писателей, память о которых жива в их произведениях, публикуемых в этом журнале.

ISBN 978-5-91468-173-6

12+

© Коллектив авторов, 2018

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

К 200-летию И.С. Тургенева

О Тургеневской энциклопедии

Журнал «Русское поле» №7 посвящён 200 – летию великого русского писателя, нашего земляка Ивана Сергеевича Тургенева. Мы получили вопросы сотрудников Орловского музея Тургенева, посвящённые Тургеневской Энциклопедии. Публикуем ответы Главного редактора журнала Леонарда Михайловича Золотарёва.

«Уважаемый Леонард Михайлович!

Сотрудники Тургеневской Энциклопедии убедительно просят Вас ответить на следующие вопросы:

- 1.Имя Тургенева... мир Тургенева. Что это значит для Вас?*
- 2.Что Вы думаете о проблеме «И.С. Тургенев и современная литература?»*
- 3.Оказал ли на Вас, Ваше творчество Тургенев?*

Спасибо».

Ответы Сотрудникам Тургеневской Энциклопедии.

Первое. Слишком привыкли мы все употреблять «край тургеневский», «город Тургенева»! Порой забываем, какие подвиги совершаем. Слышу наемдни, а давайте-ка мы университету, возведшему наш Орёл в статус университетских городов, присвоим славное имя Тургенева. Уж и забыли, что присваивали ранее пединституту, из которого и преобразовался наш классический университет; ещё раньше присваивали имя облдрамтеатру, улице, школе какой-то, библиотеке.

Что ни говори, земля Орловская славна именами, прямо-таки «бермудский треугольник» – магнетический комплекс, невероятны таинственные силы земли, которые ярче всего выразились в речи народной, в русском языке. Работая в областных газетах, уже будучи писателем, Орловщину нашу обошёл я, обегал, объехал всю вдоль и поперёк. Больше других вели меня имена Толстого и Тургенева. Мест, связанных с ними, у нас тут предостаточно. Даже людей живём успел застать, какие сами лично или их родичи знали писателей. Скажем, встречался я с дедами из залегощенских Кочетов, что участвовали в крестьянской свадьбе, разыгранной Толстым. Или знавал бригадиршу из хотынецкого Льгова – племянницу известного тургеневского Сучка из одноимённого рассказа Тургенева.

И ярка же тут у нас народная речь! Таланты в самородной стихии – просто жуть! Вот они, те невероятные силы земли в речи народной как отголоски образности ещё древней, языческой, дохристианской. Дольше других сохранял наш край и настрой вятичей, праотцовский. И вот на такой базе – метафорической, первоосновной, идущей из таинственных, биоэнергетических недр, и вознёсся наш русский язык. А уж на ниве народной и вымахнула классическая литература, рождались писатели – классики.

Только всё дело в чём? Тут все они получили толчок, природно-словесный, энергетический заряд, а писателями становились где-то уже на стороне. Тут у нас всегда, во все времена, как говорится, хватало темноты, мракобесия.

Ну и что особо сказать о Тургеневе? Что означает для меня его мир? Тургенев пешком ходил, бывало, с собакой, ружьишком, а я – с пером журналистским по его следам. И что понял? А много чего. Тонкого настроя он, Тургенев, был человек. Дух его от земли в небо веялся. От Калиныча в нём самом что-то было, однако достоинства большего. Поёт, бывало, он внутри себя (я так понимаю), когда пишет. Вот и вырывается из него это «Утро туманное» – до сих пор знакомый романс, гимн русской интеллигенции. Вот и сейчас как запоёшь его в какой-нибудь российской культурной среде, так все за тобой – любой подтянет, ей богу.

Вот главное качество, как мне кажется, у Тургенева: учил он и учит жить певчески, поэтически, а не хищнически. И это ощущение очень важно для современности. Большой человек, классик, а рабом тебя не делает, не закрепощает, как иные сегодняшние пытаются – ровно на голову меньшие. И почему липнут к Тургеневу всякие «граммофоны»? Ведь ни голоса, ни слуха у иного, ни царя в голове, а только «блямба» на ухо, вроде подушки на сон грядущий, чтобы прикрыться чем-то хорошеньким, утверждённым в культуре. Тем же Тургеневым, Буниным, Фетом, Пушкиным... Слава богу, не знают, бедные, чего вытворяют с ними потомки.

Второе. Да, Тургенев очень современен. Ещё со школы он знаком нам больше, как «чистый» реалист, автор «Записок охотника». И гораздо меньше знают его как автора ещё и фантастических, т. н. «таинственных» повестей («Призраки», «Собака», «Сон», «Клара Милич (После смерти)», «Странная история»), переведённых и не переведённых на французский язык. Так вот, в этих своих фантастических произведениях И.С. Тургенев заглядывает прямо сюда к нам через 20-й век – в век 21-й. Реализм в иных вещах настолько романтизирован, приближен к ирреальному миру, грань прямо-таки исчезает. И такая открывается перспектива в преображении изображаемого, в постижении мира реального и ирреального, инобытийного через фантастику и другие романтически усиленные средства, которые Тургенев клал в палитру всей своей творческой жизни, особенно в поздний период.

И третье. О влиянии. Не знаю. Влиял ли он на меня? Стихийно, наверно. А скорее всего – через народ, в котором и я живу и работаю. Две линии в русской литературе, как и в себе самом, вижу и ощущаю: Пушкин – Тургенев – Бунин... протопоп Аввакум – Лесков – Платонов...

В тургеневской прозе мне ближе всего музыкальность, сложный ритмический рисунок. Не боясь повториться, скажу, мне так кажется, вот он писал свою прозу и внутренне подпевал себе. Так и я пишу, пашу и сам себе, подпевая, грешу – прозой ли, стихом ли мне – всё равно. Самые сложные ритмы хорошо улавливаются под внутреннюю музыку русского слова, в океане судьбы – среди любимых лиц, звона птиц, колошенья травы, колотящей тебя, когда идёшь с лугов, по груди, по коленкам. Красиво выражать красоту – вот чему ещё учит Тургенев! А не красоты, боже избавь. Чувству меры. Господи, кругом фальши-то сколько, компьютерные разработки. А Тургенев – это мелодия, гибкость русского слова, гармония разума и песня живой, красивой души.

Вспомнишь Тургенева – не забудешь Россию, Родину никогда не забудешь! Вспомнишь и лица, давно позабытые.

г. Малоархангельску 240 лет

Дорогой Леонард Михайлович!

От всей души поздравляем Вас с выходом журнала «Русское поле» №7!

В этот особенный день мы думаем о Вас с чувством глубокого уважения, восхищения и благодарности. Уважения – за Ваше гражданское и профессиональное мужество; восхищения – за ваше неиссякаемое творческое созидание и молодость Вашей души; благодарности – за новое богатство жизни, которое Вы открыли для нас.

Хочется пожелать Вам личного постоянного счастья и физических сил для исполнения Ваших творческих планов, дружбы, любви и внимания ваших близких и родных. Да благословит Вас Бог во всех Ваших добрых начинаниях. Будьте счастливы!

*С любовью Валя, Ги Порседда
Сардиния, Италия*

АГРАРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ БЛОК

САЛИС ДОБАЕВИЧ КАРАКОТОВ
генеральный директор АО «Щёлково-Агрохим»,
доктор химических наук, академик РАН

ПОЛЯ В ДУБОВИКЕ, ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ ПОЛИГОН

Приглашаем принять участие в восьмой научно-практической конференции компании «Щёлково Агрохим» – «Управление технологическими рисками при производстве основных сельскохозяйственных культур в ООО «Дубовицкое»».

Место проведения конференции неизменно и за 8 лет стало знакомо многим аграриям. «Дубовицкое» – это наше «дитя», которое достигло высоких результатов в растениеводстве, несмотря на свой «подростковый» возраст – 11 лет. Это наш испытательный полигон, в котором создана опытно-производственная площадка «Щёлково-Агрохим», где отрабатываются передовые системы защиты растений и технологии земледелия; это наша гордость, год от года радующая нас очередными рекордами урожайности, несмотря на многочисленные «но»...

Каждый год мы посвящаем конференцию определённой тематике, рассказываем и показываем, как правильно возделывать культуры и достигать высокой рентабельности. Результативность труда агронома в последнее время была сопряжена с множеством сдерживающих факторов – это были политические, экономические потрясения, погодные аномалии. Текущий год, вопреки нашим надеждам и ожиданиям, также решил оставить «свой след» в истории растениеводства России, одарив нас затяжными дождями и аномальным минимумом солнечного света и температур. Но мы, как истинные оптимисты, находим положительные моменты и в этом. Как говорится, сложности закаляют волю человека, оттачивают характер и заставляют действовать. А в сложных погодных условиях, оттачиваются элементы нашей системы управления вегетацией растений – испытать её в новых экстремальных условиях – и это, несомненно, большой плюс. Мы уверены, что тот, кто не поддаётся панике и сомнениям, продолжая настойчиво двигаться к поставленной цели, обязательно добивается своего. Именно поэтому «Дубовицкое» удерживает свои лидерские позиции и звание «высокорентабельного современного сельхозпредприятия» на протяжении многих лет, а по экономическим показателям – признано одним из лучших не только в Орловской области, но и в Российской Федерации.

Во время конференции и демонстрационного осмотра представлены посевы и экономические показатели главных сельскохозяйственных культур, возделываемых в областях Центрального Черноземья – озимая и яровая пшеница, соя, горох, сахарная свёкла, кукуруза, гречиха; продемонстрированы эффективные технологии управления урожаем; в реальном производстве можно почерпнуть новые знания, поделиться своими проблемами, оценить собственные возможности.

Деятельность ООО «Дубовицкое» – пример экономически успешного сельскохозяйственного предприятия, грамотно применяющего технологию управления вегетацией растений, которая в 2017 году прошла очередную успешную апробацию в нетипичных погодных условиях.

Уверен, что наш опыт поможет сельхозпроизводителям адаптироваться к любым условиям и вывести свой бизнес на позиции успешного и высокоэффективного производства.

ПРОГРАММА IX НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Управление технологическими рисками при производстве основных сельскохозяйственных культур в ООО «Дубовицкое»

29 – 30 июня 2017 г.

Организаторы конференции: АО «Щёлково Агрохим».

Место проведения: ООО «Дубовицкое» Орловской области Малоархангельского района.

Участники научно-практической конференции: руководители Минсельхоза, учёные, руководители и специалисты крупнейших сельскохозяйственных предприятий России и стран СНГ.

7:00 Отъезд автобуса от центрального офиса.

9:00 Отъезд автобуса от аэропорта «Домодедово». (Отъезд автобуса от аэропорта «Шереметьево»).

с 14:00 Заселение в гостиницу «Гринн». (Адрес: г. Орёл, Кромское шоссе, д.4).

19:00 Приветственный ужин в ресторане «Гринн» (гостиница «Гринн»).

7:00 – 8:00 Завтрак в гостинице «Гринн».

8:00 Отъезд из гостиницы «Гринн» (г. Орёл).

9:45 Отъезд с Центральной площади в г. Малоархангельске.

10:00 – 11:00 Регистрация. Открытие Дня поля. Приветственное слово официальных лиц. Осмотр сельскохозяйственной техники. Экспозиция направлений АО «Щёлково Агрохим»: ООО «Бетагран Рамонь», ООО «Бетагран Липецк», ООО «Дубовицкое», ТМ «Октябрина Апрелевна». Фуршет.

11:00 – 13:30 Осмотр демонстрационных посевов сельскохозяйственных культур ООО «Дубовицкое».

Осмотр производственных полей (горох, озимая и яровая пшеница, сахарная свёкла, соя, гречиха).

Осмотр демонстрационных участков (озимая и яровая пшеница, горох, соя, гречиха, фасоль, бобы кормовые, чина, чечевица).

Осмотр научно – производственного участка (сахарная свёкла).

13:45 – 15:30 Конференция «Управление технологическими рисками при производстве основных сельскохозяйственных культур в ООО «Дубовицкое».

13:45 – 14:00 Меры государственной поддержки семеноводства и защиты растений.

Чекмарёв Пётр Александрович – директор департамента растениеводства, химизации и защиты растений.

14:00 – 14:15 Награждение лучших свёклосеющих хозяйств. Союзроссахар.

14:15 – 15:15 Управление технологическими рисками при производстве основных сельскохозяйственных культур в ООО «Дубовицкое».

Каракотов Салис Добаевич – генеральный директор АО «Щёлково Агрохим».

15:15 -15:30 Новые направления в семеноводстве сои.

Зотиков Владимир Иванович – директор ВНИИЗБК, г. Орёл.

15:30 – 19:00 Праздничный обед на поляне.

1 июля.

7:00 – 8:30 Завтрак в гостинице «Гринн».

10:00 Отъезд автобуса от гостиницы «Гринн» через аэропорты «Домодедово» и «Шереметьево».

До 12:00 Освобождение номеров (для гостей, приехавших на собственном транспорте).

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ БЛОК**Классики**

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ

УТРО ТУМАННОЕ

*Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые...
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.*

*Вспомнишь обильные страстные речи,
Взгляды так жадно, так робко ловимые.
Первая встреча – последняя встреча –
Тихого голоса звуки любимые.*

*Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное, далёкое,
Слушая рокот колёс непрерывный,
Глядя задумчиво в небо широкое,
Глядя задумчиво в небо широкое...*

МУМУ

В одной из отдаленных улиц Москвы, в сером доме с белыми колоннами, антресолю и покривившимся балконом, жила некогда барыня, вдова, окруженная многочисленной дворней. Сыновья её служили в Петербурге, дочери вышли замуж; она выезжала редко и уединенно доживала последние годы своей скупой и скучающей старости. День её, нерадостный и ненастный, давно прошел; но и вечер её был чернее ночи.

Из числа всей её челяди самым замечательным лицом был дворник Герасим, мужчина двенадцати вершков роста, сложенный богатырем и глухонемой от рождения. Барыня взяла его из деревни, где он жил один, в небольшой избушке, отдельно от братьев, и считался едва ли не самым исправным тягловым мужиком. Одаренный необычайной силой, он работал за четверых – дело спорилось в его руках, и весело было смотреть на него, когда он либо пахал и, налегая огромными ладонями на соху, казалось, один, без помощи лошаденки, взрезывал упругую грудь земли, либо о Петров день так сокрушительно действовал косой, что хоть бы молодой березовый лесок смахивать с корней долой, либо проворно и безостановочно молотил трехаршинным цепом, и как рычаг опускались и поднимались продолговатые и твердые мышцы его плечей. Постоянное безмолвие придавало торжественную важность его неистомной работе. Славный он был мужик, и не

будь его несчастье, всякая девка охотно пошла бы за него замуж... Но вот Герасима привезли в Москву, купили ему сапоги, сшили кафтан на лето, на зиму тулуп, дали ему в руки метлу и лопату и определили его дворником.

Крепко не полюбилось ему сначала его новое житье. С детства привык он к полевым работам, к деревенскому быту. Отчужденный несчастьем своим от сообщества людей, он вырос немой и могучий, как дерево растет на плодородной земле... Переселенный в город, он не понимал, что с ним такое делается, – скучал и недоумевал, как недоумевают молодой, здоровый бык, которого только что взяли с нивы, где сочная трава росла ему по брюхо, взяли, поставили на вагон железной дороги – и вот, обдавая его тучное тело то дымом с искрами, то волнистым паром, мчат его теперь, мчат со стуком и визгом, а куда мчат – бог весть! Занятия Герасима по новой его должности казались ему шуткой после тяжких крестьянских работ; в полчаса всё у него было готово, и он опять то останавливался посреди двора и глядел, разинув рот, на всех проходящих, как бы желая добиться от них решения загадочного своего положения, то вдруг уходил куда-нибудь в уголок и, далеко швырнув метлу и лопату, бросался на землю лицом и целые часы лежал на груди неподвижно, как пойманный зверь. Но ко всему привыкает человек, и Герасим привык наконец к городскому житью. Дела у него было немного; вся обязанность его состояла в том, чтобы двор содержать в чистоте, два раза в день привезти бочку с водой, натаскать и наколоть дров для кухни и дома да чужих не пускать и по ночам караулить. И надо сказать, усердно исполнял он свою обязанность: на дворе у него никогда ни щепок не валялось, ни сору; застрянет ли в грязную пору где-нибудь с бочкой отданная под его начальство разбитая кляча-водовозка, он только двинет плечом – и не только телегу, самое лошадей спихнет с места; дрова ли примется он колоть, топор так и звенит у него, как стекло, и летят во все стороны осколки и поленья; а что насчет чужих, так после того, как он однажды ночью, поймав двух воров, стукнул их друг о дружку лбами, да так стукнул, что хоть в полицию их потом не води, все в околотке очень стали уважать его; даже днем проходившие, вовсе уже не мошенники, а просто незнакомые люди, при виде грозного дворника отмахивались и кричали на него, как будто он мог слышать их крики. Со всей остальной челядью Герасим находился в отношениях не то чтобы приятельских, – они его побаивались, – а коротких: он считал их за своих. Они с ним объяснялись знаками, и он их понимал, в точности исполнял все приказания, но права свои тоже знал, и уже никто не смел садиться на его место в застолье. Вообще Герасим был нрава строгого и серьезного, любил во всем порядок; даже петухи при нем не смели драться, а то беда! увидит, тотчас схватит за ноги, повертит раз десять на воздухе колесом и бросит врозь. На дворе у барыни водились тоже гуси; но гусь, известно, птица важная и рассудительная; Герасим чувствовал к ним уважение, ходил за ними и кормил их; он сам смахивал на степенного гусака. Ему отвели над кухней каморку; он устроил её себе сам, по своему вкусу: соорудил в ней кровать из дубовых досок на четырех чурбанах, истинно богатырскую кровать; сто пудов можно было положить на неё – не погнулась бы; под кроватью находился дюжий сундук; в уголку стоял столик такого же крепкого свойства, а возле столика – стул на трех ножках, да такой прочный и приземистый, что сам Герасим, бывало, поднимет его, уронит и ухмыльнется. Каморка запиралась на замок, напоминавший своим видом калач, только черный; ключ от этого замка Герасим всегда носил с собой на пояске. Он не любил, чтобы к нему ходили.

Так прошёл год, по окончании которого с Герасимом случилось небольшое происшествие.

Старая барыня, у которой он жил в дворниках, во всем следовала древним обычаям и прислугу держала многочисленную: в доме у неё находились не только

прачки, швеи, столяры, портные и портнихи, – был даже один шорник, он же считался ветеринарным врачом и лекарем для людей, был домашний лекарь для घोжи, был, наконец, один башмачник, по имени Капитон Климов, пьяница горький. Климов почитал себя существом обиженным и не оцененным по достоинству, человеком образованным и столичным, которому не в Москве бы жить, без дела, в каком-то захолустье, и если пил, как он сам выражался с расстановкой и стуча себя в грудь, то пил уже именно с горя. Вот зашла однажды о нем речь у барыни с её главным дворецким, Гаврилой, человеком, которому, судя по одним его желтым глазкам и утиному носу, сама судьба, казалось, определила быть начальствующим лицом. Барыня сожалела об испорченной нравственности Капитона, которого накануне только что отыскали где-то на улице.

– А что, Гаврила, – заговорила вдруг она, – не женить ли нам его, как ты думаешь? Может, он остепенится.

– Отчего же не женить-с! Можно-с, – ответил Гаврила, – и очень даже будет хорошо-с.

– Да; только кто за него пойдет?

– Конечно-с. А впрочем, как вам будет угодно-с. Всё же он, так сказать, на что-нибудь может быть потребен; из десятка его не выкинешь.

– Кажется, ему Татьяна нравится?

Гаврила хотел было что-то возразить, да сжал губы.

– Да!.. пусть посватает Татьяну, – решила барыня, с удовольствием понюхивая табачок, – слышишь?

– Слушаю-с, – произнес Гаврила и удалился.

Возвратясь в свою комнату (она находилась во флигеле и была почти вся загромождена коваными сундуками), Гаврила сперва выслал вон свою жену, а потом подсел к окну и задумался. Неожиданное распоряжение барыни его, видимо, озадачило. Наконец он встал и велел кликнуть Капитона. Капитон явился... Но прежде чем мы передадим читателям их разговор, считаем нелишним рассказать в немногих словах, кто была эта Татьяна, на которой приходилось Капитону жениться, и почему повеление барыни смутило дворецкого.

Татьяна, состоявшая, как мы сказали выше, в должности прачки (впрочем, ей, как искусной и ученой прачке, поручалось одно тонкое белье), была женщина лет двадцати осьми, маленькая, худая, белокурая, с родинками на левой щеке. Родинки на левой щеке почитаются на Руси худой приметой – предвещанием несчастной жизни... Татьяна не могла похвалиться своей участью. С ранней молодости её держали в чёрном теле; работала она за двоих, а ласки никакой никогда не видала; одевали её плохо, жалованье она получала самое маленькое; родни у ней всё равно что не было: один какой-то старый ключник, оставленный за негодностью в деревне, доводился ей дядей да другие дядья у ней в мужиках состояли – вот и всё. Когда-то она слыла красавицей, но красота с неё очень скоро соскочила. Нрава она была весьма смиренного, или, лучше сказать, запуганного, к самой себе она чувствовала полное равнодушие, других боялась смертельно; думала только о том, как бы работу к сроку кончить, никогда ни с кем не говорила и трепетала при одном имени барыни, хотя та её почти в глаза не знала. Когда Герасима привезли из деревни, она чуть не обмерла от ужаса при виде его громадной фигуры, всячески старалась не встречаться с ним, даже жмурилась, бывало, когда ей случалось пробежать мимо него, спеша из дома в прачечную – Герасим сперва не обращал на неё особенного внимания, потом стал посмеиваться, когда она ему попадалась, потом и заглядываться на неё начал, наконец и вовсе глаз с неё не спускал. Полюбилась она ему; кротким ли выражением лица, робостью ли движений – бог его знает! Вот однажды пробиралась она по двору, осторожно поднимая на растопыренных

пальцах накрахмаленную барынину кофту... кто-то вдруг сильно схватил её за локоть; она обернулась и так и вскрикнула: за ней стоял Герасим. Глупо смеясь и ласково мыча, протягивал он ей пряничного петушка, с сусальным золотом на хвосте и крыльях. Она было хотела отказаться, но он насильно впихнул его ей прямо в руку, покачал головой, пошел прочь и, обернувшись, ещё раз промычал ей что-то очень дружелюбное. С того дня он уж ей не давал покоя: куда, бывало, она ни пойдёт, он уж тут как тут, идет ей навстречу, улыбается, мычит, махает руками, ленту вдруг вытащит из-за пазухи и всучит ей, метлой перед ней пыль расчистит. Бедная девка просто не знала, как ей быть и что делать. Скоро весь дом узнал о проделках немого дворника; насмешки, прибауточки, колкие словечки посыпались на Татьяну. Над Герасимом, однако, глумиться не все решались: он шуток не любил; да и её при нем оставляли в покое. Рада не рада, а попала девка под его покровительство. Как все глухонемые, он очень был догадлив и очень хорошо понимал, когда над ним или над ней смеялись. Однажды за обедом кастелянша, начальница Татьяны, принялась её, как говорится, шпынять и до того её довела, что та, бедная, не знала куда глаза деть и чуть не плакала с досады. Герасим вдруг приподнялся, протянул свою огромную ручищу, наложил её на голову кастелянши и с такой угрюмой свирепостью посмотрел ей в лицо, что та так и пригнулась к столу. Все умолкли. Герасим снова взялся за ложку и продолжал хлебать щи. «Вишь, глухой черт, леший!» – пробормотали все вполголоса, а кастелянша встала да ушла в девичью. А то в другой раз, заметив, что Капитон, тот самый Капитон, о котором сейчас шла речь, как-то слишком любезно раскалялся с Татьяной, Герасим подозвал его к себе пальцем, отвел в каретный сарай, да, ухватив за конец стоявшее в углу дышло, слегка, но многозначительно погрозил ему им. С тех пор уж никто не заговаривал с Татьяной. И всё это ему сходило с рук. Правда, кастелянша, как только прибежала в девичью, тотчас упала в обморок и вообще так искусно действовала, что в тот же день довела до сведения барыни грубый поступок Герасима; но причудливая старуха только рассмеялась, несколько раз, к крайнему оскорблению кастелянши, заставила её повторить, как, дескать, он принагнул тебя своей тяжелой ручкой, и на другой день выслала Герасиму целковый. Она его жаловала как верного и сильного сторожа. Герасим порядком её побаивался, но все-таки надеялся на её милость и собирался уже отправиться к ней с просьбой, не позволит ли она ему жениться на Татьяне. Он только ждал нового кафтана, обещанного ему дворецким, чтоб в приличном виде явиться перед барыней, как вдруг этой самой барыне пришла в голову мысль выдать Татьяну за Капитона.

Читатель теперь легко сам поймет причину смущения, овладевшего дворецким Гаврилой после разговора с госпожой. «Госпожа, – думал он, посиживая у окна, – конечно, жалует Герасима (Гавриле хорошо это было известно, и оттого он сам ему потакал), всё же он существо бессловесное; не доложить же госпоже, что вот Герасим, мол, за Татьяной ухаживает. Да и наконец оно и справедливо, какой он муж? А с другой стороны, стоит этому, прости господи, лешему узнать, что Татьяну выдают за Капитона, ведь он всё в доме переломает, ей-ей. Ведь с ним не столкуешь; ведь его, черта этакого, согрешил я, грешный, никаким способом не уломаешь... право!..»

Появление Капитона прервало нить Гаврилиных размышлений. Легкомысленный башмачник вошел, закинул руки назад и, развязно прислонясь к выдающемуся углу стены подле двери, поставил правую ножку крестообразно перед левой и встряхнул головой. «Вот, мол, я. Чего вам нужно?»

Гаврила посмотрел на Капитона и застучал пальцами по косяку окна. Капитон только прищурил немного свои оловянные глазки, но не опустил их, даже усмехнулся слегка и провел рукой по своим белесоватым волосам, которые так и ерошились во все стороны. Ну да, я, мол, я. Чего глядишь?

– Хорош, – проговорил Гаврила и помолчал. – Хорош, нечего сказать!

Капитон только плечиками передернул. «А ты небось лучше?» – подумал он про себя.

– Ну, посмотри на себя, ну, посмотри, – продолжал с укоризной Гаврила, – ну, на кого ты похож?

Капитон окинул спокойным взором свой истасканный и оборванный сюртук, свои заплатаанные панталоны, с особенным вниманием осмотрел он свои дырявые сапоги, особенно тот, о носок которого так щеголевато опиралась его правая ножка, и снова уставился на дворецкого.

– А что-с?

– Что-с? – повторил Гаврила. – Что-с? ещё ты говоришь: что-с? На чёрта ты похож, согрешил я, грешный, вот на кого ты похож.

Капитон проворно замигал глазками.

«Ругайтесь, мол, ругайтесь, Гаврила Андреич», – подумал он опять про себя.

– Ведь вот ты опять пьян был, – начал Гаврила, – ведь опять? А? ну, отвечай же.

– По слабости здоровья спиртным напиткам подвергался действительно, – возразил Капитон.

– По слабости здоровья!.. Мало тебя наказывают – вот что; а в Питере ещё был в ученье... Многому ты выучился в ученье. Только хлеб даром ешь.

– В этом случае, Гаврила Андреич, один мне судья: сам господь бог – и больше никого. Тот один знает, каков я человек на сем свете суть и точно ли даром хлеб ем. А что касается в соображении до пьянства, то и в этом случае виноват не я, а более один товарищ; сам же меня он сманул, да и сполитиковал, ушел то есть, а я...

– А ты остался, гусь, на улице. Ах ты, забубенный человек! Ну, да дело не в том, – продолжал дворецкий, – а вот что. Барыне... – тут он помолчал, – барыне угодно, чтоб ты женился. Слышишь? Они полагают, что ты остепенишься женившись. Понимаешь?

– Как не понимать-с.

– Ну, да. По-моему, лучше бы тебя хорошенько в руки взять. Ну, да это уж их дело. Что ж? ты согласен?

Капитон осклабился.

– Женильба дело хорошее для человека, Гаврила Андреич; и я, с своей стороны, с очень моим приятным удовольствием.

– Ну, да, – возразил Гаврила и подумал про себя: «Нечего сказать, аккуратно говорит человек». – Только вот что, – продолжал он вслух, – невесту-то тебе приискали неладную.

– А какую, позвольте полюбопытствовать?..

– Татьяну.

– Татьяну?

И Капитон вытаращил глаза и отделился от стены.

– Ну, чего ж ты всполохнулся?.. Разве она тебе не по нраву?

– Какое не по нраву, Гаврила Андреич! девка она ничего, работница, смиренная девка... Да ведь вы сами знаете, Гаврила Андреич, ведь тот-то, леший, кикимора-то степная, ведь он за ней...

– Знаю, брат, всё знаю, – с досадой прервал его дворецкий, – да ведь...

– Да помилуйте, Гаврила Андреич! ведь он меня убьет, ей-богу убьет, как муху какую-нибудь прихлопнет; ведь у него рука, ведь вы извольте сами посмотреть, что у него за рука; ведь у него просто Минина и Пожарского рука. Ведь он, глухой, бьет и не слышит, как бьет! Словно во сне кулачищами-то махает. И унять его нет никакой возможности; почему? потому, вы сами знаете, Гаврила Андреич, он глух и вдобавку глуп, как пятка. Ведь это какой-то зверь, идол, Гаврила Андреич, –

хуже идола... осина какая-то: за что же я теперь от него страдать должен? Конечно, мне уж теперь всё нипочем: обдержался, обтерпелся человек, обмаслился, как коломенский горшок, – всё же я, однако, человек, а не какой-нибудь, в самом деле, ничтожный горшок.

– Знаю, знаю, не расписывай...

– Господи боже мой! – с жаром продолжал башмачник, – когда же конец? когда, господи! Горемыка я, горемыка неисходная! Судьба-то, судьба-то моя, подумаешь! В младых летах был я бит через немца хозяина; в лучший сустав жизни моей бит от своего же брата, наконец в зрелые годы вот до чего дослужился...

– Эх, ты, мочальная душа, – проговорил Гаврила. – Чего распространяешься, право!

– Как чего, Гаврила Андреич! Не побоев я боюсь, Гаврила Андреич. Накажи меня господин в стенах, да подай мне при людях приветствие, и всё я в числе чело- веков, а тут ведь от кого приходится...

– Ну, пошел вон, – нетерпеливо перебил его Гаврила.

Капитон отвернулся и поплелся вон.

– А положим, его бы не было, – крикнул ему вслед дворецкий, – ты-то сам со- гласен?

– Изъявляю, – возразил Капитон и удалился.

Красноречие не покидало его даже в крайних случаях.

Дворецкий несколько раз прошелся по комнате.

– Ну, позовите теперь Татьяну, – промолвил он наконец.

Через несколько мгновений Татьяна вошла чуть слышно и остановилась у по- рога.

– Что прикажете, Гаврила Андреич? – проговорила она тихим голосом.

Дворецкий пристально посмотрел на нее.

– Ну, – промолвил он, – Танюша, хочешь замуж идти? Барыня тебе жениха сы- скала.

– Слушаю, Гаврила Андреич. А кого они мне в женихи назначают? – прибавила она с нерешительностью.

– Капитона, башмачника.

– Слушаю-с.

– Он легкомысленный человек, это точно. Но госпожа в этом случае на тебя на- дается.

– Слушаю-с.

– Одна беда... ведь этот глухарь-то, Гараська, он ведь за тобой ухаживает. И чем ты этого медведя к себе приворожила? А ведь он убьет тебя, пожалуй, медведь этакой..

– Убьет, Гаврила Андреич, беспрременно убьет.

– Убьет... Ну, это мы увидим. Как это ты говоришь: убьет! Разве он имеет право тебя убивать, посуди сама.

– А не знаю, Гаврила Андреич, имеет ли, нет ли.

– Экая! ведь ты ему этак ничего не обещала...

– Чего изволите-с?

Дворецкий помолчал и подумал:

«Безответная ты душа!» – Ну, хорошо, – прибавил он, – мы ещё поговорим с то- бой, а теперь ступай, Танюша; я вижу, ты точно смиренница.

Татьяна повернулась, оперлась легонько о притолоку и ушла.

«А может быть, барыня-то завтра и забудет об этой свадьбе, – подумал дворец- кий, – я-то из чего растревожился? Озорника-то мы этого скрутим; коли что-в по- лицию знать дадим...» – Устинья Федоровна! – крикнул он громким голосом своей жене, – поставьте-ка самоварчик, моя почтенная...

Татьяна почти весь тот день не выходила из прачечной. Сперва она всплакнула, потом утерла слезы и принялась по-прежнему за работу. Капитон до самой поздней ночи просидел в заведении с каким-то приятелем мрачного вида и подробно ему рассказал, как он в Питере проживал у одного барина, который всем бы взял, да за порядками был наблюдателен и притом одной ошибкой маленечко производился: хмелем гораздо забирал, а что до женского пола, просто во все качества доходил... Мрачный товарищ только поддакивал; но когда Капитон объявил наконец, что он, по одному случаю, должен завтра же руку на себя наложить, мрачный товарищ заметил, что пора спать. И они разошлись грубо и молча.

Между тем ожидания дворецкого не сбылись. Барыню так заняла мысль о Капитоновой свадьбе, что она даже ночью только об этом разговаривала с одной из своих компаньенок, которая держалась у ней в доме единственно на случай бессонницы и, как ночной извозчик, спала днем. Когда Гаврила вошел к ней после чаю с докладом, первым её вопросом было: а что наша свадьба, идет? Он, разумеется, отвечал, что идет как нельзя лучше и что Капитон сегодня же к ней явится с поклоном. Барыне что-то нездоровилось; она недолго занималась делами. Дворецкий возвратился к себе в комнату и созвал совет. Дело точно требовало особенного обсуждения. Татьяна не преклословила, конечно; но Капитон объявлял во всеулышание, что у него одна голова, а не две и не три... Герасим сурово и быстро на всех поглядывал, не отходил от девичьего крыльца и, казалось, догадывался, что затевается что-то для него недоброе. Собравшиеся (в числе их присутствовал старый буфетчик, по прозвищу дядя Хвост, к которому все с почтением обращались за советом, хотя только и слышали от него, что: вот оно как, да: да, да, да) начали с того, что, на всякий случай для безопасности, заперли Капитона в чуланчик с водоочистительной машиной и принялись думать крепкую думу. Конечно, легко было прибегнуть к силе; но боже сохрани! выйдет шум, барыня обеспокоится – беда! Как быть? Думали, думали и выдумали наконец. Неоднократно было замечено, что Герасим терпеть не мог пьяниц... Сидя за воротами, он всякий раз, бывало, с негодованием отворачивался, когда мимо его неверными шагами и с козырьком фуражки на ухе проходил какой-нибудь нагруженный человек. Решили научить Татьяну, чтобы она притворилась хмельной и прошла бы, пошатываясь и покачиваясь, мимо Герасима. Бедная девка долго не соглашалась, но её уговорили; притом она сама видела, что иначе она не отделается от своего обожателя. Она пошла. Капитона выпустили из чуланчика: дело все-таки до него касалось. Герасим сидел на тумбочке у ворот и тыкал лопатой в землю... Из-за всех углов, из-под штор за окнами глядели на него...

Хитрость удалась как нельзя лучше. Увидев Татьяну, он сперва, по обыкновению, с ласковым мычаньем закивал головой; потом взгляделся, уронил лопату, вскочил, подошел к ней, придвинул свое лицо к самому её лицу... Она от страха ещё более зашаталась и закрыла глаза... Он схватил её за руку, помчал через весь двор и, войдя с нею в комнату, где заседал совет, толкнул её прямо к Капитону. Татьяна так и обмерла... Герасим постоял, поглядел на нее, махнул рукой, усмехнулся и пошел, тяжело ступая, в свою каморку... Целые сутки не выходил он оттуда. Форейтор Антипка сказывал потом, что он сквозь щелку видел, как Герасим, сидя на кровати, приложив к щеке руку, тихо, мерно и только изредка мыча, – пел, то есть покачивался, закрывал глаза и встряхивал головой, как ямщики или бурлаки, когда они затягивают свои заунывные песни. Антипке стало жутко, и он отошел от щели. Когда же на другой день Герасим вышел из каморки, в нем особенной перемены нельзя было заметить. Он только стал как будто поугрюмее, а на Татьяну и на Капитона не обращал ни малейшего внимания. В тот же вечер они оба с гусями под мышкой отправились к барыне и через неделю женились. В самый день

свадьбы Герасим не изменил своего поведения ни в чем; только с реки он приехал без воды: он как-то на дороге разбил бочку; а на ночь, в конюшне он так усердно чистил и тер свою лошадь, что та шаталась как былинка на ветру и переваливалась с ноги на ногу под его железными кулаками.

Всё это происходило весною. Прошел ещё год, в течение которого Капитон окончательно спился с кругу и, как человек решительно никуда не годный, был отправлен с обозом в дальнюю деревню, вместе с своею женой. В день отъезда он сперва очень храбрился и уверял, что, куда его ни пошли, хоть туда, где бабы рубахи моют да вальки на небо кладут, он всё не пропадет; но потом упал духом, стал жаловаться, что его везут к необразованным людям, и так ослабел наконец, что даже собственную шапку на себя надеть не мог; какая-то сострадательная душа надвинула её ему на лоб, поправила козырек и сверху её прихлопнула. Когда же всё было готово и мужики уже держали вожжи в руках и ждали только слова: «С богом!», Герасим вышел из своей каморки, приблизился к Татьяне и подарил ей на память красный бумажный платок, купленный им для неё же с год тому назад. Татьяна, с великим равнодушием переносившая до того мгновения все превратности своей жизни, тут, однако, не вытерпела, прослезилась и, садясь в телегу, похристиански три раза поцеловалась с Герасимом. Он хотел проводить её до заставы и пошел сперва рядом с её телегой, но вдруг остановился на Крымском броду, махнул рукой и отправился вдоль реки.

Дело было к вечеру. Он шел тихо и глядел на воду. Вдруг ему показалось, что что-то барахтается в тине у самого берега. Он нагнулся и увидел небольшого щенка, белого с черными пятнами, который, несмотря на все свои старания, никак не мог вылезть из воды, бился, скользил и дрожал всем своим мокреньким и худеньким телом. Герасим поглядел на несчастную собачонку, подхватил её одной рукой, сунул её к себе в пазуху и пустился большими шагами домой. Он вошел в свою каморку, уложил спасенного щенка на кровати, прикрыл его своим тяжелым армяком, сбегал сперва в конюшню за соломой, потом в кухню за чашечкой молока. Осторожно откинув армяк и разостлав солому, поставил он молоко на кровать. Бедной собачонке было всего недели три, глаза у неё прорезались недавно; один глаз даже казался немножко больше другого; она ещё не умела пить из чашки и только дрожала и щурилась. Герасим взял её легонько двумя пальцами за голову и принагнул её мордочку к молоку. Собачка вдруг начала пить с жадностью, фыркая, трясясь и захлебываясь. Герасим глядел, глядел да как засмеется вдруг... Всю ночь он возился с ней, укладывал её, обтирал и заснул наконец сам возле неё каким-то радостным и тихим сном.

Ни одна мать так не ухаживает за своим ребенком, как ухаживал Герасим за своей питомцей. (Собака оказалась сучкой.) Первое время она была очень слаба, тщедушна и собой некрасива, но понемногу справилась и выравнялась, а месяцев через восемь, благодаря неусыпным попечениям своего спасителя, превратилась в очень ладную собачку испанской породы, с длинными ушами, пушистым хвостом в виде трубы и большими выразительными глазами. Она страстно привязалась к Герасиму и не отставала от него ни на шаг, все ходила за ним, повиливая хвостиком. Он и кличку ей дал – немые знают, что мычанье их обращает на себя внимание других, – он назвал её Муму. Все люди в доме её полюбили и тоже кликали Мумуней. Она была чрезвычайно умна, ко всем ласкалась, но любила одного Герасима. Герасим сам её любил без памяти... и ему было неприятно, когда другие её гладили: боялся он, что ли, за нее, ревновал ли он к ней – бог весть! Она его будила по утрам, дергая его за полу, приводила к нему за повод старую водовозку, с которой жила в большой дружбе, с важностью на лице отправлялась вместе с ним на реку, караулила его метлы и лопаты, никого не подпускала к его каморке. Он

нарочно для неё прорезал отверстие в своей двери, и она как будто чувствовала, что только в Герасимовой камере она была полная хозяйка, и потому, войдя в неё, тотчас с довольным видом вскакивала на кровать. Ночью она не спала вовсе, но не лаяла без разбору, как иная глупая дворняжка, которая, сидя на задних лапах и подняв морду и зажмурив глаза, лает просто от скуки, так, на звезды, и обыкновенно три раза сряду – нет! тонкий голосок Муму никогда не раздавался даром: либо чужой близко подходил к забору, либо где-нибудь поднимался подозрительный шум или шорох... Словом, она сторожила отлично. Правда, был ещё, кроме её, на дворе старый пес желтого цвета, с бурными крапинами, по имени Волчок, но того никогда, даже ночью, не спускали с цепи, да и он сам, по дряхлости своей, вовсе не требовал свободы – лежал себе, свернувшись, в своей конуре и лишь изредка издавал сиплый, почти беззвучный лай, который тотчас же прекращал, как бы сам чувствуя всю его бесполезность. В господский дом Муму не ходила и, когда Герасим носил в комнаты дрова, всегда оставалась назади и нетерпеливо его выжидала у крыльца, наострив уши и поворачивая голову то направо, то вдруг налево, при малейшем стуке за дверями...

Так прошел ещё год. Герасим продолжал свои дворнические занятия и очень был доволен своей судьбой, как вдруг произошло одно неожиданное обстоятельство... а именно:

В один прекрасный летний день барыня с своими приживалками расхаживала по гостиной. Она была в духе, смеялась и шутила; приживалки смеялись и шутили тоже, но особенной радости они не чувствовали: в доме не очень-то любили, когда на барыню находил веселый час, потому что, во-первых, она тогда требовала от всех немедленного и полного сочувствия и сердилась, если у кого-нибудь лицо не сияло удовольствием, а во-вторых, эти вспышки у неё продолжались недолго и обыкновенно заменялись мрачным и кислым расположением духа. В тот день она как-то счастливо встала; на картах ей вышло четыре валета: исполнение желаний (она всегда гадала по утрам), – и чай ей показался особенно вкусным, за что горничная получила на словах похвалу и деньгами гривенник. С сладкой улыбкой на сморщенных губах гуляла барыня по гостиной и подошла к окну. Перед окном был разбит палисадник, и на самой средней клумбе, под розовым кусточком, лежала Муму и тщательно грызла кость. Барыня увидела её.

– Боже мой! – воскликнула она вдруг, – что это за собака?

Приживалка, к которой обратилась барыня, заметалась, бедненькая, с тем то-скливым беспокойством, которое обыкновенно овладевает подвластным человеком, когда он ещё не знает хорошенько, как ему понять восклицание начальника.

– Н...н...е знаю-с, – пробормотала она, – кажется, немного.

– Боже мой! – прервала барыня, – да она премиленькая собачка! Велите её привести. Давно она у него? Как же я это её не видала до сих пор?.. Велите её привести.

Приживалка тотчас порхнула в переднюю.

– Человек, человек! – закричала она, – приведите поскорей Муму! Она в палисаднике.

– А её Муму зовут, – промолвила барыня, – очень хорошее имя.

– Ах, очень-с! – возразила приживалка. – Скорей, Степан!

Степан, дюжий парень, состоявший в должности лакея, бросился сломя голову в палисадник и хотел было схватить Муму, но та ловко вывернулась из-под его пальцев и, подняв хвост, пустилась во все лопатки к Герасиму, который в то время у кухни выколачивал и вытряхивал бочку, перевертывая её в руках, как детский барабан. Степан побежал за ней вслед, начал ловить её у самых ног её хозяина; но проворная собачка не давалась чужому в руки, прыгала и увертывалась. Герасим смотрел с усмешкой на всю эту возню; наконец Степан с досадой приподнялся и

поспешно растолковал ему знаками, что барыня, мол, требует твою собаку к себе. Герасим немного изумился, однако подозвал Муму, поднял её с земли и передал Степану. Степан принес её в гостиную и поставил на паркет. Барыня начала её ласковым голосом подзывать к себе. Муму, отроду ещё не бывавшая в таких великолепных покоях, очень испугалась и бросилась было к двери, но, оттолкнутая услужливым Степаном, задрожала и прижалась к стене.

– Муму, Муму, подойди же ко мне, подойди к барыне, – говорила госпожа, – подойди, глупенькая... не бойся...

– Подойди, подойди, Муму, к барыне, – твердили приживалки, – подойди.

Но Муму тоскливо оглядывалась кругом и не трогалась с места.

– Принесите ей что-нибудь поесть, – сказала барыня. – Какая она глупая! к барыне не идет. Чего боится?

– Они не привыкли ещё, – произнесла робким и умильным голосом одна из приживалок.

Степан принес блюдечко с молоком, поставил перед Муму, но Муму даже и не понюхала молока и всё дрожала и озиралась по-прежнему.

– Ах, какая же ты! – промолвила барыня, подходя к ней, нагнулась и хотела погладить её, но Муму судорожно повернула голову и оскалила зубы. Барыня проворно отдернула руку...

Произошло мгновенное молчание. Муму слабо визгнула, как бы жалуясь и извиняясь... Барыня отошла и нахмурилась. Внезапное движение собаки её испугало.

– Ах! – закричали разом все приживалки, – не укусила ли она вас, сохрани бог! (Муму в жизнь свою никого никогда не укусила.) Ах, ах!

– Отнести её вон, – проговорила изменившимся голосом старуха. – Скверная собачонка! какая она злая!

И, медленно повернувшись, направилась она в свой кабинет. Приживалки робко переглянулись и пошли было за ней, но она остановилась, холодно посмотрела на них, промолвила: «Зачем это? ведь я вас не зову», – и ушла. Приживалки отчаянно замахали руками на Степана; тот подхватил Муму и выбросил её поскорей за дверь, прямо к ногам Герасима, – а через полчаса в доме уже царствовала глубокая тишина и старая барыня сидела на своем диване мрачнее грозовой тучи.

Какие безделицы, подумаешь, могут иногда расстроить человека!

До самого вечера барыня была не в духе, ни с кем не разговаривала, не играла в карты и ночь дурно провела. Вздумала, что одеколон ей подали не тот, который обыкновенно подавали, что подушка у ней пахнет мылом, и заставила кастеляншу всё белье перенюхать – словом, волновалась и «горячилась» очень. На другое утро она велела позвать Гаврилу часом ранее обыкновенного.

– Скажи, пожалуйста, – начала она, как только тот, не без некоторого внутреннего лепетания, переступил порог её кабинета, – что это за собака у нас на дворе всю ночь лаяла? мне спать не дала!

– Собака-с... какая-с... может быть, немного собака-с, – произнес он не совсем твердым голосом.

– Не знаю, немного ли, другого ли кого, только спать мне не дала. Да я и удивляюсь, на что такая пропасть собак! Желая знать. Ведь есть у нас дворная собака?

– Как же-с, есть-с. Волчок-с.

– Ну, чего ещё, на что нам ещё собака? Только одни беспорядки заводить. Старшего нет в доме – вот что. И на что немому собака? Кто ему позволил собак у меня на дворе держать? Вчера я подошла к окну, а она в палисаднике лежит, какую-то мерзость притащила, грызет – а у меня там розы посажены...

Барыня помолчала.

- Чтоб её сегодня же здесь не было... слышишь?
  - Слушаю-с.
  - Сегодня же. А теперь ступай. К докладу я тебя потом позову.
- Гаврила вышел.

Проходя через гостиную, дворецкий для порядка переставил колокольчик с одного стола на другой, втихомолочку высморкал в зале свой утиный нос и вышел в переднюю. В передней на конике спал Степан, в положении убитого воина на батальной картине, судорожно вытянув обнаженные ноги из-под сюртука, служившего ему вместо одеяла. Дворецкий растолкал его и вполголоса сообщил ему какое-то приказание, на которое Степан отвечал полужезвком, полухохотом. Дворецкий удалился, а Степан вскочил, натянул на себя кафтан и сапоги, вышел и остановился у крыльца. Не прошло пяти минут, как появился Герасим с огромной вязанкой дров за спиной, в сопровождении неразлучной Муму. (Барыня свою спальню и кабинет приказывала протапливать даже летом.) Герасим стал боком перед дверью, толкнул её плечом и ввалился в дом с своей ношей. Муму, по обыкновению, осталась его дожидаться. Тогда Степан, улучив удобное мгновение, внезапно бросился на нее, как коршун на цыпленка, придавил её грудью к земле, сгреб в охапку и, не надев даже картуза, выбежал с нею на двор, сел на первого попавшегося извозчика и поскакал в Охотный ряд. Там он скоро отыскал покупателя, которому уступил её за полтинник, с тем только, чтобы он по крайней мере неделю продержал её на привязи, и тотчас вернулся; но, не доезжая до дому, слез с извозчика и, обойдя двор кругом, с заднего переулка, через забор перескочил на двор; в калитку-то он побоялся идти, как бы не встретить Герасима.

Впрочем, его беспокойство было напрасно: Герасима уже не было на дворе. Выйдя из дому, он тотчас хватился Муму; он ещё не помнил, чтоб она когда-нибудь не дождалась его возвращения, стал повсюду бегать, искать её, кликать по-своему... бросился в свою каморку, на сеновал, выскочил на улицу – туда-сюда... Пропала! Он обратился к людям, с самыми отчаянными знаками спрашивал о ней, показывая на пол-аршина от земли, рисовал её руками... Иные точно не знали, куда девалась Муму, и только головами качали, другие знали и посмеивались ему в ответ, а дворецкий принял чрезвычайно важный вид и начал кричать на кучеров. Тогда Герасим побежал со двора долой.

Уже смеркалось, как он вернулся. По его истомленному виду, по неверной походке, по запыленной одежде его можно было предполагать, что он успел обежать пол-Москвы. Он остановился против барских окон, окинул взором крыльцо, на котором столпилось человек семь дворовых, отвернулся и промычал ещё раз: «Муму!» – Муму не отозвалась. Он пошел прочь. Все посмотрели ему вслед, но никто не улыбнулся, не сказал слова... а любопытный фореитор Антипка рассказывал на другое утро в кухне, что немой-де всю ночь охал.

Весь следующий день Герасим не показывался, так что вместо его за водой должен был съездить кучер Потап, чем кучер Потап очень остался недоволен. Барыня спросила Гаврилу, исполнено ли её приказание. Гаврила отвечал, что исполнено. На другое утро Герасим вышел из своей каморки на работу. К обеду он пришел, поел и ушел опять, никому не поклонившись. Его лицо, и без того безжизненное, как у всех глухонемых, теперь словно окаменело. После обеда он опять уходил со двора, но ненадолго, вернулся и тотчас отправился на сеновал. Настала ночь, лунная, ясная. Тяжело вздыхая и беспрестанно поворачиваясь, лежал Герасим и вдруг почувствовал, как будто его дергают за полу; он весь затрепетал, однако не поднял головы, даже зажмурился; но вот опять его дернули, сильнее прежнего; он вскочил... перед ним, с обрывком на шее, вертелась Муму. Протяжный крик радости вырвался из его безмолвной груди; он схватил Муму, стиснул её в своих объятьях;

она в одно мгновение облизала ему нос, глаза, усы и бороду... Он постоял, подумал, осторожно слез с сеника, оглянулся и, удостоверившись, что никто его не увидит, благополучно пробрался в свою каморку – Герасим уже прежде догадался, что собака пропала не сама собой, что её, должно быть, свели по приказанию барыни; люди-то ему объяснили знаками, как его Муму на неё окрысилась, – и он решился принять свои меры. Сперва он накормил Муму хлебушком, обласкал её, уложил, потом начал соображать, да всю ночь напролет и соображал, как бы лучше её спрятать. Наконец он придумал весь день оставлять её в каморке и только изредка к ней наведываться, а ночью выводить. Отверстие в двери он плотно заткнул старым своим армяком и чуть свет был уже на дворе, как ни в чем не бывало, сохраняя даже (невинная хитрость!) прежнюю унылость на лице. Бедному глухому в голову не могло прийти, что Муму себя визгом своим выдаст: действительно, все в доме скоро узнали, что собака немного воротилась и сидит у него заперти, но, из сожаления к нему и к ней, а отчасти, может быть, и из страху перед ним, не давали ему понять, что проведали его тайну. Дворецкий один почесал у себя в затылке, да махнул рукой. «Ну, мол, бог с ним! Авось до барыни не дойдет!» Зато никогда немой так не усердствовал, как в тот день: вычистил и выскреб весь двор, выполол все травки до единой, собственноручно повыдергал все колышки в заборе палисадника, чтобы удостовериться, довольно ли они крепки, и сам же их потом вколотил – словом, возился и хлопотал так, что даже барыня обратила внимание на его радение. В течение дня Герасим раза два украдкой ходил к своей затворнице; когда же наступила ночь, он лег спать вместе с ней в каморке, а не на сеновале и только во втором часу вышел погулять с ней на чистом воздухе. Походив с ней довольно долго по двору, он уже было собирался вернуться, как вдруг за забором, со стороны переулка, раздался шорох. Муму навострила уши, зарычала, подошла к забору, понюхала и залилась громким и пронзительным лаем. Какой-то пьяный человек вздумал там угнездиться на ночь. В это самое время барыня только что засыпала после продолжительного «нервического волнения»: эти волнения у ней всегда случались после слишком сытного ужина. Внезапный лай её разбудил; сердце у ней забилося и замерло. «Девки, девки! – простонала она. – Девки!» Перепуганные девки вскочили к ней в спальню. «Ох, ох, умираю! – проговорила она, тоскливо разводя руками. – Опять, опять эта собака!.. Ох, пошлите за доктором. Они меня убить хотят... Собака, опять собака! Ох!» – и она закинула голову назад, что должно было означать обморок. Бросились за доктором, то есть за домашним лекарем Харитоном. Этот лекарь, которого все искусство состояло в том, что он носил сапоги с мягкими подошвами, умел деликатно братья за пульс, спал четырнадцать часов в сутки, а остальное время все вздыхал да беспрестанно потчевал барыню лавровишневыми каплями, – этот лекарь тотчас прибежал, покурил жжеными перьями и, когда барыня открыла глаза, немедленно поднес ей на серебряном подносике рюмку с заветными каплями. Барыня приняла их, но тотчас же слезливым голосом стала опять жаловаться на собаку, на Гаврилу, на свою участь, на то, что её, бедную старую женщину, все бросили, что никто о ней не сожалеет, что все хотят её смерти. Между тем несчастная Муму продолжала лаять, а Герасим напрасно старался отозвать её от забора. «Вот... вот... опять...» – пролепетала барыня и снова подкатила глаза под лоб. Лекарь шепнул девке, та бросилась в переднюю, растолкала Степана, тот побежал будить Гаврилу, Гаврила сгоряча велел поднять весь дом.

Герасим обернулся, увидел замелькавшие огни и тени в окнах и, почуввав сердцем беду, схватил Муму под мышку, вбежал в каморку и заперся. Через несколько мгновений пять человек ломались в его дверь, но, почувствовав сопротивление засова, остановились. Гаврила прибежал в страшных попыхах, приказал им всем

оставаться тут до утра и караулить, а сам потом ринулся в девичью и через старшую компаньонку Любовь Любимовну, с которой вместе крал и учитывал чай, сахар и прочую бакалею, велел доложить барыне, что собака, к несчастью, опять откуда-то прибежала, но что завтра же её в живых не будет и чтобы барыня сделала милость, не гневалась и успокоилась. Барыня, вероятно, не так-то бы скоро успокоилась, да лекарь второпях вместо двенадцати капель налил целых сорок: сила лавровишенья и подействовала – через четверть часа барыня уже почивала крепко и мирно; а Герасим лежал, весь бледный, на своей кровати – и сильно сжимал пасть Муму.

На следующее утро барыня проснулась довольно поздно. Гаврила ожидал её пробуждения для того, чтобы дать приказ к решительному натиску на Герасимово убежище, а сам готовился выдержать сильную грозу. Но грозы не приключилось. Лежа в постели, барыня велела позвать к себе старшую приживалку.

– Любовь Любимовна, – начала она тихим и слабым голосом; она иногда любила прикинуться загнанной и сиротливой страдальницей; нечего и говорить, что всем людям в доме становилось тогда очень неловко, – Любовь Любимовна, вы видите, каково мое положение: подите, душа моя, к Гавриле Андреичу, поговорите с ним: неужели для него какая-нибудь собачонка дороже спокойствия, самой жизни его барыни? Я бы не желала этому верить, – прибавила она с выражением глубокого чувства, – подите, душа моя, будьте так добры, подите к Гавриле Андреичу.

Любовь Любимовна отправилась в Гаврилину комнату. Неизвестно о чем происходил у них разговор; но спустя некоторое время целая толпа людей подвигалась через двор в направлении каморки Герасима: впереди выступал Гаврила, придерживая рукою картуз, хотя ветру не было; около него шли лакеи и повара; из окна глядел дядя Хвост и распоряжался, то есть только так руками разводил; позади всех прыгали и кривлялись мальчишки, из которых половина набежала чужих. На узкой лестнице, ведущей к каморке, сидел один караульщик; у двери стояло два других, с палками. Стали взбираться по лестнице, заняли её во всю длину. Гаврила подошел к двери, стукнул, в неё кулаком, крикнул:

– Отвори.

Послышался сдавленный лай; но ответа не было.

– Говорят, отвори! – повторил он.

– Да, Гаврила Андреич, – заметил снизу Степан, – ведь он глухой – не слышит.

Все рассмеялись.

– Как же быть? – возразил сверху Гаврила.

– А у него там дыра в двери, – отвечал Степан, – так вы палкой-то пошевелите.

Гаврила нагнулся.

– Он её армяком каким-то заткнул, дыру-то.

– А вы армяк пропихните внутрь.

Тут опять раздался глухой лай.

– Вишь, вишь, сама сказывается, – заметили в толпе и опять рассмеялись.

Гаврила почесал у себя за ухом.

– Нет, брат, – продолжал он наконец, – армяк-то ты пропихивай сам, коли хочешь.

– А что ж, извольте!

И Степан вскарабкался наверх, взял палку, просунул внутрь армяк и начал болтать в отверстии палкой, приговаривая: «Выходи, выходи!» Он ещё болтал палкой, как вдруг дверь каморки быстро распахнулась – вся челядь тотчас кубарем скатилась с лестницы, Гаврила прежде всех. Дядя Хвост запер окно.

– Ну, ну, ну, ну, – кричал Гаврила со двора, – смотри у меня, смотри!

Герасим неподвижно стоял на пороге. Толпа собралась у подножия лестницы. Герасим глядел на всех этих людишек в немецких кафтанах сверху, слегка оперши руки в бока; в своей красной крестьянской рубашке он казался каким-то великаном перед ними, Гаврила сделал шаг вперед.

– Смотри, брат, – промолвил он, – у меня не озорничай.

И он начал ему объяснять знаками, что барыня, мол, непременно требует твоей собаки: подавай, мол, её сейчас, а то беда тебе будет.

Герасим посмотрел на него, указал на собаку, сделал знак рукою у своей шеи, как бы затягивая петлю, и с вопросительным лицом взглянул на дворецкого.

– Да, да, – возразил тот, кивая головой, – да, непременно.

Герасим опустил глаза, потом вдруг встряхнулся, опять указал на Муму, которая всё время стояла возле него, невинно помахивая хвостом и с любопытством поводя ушами, повторил знак удушения над своей шеей и значительно ударил себя в грудь, как бы объявляя, что он сам берет на себя уничтожить Муму.

– Да ты обманешь, – замахал ему в ответ Гаврила.

Герасим поглядел на него, презрительно усмехнулся, опять ударил себя в грудь и захлопнул дверь.

Все молча переглянулись.

– Что ж это такое значит? – начал Гаврила. – Он заперся?

– Оставьте его, Гаврила Андреич, – промолвил Степан, – он сделает, коли обещал. Уж он такой... Уж коли он обещает, это наверное. Он на это не то что наш брат. Что правда, то правда. Да.

– Да, – повторили все и тряхнули головами. – Это так. Да.

Дядя Хвост отворил окно и тоже сказал: «Да».

– Ну, пожалуй, посмотрим, – возразил Гаврила, – а караул все-таки не снимать. Эй ты, Ерошка! – прибавил он, обращаясь к какому-то бледному человеку, в желтом нанковом казакине, который считался садовником, – что тебе делать? Возьми палку да сиди тут, и чуть что, тотчас ко мне беги!

Ерошка взял палку и сел на последнюю ступеньку лестницы. Толпа разошлась, исключая немногих любопытных и мальчишек, а Гаврила вернулся домой и через Любовь Любимовну велел доложить барыне, что все исполнено, а сам на всякий случай послал фореитора к хожалому. Барыня завязала в носовом платке узелок, налила на него одеколону, понюхала, потеряла себе виски, накушалась чаю и, будучи ещё под влиянием лавровишневых капель, заснула опять.

Спустя час после всей этой тревоги дверь каморки растворилась, и показался Герасим. На нем был праздничный кафтан; он вел Муму на веревочке. Ерошка посторонился и дал ему пройти. Герасим направился к воротам. Мальчишки и все бывшие на дворе проводили его глазами, молча. Он даже не обернулся: шапку надел только на улице. Гаврила послал вслед за ним того же Ерошку в качестве наблюдателя. Ерошка увидал издали, что он вошел в трактир вместе с собакой, и стал дожидаться его выхода.

В трактире знали Герасима и понимали его знаки. Он спросил себе щей с мясом и сел, опершись руками на стол. Муму стояла подле его стула, спокойно поглядывая на него своими умными глазками. Щерсть на ней так и лоснилась: видно было, что её недавно вычесали. Принесли Герасиму щей. Он накрошил туда хлеба, мелко изрубил мясо и поставил тарелку на пол. Муму принялась есть с обычной своей вежливостью, едва прикасаясь мордочкой до кушанья. Герасим долго глядел на нее; две тяжелые слезы выкатились вдруг из его глаз: одна упала на крутой лобик собачки, другая – во щи. Он заслонил лицо своё рукой. Муму съела полтарелки и отошла, облизываясь. Герасим встал, заплатил за щи и вышел вон, сопровождаемый несколько недоумевающим взглядом полового. Ерош-

ка, увидав Герасима, заскочил за угол и, пропустив его мимо, опять отправился вслед за ним.

Герасим шел не торопясь и не спускал Муму с веревочки. Дойдя до угла улицы, он остановился, как бы в раздумье, и вдруг быстрыми шагами отправился прямо к Крымскому броду. На дороге он зашел на двор дома, к которому пристроивался флигель, и вынес оттуда два кирпичика под мышкой. От Крымского брода он повернул по берегу, дошел до одного места, где стояли две лодочки с веслами, привязанными к кольшкам (он уже заметил их прежде), и вскочил в одну из них вместе с Муму. Хромой старичишка вышел из-за шалаша, поставленного в углу огорода, и закричал на него. Но Герасим только закивал головою и так сильно принялся грести, хотя и против течения реки, что в одно мгновение умчался сажень на сто. Старик постоял, постоял, почесал себе спину сперва левой, потом правой рукой и вернулся, хромя, в шалаш.

А Герасим всё греб да греб. Вот уже Москва осталась позади. Вот уже потянулись по берегам луга, огороды, поля, рощи, показались избы. Повеяло деревней. Он бросил весла, приник головой к Муму, которая сидела перед ним на сухой перекладинке – дно было залито водой, – и остался неподвижным, скрестив могучие руки у ней на спине, между тем как лодку волной помаленьку относило назад к городу. Наконец Герасим выпрямился, поспешно, с каким-то болезненным озлоблением на лице, окутал веревкой взятые им кирпичики, приделал петлю, надел её на шею Муму, поднял её над рекой, в последний раз посмотрел на нее... Она доверчиво и без страха поглядывала на него и слегка махала хвостиком. Он отвернулся, зажмурился и разжал руки... Герасим ничего не слышал, ни быстрого визга падающей Муму, ни тяжкого всплеска воды; для него самый шумный день был безмолвен и беззвучен, как ни одна самая тихая ночь не беззвучна для нас, и когда он снова раскрыл глаза, по-прежнему спешили по реке, как бы гоняясь друг за дружкой, маленькие волны, по-прежнему поплескивали они о бока лодки, и только далеко позади к берегу разбежались какие-то широкие круги.

Ерошка, как только Герасим скрылся у него из виду, вернулся домой и донес всё, что видел.

– Ну, да, – заметил Степан, – он её утопит. Уж можно быть спокойным. Коли он что обещал...

В течение дня никто не видал Герасима. Он дома не обедал. Настал вечер; собрались к ужину все, кроме его.

– Экой чудной этот Герасим! – пропищала толстая прачка, – можно ли эдак из-за собаки прокляжаться!.. Право!

– Да Герасим был здесь, – воскликнул вдруг Степан, загребая себе ложкой каши.

– Как? когда?

– Да вот часа два тому назад. Как же. Я с ним в воротах повстречался; он уж опять отсюда шел, со двора выходил. Я было хотел спросить его насчет собаки-то, да он, видно, не в духе был. Ну, и толкнул меня; должно быть, он так только отсторонить меня хотел: дескать, не приставай, – да такого необыкновенного леща мне в стантовую жилу поднес, важно так, что ой-ой-ой! – И Степан с невольной усмешкой пожался и потер себе затылок. – Да, – прибавил он, – рука у него, благодатная рука, нечего сказать.

Все посмеялись над Степаном и после ужина разошлись спать.

А между тем в ту самую пору по Т...у шоссе усердно и безостановочно шагала какой-то великан, с мешком за плечами и с длинной палкой в руках. Это был Герасим. Он спешил без оглядки, спешил домой, к себе в деревню, на родину. Утопив бедную Муму, он прибежал в свою каморку, проворно уложил кой-какие пожитки в старую попону, связал её узлом, взвалил на плечо, да и был таков. Дорогу он

хорошо заметил ещё тогда, когда его везли в Москву; деревня, из которой, барыня его взяла, лежала всего в двадцати пяти верстах от шоссе. Он шел по нему с какой-то несокрушимой отвагой, с отчаянной и вместе радостной решимостью. Он шел; широко распахнулась его грудь; глаза жадно и прямо устремились вперед. Он торопился, как будто мать-старушка ждала его на родине, как будто она звала его к себе после долгого странствования на чужой стороне, в чужих людях... Только что наступившая летняя ночь была тиха и тепла; с одной стороны, там, где солнце закатилось, край неба ещё белел и слабо румянился последним отблеском исчезающего дня, – с другой стороны уже вздымался синий, седой сумрак. Ночь шла отсюда. Перепела сотнями гремели кругом, взапуски перекликивались коростели... Герасим не мог их слышать, не мог он слышать также чуткого ночного шушуканья деревьев, мимо которых его проносили сильные его ноги, но он чувствовал знакомый запах поспевающей ржи, которым так и веяло с темных полей, чувствовал, как ветер, летевший к нему навстречу – ветер с родины, – ласково ударял в его лицо, играл в его волосах и бороде; видел перед собой белеющую дорогу – дорогу домой, прямую как стрела; видел в небе несчетные звезды, светившие его путь, и как лев выступал сильно и бодро, так что когда восходящее солнце озарило своими влажно-красными лучами только что расходившегося молодца, между Москвой и им легло уже тридцать пять верст...

Через два дня он уже был дома, в своей избенке, к великому изумлению солдатки, которую туда поселили. Помолясь перед образами, тотчас же отправился он к старосте. Староста сначала было удивился; но сенокос только что начинался: Герасиму, как отличному работнику, тут же дали косу в руки – и пошел косить он по-старинному, косить так, что мужиков только пробирало, глядя на его размахи да загребы...

А в Москве, на другой день после побега Герасима, хватились его. Пошли в его каморку, обшарили её, сказали Гавриле. Тот пришел, посмотрел, пожал плечами и решил, что немой либо бежал, либо утоп вместе с своей глупой собакой. Дали знать полиции, доложили барыне. Барыня разгневалась, расплакалась, велела отыскать его во что бы то ни стало, уверяла, что она никогда не приказывала уничтожать собаку, и, наконец, такой дала нагоняй Гавриле, что тот целый день только потряхивал головой да приговаривал: «Ну!» – пока дядя Хвост его не урезонил, сказав ему: «Ну-у!» Наконец пришло известие из деревни о прибытии туда Герасима. Барыня несколько успокоилась; сперва было отдала приказание немедленно вытребовать его назад в Москву, потом, однако, объявила, что такой неблагодарный человек ей вовсе не нужен. Впрочем, она скоро сама после того умерла; а наследникам её было не до Герасима: они и остальных-то матушкиных людей распустили по оброку.

И живет до сих пор Герасим бобылем в своей одинокой избе; здоров и могуч по-прежнему, и работает за четырех по-прежнему, и по-прежнему важен и степенен. Но соседи заметили, что со времени своего возвращения из Москвы он совсем перестал водиться с женщинами, даже не смотрит на них, и ни одной собаки у себя не держит. «Впрочем, – толкуют мужики, – его же счастье, что ему ненадобеть бабья; а собака – на что ему собака? к нему на двор вора оселом не затащить!» Такова ходит молва о богатырской силе немого.

ЛЕДИ МАКБЕТ МЦЕНСКОГО УЕЗДА

«Первую песенку зардевшись спеть.»
(Поговорка)

Глава первая

Иной раз в наших местах задаются такие характеры, что, как бы много лет ни прошло со встречи с ними, о некоторых из них никогда не вспомнишь без душевного трепета. К числу таких характеров принадлежит купеческая жена Катерина Львовна Измайлова, разыгравшая некогда страшную драму, после которой наши дворяне, с чьего-то легкого слова, стали звать её леди Макбет Мценского уезда.

Катерина Львовна не родилась красавицей, но была по наружности женщина очень приятная. Ей от роду шел всего двадцать четвертый год; росту она была невысокого, но стройная, шея точно из мрамора выточенная, плечи круглые, грудь крепкая, носик прямой, тоненький, глаза черные, живые, белый высокий лоб и черные, аж досиня черные волосы. Выдали её замуж за нашего купца Измайлова с Тускари из Курской губернии, не по любви или какому влечению, а так, потому что Измайлов к ней присватался, а она была девушка бедная, и перебирать женихами ей не приходилось. Дом Измайловых в нашем городе был не последний: торговали они крупчаткою, держали в уезде большую мельницу в аренде, имели доходный сад под городом и в городе дом хороший. Вообще купцы были зажиточные. Семья у них к тому же была совсем небольшая: свекор Борис Тимофеич Измайлов, человек уже лет под восемьдесят, давно вдовый; сын его Зиновий Борисыч, муж Катерины Львовны, человек тоже лет пятидесяти с лишком, да сама Катерина Львовна, и только всего. Детей у Катерины Львовны, пятый год, как она вышла за Зиновия Борисыча, не было. У Зиновия Борисыча не было детей и от первой жены, с которою он прожил лет двадцать, прежде чем овдовел и женился на Катерине Львовне. Думал он и надеялся, что даст ему бог хоть от второго брака наследника купеческому имени и капиталу; но опять ему в этом и с Катериной Львовной не посчастливилось.

Бездетность эта очень много огорчала Зиновия Борисыча, и не то что одного Зиновия Борисыча, а и старика Бориса Тимофеича, да даже и самое Катерину Львовну это очень печалило. Раз, что скука непомерная в запертом купеческом тереме с высоким забором и спущенными цепными собаками не раз наводила на молодую купчиху тоску, доходящую до одури, и она рада бы, бог весть как рада бы она была понянчиться с деточкой; а другое и попреки ей надоели: «Чего шла да зачем шла замуж; зачем завязала человеку судьбу, неродица», словно и в самом деле она преступление какое сделала и перед мужем, и перед свекром, и перед всем их честным родом купеческим.

При всем довольстве и добре житье Катерины Львовны в свекровом доме было самое скучное. В гости она езжала мало, да и то если и поедет она с мужем по своему купечеству, так тоже не на радость. Народ все строгий: наблюдают, как она сядет, да как пройдет, как встанет; а у Катерины Львовны характер был пылкий, и, живя девушкой в бедности, она привыкла к простоте и свободе: пробежать бы с ведрами на реку да покупаться бы в рубашке под пристанью или обсыпать через калитку прохожего молодца подсолнечною лузгою; а тут все иначе. Встанут свекор с мужем ранехонько, напьются в шесть часов утра чаю, да и по своим делам, а она одна слоняет слоны из комнаты в комнату. Везде чисто, везде тихо и пусто, лампы сияют перед образами, а нигде по дому ни звука живого, ни голоса человеческого.

Походит, походит Катерина Львовна по пустым комнатам, начнет зевать со скуки и полезет по лесенке в свою супружескую опочивальню, устроенную на высо-

ком небольшом мезонинчике. Тут тоже посидит, поглазеет, как у амбаров пеньку вешают или крупчатку ссыпают, – опять ей зевнется, она и рада: прикорнет часок-другой, а проснется – опять та же скука русская, скука купеческого дома, от которой весело, говорят, даже удавиться. Читать Катерина Львовна была не охотница, да и книг к тому же, кроме Киевского патерика, в доме их не было.

Скучною жизнью жилось Катерине Львовне в богатом свекровом доме в течение целых пяти лет её жизни за неласковым мужем; но никто, как водится, не обращал на эту скуку её ни малейшего внимания.

Глава вторая

На шестую весну Катерины Львовниного замужества у Измайловых прорвало мельничную плотину. Работы на ту пору, как нарочно, на мельницу было завезено много, а прорва учинилась огромная: вода ушла под нижний лежень холостой скрыни, и захватить её скорой рукой никак не удавалось. Сигнал Зиновий Борисыч народу на мельницу с целой округи, и сам там сидел безотлучно; городские дела уж один старик правил, а Катерина Львовна маялась дома по целым дням одна-одинешенька. Сначала ей без мужа ещё скучней было, а тут будто даже как и лучше показалось: свободнее ей одной стало. Сердце её к нему никогда особенно не лежало, а без него по крайней мере одним командиром над ней стало меньше.

Сидела раз Катерина Львовна у себя на вышке под окошечком, зевала-зевала, ни о чем определенном не думала, да и стыдно ей, наконец, зевать стало. А на дворе погода такая чудесная: тепло, светло, весело, и сквозь зеленую деревянную решетку сада видно, как по деревьям с сучка на сучок перепархивают разные птички.

«Что это я в самом деле раззевалась? – подумала Катерина Львовна. – Сем-ну я хоть встану по двору погуляю или в сад пройдусь».

Накинула на себя Катерина Львовна старую штофную шубочку и вышла.

На дворе так светло и крепко дышится, а на галерее у амбаров такой хохот веселый стоит.

– Чего это вы так радуетесь? – спросила Катерина Львовна свекровых приказчиков.

– А вот, матушка Катерина Ильвовна, свинью живую вешали, – отвечал ей старый приказчик.

– Какую свинью?

– А вот свинью Аксиною, что родила сына Василья да не позвала нас на крестины, – смело и весело рассказывал молодец с дерзким красивым лицом, обрамленным черными как смоль кудрями и едва пробивающейся бородкой.

Из мучной кади, привешенной к весовому коромыслу, в эту минуту выглянула толстая рожа румяной кухарки Аксины.

– Черти, дьяволы гладкие, – ругалась кухарка, стараясь схватиться за железное коромысло и вылезть из раскачивающейся кади.

– Восемь пудов до обеда тянет, а пихтерь сена съест, так и гирь не достанет, – опять объяснил красивый молодец и, повернув кадь, выбросил кухарку на сложенное в угле кулье.

Баба, шутливо ругаясь, начала оправляться.

– Ну-ка, а сколько во мне будет? – пошутила Катерина Львовна и, взявшись за веревки, стала на доску.

– Три пуда семь фунтов, – отвечал тот же красивый молодец Сергей, бросив гирь на весовую скайму. – Диковина!

– Чему же ты дивуешься?

– Да что три пуда в вас потянуло, Катерина Ильвовна. Вас, я так рассуждаю, целый день на руках носить надо – и то не уворишься, а только за удовольствие это будешь для себя чувствовать.

– Что ж я, не человек, что ли? Небось тоже устанешь, – ответила, слегка краснея, отвыкшая от таких речей Катерина Львовна, чувствуя внезапный прилив желаний разболтаться и наговориться словами веселыми и шутливыми.

– Ни боже мой! В Аравию счастливую занес бы, – отвечал ей Сергей на её замечание.

– Не так ты, молодец, рассуждаешь, – говорил ссылавший мужичок. – Что есть такое в нас тяжесть? Разве тело наше тянет? тело наше, милый человек, на весу ничего не значит: сила наша, сила тянет – не тело!

– Да, я в девках страсть сильна была, – сказала, опять не утерпев, Катерина Львовна. – Меня даже мужчина не всякий одолевал.

– А ну-с, позвольте ручку, если как это правда, – попросил красивый молодец. Катерина Львовна смутилась, но протянула руку.

– Ой, пусти кольцо: больно! – вскрикнула Катерина Львовна, когда Сергей сжал в своей руке её руку, и свободною рукою толкнула его в грудь.

Молодец выпустил хозяйкину руку и от её толчка отлетел на два шага в сторону.

– Н-да, вот ты и рассуждай, что женщина, – удивился мужичок.

– Нет, а вы позвольте так взяться, на-борки, – относился, раскидывая кудри, Серега.

– Ну, берись, – ответила, развеселившись, Катерина Львовна и приподняла кверху свои локоточки.

Сергей обнял молодую хозяйку и прижал её твердую грудь к своей красной рубашке. Катерина Львовна только было шевельнула плечами, а Сергей приподнял её от полу, подержал на руках, сжал и посадил тихонько на опрокинутую мерку.

Катерина Львовна не успела даже распорядиться своей хваленою силою. Красная-раскрасная, поправила она, сидя на мерке, свалившуюся с плеча шубку и тихо пошла из амбара, а Сергей молодецки кашлянул и крикнул:

– Ну вы, олухи царя небесного! Сыпь, не зевай, гребля не замай; будут вершки, наши лишки.

Будто как он и внимания не обратил на то, что сейчас было.

– Девичур этот проклятый Сережка! – рассказывала, плетясь за Катериной Львовной, кухарка Аксинья. – Всем вор взял – что ростом, что лицом, что красотой, и улестит и до греха доведет. А что уж непостоянный, подлец, пренепостоянный-непостоянный!

– А ты, Аксинья... того, – говорила, идучи впереди её, молодая хозяйка, – мальчик-то твой у тебя жив?

– Жив, матушка, жив – что ему! Где они не нужны-то кому, у тех они ведь живущи.

– И откуда это он у тебя?

– И-и! так, гулевой – на народе ведь живешь-то – гулевой.

– Давно он у нас, этот молодец?

– Кто это? Сергей-то, что ли?

– Да.

– С месяц будет. У Копчиновых допреж служил, так прогнал его хозяин. – Аксинья понизила голос и досказала: – Сказывают, с самой хозяйкой в любви был... Ведь вот, треанафемская его душа, какой смелый!

Глава третья

Теплые молочные сумерки стояли над городом. Зиновий Борисыч ещё не возвращался с поспрудки. Свекра Бориса Тимофеича тоже не было дома: поехал к старому приятелю на именины, даже и к ужину заказал себя не дожидаться. Катерина Львовна от нечего делать рано повечерила, открыла у себя на вышке окошечко и, прислонясь к косяку, шелушила подсолнечные зернышки. Люди в кухне поужи-

нали и расходились по двору спать: кто под сараи, кто к амбарам, кто на высокие душистые сеновалы. Позже всех вышел из кухни Сергей. Он походил по двору, спустил цепных собак, посвистал и, проходя мимо окна Катерины Львовны, поглядел на неё и низко ей поклонился.

– Здравствуй, – тихо сказала ему с своей вышки Катерина Львовна, и двор смолк, словно пустыня.

– Сударыня! – произнес кто-то через две минуты у запертой двери Катерины Львовны.

– Кто это? – испугавшись, спросила Катерина Львовна.

– Не извольте пугаться: это я, Сергей, – отвечал приказчик.

– Что тебе, Сергей, нужно?

– Дельце к вам, Катерина Ильвовна, имею: просить вашу милость об одной малости желаю; позвольте взойти на минуту.

Катерина Львовна повернула ключ ипустила Сергея.

– Что тебе? – спросила она, сама отходя к окошку.

– Пришел к вам, Катерина Ильвовна, попросить, нет ли у вас какой-нибудь книжечки почитать. Скука очень одолевает.

– У меня, Сергей, нет никаких книжек: не читаю я их, – отвечала Катерина Львовна.

– Такая скука, – жаловался Сергей.

– Чего тебе скучать!

– Помилуйте, как не скучать: человек я молодой, живем мы словно как в монастыре каком, а вперед видишь только то, что, может быть, до гробовой доски должен пропадать в таком одиночестве. Даже отчаянье иногда приходит.

– Чего ж ты не женишься?

– Легко сказать, сударыня, жениться! На ком тут жениться? Человек я незначительный; хозяйская дочь за меня не пойдет, а по бедности все у нас, Катерина Ильвовна, вы сами изволите знать, необразованность. Разве оне могут что об любви понимать как следует! Вот изволите видеть, какое ихнее и у богатых-то понятие. Вот вы, можно сказать, каждому другому человеку, который себя чувствует, в утешение бы только для него были, а вы у них как канарейка в клетке содержитесь.

– Да, мне скучно, – сорвалось у Катерины Львовны.

– Как не скучать, сударыня, в эдакой жизни! Хоша бы даже и предмет какой у вас был со стороны, так, как другие прочие делают, так вам и видеться с ним даже невозможно.

– Ну это ты... не то совсем. Мне вот, когда б я себе ребеночка бы родила, вот бы с ним, кажется, и весело стало.

– Да ведь это, позвольте вам доложить, сударыня, ведь и ребенок тоже от чего-нибудь тоже бывает, а не так же. Нешто теперь, по хозяевам столько лет живши и на эдакую женскую жизнь по купечеству глядячи, мы тоже не понимаем? Песня поется: «без мила дружка обуяла грусть-тоска», и эта тоска, доложу вам, Катерина Ильвовна, собственному моему сердцу столь, могу сказать, чувствительна, что вот взял бы я его вырезал булатным ножом из моей груди и бросил бы к вашим ножкам. И легче, сто раз легче бы мне тогда было...

У Сергея задрожал голос.

– Что это ты мне тут про свое сердце сказываешь? Мне это ни к чему. Иди ты себе...

– Нет, позвольте, сударыня, – произнес Сергей, трепеща всем телом и делая шаг к Катерине Львовне. – Знаю я, вижу и очень даже чувствую и понимаю, что и вам не легче моего на свете; ну только теперь, – произнес он одним придыханием, – теперь все это состоит в эту минуту в ваших руках и в вашей власти.

– Ты чего? чего? Чего ты пришел ко мне? Я за окно брошусь, – говорила Катерина Львовна, чувствуя себя под несносной властью неопишемого страха, и схватилась рукою за подоконницу.

– Жизнь ты моя несравненная! на что тебе бросаться? – развязно прошептал Сергей и, оторвав молодую хозяйку от окна, крепко её обнял.

– Ох! ох! пусти, – тихо стонала Катерина Львовна, слабея под горячими поцелуями Сергея, а сама мимовольно прижималась к его могучей фигуре.

Сергей поднял хозяйку, как ребенка, на руки и унес её в темный угол.

В комнате наступило безмолвие, нарушавшееся только мерным тиканьем висевших над изголовьем кровати Катерины Львовны карманных часов её мужа; но это ничему не мешало.

– Иди, – говорила Катерина Львовна через полчаса, не смотря на Сергея и поправляя перед маленьким зеркальцем свои разбросанные волосы.

– Чего я таперича отсюда пойдю, – отвечал ей счастливым голосом Сергей.

– Свекор двери запрет.

– Эх, душа, душа! Да каких ты это людей знала, что им только дверью к женщине и дорога? Мне что к тебе, что от тебя – везде двери, – отвечал молодец, указывая на столбы, поддерживающие галерею.

Глава четвертая

Зиновий Борисыч ещё неделю не бывал домой, и всю эту неделю жена его, что ночь, до самого бела света гуляла с Сергеем.

Много было в эти ночи в спальне Зиновия Борисыча и винца из свекрового погребца попито, и сладких сластей поедено, и в сахарные хозяйкины уста поцеловано, и черными кудрями на мягком изголовье поиграно. Но не все дорога идет скатертью, бывают и перебоинки.

Не спалось Борису Тимофеичу: блуждал старик в пестрой ситцевой рубашке по тихому дому, подошел к одному окну, подошел к другому, смотрит, а по столбу из-под невесткина окна тихо-тихохонько спускается книзу красная рубаха молодца Сергея. Вот тебе и новость! Выскочил Борис Тимофеич и хватить молодца за ноги. Тот развернулся было, чтоб съездить хозяина от всего сердца по уху, да и остановился, рассудив, что шум выйдет.

– Сказывай, – говорит Борис Тимофеич, – где был, вор ты эдакой?

– А где был, – говорит, – там меня, Борис Тимофеич, сударь, уж нету, – отвечал Сергей.

– У невестки ночевал?

– Про то, хозяин, опять-таки я знаю, где ночевал; а ты вот что, Борис Тимофеич, ты моего слова послушай: что, отец, было, того назад не воротишь; не клади ж ты по крайности позору на свой купеческий дом. Сказывай, чего ты от меня теперь хочешь? Какого убогаторения желаешь?

– Желаю я тебе, аспиду, пятьсот плетей закатить, – отвечал Борис Тимофеич.

– Моя вина – твоя воля, – согласился молодец. – Говори, куда идти за тобой, и тешься, пей мою кровь.

Повел Борис Тимофеич Сергея в свою каменную кладовеньку, и стегал он его нагайкою, пока сам из сил выбился. Сергей ни стона не подал, но зато половину рукава у своей рубашки зубами изъел.

Бросил Борис Тимофеич Сергея в кладовой, пока взбитая в чугуна спина заживет; сунул он ему глиняный кувшин водицы, запер его большим замком и послал за сыном.

Но за сто верст на Руси по проселочным дорогам ещё и теперь не скоро ездят, а Катерине Львовне без Сергея и час лишний пережить уже не вмоготу стало. Раз-

вернулась она вдруг во всю ширь своей проснувшейся натуры и такая стала решительная, что и унять её нельзя. Проведала она, где Сергей, поговорила с ним через железную дверь и кинулась ключей искать. «Пусти, тятенька, Сергея», – пришла она к свекру.

Старик так и позеленел. Он никак не ожидал такой наглой дерзости от согрешившей, но всегда до сих пор покорной невестки.

– Что ты это, такая-сякая, – начал он срамить Катерину Львовну.

– Пусти, – говорит, – я тебе совестью заручаюсь, что ещё худого промеж нас ничего не было.

– Худого, – говорит, – не было! – а сам зубами так и скрипит. – А чем вы там с ним по ночам занимались? Подушки мужнины перебивали?

А та все с своим пристаёт: пусти его да пусти.

– А коли так, – говорит Борис Тимофеич, – так вот же тебе: муж приедет, мы тебя, честную жену, своими руками на конюшне выдерем, а его, подлеца, я завтра же в острог отправлю.

Тем Борис Тимофеич и порешил; но только это решение его не состоялось.

.....

Глава четырнадцатая

С первых же дней вместного следования соединенной партии от Нижнего к Казани Сергей стал видимым образом заискивать расположения солдатки Фионы и не пострадал безуспешно. Томная красавица Фиона не истомила Сергея, как не томила она по своей доброте никого. На третьем или четвертом этапе Катерина Львовна с ранних сумерек устроила себе, посредством подкупа, свидание с Сережечкой и лежит не спит: все ждет, что вот-вот взойдет дежурный ундерок, тихонько толкнет её и шепнет: «беги скорей». Отворилась дверь раз, и какая-то женщина юркнула в коридор; отворилась и ещё раз дверь, и ещё с нар скоро вскочила и тоже исчезла за провожатым другая арестантка; наконец дернули за свиту, которой была покрыта Катерина Львовна. Молодая женщина быстро поднялась с облощенных арестантскими боками нар, накинула свиту на плечи и толкнула стоящего перед нею провожатого.

Когда Катерина Львовна проходила по коридору, только в одном месте, слабо освещенном слепую площадку, она наткнулась на две или три пары, не дававшие ничем себя заметить издали. При проходе Катерины Львовны мимо мужской арестантской, сквозь окошечко, прорезанное в двери, ей послышался сдержанный хохот.

– Ишь жируют, – буркнул провожатый Катерины Львовны и, придержав её за плечи, ткнул в уголочек и удалился.

Катерина Львовна нащупала рукой свиту и бороду; другая её рука коснулась жаркого женского лица.

– Кто это? – спросил вполголоса Сергей.

– А ты чего тут? с кем ты это?

Катерина Львовна дернула впотьмах повязку с своей соперницы. Та скользнула в сторону, бросилась и, споткнувшись на кого-то в коридоре, полетела.

Из мужской камеры раздался дружный хохот.

– Злодей! – прошептала Катерина Львовна и ударила Сергея по лицу концами платка, сорванного с головы его новой подруги.

Сергей поднял было руку; но Катерина Львовна легко промелькнула по коридору и взялась за свои двери. Хохот из мужской комнаты вслед ей повторился до того громко, что часовой, апатично стоявший против плошки и плевавший себе в носок сапога, приподнял голову и рыкнул:

- Цыц!

Катерина Львовна улеглась молча и так пролежала до утра. Она хотела себе сказать: «не люблю ж его», и чувствовала, что любила его ещё горячее, ещё больше. И вот в глазах её все рисуется, все рисуется, как ладонь его дрожала у той под её головою, как другая рука его обнимала её жаркие плечи.

Бедная женщина заплакала и звала мимовольно ту же ладонь, чтобы она была в эту минуту под её головою и чтоб другая его же рука обняла её истерически дрожавшие плечи.

- Ну, иначе, дай же ты мне мою повязку, - побудила её утром солдатка Фиона.

- А, так это ты?..

- Отдай, пожалуйста!

- А ты зачем разлучаешь?

- Да чем же я вас разлучаю? Неш это какая любовь или интерес в самом деле, чтоб сердиться?

Катерина Львовна секунду подумала, потом вынула из-под подушки сорванную ночью повязку и, бросив её Фионе, повернулась к стенке.

Ей стало легче.

- Тыпфу, - сказала она себе, - неужели ж таки к этой лоханке крашеной я ревновать стану! Сгинь она! Мне и применять-то себя к ней скверно.

- А ты, Катерина Ильвовна, вот что, - говорил, идучи назавтра дорогою, Сергей, - ты, пожалуйста, разумей, что один раз я тебе не Зиновий Борисыч, а другое, что и ты теперь не велика купчиха: так ты не пыщись, сделай милость. Козьи рога у нас в торг нейдут.

Катерина Львовна ничего на это не отвечала, и с неделю она шла, с Сергеем ни словом, ни взглядом не обменявшись. Как обиженная, она все-таки выдерживала характер и не хотела сделать первого шага к примирению в этой первой её ссоре с Сергеем.

Между тем этой порою, как Катерина Львовна на Сергея сердилась, Сергей стал чепуриться и заигрывать с беленькой Сонеткой. То раскланивается с ней «с нашим особенным», то улыбается, то, как встретится, норовит обнять да прижать её. Катерина Львовна все это видит, и только пуще у неё сердце кипит.

«Уж помириться бы мне с ним, что ли?» - рассуждает, спотыкаясь и земли под собою не видя, Катерина Львовна.

Но подойти же первой помириться теперь ещё более, чем когда-либо, гордость не позволяет. А тем временем Сергей все неотступнее вяжется за Сонеткой и, уж всем сдается, что недоступная Сонетка, которая все выюном вилась, а в руки не давалась, что-то вдруг будто ручнеть стала.

- Вот ты на меня плакалась, - сказала как-то Катерине Львовне Фиона, - а я что тебе сделала? Мой случай был, да и прошел, а ты вот за Сонеткой-то глядела б.

«Пропади она, эта моя гордость: непременно нонче же помирюсь», - решила Катерина Львовна, размышляя уж только об одном, как бы только ловчей взяться за это примирение.

Из этого затруднительного положения её вывел сам Сергей.

- Ильвовна! - позвал он её на привале. - Выдь ты нонче ко мне на минуточку ночью: дело есть. Катерина Львовна промолчала.

- Что ж, может, сердисься ещё-не выйдешь? Катерина Львовна опять ничего не ответила. Но Сергей, да и все, кто наблюдал за Катериной Львовной, видели, что, подходя к этапному дому, она все стала жаться к старшему ундеру и сунула ему семнадцать копеек, собранных от мирского подаяния.

- Как только соберу, я вам додам гривну, - упрашивала Катерина Львовна.

Ундер спрятал за обшлаг деньги и сказал:

- Ладно.

Сергей, когда кончились эти переговоры, крикнул и подмигнул Сонетке.

– Ах ты, Катерина Львовна! – говорил он, обнимая её при входе на ступени этажного дома. – Супротив этой женщины, ребята, в целом свете другой такой нет.

Катерина Львовна и краснела и задыхалась от счастья.

Чуть ночью тихонько приотворилась дверь, как она так и выскочила: дрожит и ищет руками Сергея по темному коридору.

– Катя моя! – произнес, обняв её, Сергей.

– Ах ты, злодей ты мой! – сквозь слезы отвечала Катерина Львовна и прильнула к нему губами.

Часовой ходил по коридору, и, останавливаясь, плевал на свои сапоги, и ходил снова, за дверями усталые арестанты храпели, мышь грызла перо, под печью, взапуски друг перед другом, заливались сверчки, а Катерина Львовна все ещё блаженствовала.

Но устали восторги, и слышна неизбежная проза.

– Смерть больно: от самой от щиколотки до самого колена кости так и гудут, – жаловался Сергей, сидя с Катериной Львовной на полу в углу

– Что же делать-то, Сережечка? – спрашивала она, ютясь под полу его свиты.

– Нешто только в лазарет в Казани попрошусь?

– Ох, чтой-то ты, Сережа?

– А что ж, когда смерть моя больно.

– Как же ты останешься, а меня погонят?

– А что ж делать? трет, так, я тебе говорю, трет, что как в кость вся цепь не въедается. Разве когда б шерстяные чулки, что ли, поддеть ещё, – проговорил Сергей спустя минуту.

– Чулки? у меня ещё есть, Сережа, новые чулки.

– Ну, на что! – отвечал Сергей.

Катерина Львовна, ни слова не говоря более, юркнула в камеру, растормошила на нарах свою сумочку и опять торопливо выскочила к Сергею с парой синих болховских шерстяных чулок с яркими стрелками сбоку.

– Эдак теперь, ничего будет, – произнес Сергей, прощаясь с Катериной Львовной и принимая её последние чулки.

Катерина Львовна, счастливая, вернулась на свои нары и крепко заснула.

Она не слыхала, как после её прихода в коридор выходила Сонетка и как тихо она возвратилась оттуда уже перед самым утром.

Это случилось всего за два перехода до Казани.

Глава пятнадцатая

Холодный, ненастный день с порывистым ветром и дождем, перемешанным со снегом, неприятливо встретил партию, выступавшую за ворота душного этапа. Катерина Львовна вышла довольно бодро, но только что стала в ряд, как вся затряслась и позеленела. В глазах у неё стало темно; все суставы её заныли и расслабели. Перед Катериной Львовной стояла Сонетка в хорошо знакомых той синих шерстяных чулках с яркими стрелками.

Катерина Львовна двинулась в путь совсем неживая; только глаза её страшно смотрели на Сергея и с него не смаргивали.

На первом привале она спокойно подошла к Сергею, прошептала «подлец» и неожиданно плюнула ему прямо в глаза.

Сергей хотел на неё броситься; но его удержали.

– погоди ж ты! – произнес он и обтерся.

– Ничего, однако, отважно она с тобой поступает, – трунили над Сергеем арестанты, и особенно веселым хохотом заливалась Сонетка.

Эта интрижка, на которую сдалась Сонетка, шла совсем в её вкусе.

– Ну, это ж тебе так не пройдёт, – грозился Катерине Львовне Сергей.

Умаявшись непогодью и переходом, Катерина Львовна с разбитою душой тревожно спала ночью на нарах в очередном этапном доме и не слыхала, как в женскую казарму вошли два человека.

С приходом их с нар приподнялась Сонетка, молча показала она вошедшим рукою на Катерину Львовну, опять легла и закуталась своею свитою.

В это же мгновение свита Катерины Львовны взлетела ей на голову, и по её спине, закрытой одной суровою рубашкою, загулял во всю мужичью мочь толстый конец, вдвое свитой веревки.

Катерина Львовна вскрикнула; но голоса её не было слышно из-под свиты, окутывающей её голову. Она рванулась, но тоже без успеха: на плечах её сидел здоровый арестант и крепко держал её руки.

– Пятьдесят, – сосчитал, наконец, один голос, в котором никому не трудно было узнать голос Сергея, и ночные посетители разом исчезли за дверь.

Катерина Львовна раскутала голову и вскочила: никого не было; только невдалеке кто-то злорадно хихикал под свитою. Катерина Львовна узнала хохот Сонетки.

Обиде этой уже не было меры; не было меры и чувству злобы, закипевшей в это мгновение в душе Катерины Львовны. Она без памяти ринулась вперед и без памяти упала на грудь подхватившей её Фионы.

На этой полной груди, ещё так недавно тешившей сластью разврата неверного любовника Катерины Львовны, она теперь выплакивала нестерпимое свое горе, и, как дитя к матери, прижималась к своей глупой и рыхлой сопернице. Они были теперь равны: они обе были сравнены в цене и обе брошены.

Они равны!.. подвластная первому случаю Фиона и совершающая драму любви Катерина Львовна!

Катерине Львовне, впрочем, было уже ничто не обидно. Выплакав свои слезы, она окаменела и с деревянным спокойствием собиралась выходить на переключку.

Барабан бьет: тах-тарарах-тах; на двор вываливают скованные и нескованные арестантики, и Сергей, и Фиона, и Сонетка, и Катерина Львовна, и раскольник, скованный с жидом, и поляк на одной цепи с татаринном.

Все скупились, потом выравнялись кое в какой порядок и пошли.

Безотраднейшая картина: горсть людей, оторванных от света и лишенных всякой тени надежд на лучшее будущее, тонет в холодной черной грязи грунтовой дороги. Кругом все до ужаса безобразно: бесконечная грязь, серое небо, обезличенные, мокрые ракиты и в растопыренных их сучьях нахохлившаяся ворона. Ветер то стонет, то злится, то воет и ревет.

В этих адских, душу раздирающих звуках, которые довершают весь ужас картины, звучат советы жены библейского Иова: «Прокляни день твоего рождения и умри».

Кто не хочет вслушиваться в эти слова, кого мысль о смерти и в этом печальном положении не льстит, а пугает, тому надо стараться заглушить эти воющие голоса чем-нибудь ещё более их безобразным. Это прекрасно понимает простой человек: он спускает тогда на волю всю свою звериную простоту, начинает глупить, издеваться над собою, над людьми, над чувством. Не особенно нежный и без того, он становится зол сугубо.

– Что, купчиха? Все ли ваше степенство в добром здоровье? – нагло спросил Катерину Львовну Сергей, чуть только партия потеряла за мокрым пригорком деревню, где ночевала.

С этими словами он, сейчас же обратясь к Сонетке, покрыл её своею полою и запел высоким фальцетом:

За окном в тени мелькает русая головка.

Ты не спишь, мое мученье, ты не спишь, плутовка.

Я полою тебя прикрою, так что не заметят.

При этих словах Сергей обнял Сонетку и громко поцеловал её при всей партии...

Катерина Львовна все это видела и не видела: она шла совсем уж неживым человеком. её стали поталкивать и показывать ей, как Сергей безобразничает с Сонеткой. Она стала предметом насмешек.

- Не троньте её, - заступалась Фиона, когда кто-нибудь из партии пробовал подсмеяться над спотыкающеюся Катериной Львовною. - Нешто не видите, черти, что женщина больна совсем?

- Должно, ножки промочила, - острил молодой арестант.

- Известно, купеческого роду: воспитания нежного, - отозвался Сергей.

- Разумеется, если бы им хотя чулочки бы теплые: оно бы ничего ещё, - продолжал он.

Катерина Львовна словно проснулась.

- Змей подлый! - произнесла она, не стерпев, - насмехайся, подлец, насмехайся!

- Нет, я это совсем, купчиха, не в насмешку, а что вот Сонетка чулки больно гожие продает, так я думал; не купит ли, мол, наша купчиха.

Многие засмеялись. Катерина Львовна шагала, как заведенный автомат.

Погода все разыгрывалась. Из серых облаков, покрывавших небо, стал падать мокрыми хлопьями снег, который, едва касаясь земли, таял и увеличивал невылазную грязь. Наконец, показывается темная свинцовая полоса; другого края её не рассмотришь. Эта полоса - Волга. Над Волгой ходит крепковатый ветер и водит взад и вперед медленно приподнимающиеся широкопастые темные волны.

Партия промокших и продрогнувших арестантов медленно подошла к перевозу и остановилась, ожидая парома.

Подошел весь мокрый, темный паром; команда начала размещать арестантов.

- На этом пароме, сказывают, кто-то водку держит, - заметил какой-то арестант, когда осыпаясь хлопьями мокрого снега паром отчалил от берега и закачался на валах расхोдившейся реки.

- Да, теперь ба точно безделицу пропустить ничего, - отзывался Сергей и, преследуя для Сонеткиной потехи Катерину Львовну, произнес: - Купчиха, а ну-ко по старой дружбе угости водочкой. Не скупись. Вспомни, моя разлюбезная, нашу прежнюю любовь, как мы с тобой, моя радость, погуливали, осенние долги ночи просиживали, твоих родных без попов и без дьяков на вечный покой спроваживали.

Катерина Львовна вся дрожала от холода. Кроме холода, пронизывающего её под измокшим платьем до самых костей, в организме Катерины Львовны происходило ещё нечто другое. Голова её горела как в огне; зрачки глаз были расширены, оживлены блудящим острым блеском и неподвижно вперены в ходящие волны.

- Ну а водочки и я б уж выпила: мочи нет холодно, - прозвенела Сонетка.

- Купчиха, да угости, что ль! - мозолил Сергей.

- Эх ты, совесть! - выговорила Фиона, качая с упрёком головою.

- Не к чести твоей совсем это, - поддержал солдатку арестантик Гордюшка.

- Хушь бы ты не против самой её, так против других за неё посовестился.

- Ну ты, мирская табакерка! - крикнул на Фиону Сергей. - Тоже - совеститься! Что мне тут ещё совеститься! я её, может, и никогда не любил, а теперь... да мне вот стоптанный Сонеткин башмак милее её рожки, кошки эдакой ободранной: так что ж ты мне против этого говорить можешь? Пусть вон Гордюшку косоротого любит, а то... - он оглянулся на едущего верхом сморчка в бурке и в военной фуражке с кокардой и добавил: - а то вон ещё лучше к этапному пусть поластится: у него под буркой по крайности дождем не пробирает.

– И все б офицершей звать стали, – прозвенела Сонетка.

– Да как же!.. и на чулочки-то б шутя бы достала, – поддержал Сергей.

Катерина Львовна за себя не заступалась: она все пристальнее смотрела в волны и шевелила губами. Промежду гнусных речей Сергея гул и стон слышались ей из раскрывающихся и хлопающих валов. И вот вдруг из одного переломившегося вала показывается ей синяя голова Бориса Тимофеича, из другого выглянул и закачался муж, обнявшись с поникшим головкой Федей. Катерина Львовна хочет припомнить молитву и шевелит губами, а губы её шепчут: «как мы с тобой погуливали, осенние долги ночи просиживали, лютой смертью с бела света людей спроваживали».

Катерина Львовна дрожала. Блудящий взор её сосредоточивался и становился диким. Руки раз и два неведомо куда протянулись в пространство и снова упали. ещё минуту – и она вдруг вся закачалась, не сводя глаз с темной волны, нагнулась, схватила Сонетку за ноги и одним махом перекинулась с нею за борт парома.

Все окаменели от изумления.

Катерина Львовна показалась на верху волны и опять нырнула; другая волна вынесла Сонетку.

– Багор! бросай багор! – закричали на пароме.

Тяжелый багор на длинной веревке взвился и упал в воду. Сонетки опять не стало видно. Через две секунды, быстро уносимая течением от парома, она снова вскинула руками; но в это же время из другой волны почти по пояс поднялась над водою Катерина Львовна, бросилась на Сонетку, как сильная щука на мягкоперую плотицу, и обе более уже не показались.

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ БУНИН

Антоновские яблоки

I

...Вспоминается мне ранняя погожая осень. Август был с теплыми дождиками, как будто нарочно выпадавшими для сева, – с дождиками в самую пору, в середине месяца, около праздника св. Лаврентия. А «осень и зима хороши живут, коли на Лаврентия вода тиха и дождик». Потом бабьим летом паутины много село на поля. Это тоже добрый знак: «Много тенетника на бабье лето – осень ядреная»... Помню раннее, свежее, тихое утро... Помню большой, весь золотой, подсохший и поредевший сад, помню кленовые аллеи, тонкий аромат опавшей листвы и – запах антоновских яблок, запах меда и осенней свежести. Воздух так чист, точно его совсем нет, по всему саду раздаются голоса и скрип телег. Это тархане, мещане-садовники, наняли мужиков и насыпают яблоки, чтобы в ночь отправлять их в город, – непременно в ночь, когда так славно лежать на возу, смотреть в звездное небо, чувствовать запах дегтя в свежем воздухе и слушать, как осторожно поскрипывает в темноте длинный обоз по большой дороге. Мужик, насыпающий яблоки, ест их с сочным треском одно за одним, но уж таково заведение – никогда мещанин не оборвет его, а ещё скажет:

– Вали, ешь досыта, – делать нечего! На сливанье все мед пьют.

И прохладную тишину утра нарушает только сытое квохтанье дроздов на коралловых рябинах в чаще сада, голоса да гулкий стук ссыпаемых в меры и кадушки яблок. В поредевшем саду далеко видна дорога к большому шалашу, усыпанная

соломой, и самый шалаш, около которого мещане обзавелись за лето целым хозяйством. Всюду сильно пахнет яблоками, тут – особенно. В шалаше устроены постели, стоит одноствольное ружье, позеленевший самовар, в уголке – посуда. Около шалаша валяются рогожи, ящики, всякие истрепанные пожитки, вырыта земляная печка. В полдень на ней варится великолепный кулеш с салом, вечером греется самовар, и по саду, между деревьями, расстилается длинной полосой голубоватый дым. В праздничные же дни около шалаша – целая ярмарка, и за деревьями поминутно мелькают красные уборы. Толпятся бойкие девки-одноворки в сарафанах, сильно пахнущих краской, приходят «барские» в своих красивых и грубых, дикарских костюмах, молодая старостиха, беременная, с широким сонным лицом и важная, как холмогорская корова. На голове её «рога», – косы положены по бокам макушки и покрыты несколькими платками, так что голова кажется огромной; ноги, в полусапожках с подковками, стоят тупо и крепко; безрукавка – плисовая, занавеска длинная, а панева – черно-лиловая с полосами кирпичного цвета и обложенная на подоле широким золотым «прозументом»...

– Хозяйственная бабочка! – говорит о ней мещанин, покачивая головою. – Переводятся теперь такие...

А мальчишки в белых замашных рубашках и коротеньких порточках, с белыми раскрытыми головами, все подходят. Идут по двое, по трое, мелко перебирая босыми ножками, и косятся на лохматую овчарку, привязанную к яблоне. Покупает, конечно, один, ибо и покупки-то всего на копейку или на яйцо, но покупателей много, торговля идет бойко, и чахоточный мещанин в длинном сюртуке и рыжих сапогах – весел. Вместе с братом, картавым, шустрым полуидиотом, который живет у него «из милости», он торгует с шуточками, прибаутками и даже иногда «тронет» на тульской гармонике. И до вечера в саду толпится народ, слышится около шалаша смех и говор, а иногда и топот пляски...

К ночи в погоду становится очень холодно и росисто. Надышавшись на гумне ржаным ароматом новой соломы и мякины, бодро идешь домой к ужину мимо садового вала. Голоса на деревне или скрип ворот раздаются по студеной заре необыкновенно ясно. Темнеет. И вот ещё запах: в саду – костер, и крепко тянет душистым дымом вишневых сучьев. В темноте, в глубине сада, – сказочная картина: точно в уголке ада, пылает около шалаша багровое пламя, окруженное мраком, и чьи-то чёрные, точно вырезанные из черного дерева силуэты двигаются вокруг костра, меж тем как гигантские тени от них ходят по яблоням. То по всему дереву ляжет черная рука в несколько аршин, то четко нарисуются две ноги – два черных столба. И вдруг все это скользнет с яблони – и тень упадет по всей аллее, от шалаша до самой калитки...

Поздней ночью, когда на деревне погаснут огни, когда в небе уже высоко блещет бриллиантовое семизвездие Стожар, ещё раз пробежишь в сад. Шурша по сухой листве, как слепой, доберешься до шалаша. Там на полянке немного светлее, а над головой белеет Млечный Путь.

– Это вы, барчук? – тихо окликает кто-то из темноты.

– Я. А вы не спите ещё, Николай?

– Нам нельзя-с спать. А, должно, уже поздно? Вон, кажись, пассажирский поезд идет...

Долго прислушиваемся и различаем дрожь в земле. Дрожь переходит в шум, растет, и вот, как будто уже за самым садом, ускоренно выбивают шумный такт колеса: громыхая и стуча, несется поезд... ближе, ближе, все громче и сердитее... И вдруг начинает стихать, глоснуть, точно уходя в землю...

– А где у вас ружье, Николай?

– А вот возле ящика-с.

Вскинешь кверху тяжелую, как лом, одностволку и с маху выстрелишь. Багровое пламя с оглушительным треском блеснет к небу, ослепит на миг и погасит звезды, а бодрое эхо кольцом грянет и раскатится по горизонту, далеко-далеко замирая в чистом и чутком воздухе.

– Ух, здорово! – скажет мещанин. – Потрачайте, потрачайте, барчук, а то просто беда! Опять всю дулю на валу отрясли...

А черное небо чертят огнистыми полосками падающие звезды. Долго глядишь в его темно-синюю глубину, переполненную созвездиями, пока не поплывет земля под ногами. Тогда встрепенешься и, пряча руки в рукава, быстро побежишь по аллее к дому... Как холодно, росисто и как хорошо жить на свете!

II

«Ядреная антоновка – к веселому году». Деревенские дела хороши, если антоновка уродилась: значит, и хлеб уродился... Вспоминается мне урожайный год.

На ранней заре, когда ещё кричат петухи и по-черному дымятся избы, распахнешь, бывало, окно в прохладный сад, наполненный лиловатым туманом, сквозь который ярко блестит кое-где утреннее солнце, и не утерпишь – велишь поскорее заседлывать лошадь, а сам побежишь умываться на пруд. Мелкая листва почти вся облетела с прибрежных лозин, и сучья сквозят на бирюзовом небе. Вода под лозинами стала прозрачная, ледяная и как будто тяжелая. Она мгновенно прогоняет ночную лень, и, умывшись и позавтракав в людской с работниками горячими картошками и черным хлебом с крупной сырой солью, с наслаждением чувствуешь под собой скользкую кожу седла, проезжая по Выселкам на охоту. Осень – пора престольных праздников, и народ в это время прибран, доволен, вид деревни совсем не тот, что в другую пору. Если же год урожайный и на гумнах возвышается целый золотой город, а на реке звонко и резко гогочут по утрам гуси, так в деревне и совсем не плохо. К тому же наши Выселки спокон веку, ещё со времен дедушки, славились «богатством». Старики и старухи жили в Выселках очень подолгу, – первый признак богатой деревни, – и были все высокие, большие и белые, как лунь. Только и слышишь бывало: «Да, – вот Агафья восемьдесят три годочка отмахала!» – или разговоры в таком роде:

- И когда это ты умрешь, Панкрат? Небось тебе лет сто будет?
- Как изволите говорить, батюшка?
- Сколько тебе годов, спрашиваю!
- А не знаю-с, батюшка.
- Да Платона Аполлоныча-то помнишь?
- Как же-с, батюшка, – явственно помню.
- Ну, вот видишь. Тебе, значит, никак не меньше ста.

Старик, который стоит перед барином вытянувшись, кротко и виновато улыбается. Что ж, мол, делать, – виноват, зажился. И он, вероятно, ещё более зажился бы, если бы не объелся в Петровки луку.

Помню я и старуху его. Все, бывало, сидит на скамеечке, на крыльце, согнувшись, трясая головой, задыхаясь и держась за скамейку руками, – все о чем-то думает. «О добре своем небось», – говорили бабы, потому что «добра» у неё в сундуках было, правда, много. А она будто и не слышит; подслеповато смотрит куда-то вдаль из-под грустно приподнятых бровей, трясет головой и точно силится вспомнить что-то. Большая была старуха, вся какая-то темная. Панева – чуть не прошлого столетия, чуньки – покойницкие, шея – желтая и высохшая, рубаха с канифасовыми косяками всегда белая-белая, – «совсем хоть в гроб клади». А около крыльца большой камень лежал: сама купила себе на могилку, так же как и саван, – отличный саван, с ангелами, с крестами и с молитвой, напечатанной по краям.

Под стать старикам были и дворы в Выселках: кирпичные, строенные ещё дедами. А у богатых мужиков – у Савелия, у Игната, у Дрона – избы были в две-три связи, потому что делиться в Выселках ещё не было моды. В таких семьях водили пчел, гордились жеребцом-битюгом сиво-железного цвета и держали усадьбы в порядке. На гумнах темнели густые и тучные конопляники, стояли овины и риги, крытые вприческу; в пуньках и амбарчиках были железные двери, за которыми хранились холсты, прялки, новые полушубки, наборная сбруя, меры, окованные медными обручами. На воротах и на санках были выжжены кресты. И помню, мне порою казалось на редкость заманчивым быть мужиком. Когда, бывало, едешь солнечным утром по деревне, все думаешь о том, как хорошо косить, молотить, спать на гумне в ометах, а в праздник встать вместе с солнцем, под густой и музыкальный благовест из села, умыться около бочки и надеть чистую замашную рубаху, такие же портки и несокрушимые сапоги с подковками. Если же, думалось, к этому прибавить здоровую и красивую жену в праздничном уборе да поездку к обедне, а потом обед у бородатого тестя, обед с горячей бараниной на деревянных тарелках и с ситниками, с сотовым медом и брагой, – так больше и желать невозможно!

Склад средней дворянской жизни ещё и на моей памяти, – очень недавно, – имел много общего со складом богатой мужицкой жизни по своей домовитости и сельскому старосветскому благополучию. Такова, например, была усадьба тетки Анны Герасимовны, жившей от Выселок верстах в двенадцати. Пока, бывало, едешь до этой усадьбы, уже совсем ободняется. С собаками, на сворах ехать приходится шагом, да и спешить не хочется, – так весело в открытом поле в солнечный и прохладный день! Местность ровная, видно далеко. Небо легкое и такое просторное и глубокое. Солнце сверкает сбоку, и дорога, укатанная после дождей телегами, замаслилась и блестит, как рельсы. Вокруг раскидываются широкими косяками свежие, пышно-зеленые озими. Взовьется откуда-нибудь ястребок в прозрачном воздухе и замрет на одном месте, трепеща острыми крылышками. А в ясную даль убегают четко видные телеграфные столбы, и проволоки их, как серебряные струны, скользят по склону ясного неба. На них сидят кобчики, – совсем черные значки на нотной бумаге.

Крепостного права я не знал и не видел, но, помню, у тетки Анны Герасимовны чувствовал его. Въедешь во двор и сразу ощутишь, что тут оно ещё вполне живо. Усадьба – небольшая, но вся старая, прочная, окруженная столетними березами и лозинами. Надворных построек – невысоких, но домовитых – множество, и все они точно слиты из темных, дубовых бревен под соломенными крышами. Выделяется величиной или, лучше сказать, длиной только почерневшая людская, из которой выглядывают последние могикане дворового сословия – какие-то ветхие старики и старухи, дряхлый повар в отставке, похожий на Дон-Кихота. Все они, когда въезжаешь во двор, подтягиваются и низко-низко кланяются. Седой кучер, направляющийся от каретного сарая взять лошадь, ещё у сарая снимает шапку и по всему двору идет с обнаженной головой. Он у тетки ездил фореитором, а теперь возит её к обедне, – зимой в возке, а летом в крепкой, окованной железом тележке, вроде тех, на которых ездят попы. Сад у тетки славился своею запущенностью, соловьями, горlinkами и яблоками, а дом – крышей. Стоял он во главе двора, у самого сада, – ветви лип обнимали его, – был невелик и приземист, но казалось, что ему и веку не будет, – так основательно глядел он из-под своей необыкновенно высокой и толстой соломенной крыши, почерневшей и затвердевшей от времени. Мне его передний фасад представлялся всегда живым: точно старое лицо глядит из-под огромной шапки впадинами глаз, – окнами с перламутровыми от дождя и солнца стеклами. А по бокам этих глаз были крыльца, – два старых больших крыльца с колоннами. На фронтоне их всегда сидели сытые голуби, между тем как тысячи во-

робьев дождем пересыпались с крыши на крышу... И уютно чувствовал себя гость в этом гнезде под бирюзовым осенним небом!

Войдешь в дом и прежде всего услышишь запах яблок, а потом уже другие: старой мебели красного дерева, сушеного липового цвета, который с июня лежит на окнах... Во всех комнатах – в лакейской, в зале, в гостиной – прохладно и сумрачно: это оттого, что дом окружен садом, а верхние стекла окон цветные: синие и лиловые. Всюду тишина и чистота, хотя, кажется, кресла, столы с инкрустациями и зеркала в узеньких и витых золотых рамах никогда не трогались с места. И вот слышится покашливание: выходит тетка. Она небольшая, но тоже, как и все кругом, прочная. На плечах у неё накинута большая персидская шаль. Выйдет она важно, но приветливо, и сейчас же под бесконечные разговоры про старину, про наследства, начинают появляться угощения: сперва «дули», яблоки, – антоновские, «бель-барыня», боровинка, «плодовитка», – а потом удивительный обед: вся насквозь розовая вареная ветчина с горошком, фаршированная курица, индюшка, маринады и красный квас, – крепкий и сладкий-пресладкий... Окна в сад поднят, и оттуда веет бодрой осенней прохладой...

III

За последние годы одно поддерживало угасающий дух помещиков – охота.

Прежде такие усадьбы, как усадьба Анны Герасимовны, были не редкость. Были и разрушающиеся, но все ещё жившие на широкую ногу усадьбы с огромным помещьем, с садом в двадцать десятин. Правда, сохранились некоторые из таких усадеб ещё и до сего времени, но в них уже нет жизни... Нет троек, нет верховых «киргизов», нет гончих и борзых собак, нет дворни и нет самого обладателя всего этого – помещика-охотника, вроде моего покойного шурина Арсения Семеныча.

С конца сентября наши сады и гумна пустели, погода, по обыкновению, круто менялась. Ветер по целым дням рвал и трепал деревья, дожди поливали их с утра до ночи. Иногда к вечеру между хмурыми низкими тучами пробивался на западе трепещущий золотистый свет низкого солнца; воздух делался чист и ясен, а солнечный свет ослепительно сверкал между листвою, между ветвями, которые живо сеткою двигались и волновались от ветра. Холодно и ярко сияло на севере над тяжелыми свинцовыми тучами жидкое голубое небо, а из-за этих туч медленно выплывали хребты снеговых гор-облаков. Стоишь у окна и думаешь: «Авось, Бог даст, распогодится». Но ветер не унимался. Он волновал сад, рвал непрерывно бегущую из трубы людской струю дыма и снова нагонял зловещие космы пепельных облаков. Они бежали низко и быстро – и скоро, точно дым, затуманивали солнце. Погасал его блеск, закрывалось окошечко в голубое небо, а в саду становилось пустынно и скучно, и снова начинал сеять дождь... сперва тихо, осторожно, потом все гуще и, наконец, превращался в ливень с бурей и темнотою. Наступала долгая, тревожная ночь...

Из такой трепки сад выходил почти совсем обнаженным, засыпанным мокрыми листьями и каким-то притихшим, смирившимся. Но зато как красив он был, когда снова наступала ясная погода, прозрачные и холодные дни начала октября, прощальный праздник осени! Сохранившаяся листва теперь будет висеть на деревьях уже до первых зазимков. Черный сад будет сквозить на холодном бирюзовом небе и покорно ждать зимы, пригреваясь в солнечном блеске. А поля уже резко чернеют пашнями и ярко зеленеют закустившимися озимями... Пора на охоту!

И вот я вижу себя в усадьбе Арсения Семеныча, в большом доме, в зале, полной солнца и дыма от трубок и папирос. Народу много – все люди загорелые, с обветренными лицами, в поддевках и длинных сапогах. Только что очень сытно пообедали, раскраснелись и возбуждены шумными разговорами о предстоящей охоте,

но не забывают допивать водку и после обеда. А на дворе трубит рог и завывают на разные голоса собаки. Черный борзой, любимец Арсения Семеныча, взлезает на стол и начинает пожирать с блюда остатки зайца под соусом. Но вдруг он испускает страшный визг и, опрокидывая тарелки и рюмки, срывается со стола: Арсений Семеныч, вышедший из кабинета с арапником и револьвером, внезапно оглушает залу выстрелом. Зала ещё более наполняется дымом, а Арсений Семеныч стоит и смеется.

– Жалко, что промахнулся! – говорит он, играя глазами.

Он высок ростом, худощав, но широкоплеч и строен, а лицом – красавец цыган. Глаза у него блестят дико, он очень ловок, в шелковой малиновой рубашке, бархатных шароварах и длинных сапогах. Напугав и собаку и гостей выстрелом, он шуточно-важно декламирует баритоном:

*Пора, пора седлать проворного донца
И звонкий рог за плечи перекинуть! –*

и громко говорит:

– Ну, однако, нечего терять золотое время!

Я сейчас ещё чувствую, как жадно и емко дышала молодая грудь холодом ясного и сырого дня под вечер, когда, бывало, едешь с шумной ватагой Арсения Семеныча, возбужденный музыкальным гамом собак, брошенных в чернолесье, в какой-нибудь Красный Бугор или Гремячий Остров, уже одним своим названием волнующий охотника. Едешь на злом, сильном и приземистом «киргизе», крепко сдерживая его поводьями, и чувствуешь себя слитым с ним почти воедино. Он фыркает, просится на рысь, шумно шуршит копытами по глубоким и легким коврам черной осыпавшейся листвы, и каждый звук гулко раздаётся в пустом, сыром и свежем лесу. Тявкнула где-то вдалеке собака, ей страстно и жалобно ответила другая, третья – и вдруг весь лес загремел, точно он весь стеклянный, от бурного лая и крика. Крепко грянул среди этого гама выстрел – и все «заварилось» и покапало куда-то вдалеку.

– Береги-и! – завопил кто-то отчаянным голосом на весь лес.

«А, береги!» – мелькает в голове опьяняющая мысль. Гикнешь на лошадь и, как сорвавшийся с цепи, помчишься по лесу, уже ничего не разбирая по пути. Только деревья мелькают перед глазами да лепит в лицо грязью из-под копыт лошади. Выскочишь из лесу, увидишь на зеленях пеструю, растянувшуюся по земле стаю собак и ещё сильнее наддашь «киргиза» наперерез зверю, – по зеленым, взметам и жнивьям, пока, наконец, не перевалишься в другой остров и не скроется из глаз стая вместе со своим бешеным лаем и стоном. Тогда, весь мокрый и дрожащий от напряжения, осадит вспененную, хрипящую лошадь и жадно глотаешь ледяную сырость лесной долины. Вдали замирают крики охотников и лай собак, а вокруг тебя – мертвая тишина. Полуоткрытый строевой лес стоит неподвижно, и кажется, что ты попал в какие-то заповедные чертоги. Крепко пахнет от оврагов грибной сыростью, перегнившими листьями и мокрой древесной корою. И сырость из оврагов становится все ощутительнее, в лесу холоднее и темнее... Пора на ночевку. Но собрать собак после охоты трудно. Долго и безнадежно-тоскливо звенят рога в лесу, долго слышатся крик, брань и визг собак... Наконец, уже совсем в темноте, вваливается ватага охотников в усадьбу какого-нибудь почти незнакомого холостяка-помещика и наполняет шумом весь двор усадьбы, которая озаряется фонарями, свечами и лампами, вынесенными навстречу гостям из дому...

Случалось, что у такого гостеприимного соседа охота жила по несколько дней. На ранней утренней заре, по ледяному ветру и первому мокрому зазимку, уезжали в леса и в поле, а к сумеркам опять возвращались, все в грязи, с раскрасневшимися лицами, пропахнув лошадиным потом, шерстью затравленно-

го зверя, – и начиналась попойка. В светлом и людном доме очень тепло после целого дня на холоде в поле. Все ходят из комнаты в комнату в расстегнутых поддевах, беспорядочно пьют и едят, шумно передавая друг другу свои впечатления над убитым матерым волком, который, оскалив зубы, закатив глаза, лежит с откинутым на сторону пушистым хвостом среди залы и окрашивает своей бледной и уже холодной кровью пол. После водки и еды чувствуешь такую сладкую усталость, такую негу молодого сна, что как через воду слышишь говор. Обветренное лицо горит, а закроешь глаза – вся земля так и поплывет под ногами. А когда ляжешь в постель, в мягкую перину, где-нибудь в угловой старинной комнате с образничкой и лампадой, замелькают перед глазами призраки огнисто-пестрых собак, во всем теле занает ощущение скачки, и не заметишь, как потонешь вместе со всеми этими образами и ощущениями в сладком и здоровом сне, забыв даже, что эта комната была когда-то молельной старика, имя которого окружено мрачными крепостными легендами, и что он умер в этой молельной, вероятно, на этой же кровати.

Когда случалось проспать охоту, отдых был особенно приятен. Проснешься и долго лежишь в постели. Во всем доме – тишина. Слышно, как осторожно ходит по комнатам садовник, растапливая печи, и как дрова трещат и стреляют. Впереди – целый день покоя в безмолвной уже по-зимнему усадьбе. Не спеша оденешься, побродишь по саду, найдешь в мокрой листве случайно забытое холодное и мокрое яблоко, и почему-то оно покажется необыкновенно вкусным, совсем не таким, как другие. Потом примешься за книги, – дедовские книги в толстых кожаных переплетах, с золотыми звездочками на сафьяновых корешках. Славно пахнут эти, похожие на церковные требники книги своей пожелтевшей, толстой шершавой бумагой! Какой-то приятной кисловатой плесенью, старинными духами... Хороши и заметки на полях, крупно и с круглыми мягкими росчерками сделанные гусиным пером. Развернешь книгу и читаешь: «Мысль, достойная древних и новых философов, цвет разума и чувства сердечного»... И невольно увлечешься и самой книгой. Это – «Дворянин-философ», аллегория, изданная сто лет тому назад иждивением какого-то «кавалера многих орденов» и напечатанная в типографии приказа общественного призрения, – рассказ о том, как «дворянин-философ, имея время и способность рассуждать, к чему разум человека возноситься может, получил некогда желание сочинить план света на просторном месте своего селения»... Потом натолкнешься на «сатирические и философские сочинения господина Вольтера» и долго упиваешься милым и манерным слогом перевода: «Государь мой! Эразм сочинил в шестнадцатом столетии похвалу дурачеству (манерная пауза, – точка с запятой); вы же приказываете мне превознести пред вами разум...» Потом от екатерининской старины перейдешь к романтическим временам, к альманахам, к сантиментально-напыщенным и длинным романам... Кукушка выскакивает из часов и насмешливо-грустно кукует над тобою в пустом доме. И понемногу в сердце начинает крадываться сладкая и странная тоска...

Вот «Тайны Алексиса», вот «Виктор, или Дитя в лесу»: «Бьет полночь! Священная тишина заступает место дневного шума и веселых песен поселян. Сон простирает мрачные крылья свои над поверхностью нашего полушария; он стрясает с них мак и мечты... Мечты... Как часто продолжают оне токмо страдания злощастнаго!..» И замелькают перед глазами любимые старинные слова: скалы и дубравы, бледная луна и одиночество, привидения и призраки, «ероты», розы и лилии, «проказы и резвости младых шалунов», лилейная рука, Людмилы и Алины... А вот журналы с именами Жуковского, Батюшкова, лицеиста Пушкина. И с грустью вспомнишь бабушку, её полонезы на клавикордах, её томное чтение стихов из «Евгения Онегина». И старинная мечтательная жизнь встанет перед тобою... Хорошие девушки

и женщины жили когда-то в дворянских усадьбах! Их портреты глядят на меня со стены, аристократически-красивые головки в старинных прическах кротко и женственно опускают свои длинные ресницы на печальные и нежные глаза...

IV

Запах антоновских яблок исчезает из помещичьих усадеб. Эти дни были так недавно, а меж тем мне кажется, что с тех пор прошло чуть не целое столетие. Перемерли старики в Выселках, умерла Анна Герасимовна, застрелился Арсений Семеныч... Наступает царство мелкопоместных, обедневших до нищенства. Но хороша и эта нищенская мелкопоместная жизнь!

Вот я вижу себя снова в деревне, глубокой осенью. Дни стоят синеватые, пасмурные. Утром я сажусь в седло и с одной собакой, с ружьем и с рогом уезжаю в поле. Ветер звонит и гудит в дуло ружья, ветер крепко дует навстречу, иногда с сухим снегом. Целый день я скитаюсь по пустым равнинам... Голодный и прозябший, возвращаюсь я к сумеркам в усадьбу, и на душе становится так тепло и отрадно, когда замелькают огоньки Выселок и потянет из усадьбы запахом дыма, жилья. Помню, у нас в доме любили в эту пору «сумерничать», не зажигать огня и вести в полутемноте беседы. Войдя в дом, я нахожу зимние рамы уже вставленными, и это ещё более настраивает меня на мирный зимний лад. В лакейской работник топит печку, и я, как в детстве, сажусь на корточки около вороха соломы, резко пахнущей уже зимней свежестью, и гляжу то в пылающую печку, то на окна, за которыми, синяя, грустно умирают сумерки. Потом иду в людскую. Там светло илюдно: девки рубят капусту, мелькают сечки, я слушаю их дробный, дружный стук и дружные, печально-веселые деревенские песни... Иногда заедет какой-нибудь мелкопоместный сосед и надолго увезет меня к себе... Хороша и мелкопоместная жизнь!

Мелкопоместный встает рано. Крепко потянувшись, поднимается он с постели и крутит толстую папиросу из дешевого, черного табаку или просто из махорки. Бледный свет раннего ноябрьского утра озаряет простой, с голыми стенами кабинет, желтые и заскорузлые шкурки лисиц над кроватью и коренастую фигуру в шароварах и распоясанной косоворотке, а в зеркале отражается заспанное лицо татарского склада. В полутемном, теплом доме мертвая тишина. За дверью в коридоре похрапывает старая кухарка, жившая в господском доме ещё девчонкою. Это, однако, не мешает барину хрипло крикнуть на весь дом:

– Лукерья! Самовар!

Потом, надев сапоги, накинув на плечи поддевку и не застегивая ворота рубахи, он выходит на крыльцо. В запертых сенях пахнет псиной; лениво потягиваясь, с визгом зевая и улыбаясь, окружают его гончие.

– Отрыж! – медленно, снисходительным басом говорит он и через сад идет на гумно. Грудь его широко дышит резким воздухом зари и запахом озябшего за ночь, обнаженного сада. Свернувшиеся и почерневшие от мороза листья шуршат под сапогами в березовой аллее, вырубленной уже наполовину. Вырисовываясь на низком сумрачном небе, спят нахохленные галки на гребне риги... Славный будет день для охоты! И, остановившись среди аллеи, барин долго глядит в осеннее поле, на пустынные зеленые озими, по которым бродят телята. Две гончие суки повизгивают около его ног, а Заливай уже за садом: перепрыгивая по колким жнивьям, он как будто зовет и просится в поле. Но что сделаешь теперь с гончими? Зверь теперь в поле, на взметах, на чернотропе, а в лесу он боится, потому что в лесу ветер шуршит листвою... Эх, кабы борзые!

В риге начинается молотьба. Медленно расходясь, гудит барабан молотилки. Лениво натягивая постромки, упираясь ногами по навозному кругу и качаясь, идут лошади в приводе. Посреди привода, вращаясь на скамеечке, сидит погонщик и

однотонно покрикивает на них, всегда хлестая кнутом только одного бурого мерина, который ленивее всех и совсем спит на ходу, благо глаза у него завязаны.

– Ну, ну, девки, девки! – строго кричит степенный подавальщик, облачаясь в широкую холщовую рубаху.

Девки торопливо разметают ток, бегают с носилками, метлами.

– С Богом! – говорит подавальщик, и первый пук старновки, пущенный на пробу, с жужжаньем и визгом пролетает в барабан и растрепанным веером возносится из-под него кверху. А барабан гудит все настойчивее, работа закипает, и скоро все звуки сливаются в общий приятный шум молотьбы. Барин стоит у ворот риги и смотрит, как в её темноте мелькают красные и желтые платки, руки, грабли, солома, и все это мерно двигается и суетится под гул барабана и однообразный крик и свист погонщика. Хоботье облаками летит к воротам. Барин стоит, весь посеревший от него. Часто он поглядывает в поле... Скоро-скоро забелеют поля, скоро покроет их зазимок...

Зазимок, первый снег! Борзых нет, охотиться в ноябре не с чем; но наступает зима, начинается «работа» с гончими. И вот опять, как в прежние времена, съезжаются мелкопоместные друг к другу, пьют на последние деньги, по целым дням пропадают в снежных полях. А вечером на каком-нибудь глухом хуторе далеко светятся в темноте зимней ночи окна флигеля. Там, в этом маленьком флигеле, плавают клубы дыма, тускло горят сальные свечи, настраивается гитара...

*На сумерки буен ветер загулял,
Широки мои ворота растворял, –*

начинает кто-нибудь грудным тенором. И прочие нескладно, прикидываясь, что они шутят, подхватывают с грустной, безнадежной удалью:

*Широки мои ворота растворял,
Белым снегом путь-дорогу заметал...*

АФАНАСИЙ ФЕТ

Вечерний звон

Памяти Козлова

*Мечтанье было то иль сон?
Мне слышался вечерний звон;
А над рекою, под холмом,
Стоял забытый сельский дом,
И перелив тяжелых дум
Давил мне сердце, мучил ум.
Пустынный дом! где твой жилаец?
Увы! вдали поэт-слепец
О родине не забывал
И сладкозвучно тосковал.
Он спит: его глубокий сон
Уж не прервет вечерний звон.
Но что ж, – певец земных скорбей,
Ты не умрешь в сердцах людей! –
Так я мечтал – и надо мной
Пронесся чрез эфир пустой
Какой-то грусти полный стон,
И я запел «Вечерний звон».*

Ave Maria

*Ave Maria – лампада тиха,
В сердце готовы четыре стиха:*

*Чистая Дева, Скорбящего Мать,
Душу проникла Твоя благодать.
Неба Царица, не в блеске лучей,
В тихом предстань сновидении Ей!*

*Ave Maria – лампада тиха,
Я прошептал все четыре стиха.*

«О, не зови!»

*О, не зови! Страстей твоих так звонок
Родной язык.
Ему внимать и плакать, как ребенок,
Я так привык!
Передо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь,
Я знаю край, где всё, что может сниться,
Трепещет въявь.
Скажи, не я ль на первые воззванья
Страстей в ответ
Искал блаженств, которым нет названья
И меры нет?
Что ж? Рухнула с разбега колесница,
Хоть цель вдали,
И распростерт заносчивый возница
Лежит в пыли.
Я это знал – с последним увлеченьем
Конец всему;
Но самый прах с любовью, с наслажденьем
Я обойму.
Так передо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь!
Я знаю край, где всё, что может сниться,
Трепещет въявь.
И не зови – но песню наудачу
Любви запой;
На первый звук я как дитя заплачу –
И за тобой!*

«Последний звук умолк в лесу глухом...»

*Последний звук умолк в лесу глухом,
Последний луч погаснул за горою...
О, скоро ли в безмолвии ночном,
Прекрасный друг, увижусь я с тобою?*

О, скоро ли младенческая речь
 В испуг мое изменит ожиданье?
 О, скоро ли к груди моей прилечь
 Ты поспешишь, вся трепет, вся желанье?
 Скользит туман прозрачный над рекой,
 Как твой покров, свиваясь и белея...
 Час фей настал! Увижусь ли с тобой
 Я в царстве фей, мечтательная фея?
 Иль заодно с тобой и ночь, и мгла
 Меня томят и нежат в заблужденьи?
 Иль это страсть больная солгала
 И жар ночной потухнет в песнопеньи?

**«В темноте,
на треножнике ярком...»**

В темноте, на треножнике ярком
 Мать варила черешни вдали...
 Мы с тобой отворили калитку
 И по темной аллее пошли.
 Шли мы розно. Прохлада ночная
 Широко между нами плыла.
 Я боялся, чтоб в помысле смелом
 Ты меня упрекнуть не могла.
 Как-то странно мы оба молчали
 И странней сторонились прочь...
 Говорила за нас и дышала
 Нам в лицо благовонная ночь.

Ответ Тургеневу

Поэт! ты хочешь знать, за что такой любовью
 Мы любим родину с тобой?
 Зачем в разлуке с ней, наперекор злословью,
 Готово сердце в нас истечь до капли кровью
 По красоте её родной?
 Что ж! пусть весна у нас позднее и короче,
 Но вот дождались наконец:
 Синей, мечтательней божественные очи,
 И раздражительней немеркнувшие ночи,
 И зеленой её венец.
 Вчера я шел в ночи и помню очертанье
 Багряно-золотистых туч.
 Не мог я разгадать: то яркое сиянье —
 Вечерней ли зари последнее прощанье
 Иль утра пламенного луч?
 Как будто среди дня, замолкнувши мгновенно,
 Столица севера спала,
 Под обаяньем сна горда и неизменна,
 И над громадой ночь, бледна и вдохновенна,

*Как ясновидящая шла.
Не верилось мне, а взоры различали,
Скользя по ясной синеве,
Чьи корабли вдали на рейде отдыхали, —
А воды, не струясь, под ними отражали
Все флаги пестрые в Неве.
Заныла грудь моя — но в думах окрыленных
С тобой мы встретились, друг!
О, верь, что никогда в объятьях раскаленных
Не мог таких ночей, вполне разоблаченных,
Лелеять сладострастный юг!*

Туманное утро

*Как первый золотистый луч
Меж белых гор и сизых туч
Скользит уступами вершин
На темя башен и руин,
Когда в долинах, полных мглой,
Туман недвижим голубой, —
Пусть твой восторг во мглу сердец
Такой кидает свет, певец!
И как у розы молодой,
Рожденной раннею зарей,
Когда ещё палящих крыл
Полудня ветер не раскрыл
И влажный вздох туман ночной
Меж небом делит и землей,
Росинка катится с листа, —
Пусть будет песнь твоя чиста.*

ФЕДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ

Весенние воды

*Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут, и блещут, и гласят...
Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет,
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед!
Весна идет, весна идет,
И тихих, теплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней!..»*

Silentium!*

Молчи, скрывайся и таи
 И чувства и мечты свои –
 Пускай в душевной глубине
 Встают и заходят оне
 Безмолвно, как звезды в ночи, –
 Любуйся ими – и молчи.
 Как сердцу высказать себя?
 Другому как понять тебя?
 Поймет ли он, чем ты живешь?
 Мысль изреченная есть ложь.
 Взрывая, возмутишь ключи, –
 Питайся ими – и молчи.
 Лишь жить в себе самом умей –
 Есть целый мир в душе твоей
 Таинственно-волшебных дум;
 Их оглушит наружный шум,
 Дневные разгонят лучи, –
 Внимай их пенью – и молчи!..

* *Silentium* – Молчание! (лат.)

Конь морской

О рьяный конь, о конь морской,
 С бледно-зеленой гривой,
 То смиренный-ласково-ручной,
 То бешено-игривый!
 Ты буйным вихрем вскормлен был
 В широком божьем поле,
 Тебя он прядать научил,
 Играть, скакать по воле!
 Люблю тебя, когда стремглав,
 В своей надменной силе,
 Густую гриву растрепав
 И весь в пару и мыле,
 К брегам направив бурный бег,
 С веселым ржаньем мчишься,
 Копыта кинешь в звонкий берег –
 И в брызги разлетишься!..

* * *

Не верь, не верь поэту, дева;
 Его своим ты не зови –
 И пуще пламенного гнева
 Страшись поэтовой любви!
 Его ты сердца не усвоишь
 Своей младенческой душой;
 Огня палящего не скроешь

*Под легкой девственной фатой.
Поэт всесилен, как стихия,
Не властен лишь в себе самом;
Невольны кудри молодые
Он обожжет своим венцом.
Вотще поносит или хвалит
Его бессмысленный народ...
Он не змиею сердце жалит,
Но, как пчела, его сосет.
Твоей святыни не нарушит
Поэта чистая рука,
Но ненароком жизнь задушит
Иль унесёт за облака.*

«Не рассуждай, не хлопочи!..»

*Не рассуждай, не хлопочи!..
Безумство ищет, глупость судит;
Дневные раны сном лечи,
А завтра быть чему, то будет.*

*Живя, умей все пережить:
Печаль, и радость, и тревогу.
Чего желать? О чем тужить?
День пережит – и слава богу!*

«Я очи знал, – о, эти очи!..»

*Я очи знал, – о, эти очи!
Как я любил их – знает бог!
От их волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не мог.
В непостижимом этом взоре,
Жизнь обнажающем до дна,
Такое слышалось горе,
Такая страсти глубина!
Дышал он грустный, углублённый
В тени ресниц её густой,
Как наслажденье, утомлённый,
И, как страданья, роковой.
И в эти чудные мгновенья
Ни разу мне не довелось
С ним повстречаться без волнения
И любоваться им без слёз.*

* * *

*О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепости страстей
Мы то всего вернее губим,*

Что сердцу нашему милей!
Давно ль, гордясь своей победой,
Ты говорил: она моя...
Год не прошел — спроси и сведай,
Что уцелело от нея?
Куда ланит девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Всё опалили, выжгли слезы
Горячей влагою своей.
Ты помнишь ли, при вашей встрече,
При первой встрече роковой,
Ее волшебны взоры, речи
И смех младенческо-живой?
И что ж теперь? И где ж всё это?
И долговечен ли был сон?
Увы, как северное лето,
Был мимолетным гостем он!
Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь её она легла!
Жизнь отреченья, жизнь страданья!
В её душевной глубине
Ей оставались воспоминанья...
Но изменили и оне.
И на земле ей дико стало,
Очарование ушло...
Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе её цвело.
И что ж от долгого мученья,
Как пепл, сберечь ей удалось?
Боль злую, боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слез!
О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепости страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!..

«Как весел грохот летних бурь!..»

Как весел грохот летних бурь,
Когда, взметая прах летучий,
Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутит небесную лазурь
И опрометчиво-безумно
Вдруг на дубраву набежит,
И вся дубрава задрожит
Широколиственно и шумно!..
Как под незримую пятой,
Лесные гнутся исполины;

*Тревожно ропщут их вершины,
Как совещаюсь меж собой, –
И сквозь внезапную тревогу
Немолчно слышен птичий свист,
И кой-где первый желтый лист,
Крутясь, слетает на дорогу...*

Последняя любовь

*О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!
Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье,
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.
Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство, и безнадежность.*

Проза

ЛЕОНАРД ЗЛОТАРЁВ

ЦЫГАНКА СТЕШКА

Отрывок из романа «Два пророка в одном Отечестве»

По мартовским мёрзлым колчам к Ярищу прогремела повозка. Всё тот же «чубчик», в новых хромовых сапогах, разыскал Стешку на комплексе.

– Мама ждёт, – сказал цыган. – Зовёт к себе.

Значит, это, что было вчера, не сон, это не померещилось? Тетя Груня подарила ей монету, чтобы Стешка могла показать её своей матери из Оболешево. Стешка сунула руку в карман: вот она, эта старинная, полустёршаяся, неизвестно откуда, из каких времен она, эта монетка. Не стесняясь, прямо при Николае, Стешка стала рассматривать её: может, она золотая? На монете выбито что-то. Бедненький, голенький, а волосы кудрявые, шапкой – цыганские. И если эта монетка, этот человечек на монетке – всё правда, то, может быть, правда и то, что вчера сказали ей о Полинке? Разве она, Стешка, не имеет права на эту правду? Блеснул луч, она не в силах от этого отказаться... Луч приведёт её к девочке. Ради ребёнка пойдёшь на всё...

Всё это Стешка объясняла себе, оправдывала себя, однако неотвратимое сверх сил тянуло её как бы в пропасть, которая вот-вот разверзнется, поглотит её, она упадёт, погибнет, но удержать себя уже невозможно, и она летит вниз, к пороку, замирая и вождедая при одном только виде «чубчика»... И только глаза Егоровы ввинчиваются в неё, печальные такие глаза. «Прости, Егор-Егорушка, я люблю тебя»...

– Едем! – кивнула она Николаю, и волосы её, игривые змеи, вырвались и раскатились по свободным плечам.

На сей раз в хате кузнеца Могуты не было никого. И наружи было меньше повозок. «Шлындают по дворам, – догадалась Стешка. – Каждый себе кусок зарабатывает по-своему».

Тётка Груня, её новая мать, не знала, куда Стешку и усадить. На столе появилось многое из того, чего тогда не было. Особенно куры – жареные, варёные, пареные. «Вчера воровали – сегодня уже угощают», – усмехнулась Стешка. Бронзоволикая, до того неподвижная, приблизилась к Стешке цыганка – старая Панка.

– Купили, дочечка, купили, – коснулась она Стешкиного плеча.

– Ешь-ешь, не гляди на нас, мы наетые.

А потом пили чай. Все втроем расселись по лавке. Стешка у них посрединке. И стали они вдвоём, справа и слева, по очереди рассказывать Стешке, как жили они, живут, как кочуют, и не надо им жизни другой. Знаем-знаем, всё спорят люди, откуда мы – из Египта или из Индии да как мы, цыгане, попали сюда. Это всё записано в наших песнях, которым тысячи лет. Нас покоряли, а мы не покорились. Нас склоняли к вере своей, а мы не склонились. Те, какие покорились, остались на родине, а мы – другой веры – покинули родину, и с той поры свобода наша там, где живём. Книг не пишем, в библиотеки не ходим, а свой язык не теряем. Поём и пляшем, как наши предки, так будут плясать и петь наши дети. «Она нам не верит, мы для неё цыгане, которые бродят, бродяги, воруют кур»...

– Эй, Николай! – крикнула тётка Груня на кухню. – Подай гитару!

Явилась гитара. И птицы порхнули под пальцы, заговорила струна:

– Мой костёр в тумане светит...

«Угадала? – улыбнулась довольная Стешка. – Мою песню, мою»...

– Кто-то мне судьбу предскажет,

Кто-то завтра, милый мой, –

пела немолодая цыганка. И монисты побрснькивали у неё на груди и подрагивали, загорались очи живым, неугасимым блеском от биения сердца, как загорались они и у тех, что, может быть, тысячу лет тому вот так же сидели у тёплого моря, у песчаного берега, алмазных пещер.

«Какая красивая! – любовалась ею крупноглазая Стешка, взгляда просто не могла от неё оторвать. – Она моя мать».

«Она нам не верит, что мы дали ей жизнь, она тоже цыганка. Не верит мне – не верит себе. Плохо человеку, который не верит».

– На груди моей развяжет

Узел, стянутый тобой...

И старая Панка, как стоймя стоящая прокопчённая матица, коричневая, в прожилках вся, комель грушевый, древняя, как икона. И кем рисована, чьей кисти, жива и жить будет, пока гитара в этих её безумных руках.

«Она должна знать, где Полинка моя, – замерла Стешка. – Обязана сказать, если она мне мать по крови, моя настоящая мать».

– На, – передали Стешке гитару.

– Давай.

И положила Стешка руку на струны, пальцы как тут и бывали. А ведь никогда не брала прежде гитары-то, никогда.

– Я уйду с толпой цыганок

За кибиткой кочевой, –

запела она низким, воркующим голосом, и струны сгустили сумерки, сделали одиноким костер.

– Боже мой, – раскачивалась тётка Груня, пожившая уже, отбедовавшая, – и ты ещё думаешь, что ты не цыганка? Ты – наша, таборная, ты из нашего табора, ты – моя дочь.

«Она должна мне сказать, где Полинка, она должна мне сказать».

– Иди к нам сюда, нам нужны такие, как ты, красивые и молодые, – говорила ей тётка Груня. – Мы без вас, молодых, пропадём.

– Нам нужны, – подтверждала старая Панка. – Мы научим тебя нашим песням, сокровениям голоса, таинствам души...

– Мы научим.

– Мы научим тебя нашим танцам, сокровениям тела.

– Научим.

– И ты полюбишь цыгана – человека из нашего табора, – совсем другим голосом сказала вдруг тётка Груня. – Вот его! – И из кухни вышел преследователь Шешкин в её снах и кошмарах, что был тогда у костра с «чубчиком» на «колыме». – Он – Барон, ты была завещана ему, когда родилась. Мы обменяли вас кольцами.

– Нет! – закричала Шешка. – Я у вас не жила, не жила! Вы всё это выдумали.

Тётка Груня взяла у Шешки гитару, положила руку на струны.

– Скажи «да», – говорила она, улыбаясь своим внутренним ведьминым чувствам, – и ты будешь петь на сцене, выступать на концертах.

– Соглашайся, – качалась старая Панка.

– Нет!

– Скажешь «да», и люди будут целовать тебе краешек платья. Ты будешь петь даже в «Ромэне», Шешка Сторожевая, в зале будут ломиться к тебе.

– Соглашайся.

– Нет-нет! Ты – ведьма.

– Ну, хорошо, хорошо! – присела на стул тётка Груня и сказала совсем другим тоном: – Согласись, Шешка, и мы укажем место, где твоя дочь.

– Да! – вырвалось из груди измученной Шешки.

И тут же на Шешкины плечи легли руки Барона. Он притянул её к себе, она увидела его совсем близко.

– Нет! – отпрянула Шешка и схватила кухонный нож со стола.

– Шешка, Шешенька, – шагнул он к ней.

– Не подходи! – закричала она и поднесла нож себе к горлу.

Все остолбенели.

– Вот бешеная, – засмеялась старая Панка. – Вся в мать. Такой ты, Груня, была молодой.

Она подошла и обняла Шешку за плечи, старая цыганка. Так и стояли они перед всеми – перед Бароном, перед тёткой Груней, перед теми, кто приехал сюда, в Горбунцы, на повозке и кто зашёл в дверь сюда потихоньку.

– Ты – старый, – сказала Барону беспощадная Шешка. – Я тебя не люблю, я люблю другого – Егора, у меня есть Егор.

И стояла, в гневе по спине разметались дикие волосы.

– Хороша кобылица! – восхищенно смотрели на Шешку цыгане, переговаривались с Бароном. – Ничего, ничего, объездим, пусть на верёвке побегает.

– Объездим, – мрачновато изрёк Барон.

– Уходите, идите отсюда, ромэны, – ворча, прогоняла всех старая Панка.

* * *

Взметался Егор: вторую ночь Шешка дома не ночевала. Ушла с комплекса и пропала. Куда обращаться – к участковому Сеньке Клевцову? Тот сам дома редко ночует, опять укатил куда-то. К дежурному по райотделу?

А ночь опять надвигалась. Холодная, предапрельская. К отцу пойти, всё рассказать? Гордость не позволяет. Может, она ушла к матери? К Петру туда? Тянет яблочко к яблоне, под которой валялось? А может, и на Житень, к Березининым бабкам?

С вечера Егор кидался из угла в угол по сарайкам, по огороду, по саду. Может, она где оступилась, сломала ногу, лежит в овраге, не может дойти до дому? Егор выходил за порог и, подобно волку, перекрывая ветры, кричал не своим голосом в кромешную тьму:

- А-о-у-у-у-ффф! Стешка-а-а!..

Но не отзывался никто. Все в Тигановке спали, даже собаки. И только мартовские коты завывали по крышам, где точили когти то о шифер, то о морду соперника.

К середине ночи Егору начало казаться, что Стешку встретили тут рядом подлётые дорожные, когда она выходила из последнего автобуса, как это было с одной женщиной в Лыково прошлой осенью. Егор оделся и прошел по «аппендиксу» до самого большака. И уже здесь, сложив ладони рупором, опять был по-волчьи, кричал что было сил:

- Стешка-а-а-а!..

Но только трепетали, не падая, тряпками висели на дубах устарелые прошлогодние листья да потрескивала распираемая морозцем земля. Было, однако, хоть глаз коли – ни луны, ни звёзд, только рваные тучи, правда, с просветами, за которыми едва намекались далёкие небесные миры. Может, где-то у большака, на обочине, и стояли чьи-то машины. И может, как в тот раз, бандюги караулили свою новую жертву. Главное – не было Стешки. Подай голос она, даже слабенький, он бы услышал его наверняка.

«Вот ведь как опасно стало жить. Много пришлого, наезжего люду. Бродят в поисках лучшей доли. Бедный народ! Сколько их тут, в Серединной России, выходцев разноплеменных, особо с Кавказа. Селятся в выморочных деревнях ареалами, да где же деревням слабосильным, где одни старики, возродиться! Бедная, несчастная Русь! Чего не мог сделать Мамай, содеют временщики»...

Так думал Егор Тиганов, возвращаясь с большака в хату деда Петраки. И опять принимался ходить из угла в угол, включал настольную лампу, садился за книгу... Оказывается, учёные ведут долгие споры, откуда родом цыгане. Те самые, да, что пришли к нам в Европу через север Африки, через Испанию и которых генетически так невлюбил Адольф. А кого он любил? Оказывается, в древности племена ариев хлынули с Гималаев на Индостан и покорили дравидов. И те, что не попали в касты – ни в какую, даже самую нижнюю, и пошли по миру, зноем палимы, и, свободные, непокорённые, идут до сих пор...

И тут на самом интересном месте забрехала собака. Книжка полетела на пол с коленей, Егор выскочил на порог: в самом деле – собака бродячая. А на том конце Тигановки, где отцов дом, уже успокаивалась другая, отцова собачка. Подождал маленько Егор – собачка совсем успокоилась. Блошка, видать, укусила собачку, как разнервничалась.

И тут пришло ему в голову всё же сходить в Житень. Всё равно уснуть не удастся, лезут в башку всякие бредни. А в Житене у бабки Кати – Березининой бабки – даже если и нет Стешки, так ведь бабка что-то подскажет, ей можно верить, как, бывало, самой тётке Прасковье – Березине.

И Егор двинул во тьму. От Тигановки до Житеня посшибал все кочки, пересчитал все колдобины. На каждой рисковал остаться без зуба, оборвать что-нибудь в животе. А так всё ничего, хорошо, идёшь да идёшь себе – силой воли, большими усилиями, а то и по инерции. Егор сам избавлял себя от ослабления духа, от страхов, которые он стал подмечать в себе после каменного карьера, особенно после специнтерната.

Видать, он не такой уж и грешник, если ему помогает природа: ветром стало разгонять тучи, проклюнулся месяц. И Егору от жизни стало что-то перепадать. Всё же есть на земле высшая справедливость...

Никто сперва не откликнулся. Но Егор по-свойски стукнул в окошко Берегининой хаты, где жила теперь бабка Катя, и ещё разок стукнул тем особым стуком: три коротких подряд и один тихий через промежуток, три точки-тире, от чего загремела щеколда и дверь приоткрылась.

– Ты, Егорушка? – беспокоясь, сказала бабка Катя, разглядывая его перед слабо светящимся месяцем.

Егор присел на коник. Зачерпнул из ведра водицы. Всё косился на горницу, нет ли там, в горнице, Стешки.

– А-а, – поняла его бабка Катя, она была теперь Егору как бы за тётку Прасковью – за Берегиню. – Ищешь Стешку? Да ты успокойся, сынок, успокойся. С детства такая круговая... Не волнуйся, Егор Трофимович, сама придёт, всё расскажет. Вот тогда поглядишь, попомнишь меня. Ночевать тут будешь ай фонарь дать, пойдёшь?

Ночью Стешка проснулась на печке от чьего-то присутствия, рядом кто-то дышал. Стешка вскочила и ударилась о потолок.

– Молчи, – услышала она чужой мужской голос.

Она закричала. Тётка Груня со старой Панкой вскочили, включили свет.

Перед Стешкой стоял все тот же цыган – её преследователь, в белой вышитой рубахе и чёрном жилете – Барон.

– Чего тебе? – сказала она непослушным, каким-то одеревеневшим голосом. – Уйди, постылый.

– Стешка, – придвинулся он к ней.

– Кто Барон? Ты – Барон? – усмехнулась Стешка. – Ты вор и конокрад, ты коней крадёшь, по тебе тюрьма плачет. Уходи! – выхватила она из-под подушки кухонный нож.

Барон задышал тяжело, отступил.

– Я убью её! – крикнул он, оборотясь.

А его уже подталкивали в спину отсюда, в обе лопатки женщины – тётка Груня и старая Панка:

– Уходи, уходи же, выпимши не приходи...

За Бароном накинули крючок на дверь, но спать Стешка уже не могла. Лежала и вслушивалась, что делалось на подворье, возле раkit, где были привязаны лошади, оттуда доносились мужские громкие голоса. А в трубе подсвистывало и вздыхало, разговаривало. Временами ей слышались крики Егора, он звал её откуда-то из-под самых туч, из-под месяца, который проклюнулся вдруг и задержался в окне.

Стешка села на табуретку, готовая выбить головой стёкла и бежать хоть куда отсюда в эту чёрную ночь. Идёт охота на неё, идёт охота...

– Не бойся, дочка, – скрипнула панцирной сеткой тётка Груня.

– Не бойся, – отозвалась старая Панка.

– Он гордый, ночью больше сюда не придёт.

Светло – значит, утро. Стешка приоткрыла один глаз, другой – ни старой Панки, ни тётки Груни, никого. Только она пробежала через кухню, только хотела накинуть крючок, как дверь рывком распахнулась и отлетела в сторону – перед ней стоял всё он же, Барон. Стоял, поигрывая плёточкой.

И только Барон сделал шаг к ней, как Стешка рванулась обратно, выхватила из-под подушки топор.

Он бросил плётку, плюнул и вышел. Стешка опустила на табуретку: ноги её не держали.

И тут в хату вбежали тётка Груня и старая Панка, бросились к Стешке, стали кричать, воздевать руки к небу, рыдать. Стешке стало всё это противно, смешно.

- Не паясничайте, - сказала она низким голосом. - Не ломайте комедию.

- Дочечка, - плакалась перед ней тётка Груня. - Прости ты нас, старых женщин. Мы хотели как лучше. Счастья тебе, чтобы ты навсегда тут осталась, с нами. Прости и этого человека, он же любит тебя, ты не видишь?

«Теперь или никогда, - думала Стешка. - Что знают они о Полинке, иначе зачем же я здесь?»

- Тебе будет с ним хорошо, он - Барон, - приподняла голову тётка Груня. - У вас будет много детей. Два, три, семь, десять, двенадцать - сколько хотите...

- Ха-ха, - рассмеялась Стешка. - Отдайте её или скажите, где она, если знаете, где моя дочь Полинка? А если молчите, значит, всё врёте...

«Надо выбираться отсюда, выбираться надо, но как?»

- Несите гитару! - приказала строптивая Стешка. - Учите меня вашим песням.

И схватила старую Панку, усадила на табурет. Тётка Груня притащила сумку свою и стала выкидывать из неё шали, туфли, вышитые рубахи - все яркое, праздничное, в самом деле, что ли, работала в филармонии?

- А ты думала! В этой шали я пела на сцене в Москве. Из этой серебряной туфельки в мою честь пили шампанское... А этот пояс ещё бабки Панки. Твой, Панка, помнишь, когда ты была молодой?..

Тётка Груня накинула шаль на плечи, встала на каблуки. Обхватись и ты, Стешка, Панкиным поясом, да в расшитой рубахе с половодьем цветов, да в серебряных туфельках, в волосах с алой розой - о, да ты хоть куда. Играй же, играй на гитаре, старая Панка! Пляши и пой, тётка Груня! Эх, да один раз живём на свете, всё равно когда-нибудь помирать.

- По степи широкой, по степи российской

Ехали цыгане в кибитке кочевой.

Слышны звуки песни, песни той раздольной...

Закачалась в правом ухе цыганки серьга, щёлкнула каблукочком серебряная туфелька. Вот-вот метель сорвётся и вихрем в широкую степь. И старая Панка хлопнула ладонью о свою же сухую ладонь да ладонь, да по гитаре, гитаре, да как в бубен, бубен:

«Давай-давай, пошёл-пошёл!» И тётка Груня, передёрнув плечами, откинулась назад, как переломилась в спине, да шелками-монистами, да копной волос до самой земли.

«Ну, укради, укради ещё курицу, - сторала Стешка, такая уж она, ничего не могла с собой поделать. - Да чёрт с ней, с этой курицей! Всё бери да бери, песни зато не укради, оставь что-нибудь и мне»...

- Ладно, учите меня, старые шлюхи, - сказала Стешка, отбирая гитару у Панки. - Хочу, чтобы эта гитара стала моей.

И три дня провела Стешка в хате у кузнеца. Три ночи проспала с топором под подушкой. А провожали её за порог тётка Груня и старая Панка.

- Ой, Стешка, уходишь! - кинули они под конец камень в Стешкину душу. - А вернёшься ведь, попомнишь тогда: наши песни - яд змеиный, они ушли тебе в кровь.

В Тигановку Стешка заявила на четвёртые сутки. Сказала Егору, что побывала в Алатыре, сделала от него, негодяя, аборт.

НАСТЁНИНЫ «АНТАРКИ»

Грешна, ей Богу, грешна! Каюсь: повязало меня по рукам – по ногам одно при-страстие. И чуется мне: влипну я из-за него в какую-нибудь разисторию. Судя по недавним событиям, всё прямиком к этому и идёт.

Дело в том, что нащукала я за свою жизнь по разным чердакам-чуланам немалую кучу всяческой древней всячины: утюги, прялки, скалки, самовары, кринки, поварёшки, ручники, лампы... Всего и не перечесть. Знаю, как любой заядлый собиратель, остановиться теперь уже вовек не остановлюсь. Прямо напасть какая-то на меня навалилась. Вот и этим летом подвернулся мне случайный случай.

Почитай, годков эдак с пять, как опустела у нас на хуторе Настёнина хата. Помнится, преставилась баба в ночь под Ивана Купалу. Чин чином спровадили её со-седы на погост, кто пожалковал, а кто и не очень. Помянули, конечно, расставив на её подворье столы, не без этого.

Может, потому, что наследство у Настёны невеликое – вросшая в землю хатёнка да саманный сарайчишко, ни родичей, ни мало-мальски близких у бабы не оказа-лось. Сыскали горбыль – до лесу-то шаг ступить, как не сыскать? – заколотили им крест-накрест двери-окна, и Настёны как вовсе не бывало.

И стала я примечать: засиротевшая хата с каждым годом всё лишь приседает в лопушняк. Нынешним летом дошло уже до того, что пронырливый репей пролез сквозь проевшиеся крылечные половицы и пустился в цвет, а вдоль крыши, меж обвалившихся стропил, ему вдогонку выколосился дурнопьян.

Вот и надумалось мне как-то наведаться в эту дремь. Боязно, но будто бы кто подталкивает, так и нащёптывает, нащёптывает на ушко: «Чем чёрт не шутит? Вдруг сыщется в Настёнкиной хате то, чего вовек тебе нигде и никогда не раздо-быть?» «Ну и ладно, – порешила, – так тому и быть, только на всякий пожарный надо бы хоть дочку с собой прихватить, всё не так боязно».

Уболтала её на часок отодвинуть холсты-краски: мол, века нашенские доли да угоры вокруг хутора недвижимо возлежали. Куда за это малое время сдвинутся? Хоть и не дюже резво, а всё-таки сманилась моя художница, ведь и сама до старины охоча.

Пришли, значит. Подворье от калитки до крыльца – в чертополохах выше го-ловы. Идём гуськом, я – впереди, прокладываю палкой наотмашь стёжку, позади меня, вспискивая и шарахаясь от крапивы, – дочка Аня.

С горем пополам отодрали горбыль. Изъеденные временем, густо устланные мхом, крылечные половицы чуть дышали. Распахнули мы сальные двери, кое-как, согнувшись в три погибели, пробрались в их пропахшую прогорклой сыростью сутемень. Свет из единственного окошка перекрывал куст задичалого тёрна. На корявых ветках его, пролезших сквозь расколотые шибки окна, от пронырливого сквозняка покачивались седые бороды пыльной паутины.

Пуки трав, берёзовые и дубовые веники, рядками развешенные вдоль проконо-паченных паклей стен, изумрудились от плесени.

– Слава Богу! – возрадовались я, – прихватили отцовский фонарь. Без него в этой халупе и шагу не сделать.

– Давай-ка, пока не поздно, назад, – запротивилась было дочка, пусть в чулане у тётки Насти хоть кудеяровский клад запрятан, чует моё сердце: не к добру мы сюда завернули.

Как только луч света забрызгал по стенам низенькой горницы – оконца вро-вень с землёй, могила, да и только! – местная шустрая нечисть – армады мышей и разномастных козявок – ринулась в панике во все стороны, с истошным писком

зашныряла под ногами, разбегаясь по щелям и норам. Слепнув и потерявшись от резанувшего сверху света, отвратительно засвистела и, задевая нас крылами, в дальний угол, в самую глухую глушь, рванулась пара летучих мышей.

– Где там у нас лампа? – ободряюще чиркнула я спичками и, подхватив из дочериных рук керосинку, установила её на пыльной столешнице. Аня, с малых лет шарахавшаяся от любой повстречавшейся блошки, казалось, оцепенела, и мне, подбившей её на эту жуть, ничего не оставалось делать, как задорным голосом молоть всяческую отвлекающую дребедень.

Уж и не помню, какой я там её, бедняжку, чушью развлекала, только спустя некоторое время, когда потревоженная мелкота, наконец, притаилась и затихла, мы пообвыклись и с немалым любопытством при тусклом свете лампы принялись осматриваться.

Нашим взорам предстало немудрёное Настёнино жилище: на полгорницы с чугунами-ухватами печка, напротив – Божья долонь – повидавший виды дубовый стол. Несколько покрытых густым слоем пыли табуреток, да под окнами – такие же чумазые, с порушенными мышами-молью домоткаными полавочниками, скамьи.

Выпалили поярче фитиль. В свете лампы на изъеденной «шашалом» полке появилась куча мала всяческого посуда, незамысловатого, но без которого в хозяйстве ни за какие коврижки не обойтись. Раскружавленные паутиной, припудренные не одним слоем пыли, давным-давно впавшие в беспамятство, подрёмывали глиняные кубаны и махотки, присоседившись к ним, дотягивали свой век бутылки и склянки какого-то удивительного – буро-карего стекла. За годы горького сиротства в них выстоялась такая гремучая смесь, что теперь уже опасно было приоткрывать с них крышки, вытыкать из их ядовитых горлышек пробки.

На довольно большом полотне – пять вершков в ширину, пять в высоту, – что примостилось меж лицевых окон на заплесневелой, с осыпавшейся штукатуркой стене, под расшитым дробнёньким крестиком полотенцем неожиданно совершенно явственно просматривалась моложавая женщина незаурядной красоты.

Прозеленилось полотенце, изничтожилась рама, но лицо красавицы – а в ней без особого труда была узнаваема сама Настёна – не только не облиняло, не покорибилось временем, наоборот! – из-за её пронзительного взгляда казалось живым.

И неудивительно было бы, если бы отродясь задиристая и своенравная Настёна, тряхнув своими дивными, длиннющими до плеч, янтарными серёжками вдруг с укором вымолвила: «Ну? И чего припёрлись-то? Чего без спросу по чужим хатам шастаете?»

Её пронзительный взгляд манил и притягивал, правда, в то же время какой-то пронизывающе-холодный блеск его заставлял отступить как можно дальше. И ещё! Что за чертовщина? Хозяйка избы безотрывно следила за нашими перемещениями вдоль избы. Куда бы ни отступились мы от портрета, Настёна вослед нам устремляла свои пылающие глаза, стараясь не упустить нас из виду ни на минуту. И правда, влипли!

А тут ещё половицы! Словно живые, они, шаг в сторону – зашевелились, ещё шаг – и застонут, заголосят впричёты. По стенам зашныряли какие-то лохматые, безобразные тени. В кишачих замогильным мраком углах снова кто-то зашуршал, зашущукался и заперепискивался, всё настырнее давая знать, что мы не одни, всё лишь желая показать нам, пришлым, кто в Настёниной хате хозяин.

За окнами ещё полчаса назад ясное пролетье, не предвещавшее никаких напастей, отчего-то вдруг накуксилось, и ни с того ни с сего, в мгновение ока, захолустное подворье ухнуло в беспросветную, кромешную ночь.

То ли рыкнув от привкушения чего-то, ею давно поджидаемого, то ли злобно хохотнув, тяжело дыша, осклабилась, клацнула запором, словно зубами проголо-

дававшая хищница, сырая щербатая дверь. Подтягивая, поддакивая ей, заподпрыгивали, задрезжали на полках миски-плошки.

Жутью, кладбищенской погибелью, могильными пропастями в отсветах керосинки почудились бездонные оконные глазницы. За ними пластался ветер. Непогодь на всю ширь развернула свои воронёные крыла. Сквозь провалы в чердаке, навзрыд, словно по кому-то очень родному, надрываясь, голосил дождь.

Женского утерпежу больше не хватало, как говорится: пора делать ноги. Ой, как пора-а!

Но то ли любопытство взяло верх, то ли что-то не подвластное человеческой воле удерживало нас в этой «нечистой» хатёнке, не позволяло покинуть её до тех пор, покуда не поведает она, уставшая от своих тайн, столько лет в одиночку хранимые ею от всех на свете Настёнины секреты.

Плеснув из керосинки на будто для нас сложенные в печи поленья, разожгли огонь.

Может, оттого, что мы, вопреки окружавшим нас страстям, не сбежали, стены хижины заиграли тёплыми отблесками, на подворье так же внезапно, как и началась круговерть, объявилось затишье.

Покуда я хлопотала у печи, дочь, тоже потихоньку успокоившись, принялась обследовать Настёнино жильё. К сожалению, ничего примечательного, что могло бы пополнить нашу коллекцию старинных вещей, не обнаружилось.

И только под самый конец, обследовав сантиметр за сантиметром избёнку, когда переворостили содержимое огромного кованого сундука: не про будний день изукрашенные ришелье занавески и скатёрки, ненадёванные подшалки, штапельные да ситцевые отрезы, а когда добрались до самого донного доньшка, всё-таки повезло! Да ещё как! В потаённом месте, под кучей всяческого скарба, Настёна, как мы и надеялись, зная «бабские похоронки», в крошечном «вузелочке» сберегала самое дорогое её сердцу.

Души наши распирало от любопытства: что же может находиться в этом любовно расшитом диковинным орнаментом платочке?

Развязали и ахнули: «Да это те же самые «антарки», в которых Настёна красуется на портрете! Да-да! Вот на левой серёжке не достаёт на свисающем до плеч полукружье камешка – самой малой капельки».

Женщины во все века остаются женщинами, а значит, модницами-нарядницами. Ну, какую не соблазнит примерить или хотя бы приложить к ушкам такое старинное диво? Поднесла их дочка к огню, как же загорелись в серёжках, излучая мягкий, ласковый свет, окатные янтари, какими переливами запереливались напитанные солнцем, дробные – с горошину – и крупные – с лещинку – камешки.

Обрадованная находкой, кинулась Аня к зеркалу. Только поднесла серёжку к уху, глядь, а из растрескавшегося, раскружавленного паутиной зеркала смотрит на неё, усмехается Настёна. Не успела дочка ойкнуть, как та, чётко-чётко, будто и впрямь стояла напротив, вымолвила: «Не смей! Триста лет, как мои это антарки!» Аня с перепугу на том же месте и выронила серёжки из рук.

И тут же легчайшая тень метнулась к дверям, послышалось, как в сенях кто-то горько да жалобливо всхлипнул. И только всё стихло, как заходили вдруг ходуном, засотрясались стены хаты, западали порушенные потолочные балки. Изба Настёны по чьей-то неведомой воле принялась рушиться у нас на глазах.

Спохватившись, не до «антарок», мы – ноги в руки – и, не помня себя, вылетели за ворота Настёниного двора. Опротетью – домой, двери – на чепок. Нашарохала нас Настёна – трое суток слова вымолвить не могли.

Не скоро, правда, но когда страсти-мордасти от нашего гостенья в «нечистой» избе поулеглись, припомнилось как бы вдруг, что на Кривом урынке, на самом

краю деревни, докоратывает свои немалые годики тётка Луша. Настёна, вроде, будучи на этом свете, завсегда с ней роднилась. Правда, тётка Лушка не очень-то к ней тянулась. Может, жаба душила рябую Лушку? Сродственница-то, на зависть всем, – сказочной красы, прям-таки Василиса Прекрасная.

И решили мы попроведать ту тётку Лушу. Вдруг что о «живом» Настёнкином портрете знает? Заодно, может, что и о её житье-бытье прояснится. А чтоб умаслить старушку, прикупили в сельпо для неё расцветастый подшалок. Хоть и одной ногой Луша рядышком с Настёной уже стоит, а прихорохориться всё ещё любит по-прежнему. Как сама про то говорит: «Бабское отродье! Куды ж от тряпишного соблазну деваться?»

Приняла, значит, наше подношение тётка Луша с превеликим удовольствием. Справилась, конечно, за какие-такие дела отгдариваемся. А как прознала, о чём любопытничаем, так язык её сам собой и развязался, удержу нет.

И поведала нам старушка без утайки, а может, по вине немалых своих годиков по большей части и приврала, всё, что могла, о своей «сроднице».

Вечера-то в Ранетовке под Петровки ласковые, а ночи тихие, задушевные. Приехали на крылечные порожки и слушали тёткины рассказы до глубокой полуночи.

А начала она издалека, потому как Настёнина тайна пряталась в глубине веков: мол, сказывала Луше её бабка, что ещё при государыне Екатерине, годах эдак в шестидесятых, случился в Ранетовке, которую проиграл в карты помещик Кузяков старшему Шебаршину, случай, в котором не последнюю роль сыграла Лушина пращурка, дворовая девка Настёна Ивашкина.

– Господь не поскупился, одарил ту самую Настёну со всей щедростью. Мало того, что в молодые лета слыла она на пять деревень в округе первой красавицей, так была ещё затейливой сказительницей. Уж у кого она это переняла, от кого этой дели наострилась: от матушки ли своей, от тётки ли какой, кто ж теперь про то ведаёт?

А только прознал о крепостной своей девке Настёнке, о побасках её складных молодой барин Шебаршин. В ту пору был он в самом цвету. Проживал всё больше по чужедальним краям, по Хранциям-Ерманиям. А тут, на девичью беду, затомновал скиталец (а то, поди, не затоскуешь? – пять годочков в своей Ранетовке глаз не казал!) и прикатил к батюшке в усадьбу, на побывку, значит.

Ну, приехал и приехал. Где он и где дворян-то?.. Но только, поговаривали, была у молодого ранетовского барина заковыка – любил всяческую небывальщину слушать да записывать. Сколько под то бумаги извё-ёл! И из заграниции цельный сундук тех-то выдумок привёз. Вот батюшка-то его, старый барин, возьми да и похвастай: мол, да моя девка Настёнка за пояс заткнёт любого твоего рассказчика.

Дальше больше... Дошёл их спор уж и до того, что коли признает молодой барин, послушав девицу, что она превзошла своими рассказами иноземцев, так побился он об заклад, из имени своего он больше ни ногой. Старому барину это ой как по нраву!

Тётка Луша рассказывает, словно кружева плетёт, видать, вся в прабабку удалась. А потому веришь ей на слово, хоть заведомо знаешь: по большей части из того, что накрутила она о своей далёкой пращурке, – сказки-выдумки, за-ради красного словца. Веришь, не веришь, и вдруг прикинешь: а что ж тут небывалое? Покопаться, так, поди, в каждом имении сыскалась бы не одна подобная девичья судьбиношка.

Ведёт Лукерья свой толк про старину стародавнюю, а сама, правда, не забывает посматривать, не чередит, не озорует ли в каком углу на подворье или в саду шкодная ребятня. Ни один Солнцекараул без того, наверно, ещё со времён её пращурки Настёны не обходился.

– Ну и вот... Кликнули, значит, Настёнку: поври-ка, мол, девица, влать, – распалает тётка интерес, – приделась она, конечно, всё ж таки не у себя по двору, по господским залам ступать, и к урочному часу явилась, куды велено.

Уж какие-растакие небылицы неделю к ряду плела им девушка, только барин молодой о своих Хранциях и помнить позабыл. Прямо-таки обалдел от Насти, от голоса её певучего, от стана перегибистого. Правда ли, нет ли, только сказывали: положил молодой Шебаршин на неё глаз, влип, значит, по самый хоботок. Души в ней не чаял. Даже потрет своей дворовой девки заезжему художнику заказал. И на День Ангела подарил. Ну, дак вы наверняка его в засиротевшей хате видели. Пуще глазу берегли этот потрет в Настёнкином семействе. Переходя от бабки к бабке, так и довисел он в простой деревенской избе и до наших дней.

Да и продолжу, значит... Что разнесчастной делать, куды кидаться? Крепостная девка – не вольная птаха. А надобно сказать, стукнуло ей по тому времени семнадцать годочков. Самая невеста. И женихов вокруг ей, что шмелей на июньских клеверах, – улыбнулась тётка Луша, – но сердечушко девичье – попробуй ему прикажи! – ёкало лишь при встрече с пастухом Прохором.

Время шло. Барин не отступался, а промеж Насти да Прохора вызрела любовь нешутошная. Уж и деревня про то прознала, рази ж от людских глаз сокроешься? А как стало Настеньке вовсе невтерпёж от барских приставаний, скрепилась она духом да бухнулась в ноги молодой жене его: мол, так и так, смилуйся, госпожа, не дозволяй Кузьме Алексеичу, законному супружнику вашему, надругаться над девичьей невинностью.

Барыньке, – что ей до Настёны? – о себе впору печаловаться, – по всему видать, и впрямь заболел молодой муженёк её, променял свою барыньку благородную на простушку, девку подневольную. Вот и уговорила она свёкра своё, старого барина Алексея Никандрьча, выдать поскорей девицу замуж. За кого? Да хочь за вдового кузнеца Ерёмку. Благо, что бездетного.

С девкой порешили, а как быть с её любушкой Прошкой? А тут и говорить не об чем! И забрили Прохора во солдаты. Это нынче не успел парень за ружо подержаться – уж и в обратку сбирайся. А раньше-то – шутка ли дело? – расставанье ажни на двадцать пять годочков! Попробуй дождись... Бабий век, знамо дело, – что маков цвет, и налюбиться не успеешь, глядь, уж осыпался. Да-а-а... А поту пору, сказывали, забунтовал мужиков по Руси какой-то лихой казак Пугач. Вот и попал солдат Прошка под его сабельку острую.

Как уж там случилось, но долетела всё ж таки весточка об его гибели и до нашей Ранетовки. Жалковала по парню родня, а пуще всех убивалась разнесчастная Настёна. Видано ли, сколько бедствияв разом навалилось на её головушку: и любушки вовек не воротить, и барин Алексей Никандрьч, чтобы потрафить невестушке, стоит на своём, упёрся: мол, на Покров венчаться Настёне с Ерёмкою. Молодой-то барин, по правде сказать, чуть разуму с тоски не лишился. Имея к Настёне свой антирес, пробовал было за неё вступиться, да куды-ы там!

А горемышная девица, хочь и знала, что грех неотмолимый, а только невыносимо тошен стал ей белый свет, дак она, горлинка, и в моток сигала, и всякими другими-разными приспособленьями пыталась лишить себя растреклятой своей жистюшки. Но, как говорится: кому утопиться, тот не повесится. Знать, была Настёнка у Господа за любовь свою неизбывную на каком-то особливом счету, не дозволил он с девицей смертной смертушке приключиться.

Как не пытались мы выведать у Луши о дальнейшей судьбе её древней сродницы, так толком ничего и не разузнали.

Но в подтверждение тому, что всё тайное когда-то да становится явным, вот какой удивительный сон приснился мне в годовщину Настёниной смерти под Ивана

Купалу. Верить ли ему? Нет ли? Только сердцем чую: сама Настёна решилась, наконец, приоткрыть завесу над её удивительной судьбой, поведать, чем однажды в её распостылой жизни обернулась случайная встреча.

И видится мне: будто прохожу я летним вечером мимо Настёниной хаты на ключ за водой. Смотрю: стоит, опершись на калитку молодая, в самом цвету, словно только что с портрета сошла, Настёна. Нарядная, подшалок цветастый по плечам раскинула, в ушках «антарки» поколыхиваются, в вечерней заре переблёскивают.

Окликнула меня Настёна, калитку распахнула, к себе манит.

- Заходи, суседушка, слышала: книжки писать наострилась. А хочешь, я тебе поисповедую, судьбину свою, всю, как есть, как на духу раскрою.

Меня даже оторопь взяла: с чего бы Настёна так расщедрилась, тайну тайн свою вдруг за просто так выложила?

А Настёнка, будто мысли мои читает, ожгла меня своим пронзительным взглядом, улыбается, знает наверняка, что не смогу не согласиться.

- Только обещай, что пропишешь потом обо мне в какой-нибудь книжке. По рукам?

Как я могла отказаться? Коромысло и ведёрки – в подорожники, сама в слух обратилась.

Присели мы в саду под яблонькой, и повела соседка такой сказ.

- Знаю, знаю, кое-что обо мне успела разболтать тётка Луша. Только не всё ей мне ведомо. Ну, так вот, значит, уж и совсем, было, помрачилась я умом после Прошенькиной смерти, – повела своё откровение Настёна, – под Успенье, возвратясь от обедни – уж я толковала, толковала в церкви с Боженкой, уж просила-молила понять, простить меня грешницу, – не доходя до избы, повернула на омуток. Уж и камушек верёвочкой сермяжной обвязала, уж и на крут бережок взошла, один-разъединый шажочек осталось ступить, сигану, думаю, и – конец моим мучениям. Но тут, откуда ни возьмись, раздвигаются кусты краснотала, и заступает мне тот крайний шажок старая старушонка. Пригляделась: что за диво? Вовек в нашей округе таковой не видывала. А она – хватить за камушек, да меня – в охапку.

- Это что ж ты, такая-разэдакая, удумала? – бранится бабка, а сама – боком-боком оттирает меня подале от крутояра.

- Ох, и немоготу мне, баушка, опостылел белый свет, пусти свершить, что удумала, – Христом Богом прошу я старуху, а сама рвусь-кидаюсь к обрыву.

Никак ей, маленькой-горбатенькой, не справиться со мной. Вынула она тогда из своих когда-то жуковых, а теперь уже осыпанных густым инеем волос частый терновый гребень и, не спросясь, воткнула его чуть повыше моего накольника.

Тут я, на удивление, вырваться-биться перестала, а как маленько поутихла, всю беду-горе спасительнице своей и выплакала: так, мол, и так, нет мне жисти, родная, теперя без Прошеньки, истерзалось сердечушко от одной мысли, что пойду под венец с разнелюбым.

- Рази ж это горе? – ухмыльнулась бабка, – не печалуйся, детонька, руками твою беду разведу, не успеешь и глазом моргнуть. Давай-ка присядем, покумекаем, глядишь, чего-ниного и распридумаем.

И снимает старая с плеча котомочку. Вытряхивает из неё всяко-разное бабское на подол, покопавшись, отыскивает крошечный вузлячок. Развязывает его и подаёт мне на ладони пару красивущих серёг. У меня ажни дух захватило! Вовек я таких не видывала. Были, конечно, у нашей ранетовской молодой барыньки и какие-никакие, а только таких дивных даже она не видывала!

- Баушка родненькая, – заотпихивалась было я, – мне ведь и отплатить тебе нечем.

– А ничего мне с тебя и не надобно, – шамкает старушонка, – рази что, будь ласкова, проводи меня до росстаней, поднеси мою котомочку.

Зашвырнула я свой горюч-камень в лозняки, серьги-«антарки» – в ушки, и потопали мы на парочку лужком да на горушку, с горушки опять лужком. Идём себе помаленечку, бабулька-то дряхленькая, впору уж и с печи не слезать.

Покуда пожнями да покосами брели, всю жистюшку наперёд раскрыла она мне перед глазами, словно карты раскинула.

– Носи, милая, мой подарок, ни днём, ни ночью не съмай. Пока «антарки» будут при тебе, будешь ты хозяйкой своей судьбы и никто и никогда не выдаст тебя за нелюбимого. Несчётные годы будут опадать, как листва по осени, а ты будешь всегда оставаться красивой и молодой. А жить ты на этом свете будешь до тех пор, покуда не сыщешь для себя человека по сердцу, пока не родишь от него деток, пока не вынянчишь от них внуков, – молвила бабушка на прощание. Обежала вокруг лесковочки, что у нас кой годочек кормит путников на росстанях, глядь, а уж и не старушка это вовсе – птичка-перепёлочка! Нырь во ржи – и была такова.

– Ух ты! Вот так история, – ахнула я, – а дальше, дальше-то что?

– А и ничего особенного, скажу я тебе, рассоседушка, не случилось. Века протекали чередой, красота же моя не вяла. И никому в деревне было невдомёк, сколько же мне, такой раскрасавице, на самом деле от роду. Помыкалась я, помыкалась на этом свете, всё пыталась сыскать своего суженого. Только, знать, один-разъединый разочек даётся человеку настоящая любовь. Остальное всё так, прилюбочки. Я-то ведь после Прошеньки и взглянуть на кого другого так и не взглянула... А как разуверилась в своих поисках окончательно, как поняла, что никогда уже не встретить мне свою распропащую любовь, устала я маяться без своей половиночки, вынула из ушей баушкины «антарки» да за ненадобностью и запрятала их на самое донце сундука.

– А ведь правду говоришь, Настёна! Собственными глазами видела я в твоей хате те волшебные серёжки! – не стерпела, вскричала я... тут и проснулась.

Но на этом Настёнина история не закончилась. На другой день прохожу опять по какому-то делу мимо порушенного Настёниного подворья. Вижу: кружит над ним сизая горлинка, заметила меня, и, словно нарочно, низёхонько так проплыла надо мной. Присмотрелась я: а в клюве-то у неё – Настёнины «антарки». Удостоверилась горлинка, что увидела я её находку, и – прямым-прямым в сторону села.

Где обронит она волшебные серёжки? Кто их сыщёт? Кому ещё посулят они встретить нешуточную любовь?

ВАЛЕНТИН ВАСИЧКИН

Ирунечка

1

Нину Васильевну она встретила на улице. Шла себе и шла в редком людском потоке: люди – рядом, люди – навстречу, лица – то весёлые, то озабоченные. И вдруг что-то знакомое в облике человека, идущего навстречу. Память сразу выхватила из прошлого, из школьных лет: Нина Васильевна, её математичка! Да, она, но только годы сделали своё дело – поседела, состарилась. И Нина Васильевна долго не гадала, кто это остановил её на городской улице:

– А ты Нина Тютчева.

– Ирина – уточнила она.

– Да, Ирина, – поправилась Нина Васильевна. – А ты всё такая же, как школьница.

Ирина стояла перед ней в красивых сапожках, в модной шляпке, в меру прикрывающей чёрные вьющиеся волосы; а годы, оставшиеся позади, не испортили и девичьей фигуры – такая же стройная, как бы аккуратненькая. Ирина часто вспоминала ту случайную встречу со своей учительницей, и каждый раз память возвращала её в прошлое – туда, где она была маленькой девочкой, потом вела её по школьным коридорам и до самых недавних дней, словом, вспоминалось всё из её прошлой жизни. Очевидно, так устроен человек: потяни за ниточку – и высветится, как на экране, всё, что оставило когда-то в его душе заметный след, и совсем не важно, хорошее это было или плохое.

* * *

В комнате тепло и тихо. Солнце на стене, над кроватью, косячком, – значит, уже пора вставать. И как бы в подтверждение этого доносится с кухни:

– Ирунечка, пора вставать: в школу проспидишь.

Это бабуля, и так она её зовёт. Дедули не слышно – куда-то ушёл. Дедуля, бабуля, бабулечка – так ласково внучка называет их. Ирунечку с трёх лет они взяли на воспитание, и мать не возразила, посчитав, что в сложившихся обстоятельствах так будет лучше: сама тяжело заболела, а бабушка плохому не научит.

Ирунечке с ними хорошо: утром помогут собраться в школу, накормят и по-доброму проводят и встретят также; а бабуля всё с шутками-прибаутками, да ласково так. Бывало, купает её и всё приговаривает: «Ирунечка, ты моя, давай ручку потру, теперь давай ножку». Наверно, до десятого класса вокруг неё с мочалкой пританцовывала. Очевидно, бабулина душа в такие минуты испытывала сладчайшее волнение, потому что не выпало ей счастье так вот купать свою дочку – помешала война. И часто рассказывала она, как спасала единственного сына от немцев: убегала в лес с ним на руках, а из вещей – ничего, из продуктов – одна буханка хлеба.

И всё не востребованное в своё время бабулечка отдавала внучке, и каждый раз откровенно признавалась: мол, Ирунечка, ты моя, ты как я, потому что я себя всю вложила в тебя. И много позднее Ирунечка признаётся сама себе, что бабушка-бабулечка всегда понимала тонкую внучкину душу как свою.

Ирунечка подрастала, а взаимоотношения у неё с бабулей оставались такими же; и одинаково они оплакивали умершего дедулю, хотя, конечно, бабулечке было намного тяжелее от такой потери: вся жизнь у неё с дедулей прожита, как она говорила сама, рядком да ладком.

Вместе с тем город начинал привлекать Ирунечку к себе. Одета в своём вкусе, в наряде простеньком, но броском, она ходила по его улицам, радуясь погожим дням, людям, с их удачами и заботами, заставляющими куда-то спешить, и в то же время отмечая, что встречные с каким-то интересом смотрят на неё, а отдельные провожают взглядом алчного человека. Вот идёт Ирунечка – чёрная мини-юбка, белая кофточка, чёрные волосы – до плеч, завитушками и мокрые, это после неожиданно налетевшего дождя; и навстречу – с таким взглядом, остановился перед ней и как выдохнул:

– Вот это да!.. Вот бы...

– Хам!

Она даже не остановилась, ветром – мимо него. А дальше снова люди, уже другие: идут, идут – чему-то улыбаются, что-то друг другу рассказывают. И всё это – жизнь, многоликая, а потому и интересная. Вот и школа осталась позади, со своими правилами – писаными неписаными, когда за тобой постоянно приглядывают учителя и подсказывают, как тебе следует вести и во что одеваться, пусть даже ты и круглая отличница.

– Ирунечка, что теперь будем делать дальше? – спросила её довольная бабуля, – С твоим аттестатом надо идти учиться дальше.

Ирунечка прижалась к ней, обняла и ласково-ласково, как это она умела, прошептала:

– Бабулечка, хочу работать, а учиться буду заочно, ладно?

Ирунечка знала, что говорила: в их общих разговорах бабуля часто утверждала, что вот отучиться её внучка и пойдёт работать, и обязательно секретаршей. Почему именно секретаршей – не объясняла; и оставалось только догадываться, что сердобольная бабуля видела в ней какие-то данные, которые, по её же мнению, необходимы именно для этой работы.

Ирунечка бабулю не разочаровала: поступила на заочное отделение строительного техникума – профессия техника-строителя, как она посчитала, была именно для неё, а ещё подыскала работу – в сметном отделе института «Гипроприбор». И это была уже другая жизнь – взрослого человека, наполненная событиями разной значимости, и, самое главное, она была не менее интересной.

2

Сметный отдел жил своей обычной жизнью: с утра – ворох новостей, потом каждый за своим столом делал своё дело. Ирунечка – тоже. Все – опытные, смотрятся солидно, и лишь одна она самая молодая – о какой солидности тут говорить.

В отдел зашёл он перед самым обедом.

– Парторг Валерий Вениаминыч, – шепнула ей сидящая за соседним столом Светка Афонина.

Вообще-то, Ирунечка его видела в отделе уже не один раз: он быстрыми шагами проходил к столу начальника отдела, в руках всегда пухлая красная папка или кипа бумаг, которые он перелистывает на ходу, никого не замечая. Ирунечке хотелось на него смотреть: высокий, фигура спортивная, и всегда при костюмчике, рубашка с галстуком; и не только ей одной хотелось – вот он, мечтательный шёпот всё той же Светки:

– А что, хорош...

Валерий Вениаминыч и на этот раз не изменил себе: всё на нём было с иголочки, тот же светлый костюм, и синяя рубашка с галстуком. А вот пошёл не прямо к начальнику отдела, между столами, а вдоль стены, это чтобы все сотрудники видели его не со спины. У Ирунечки замерло сердце: он проходил рядом... А Валерий Вениаминыч вдруг остановился возле её стола, посмотрел на неё, словно почувствовал, что вот сидит человек и умирает – остановилось сердце, и человека надо спасать. И он выполнил эту благородную миссию:

– А это что за ребёнок? Новенькая? Как звать?

– Ирина, – ответила она, а голос еле-еле.

– Понял, – улыбнулся Валерий Вениаминыч. – Так вот, Ирина и все остальные, кто слышит и не слышит меня здесь: завтра отъезжаем в колхоз на заготовку сена. Уточняю: на две недели. Что для этого надо? Ясно, что быть в рабочей одежде, а ещё иметь всё необходимое, в чём всегда нуждается человек в командировке. – И как бы подвёл итог: – Вижу, что меня поняли все. Сбор на железнодорожном вокзале в восемь утра. Повторяю: в восемь утра. Ответственный за решение оргвопросов – начальник отдела. Вопросы есть?

Вопросов не было, и Валерий Вениаминыч ушёл. На другой день всем отделом погрузились в электричку, а через полчаса с шумом-гамом вывалились из вагона на станции и также весело сели в колхозный автобус, ожидающий их на привокзальной площади. Ещё через двадцать минут они были в колхозе, где предстояло им прожить в качестве шефов. Автобус привёз их к небольшому

двухэтажному дому, первый этаж которого занимали несколько семей колхозников.

– Второй этаж в вашем распоряжении, – пояснил сопровождающий их главный агроном. – Сегодня решаете все бытовые вопросы, а завтра на работу.

Собственно, всё обустройство сводилось к одному: привезли на грузовике сена и застелили полы, где они должны были спать; а за домом, чуть в стороне, определили место и оперативно повесили умывальники. Валерия Вениаминыча с ними не было ни в вагоне, ни в автобусе – говорили, что решает вопросы с колхозным начальством, расселяет ещё два отдела, подъехавшие с обеденной электричкой. У них появился он уже перед вечером, когда всё определилось и каждый облагородил для себя спальное место.

– Вот и молодцы, – похвалил он, обходя комнаты. – В экстремальной ситуации выжить сможете.

Валерий Вениаминыч говорил, а у Ирунечки, как и в тот день, в отделе, сердцу становилось беспокойно. Она ловила каждое его движение; и казалось, что каждое его слово адресовано только ей одной, и все они были тёплыми-тёплыми, проникали в самое сердце и волновали, волновали...

Дни стояли погожие – было солнечно и почти безветренно. Сметный отдел в полном составе утром отмечался в столовой и до обеда с вилами – на неудобьях, где траву косили вручную: поднимали на крутых склонах прибитые недавними дождями рядки, ворошили поднятые ранее. Ирунечка работала на пару со Светкой – сдружилась с ней с первого дня. Работалось легко, где рядки были жиденькие; а где погуще – приходилось попотеть, хотя они особо и не напрягались: то поработают, то, глядя на других, посидят на том самом рядке, поговорят.

Светка от Валерия Вениаминыча была в восторге.

– А хорош, – почему-то переходя на шёпот, словно доверяя свою великую тайну, говорила она. – Красавец мужик, нечего сказать.

Ирунечке казалось, что, не опереди её Светка в разговоре о Валерии Вениаминовиче, она, наверно, говорила ей точно такие же слова, нашла бы и ещё много других – таких же теплых, как этот день, и ласковых-ласковых.

И всё-таки к вечеру подступала усталость; но она каждый раз улетучивалась, когда за домом, в парке, начинала гуртоваться местная молодёжь и голосистая гармошка звала их, звала к себе. Ирунечке казалось, что это зовёт её к себе Валерий Вениаминович, и она спешила туда как на праздник. Всё верно, это звал он: Ирунечка ещё не успевала оглядеться в смешении местных и городских, а Валерий Вениаминыч уже вот он, рядом – обо всём говорит, рассказывает городские новости, приглашает на танец.

Ирунечка счастлива, как никогда: тайные мечты её сбываются! Она обратила внимание, что Валерий Вениаминыч стал бывать у них чаще: то с утра заглянёт и просто спросит, как спалось, то обнарудует, чем их сегодня будут кормить в обед, то просто пройдёт мимо с бригадиром – начальство всё-таки, парторг, а Ирунечке при этом кажется, что сам он всё косится, косится в её сторону.

– Чегой-то он нам докладывает, чем нас кормить будут? – стала разгадывать Светка. – Либо на кого глаз положил.

В один из вечеров в парке непривычно тихо – то ли гармонисту было недосуг, то ли местную молодёжь перед вечером напугал погрозившийся из-за Неру-чи дождик; и городской народ, не захотевший рано укладываться спать, разложил за домом костёр. Одни сидели возле него и вели разговоры на всякие темы, другие стояли рядом, за их спинами, ходили вокруг да около. Потом зазвучала песня. Валерий Вениаминыч рядом с Ирунечкой, и ещё друг его Сергей Иваныч, и Светка тоже тут – она каждый раз старалась быть поближе к парторгу. Все это заметили,

и даже кто-то посмеялся однажды: мол, наверняка Светка в партию вступать собралась.

Костёр догорал, и по всему подбрасывать в него не собирались. Над парком поднималась луна, где-то за парком надрывались лягушки.

– А что, девчата, может, посмотрим на пруд, какой он при луне, – предложил Валерий Вениаминыч.

Никто не возразил. Сергей Иваныч взял Светку под руку, и они неспешно направились в ту сторону; Валерий Вениаминыч с Ирунечкой – за ними. А вот и пруд – как в сказке: над водой лёгкий туманец; плеснула крупная рыба, и луна на воде закачалась... Полюбовались они этой красотой, полюбовались, чувствуя тепло друг друга, и не заметили, что остались одни.

– Вениаминыч! – донёсся издалека голос Сергея Иваныча. – Ау! Где вы?

Валерий Вениаминыч молчит, Ирунечка – тоже. И ещё раз отозвалось Сергею Иванычу и Светке только эхо. Да разве посмеет Ирунечка открыть свой рот, если она умирала тысячу раз, когда рядом Валерия Вениаминыча не было, и оживала, когда он появлялся! И он это понял. Также молча притянул её к себе, как хрупкую веточку, и крепко-крепко поцеловал в губы – её так крепко ещё никто не целовал.

3

Как же быстротечно время! Эта сказочная ночь на пруду промелькнула как одно мгновение, да и двухнедельная командировка их на сено стала такой же быстротечной. На другой день у Ирунечки на душе было светло и радостно: её сны сбывались, и теперь их с полным правом можно было называть вещими. А тот вечер и ещё несколько после него были настолько чудесными, что Ирунечка готова была от счастья плакать, а может, и плакала – во сне, потому что просыпалась наутро с влажными глазами. Они уходили всё также по-тихому и скрывались за стоящим совсем не далеко зданием школы, в густых зарослях сирени, где Ирунечкино сердце билось бестревожно и радостно. Стиснутая его сильными руками, она в те счастливые часы была похожа на маленькую замерзающую птичку-пичужку, согретую добрым человеком. Так, наверно, думал и Валерий Вениаминыч, когда возьми да и скажи: мол, дрожишь вся, словно чиж на холоде. Замёрзла что ли? Она тогда в ответ ничего не сказала, а только теснее прижалась к нему; и с того памятного вечера любимым словом в разговоре с ней у него стало – чиж: как же ласково он её называл, и она это слово была готова слушать и слушать... Вот они, её вещие сны!..

Но как же быстротечно время!.. Осталась позади счастливая пора их сенокосного лета; снова уют бабулькиной квартиры, её постоянная забота об Ирунечке, в которую она вложила себя всю. А ещё отдел, её работа, куда она теперь каждое утро летела как на крыльях – с надеждой увидеть его хоть одним глазком. Валерий Вениаминыч проходил по отделу такой же: чисто выбритый, свеженький, как молодой огурчик, хотя годами он был много старше её и имел семью, ну и детей, конечно; но всё равно в груди у неё пылал огонь, и в эти минуты она забывала обо всём на свете – глаза следили за каждым его движением.

Бывали дни, когда за рабочим столом у Ирунечки всё валилось из рук, мысли в разброд, на душе смятение, – это если Валерий Вениаминыч в этот день каким-то образом отдел их обошёл. И тогда Ирунечка жила прошлым: вспоминала часы, проведённые в сирени, за школой... Боже мой, она многое бы отдала, чтобы снова с ним побыть там, ну хоть часик, хоть одну минуточку! И ещё вот: когда их привозил грузовичок к столовой, на обед, и открывали борт, обходительные парни из кузова девчат ловили на руки; и как-то так получалось, что она всегда оказывалась на руках у него... Вот где минуты её желанного счастья!.. И его тоже!..

И тогда Ирунечка вставала из-за стола и быстро уходила в туалет, чтобы остудить холодной водой пылающее лицо, – слёзы счастья, а может, обиды, а может, те и другие – были близко: как же, всё не приходит!..

Такие, видно, мы, сироты безгрешные: живём, умываемся слезами радости или плачем от обиды по ночам в подушку и думаем, что только тебе одному ведомо, что там в твоей душе творится. Так думала и Ирунечка; но как же она ошибалась! Проницательная бабулечка сразу увидела, что с сенокоса в её квартиру возвратился совсем другой человек, точнее, да, это её внучка, но совсем другая: счастливое лицо, глаза наполнены светом радости. Расцеловала её:

– Либо понравилось в колхозе? И как же ты похорошела там. Конечно, свежий воздух, и кормили, наверно, хорошо.

– Да, бабулечка, и всё свежее.

– Понравилось?

– Ещё как, бабулечка.

– Ирунь, а не влюбилась ли ты часом?

– Там не в кого, бабулечка, влюбляться, – а сама глаза в сторону и разговор на другое переводит: – А ты-то как тут без меня?

Но от бабулечки ничего не утаишь – взгляд острый, всё видит. Вот пришла внучка с работы, на кухне за столом чего-то перехватила, как бы на ходу, и опять куда-то умчалась. Ясное дело – куда: на свидание. Бабулечка, бабулечка, знать бы тебе – куда и с кем. А Ирунечка опять спешила к институту, чтобы хоть одним глазком посмотреть на Валерия Вениаминыча. Нет-нет, она не пойдёт через проходную; она сядет на лавочку в сквере и будет смотреть на светящиеся окна – она знает, что он всегда задерживается на работе, знает, где окна его кабинета, и в каком окне ещё может он мелькнуть. Сумерки её не пугают, и она будет сидеть и смотреть, как в кино: вот он встал из-за стола, подошёл к шкафу с книгами; вот стоит у окна и смотрит на улицу. И Ирунечке кажется, что он смотрит на неё... Он видит её, он её узнал!.. Она готова убежать, но Валерий Вениаминыч вдруг поворачивается к ней спиной, садится на подоконник и, как она предполагает, листает книгу....

Свет в окнах гас, но не угасали её мечты, что всё-таки наступит такой день, когда они будут вместе.

4

Как же быстротечно время! Дни отлетали за днями – то солнечные и безветренные, то с дождями, то с метелями, а за ними снова весеннее тепло, первая трава и зелень на деревьях, а это значило, что год мечтаний у Ирунечки остался позади, а ещё вещей снов её. Ах, эти вещи Ирунечкины сны!.. И бабулечка говорила, что они сбываются. Или это вовсе не сон был, а наяву: идёт по отделу Валерий Вениаминыч – аккуратный такой и как бы молодой-молодой, ну как свежий огурец на грядке, и с улыбкой объявляет: завтра всем отделом в колхоз, на заготовку сена; сбор на железнодорожном вокзале в восемь утра. Едем туда же, где были в прошлом году. Потом прошёл вдоль ряда, остановился возле Ирунечки со словами:

– Быть всем! – и, как бы напоминая об обязательности, строго постучал по её столу.

Утром всё было так же, как в прошлом году, только в колхоз со станции они ехали на грузовике. Девчат из кузова ловили мужские руки, и, надо же, Ирунечка оказалась на руках у Валерия Вениаминыча. Он подхватил её легко, как соломинку; она обхватила его руками за шею, и так не хотелось их разжимать, – казалось, целую вечность чувствовала бы ими его горячее тело!

А дальше у них было всё по прошлогоднему сценарию: заботы о ночлеге, о других бытовых удобствах. Благо управились до сумерек, когда стал накрапывать до-

ждик. Ирунечка обустроила своё спальное место, помелькала по этажу, а потом вдруг выпала из поля зрения всех, попросту говоря, свинтила по-тихому, как это она делала в прошлом году. Она знала, где ей надо быть: там, где они встречались в прошлом году – в зарослях сирени, за школой. Ирунечка прислонилась к стене здания школы и ждала – она была уверена, что Валерий Вениаминыч придёт; и как он может не прийти, если она ждёт его целый год. Всё нету, нету; и забрызгал дождик – капли редко-редко. Она не уходила, всё ждала. И вдруг послышались шаги: шух, шух, шух, всё ближе. Он!

– Чиж, – позвал негромко, и кашлянул.

Он!.. Господи, вот они, вещие сны её, наполненные светлой радостью, когда востребовано всё, что по каким-то причинам лежало под спудом.

Спасаясь от дождя, они нашарили в доме лестницу на чердак, который и стал для них прибежищем на все дни сенокосного лета. И вот он, последний день. Их отдел уезжал, на смену приезжали другие, и Валерий Вениаминыч оставался. Он проводил их до вокзала – как начальник, но все понимали, что Ирунечку – с особыми чувствами. Все вышли из автобуса, а они сидели и сидели рядышком и никак не могли расстаться. Водитель терпеливо ждал. Наконец Ирунечка вышла из автобуса, а Валерий Вениаминыч всё провожал её взглядом; потом автобус пошёл на разворот по кругу, и он махал и махал рукой из окна, словно прощался навсегда.

И снова Ирунечка в родных стенах. Светло и радостно ей и на работе, и дома, потому что Валерия Вениаминыча видит постоянно, и встречи их желанны. И это ничего, что есть у него семья, и дети есть, и что он много старше её; главное – Ирунечке с ним хорошо.

И бабулечка всё видит и понимает её. Подойдёт к ней, погладит её по чёрным завитушкам на голове, да и присоветует, и это в который раз:

– Ирунечка, солнышко моё, тебе надо замуж: года-то идут. Всё делается вовремя.

На первых порах советы оставались советами, а потом пошли думки: у Валерия Вениаминыча семья, дети, надо и ей определяться, хотя в душе надежда, как заноза: всё-таки вместе они будут. А тут и подружка подвернулась с советом:

– Ирунь, есть хороший парень, работает помощником машиниста на электровозе и тебе как раз пара будет. Давай познакомлю.

И познакомила – Юркой звали. И ему Ирунечка понравилась. Но свои встречи с Валерием Вениаминычем не отменила – что делать, если сердце горит огнём. Однажды она шла с ним под ручку через сквер, потом целовались за домом, а бабулечка стала свидетелем этой сцены и, конечно, Ирунечку не похвалила:

– Ирунечка, ты что делаешь? Ты же замуж за Юрку собралась.

И сыграли свадьбу, но свадьба для неё была не в радость.

– Бабулечка, – говорила она, надевая фату, – я же его не люблю.

– Слюбится, Ирунечка, слобится, вот увидишь.

Не слобилось.

– Фамилия-то у тебя хорошая была, знаменитая: Тютчева, – то ли в шутку, то ли всерьёз сказала ей однажды Светка. – На что променяла, а? Дударевой стала. Да разве это фамилия? Скорее прозвище.

Даже Светке не призналась тогда Ирунечка, что мечтала она совсем о другой фамилии, и до сих пор мечтает. «Нет, с таким, как Юрка, не слобисься, – думала она позднее. – Не мужик, а тряпка, с ним и без любви невозможно жить. А до Валерия Вениаминыча ему далеко».

Держали вместе их дети, до времени, а потом терпение её лопнуло – подала на развод. Как терпеть, если постоянно нетрезвый? Ругала, но бесполезно: как выпьет – ходит по квартире и начинает долбить: бу-бу да бу-бу, словом, что в голову взбредёт.

- Хватит пить, успокойся, – она ему.
- Выпей со мной, тогда – всё, брошу.
- Ты уже много раз обещал.
- Зуб даю...

Думала: выпью, может, и вправду бросит пить. И даже чокнулась с ним, а он ещё хуже. И тот же разговор, по новому кругу. Да так и ей недолго спиться... И решила.

- Ты что надумала, – отругала её Светка. – Одной с детьми плохо будет.

- Ты говорила, что плохая фамилия досталась, – от-ветила ей Ирунечка. – С плохой фамилией можно жить хорошо; но с плохой фамилией мне достался плохой человек, так что хорошей жизни нет. Терпеть? Не хочу.

Юрка отреагировал по-своему:

- Дура, что наделала, я ведь с тобой девять лет прожил.

Да, была семья; какая-никакая, была семейная жизнь, и ради неё Ирунечка принесла в жертву свою любовь. Ночь перед последней своей встречей с Валерием Вениаминычем долго не могла заснуть – всё мучалась: ну как она скажет, что больше к нему не придёт? Нет, не сможет, пусть лучше язык у неё отсохнет, а всё равно не скажет. И не сказала. Нашла другие слова: сказала, что выходит замуж. И замолчала, притихла, словно та самая птичка-пичужка. А Валерий Вениаминыч всё понял и так же, как в памятное сенокосное лето на пруду, притянул её к себе и крепко-крепко поцеловал; и так же, как в автобусе, не могли они долго расстаться...

Давно ушла из жизни её радость – бабулечка, повзрослели дети – такая же для неё радость. И все эти годы у Ирунечки разрывалась душа: Валерий Вениаминыч, Валерий Вениаминыч, где ты сейчас, и думаешь ли о ней? Не стало «Гипроприбора», а будь он – работали бы там и встречались, и радовались бы вместе. А то вот сидит в рекламном бюро, отвечает на звонки... Вот и ещё один.

- Алло, да бюро...

И голос у Ирунечки дрогнул: она его узнала, это он!..

Через месяц в её квартире раздался звонок, Ирунечка открыла дверь: Валерий Вениаминыч! В руках – цветы.

- Чиж, я пришёл, – сказал он.

Это были слова, которые Ирунечка ждала всю свою жизнь.

МИШКИНА СБЕРКНИЖКА

Миша Семанин, как и я, кстати, как и многие мои односельчане, по многу раз на дню смотрит в сторону Глазуново; и дома наши своими большими окнами тоже всё больше туда лупятся – там южная сторона, там солнце, а с вечера зависает месяц; с той стороны господствующие ветры, которые чаще всего именно оттуда приносят ненастье; там речка, куда бабы носили полоскать бельё; там луг, куда во время сенокоса вываливала вся деревня, и за несколько дней по поймам выростали скирды пахучего сена; туда уходили копать торф; туда извечно по прогонам провозжали рано утром скотину и вот уже много лет не провожают: Тишину старой деревенской улицы будит лишь одинокий рёв коровы бабушки Вали Тереховой, которая никак не может расставаться с ней, несмотря на свой преклонный возраст.

Уже скоро будет сорок лет, как Миша Семанин живёт в Васильевке. В деревне его так и зовут: Мишка; «Мишка поехал...» «Мишка Семанин огород сажает...» – это значит: картошку «Сходи к Мишке, больше не к кому...» – это значит: человеку надо опахать картошку, и нужна лошадь, а она только у Семанина Мишки, одна – безотказная, на всю деревню.

Мишка среднего роста, чернявый, глаза цыганские – пошёл в отцовскую породу; и смуглость путает его возраст., Хотя и без этого в деревне знают, что ему идёт уже седьмой десяток. Все его братья, а их у Мишки пятеро, и две сестры лицом много светлее, и волосы у них чуть ли не русые.

Спроси у кого-либо из деревенских, откуда он родом, скажут, что из Кривцово. Я тоже так думал. «Нет, – улыбаясь, говорит он, – Я и мой младший брат, Толик, родились на Дальнем Востоке. Так в паспортах у нас и записано: в том краю. Это уже потом отец с матерью решили переехать в Кривцово».

Самым счастливым годом Мишка считает для себя 1977-й. К тому времени он отслужил в армии, женился, но из-за тесноты в родительском доме перебрался на жительство к тётце, в Хитрово. В тётчином доме, конечно, было просторней, но, наспех построенный сразу после войны, он уже доживал свой век. В спешном порядке приглядели опустевшую хатёнку в Васильевке, сговорились в цене – недорого, потому что она тоже была послевоенной постройки.

«И в 1977 году мне крупно повезло, – вспоминает в довольстве Мишка. – Во-первых, за лето колхоз построил мне дом, рядом с нашим, купленным, и мы благополучно в него перебрались; Во-вторых, у нас родился сын. И в-третьих, в колхоз пригнали новый трактор, на который меня посадили. Что ещё надо человеку? Живи, работай, что я и делал все свои годы.

Память человеческая способна сохранить в своих глубинах многое из жизни: и плохое, и хорошее, а по прошествии лет всё пережитое всплывает на поверхность с той же эмоциональной окраской, пусть даже и слегка размытой давностью. Так и у Мишки: говорит, а на лице ни улыбки, ни довольства:

– Последние двадцать лет нашей жизни – как испытание для народа, мол, выдюжит или загнётся? У всех по-разному получалось, больше, конечно, безрадостного; а вот в советское время в судьбах людей тоже много общего было, но хорошего.

С ним соглашаюсь и я. Например, никто из кривцовских и шербаатовских мужиков и баб в те далёкие годы, когда их председателя Сухова валяли на землю и отнимали колхозную печать, не думал и не гадал, что такой незавидной окажется судьба родных деревень, что придётся их детям, как им самим в период военного лихолетья, покинуть усадьбы предков, но уже добровольно и навсегда.

Плохо, когда человек расстаётся со своей малой родиной, а такое время для них пришло. Не сразу и не все покинули эти обжитые берега Неручи, но, в общем-то, без слёз, потому что деревни их советская власть записала в неперспективные и предложила людям, в первую очередь, конечно, молодым семьям, перебраться на центральную усадьбу колхоза, в Васильевку, где для них строилось новое жильё. Центр есть центр: рядом работа, почта, магазин, школа, дом культуры, медпункт, телефоны, автобус до райцентра – что плохого? И началось великое переселение народов; и совсем скоро Кривцово осиротело – остались доживать в давно опустевшей начальной школе две бабушки, переселённые туда из ветхого жилья, и ещё несколько семей, не пожелавших покидать свои корни.

Коренных васильевских баб и мужиков теперь в деревне можно посчитать по пальцам: всё больше в ней выходцы из соседних деревень, а то и вовсе из дальнего далека. Допустим, такая статистика: в Васильевке: 103 дома, из которых 13 принадлежат коренным васильевцам, причём, строили их они на свои средства ещё в первой половине 60-х годов прошлого века. Остальные дома постройки 70-х и 80-х годов, и на колхозные деньги; они обложили деревню с трёх сторон, а с севера даже прихватили лучшие чернозёмы, какими предки дорожили более всего. Шокирующая цифра: за последние 25 лет в Васильевке построен всего один дом, переселенцем из Москвы.

А вот еще общее в судьбах советского человека: все, кто вселился в новые дома на деревенской улице, имел постоянную работу; в конце 80-х годов в колхозе имени Жданова числилось 280 трудоспособных работников, сегодня же у инвестора, занимающегося хозяйственной деятельностью на землях бывшего колхоза, занято всего 35 человек. Оставшись без работы, люди боролись за своё выживание каждый по-своему. И Мишка Семанин выживал по-своему.

* * *

Пройди сегодня по этой старинной деревенской улице – и ни в одном скотном дворе уже давно не увидишь лошади, кроме Мишкиного, который завис прямо над прогоном, за века разбитым копытами животных, колёсами повозок, тракторов и машин, размытым дождевыми и полыми водами. Лишь одинокое ржанье его Ветерка тревожит тишину прихлынувших тёплых летних дней, когда он выводит коня за прогон; потом над лугом разносятся удары молотка по железу – забивает в землю железный штырь, привычным движением набрасывает на него петлю длинного поводка, обхватывающего шею лошади, – гуляй, Ветерок! – а сам к дому.

Лошадку эту Мишка приобрёл у брата Толика после того, как расстался с трактором и его уговорили пасти колхозный скот. И не пересел бы он с железного коня, но так сложились обстоятельства: вышел из строя мотор, в колхозной кассе средств на его ремонт долго не находилось, и когда Мишке предложили попасть скот – не отказался. Думал, что расстанется на время, а как оказалось, навсегда. Уже трещал по швам нерушимый Советский Союз, уничтожались основы большого государства; по всей стране – от Москвы до самых до окраин – с благословения кремлёвской власти были брошены на произвол судьбы все колхозы, не один раз переименованные то в КСП, то в СПК, а потом, пришедшие в полный упадок, реорганизованные в ОАО и сведённые в агрофирмы для полного их обескровливания. Такая судьба не миновала и колхоз имени Жданова.

Как следствие разгула антисоветизма, по указке сверху колхозу дали новое название: «Россия». Через некоторое время на государственном уровне был принят закон, согласно которому юридическое лицо за использование этого слова обязано было платить большой налог. Налоги, налоги, налоги!.. Спасаясь от них, колхоз «Россия» переименовывают в КСП (коллективное сельскохозяйственное предприятие) «Васильевское». Но зуд антисоветизма продолжался; и так как резало глаз и слух слово «коллективное», на карте района под тем же названием появился сельскохозяйственный производственный кооператив.

В Глазуновском районе два хозяйства устояли под натиском антисоветизма и сохранили советские названия – это совхоз «2-я пятилетка» и колхоз «Завет Ильича». Соседний с Васильевкой колхоз имени XX съезда КПСС (руководитель – Соловьёва В.А.) заработал со статусом ТнВ (Товарищество на Вере) «Неручь» – несколько человек из числа руководителей хозяйства попытались спасти хозяйство от банкротства, тем самым наладить свой бизнес. Но впоследствии, очевидно, испугавшись ответственности по причине финансового неблагополучия, а согласно закону Устав ТнВ предусматривал возмещение убытков за счёт личных средств его учредителей, оно самоликвидировалось, точнее – учредители изменили форму собственности, зарегистрировав его как сельскохозяйственный кооператив. Основания для этого были: полученная сельхозпродукция продавалась за дёшево, а на горюче-смазочные материалы и запчасти цены были несоизмеримо высокие; безденежье, как проказа, и за взятые кредиты расплачиваться нечем. Это значит, на неуправляемом корабле рыночной экономики приплыл диспаритет цен, когда люди работали, а зарплату им не платили по полгода, в то же время рубль стремительно обесценивался, а цены росли.

У Мишки обычная семья: сам с женой и тёща, а ещё двое детей, сын и дочь, которых надо обувать, одевать и учить. Маленько помогала тёщина пенсия, хотя какая она была в то время и что можно было на неё купить!.. Но был Ветерок! Один на всю округу безотказный на любую работу, хотя Мишке всегда его было до обидного жалко: по породе-то он беговой, под седлом всё иноходью, а тут приходится ему возы тянуть да плужок или соху. Бывало, Ветерок припотееет, тяжело дышит – и Мишка, содрогаясь в душе от жалости, уже чуть не плача, остановит его для отдышки, поговорит с ним, пожалеет. А себя не жалел; собственно, посадить кому картошку, забороновать огород или окуचितь посаженное для Мишки было не в тягость – иной раз по три-четыре огорода за день обрабатывал, потому что люди приходили и просили, просили, просили...И никогда не назначал он свою цену, не торговался, а сколько дадут.

По своим семейным делам Мишка на Ветерке в любую сторону в радиусе 10-20 километров, в любое время года и в любую погоду. И так он с ним сроднился за годы – и возле стада, и на огородах, и на полевых дорогах, что научились понимать друг друга без слов. Был такой случай. Мишке надо в райцентр, а автобусы давно не ходят, попутка будет, нет ли; и он в седло и через поля, напрямки – по просёлку, с расчётом добраться на нём до бывшей райсельхозтехники, где Ветерку можно будет постоять, пока он по Глазуновке ходит и порешает свои вопросы. Что можно будет коню постоять – не сомневался: много лет работал на тракторе и, бывало, зимой там его ремонтировал, так что Мишку там знали. Подъехал к воротам – они открыты, но поперёк проезжей части проволока натянута – чуть ли не в метре над землёй.

– Ребята, мне бы лошадку поставить на часок, пока я свои дела за железной дорогой подедаю.

– Можно, – смеются охранники, – сумеешь так заехать – ставь. А нет – не обес-судь.

Мишка только и всего, что выдохнул: «Ветерок!», причмокнул губами и легко дёрнул поводья – и конь тут же легко перемахнул через проволоку под весёлый смех очевидцев этого циркового номера.

И так год от года, которые, месяц за месяцем, скрывались за тёплыми летними дождями, злыми метелями. Тем и живёт на земле человек: чтобы была у него работа, да было бы что у него на столе для себя и его семьи, да чтобы не текла крыша над головой. Остальное, что надо всегда для жизни, само собой, конечно, не приложится, на это ещё потрудиться надо будет – в этом Мишка убедился на собственном опыте. Подрастали дети, а народная мудрость гласит: маленькие дети – маленькие заботы, большие дети – большие заботы. Дочь направилась после школы учиться в Орёл; затратно, но ведь какая-то специальность человеку, вступающему в самостоятельную жизнь, нужна. Обеспечивали продуктами и деньгами; каждую субботу, в любую погоду он запрягал Ветерка и ехал к вечерней электричке на 452-й километр – это самая удобная остановка из трёх, где останавливаются поезда: расстояние до каждой одинаковое – всего шесть километров, но до этой – по асфальту. Чтобы дочь не замерзала, не промокала под дождём, и не пронизывал её ледяной ветер, претворил в жизнь ноу-хау.

В один из морозных декабрьских дней проехала по деревенской улице какая-то странная кибитка: обычные конные сани, на них – желтая кабина от трактора ДТ-75, над которой кучеряво стелется дымок; в оглоблях – Мишкин Ветерок. Потом всё прояснилось: оказывается, чтобы дочь не страдала от холода, Мишка и приспособил на сани кабину от своего трактора, от которого к тому времени только одна она и осталась, а всё остальное по мере необходимости тихой сапой растворилось в неизвестном направлении. А ещё додумался сварить туда из ли-

стового железа небольшую печку-буржуйку: бросишь в неё мелко нарубленных щепочек – и плывёт по салону волна тёплого воздуха... Растает снег – Мишка перебрасывал кабину на телегу, которая выглядела не менее солидно из-за колёс со списанной сельхозмашины. Так и курсировала эта чудо-техника мощностью в одну лошадиную силу по своему расписанию, пока дочь не закончила учёбу.

Проезжая как-то по Куначу, а это от Васильевки километрах в трёх, в сторону Глазуновки, заметил Мишка на лужку лошадь с жеребёнком; чёрной масти, худенький, он не отходил далеко от своей матери и долго, как-то запоминаяще смотрел на мимо проезжающего всадника. Жалость ли к этому молокососу, желание ли видеть каждый день на своём дворе такого несмышлёныша, а может, и ещё что-то было в его душе весомое, что заставило через некоторое время совершить бартерную сделку: с Мишкой за пастушество вместо денег рассчитались телёнком, а он и обменял его на приглянувшегося ему жеребёнка.

Сколько потом ни колесил по округе Мишка на своём Ветерке, Воронок неизменно их сопровождал: то смиренно идёт вслед за телегой, то, взбрыкивая, унесётся вперёд или в сторону и щиплет понравившуюся ему траву; а поднимет голову, глянет: нету своих, отстал – и звонко-звонко, потерянно так заржёт, и вскачь вдогонку. Время своё дело делало незаметно: Воронок вырос и превратился в статного и крупного жеребчика, с которым теперь справляться Мишке было довольно сложно; и он пригласил специалистов со скальпелем, которые со знанием дела облегчили судьбу его питомца.

И ещё прошло время; и всё так же сопровождал их Воронок, но это был уже крупный упитанный конь, много крупнее Ветерка. Мишка так и ни разу не опробовал его ни в телеге, ни в санях, ни в сохе: вначале было жалко – молодой ещё; а когда стал трёхлетком – Ветерков хомут на его шею не полез, другого же он так и не нашёл; да и где найдёшь, если не один десяток лет прошло, как лошадь стали считать за обузу.

– Миш, что ты его держишь, продай – советовали иногда ему.

– Да нет, не продам, – отвечал. – Случится беда какая, денег не будет – тогда продам. А так нет. Если продам – деньги сразу растратим: нужды много.

– А вдруг загибнет. Продай и деньги на книжку положи.

– Не загибнет, – уверенно говорил Мишка. – Он и есть у меня сберегательная книжка.

Нельзя сказать, что Мишке накаркали, но Воронок действительно заболел: как говорят специалисты, сел на передние ноги – сначала захромал на левую, потом на правую. Скрепя сердце, Мишка трижды звонил по рекламному номеру, предлагающему зарезать коня и закупить мясо; три раза приезжала к нему команда с резаками, и трижды Мишка, глотая слёзы, отправлял их обратно.

– Слушай, друг, – уговаривал его в очередной раз человек с кавказским акцентом из убойной команды, засовывая ему в карман сорок тысяч, – давай резать будем. Ты правильно сделал, что позвонил.

Мишка деньги не взял. «Не смог, – говорил он позднее. – Для меня он как родное дитё, которое я воспитал».

ГЕННАДИЙ ВЕРКЕЕНКО

ОТРАЖЁННАЯ КРАСОТА

*Небо с землёю воедино
Собой скрепляет род, родник, --
Им вечно жить в подлунном мире,--
Я, православный, к ним привык.*

*Мой отчий край – сама Россия, –
Луга родные и поля,
И крест над храмом в небе синем, –
Всё это русская земля!*

Отчий край издавна радовал моих земляков щедростью природных источников. Со временем таких родничков заметно поубавилось. Спыхватившись, люди начали искать оставшиеся ключики, пытаясь вдохнуть им жизнь, стали очищать, возвращать их былую силу. С давних времён народ подмечал необычные явления, исходившие от родников. Почему? Да потому, что всё в мире имеет свое начало – Исток. С него зарождаются у человека самые светлые, добрые чувства, любовь... Без бьющего фонтанчика из недр земли, наверное, не было бы ни крошечного озера или пруда, ни болот, ни говорливых лесных речушек Волотынь и Гнилая на моей Брянщине, ни больших судоходных рек.

Сколько этих маленьких источников жизни на нашей красивой планете! Их никто никогда не считал, да никому это, наверное, не приходило в голову. Главное, что они есть! С давних лет с родниками связаны многие легенды, обычаи местных жителей, будь то село или заброшенная в таёжной глуши деревушка. Вода из них считается святой, целебной, частенько она помогает лечиться от хворей. На Руси такие кладези воды часто становились символом нравственной чистоты.

До сих пор помню, как с бабушкой или отцом, а чаще со сверстниками, не раз до ломоты зубов пил из них ледяную воду. По-моему, всем нам с юного возраста известна её притягательная сила. Редко какой проезжий или путник не остановится в жаркий день, чтобы не припасть к студёной водице. В лесной глуши или у берега речки, в тишине, весело раздаётся его хрустальный голосок: клю.. клю. Оттого и такое название – ключик... Он как будто приглашает послушать его радостную песенку и отведать водички. Считалось, что она гораздо чище и вкуснее, чем в реке или озере. А если посидеть у ключика, то под неспешное его журчание можно вспомнить далёкую историю моего народа. Неслучайно таким источникам давали имена: Покрова Божией Матери, Космы и Домиана, Знамение, Глазной источник, Громовой колодец... Только в Орловской области их более ста, а двадцать два из них почитаются святыми...

Время воспоминаний перенесло меня из прошлого в настоящее. На исходе осени, перед Покровом, притягательная сила родников позвала меня в дорогу, а точнее в село Кирово-Городище Сосковского района к источнику во имя преподобного Сергия Радонежского. Проезжая там несколько лет назад, видел, как местные жители благоустраивали памятное для них место...

Скорость, с которой сегодня любой может оказаться где бы то ни было, вовсе ничего не добавляет к возможности что-то больше узнать, а наоборот, часто лишает удовольствия жить не спеша. Считаю, что в самой спешке есть что-то противоестественное. Посему в этот раз решил не торопиться. Не суетясь, доехать до Кирово, встретиться с людьми, возродившими из небытия святыню.

Обычная загородная дорога районного масштаба постепенно привела меня в село. На пути к нему деревень почти не было видно. Они прятались в плавных

низинах, выдавая себя одним или несколькими дворами, высунувшимися среди поредевших после листопада тополей и раkit. Перелески, посадки, окрайки леса не нарушали красивого, ровно разлившегося простора на пути следования.

Стояли те немногие осенние деньки, когда земля, залитая дрожащим прозрачным светом, отдавала последнее тепло, припасённое от летней жары. Деревья словно догорали в разноцветных огнях осени. Обочины, придорожные кусты были усыпаны опавшими листьями. Даже от слабого дуновения ветра они словно трепетали на траве. Прохлада осеннего утра бодрила, добавляла остроту впечатлений, от которой появлялось радостное самоощущение, пронзительнее воспринималось дыхание природы.

Раннее солнце, сдвигаясь с предгоризонтной точки, лениво заливало заросшие раkitником возвышенности Кирово, украшенные домами с просторными огородами, пустыри и окрестности вдоль небольшой речушки. Невдалеке, прямо у дороги, на скромной прихрамовой территории, обозначенной металлическим забором, возвышался небольшой храм с колокольней.

По бетонному мостику направился к церквушке. Переступая по широким ступенькам лестницы посреди коротко подстриженного изумрудно-бархатистого косогора, поднялся к калитке. Надпись на табличке у входа гласила: «Сей храм воздвигнут на месте разрушенного в 1930 году храма XVIII века преп. Сергия Радонежского, построенного помещиком Зиновьевым А.Н. вместо обветшалой деревянной церкви».

Оказавшись перед входом в калитку, заметил, как на газонах дворика величаво и благочинно расположились вечнозелёные туи. Разгорающийся день медленно шествовал, открывая безбрежную даль горизонта, а сочетание ещё яркой зелени газонов с позолотой православного креста, венчавшего храм, создавало благодать, особое ощущение мирской жизни. Лишь слабый шум моих шагов по шершавой плитке определял реальность бытия. Прошлое тут присутствовало повсюду. О далёком времени красноречиво напоминали валуны, сложенные у ограды, кованые решётки. Их грубоватые металлические звенья, изъеденные временем, пролежав в земле века, даже сейчас, казалось, веяли теплом кузнечной наковальни, на которой их смастерили наверняка потомственные кузнецы.

Справа от входа в храм современники сохранили найденные атрибуты каменного старинного надгробия с едва заметными старославянскими буквами о знатном господине, ушедшем в мир иной. Слева – тропинка из тротуарной плитки уводила посетителя за пределы металлического ограждения. Как оказалось, там находится небольшая площадка, где селяне воздали дань памяти воинам, погибшим во время Великой Отечественной войны. У подножья камня с начертанными на нём именами лежал в печальном безмолвии небольшой букет осенних цветов, припорошенных прохладными каплями росы. Всё вокруг находилось в идеальном порядке...

Несмотря на раннее утро, дверь была не заперта. Потянув её за кованую ручку, с лёгкостью otvorил. Она покорно впустила меня под своды строения. В мерцающем полумраке от одиноко горевшей свечи оказался перед святыми образами. Пахло плавленным воском. Величие скромного убранства поражало чистотой, струящимся светом, озаряющим иконостас. Вдох изумления непроизвольно вырвался у меня из груди...

По всему было видно, что сюда по особым случаям теперь вновь, как много лет назад, приходят люди, чтобы поклониться незримому владыке, воздавая славу, прося спасения и милосердия. Они несут сюда свои радости и скорби, слёзы и молитвы, уповая и веря, что Всевышний сможет освободить от горя и печалей, опутавших их.

Как ни странно, это уединение незаметно принесло мне особое настроение. Привычная жизнь ушла куда-то. Явилось удивительное ощущение спокойствия,

возникшее перед образом Николая Чудотворца, вокруг которого лежали приношения благодарных прихожан. От старательно развешанных икон, пояснений правил поведения в храме, от табличек с историей возникновения села веяло уютом. Какая-то неописуемая радость присутствия здесь вызывала прилив чувств всеобъемлющей любви, безмолвное восхищение своим состоянием. За несколько минут представил, сколь скоротечно существование каждого из нас...

Не углубляясь в религиозные тернии, вспомнил слова профессора Московской духовной академии Алексея Ильича Осипова, сказанные студентам: «Выдвигать в качестве аргумента против существования Бога то, что Его не видели космонавты, то же самое, как если бы некто бегал бы с ложкой по берегу океана, черпал бы время от времени воду и кричал: «Видите? Китов в океане нет!».

С благоговением поклонился святым образам. Прося в душе Бога о здоровье, вышел из скромно-строгого здания церквущки.

Испытывая особое умиротворяющее состояние, решил разыскать подвижников, построивших этот храм на крутояре, возможно, самом высоком месте села. С этого холма, словно из сказочных хором, сияя в тумане раннего дня, простиралась как на ладони вся округа Кирово... Поодаль от ограды, у поминального креста, в благодатной тени росистого восхода расселась отяжелевшая от упитанности стая белоснежных гусей. Вспокоившись от моего присутствия, задрав головы вверх и выгибая шеи, птицы шипением и гоготом проводили меня к дому, что красовался напротив. Заметив у ворот усадьбы лёгкую суету двух женщин и мужчины, поспешил к ним, предположив, что хозяева могут уехать. Опасения были не напрасны.

Действительно, позже выяснилось, что они с утра пораньше собрались в Орёл. Поприветствовав кировчан, представился им, рассказал о цели визита. Несмотря на скорый отъезд, они внимательно выслушали меня. После нашего знакомства оказалось, что я попал почти что по адресу. Один из них, Шатунов Пётр Петрович, плечистый, плотный, выше среднего роста мужчина, коренной уроженец села. Когда-то в молодости он покинул село, а несколько лет назад вернулся в родное гнездо. На расспросы о меценатах храма скромно поведал, что немного помогает содержать это строение. Во время возведения храма под патронатом братьев Тихоновых, тоже выходцев из Кирово, он на свои сбережения отлил для звонницы колокола в городе Сергиев Посад – в месте некогда усердного моления Сергия Радонежского. Упомянул, что мало-помалу сам на радость прихожанам научился звонить во время богослужений. Ведь тут уже давно никто не помнит искусства колокольных звонов. Щуря добрые глаза, Пётр Петрович без особого бахвальства закончил рассказ.

Его жена в разговор не вмешивалась. Молча, с достойной манерой простой сельской женщины, с лицом, где явственно светилась чистота и добропорядочность, разглядывала во мне нежданного гостя, не перебивая рассказчика...

Невысокая пожилая женщина, стоявшая рядом, назвалась мамой Петра, она с гордостью рассказала, что на одном из колоколов отлито имя её сына. Позже уважительно посоветовала поговорить о восстановлении Источника во имя Сергия Радонежского, входящего в комплекс святыни, с Тихоновым Сергеем Михайловичем и любезно показала дорогу к его дому. Простота и естественность людей говорили о том, что они не ставят себе в заслугу особое участие в обустройстве храма. Разговор был больше о совместной работе селян, помогавших всем миром восстанавливать утраченный символ праведности.

Поблагодарив кировчан за беседу, отправился по указанному адресу в поисках дома с воротами, на которых, по их словам, красуется стая белоснежных гусей. Порядок домов в Кирово объединён не одной улицей, а поселениями, составляя общую часть села, разбросанного по холмистым возвышенностям. Между островка-

ми жилья и доро́гой в зарослях пожелтой травы прятались бугры, ямы, возможно, от бывших людских гнёзд. Там, где сегодня кипит жизнь, обновлённые крыши хат отблёскивали цветным железом под стать заборам и палисадникам, вдоль которых стоят скамеечки для отдыха, а торные тропики к ним намекали о гостеприимстве хозяев.

Искать подворье долго не пришлось. Буквально через несколько минут уже припарковался у широких распашных ворот. Изображённая на них стая гусей среди живописного луга, с распростёртыми крыльями, картинно встретила меня. Калитка, как было принято много лет назад в сёлах, оказалась не заперта. Без труда по добротной дорожке, ведущей к небольшой постройке напротив современного ухоженного особняка, вошёл в просторный двор.

Под тенистыми соснами, росшими в ряд, было свежо и безлюдно. Сквозь их крону по-утреннему, с отсветами солнца голубело небо. Лишь дружное гоготание где-то на задворках двора гусей да нежное воркование неподалёку стайки породистых голубей нарушало кружевную тишину. Ступив под лёгкий навес из лоз увядающего винограда, увидел двух трапезничавших мужиков, одетых по-рабочему и даже похожих друг на друга. Пахло хлебом и табаком. Они с любопытством взглянули на меня. Как подобает гостю, я поприветствовал их. Не знаю, чем заслужил их расположение, от которого они непринуждённо разговорились со мной и посоветовали пройти в домик, указав, что там находится хозяин подворья. Шагнув через небольшой порожек из-под навеса на веранду, встретился с выходящим из двери мужчиной небольшого роста, с добрыми улыбочивыми глазами цвета неба – это был Сергей Тихонов. Оказывается, слышав сквозь небольшое оконце разговор, он решил узнать, кто к нему пожаловал в столь ранний час. После нашего знакомства он любезно пригласил войти в дом, как оказалось потом, оставшийся ему от родителей.

В чисто убранной небольшой горнице стены были сплошь увешаны иконами, фотографиями его семьи. Лица отца, матери, восьми братьев и сестры, смотревшие с портретов, светились человеческой добротой, величием, какой-то деревенской чистотой. Жизнь опалила образы вещим огнём испытаний, которые им пришлось преодолеть, вырастив такое количество детей.

Конечно, годы навсегда запечатлевают, а потом проявляют во времени главное, что есть в человеке. Внешние данные Сергея, одного из восьми на фото, в реальности были такими же. Его внешность отражала уверенность, покой, какую-то особую внутреннюю красоту. Присев на табуретки, расставленные в горнице, мы вступили в разговор. Потолковали о пахотных землях, урожаях, о крестьянском труде... Сергей Михайлович говорил не торопясь, вполголоса, часто приветливо улыбался. Из его рассказа узнал, с каким трудом приходилось в черед рабочих будней восстанавливать место, где теперь красуется храм и источник. Всё это было не так просто...

После окончания школы с аттестатами зрелости, получив свободу от родительской опеки, все дети Тихоновых разъехались на учёбу для получения специальностей. Из девяти в Кирово вернулся только он с братом. Остальных жизнь разбросала по разным уголкам нашей необъятной страны...

Сергей любил эти места с плывущими в полях комбайнами, с мчавшимися по дорогам грузовиками, гружёнными жёлтой пшеницей... Отец рано приучил его к труду, летом брал с собой в поле, зимой поручал вести хозяйство. Нравилось парню косить траву, выращивать скотину, делать от зари до зари любую, пусть порой даже тяжёлую сельскую работу, потому и остался здесь. Женился. Вырастил детей. Теперь, после развала колхоза, сам обрабатывает собственные гектары земли для прокорма домашней живности, для себя и родни.

Приехав однажды в гости к одному из братьев, проживающему во Пскове, Сергей Михайлович был поражён красотой, благолепием тамошних церквей. После разговора с братьями, родилась идея построить в родном селе хотя бы небольшой храм. Решение укрепилось, когда дорожники начали прокладывать трассу в районный центр Сосково. При планировке дороги срезали пласт земли крутоогорья, где обнаружили находки от кладбищенских захоронений бывшего прихрамового погоста. Бережно собрав части сохранившихся надгробий, перенесли их на территорию будущего строения. Постепенно, обивая пороги областных властей, братья Тихоновы получили разрешение на строительство церкви. Средства собирали всем миром. Односельчане не стояли в стороне, помогали, кто чем мог. Один из братьев, Григорий Михайлович, окончивший художественно-графический факультет Московского государственного заочного педагогического института, ныне проживающий в столице, тоже включился в работу. Составили проект. Столичная художественная мастерская подарила для храма несколько дипломных работ иконописи, а известный режиссёр Никита Михалков, награждённый орденом Сергия Радонежского, по письменной просьбе сестры Тихоновых, помог приобрести церковную утварь для богослужений.

В беседе Сергей Михайлович больше говорил о людях, которые помогали строить, о себе совсем мало. На мой вопрос, кто это с утра навёл порядок в храме, успел зажечь свечу, смущаясь от неловкости, ответил:

– Сам. Забежал сегодня на минутку, немного подмёл пол, дорожки, поставил свечку... Вдруг кто-нибудь с утра придёт к образам...

Несмотря на занятность в начинавшемся дне, Сергей предложил прогуляться по территории и осмотреть его домашнее хозяйство. Я с удовольствием согласился. Мы вышли из уютной хаты. Ступив за порог, почувствовал, как в лицо дохнуло бражной осенней сочностью деревенского подворья, напомнившей мне далёкое детство, враз перенёсшее меня на много лет назад в родное Заречье... Сделав ожидавшим во дворе мужикам несколько распоряжений, он повёл меня в глубину усадьбы. Прямо перед нашей тропинкой возникли воркующие голуби с ажурно-кружевным оперением, белоснежным облаком порхавшие у одной из построек. Необычным видом они вызвали у меня неподдельный восторг. Сергей обыденно пояснил, что завёл их из-за баловства, то есть для красоты... Пройдя загоны, сараи, мастерские, пасеку, мы очутились на берегу водоёма, сотворённого руками хозяина. Любовно обсаженные плакучими ивами берега были сплошь утоптаны гусиными и утиными лапками. Белоснежные пёрышки увесистыми холмиками кудрявились на прибрежной траве.

Утки, гуси, величавые чёрно-клювые лебеди плавали среди птичьего гомона, царившего на серо-серебристой кисейной воде... У каждой птицы были свои повадки, характер. Прямо птичья идиллия, да и только! Глаза Сергея довольно светились, глядя на водоплавающих. По всему чувствовалось, что он любит своих питомцев.

Особой его гордостью были белые лебеди. Их разведение является большой редкостью для селян. С теплотой в голосе он спросил:

– Когда вы ехали сюда, не видели ли пару белых красавцев на водоёме у источника?

– Не успел, на обратном пути от вас заеду обязательно, – ответил я.

– Посмотрите, не пожалеете, они там, на вольной воде, чувствуют себя лучше, чем здесь, – посоветовал Сергей Михайлович. А когда он показал домашний музей, в котором собрана старинная утварь, предметы обихода, то просто покорило своим отношением к хранению атрибутов прошлого. Прогуливаясь по территории двора, расставаться с Тихоновым не хотелось. У сараев ещё лежали утренние тени, натекая сыростью на подворье и кусты, блестящие яркими вспышками от мелких

капелек холодной росы, а Сергею уже надо было спешить управиться с хозяйством. Тепло попрощавшись с ним, отправился к роднику.

Перед скромно-гласящим на повороте указателем, обозначающим стрелкой место источника, свернул к водоёму. Съехав по пологому спуску, оказался на площадке у красиво оформленной территории, всем видом напоминавшей о далёком времени, в котором жили наши предки. Заботливо ухоженные крутые склоны оврага, несмотря на осеннее время, отливали малахитовой отавой, среди которой ровными рядами жались к откосу молоденькие ёлочки. Аккуратная, подстриженная зелень вызывала умиление. Среди бессчётного количества деревьев, разбежавшихся по склону и стыдливо прятавших свою наготу за мелким кустарником, виднелись рябинки, выделяясь на фоне потемневших стволов багряными корзинками ягод. Огорожа, заборы, сплетённые из тонких веток ольхи, лозы и прутьев орешника, добавляли территории неповторимость, словно сюда явилась сказка. Песчано-галечной тропинкой, витиевато лежавшей на отлогом овраге, направился к истокам.

Воздух здесь был свеж, тягуч и лёгок одновременно. Его хотелось пить большими глотками не выдыхая, оставлять глубоко в груди, чтобы душистая целительная благодать наполняла каждую клеточку тела. Может, то же самое чувствовали когда-то наши далёкие предки, приходя к таким родникам ради оздоровления после праведных трудов, для залечивания ран, полученных в междоусобицах. Родник бил из горы с трёх сторон. Каждый источник с шумом выгалкивал воду через песчаное дно, образуя феерические фонтанчики. Три протока, сливаясь в общую водную полосу, уже на расстоянии нескольких десятков метров преображались в речушку под названием Крома. Здесь можно было побродить по отлогому берегу или просто постоять на небольшом деревянном мостике, любясь истоком. Тихо, задумчиво было у реки в такое время года. Лишь от редких порывов ветра тоненькие ветки прибрежной лозы, шурша и склоняясь, окунались в воду.

Отсюда исток выглядел как нерукотворный храм под открытым осенним облачным небом. Раздольно плывущие, никем не потревоженные облака парили над рекой, надо мной, даря спокойную нежную одухотворённость этому месту.

Тропинка, устланная мелкими камнями, раз-другой вильнув петлёй, заманчиво уходила на дно оврага. Молча, почти не дыша, стал спускаться к роднику. Слева, собрав все потоки, бурчал неторопливым властным голосом широкий ручей. Перила из жёрдочек, ступеньки, выложенные деревянными плашками, привели к скамейке из отёсанного бревна, к деревянному домику, укрывавшему один из ключей.

Подмёрзшая над истоком мурава была ещё зелёной, хотя у края отмели начинавшегося здесь ручья притаился первый тонкий ледок. Склонившись к кринице, подставил ладони, чтобы наполнить их ключевой водой. Набрать её в кружку или ковшик, заботливо оставленные кем-то, не хотелось.

Проливая сквозь пальцы прозрачные капли, выпил несколько глотков. Живая влага тут же обожгла меня жгучей прохладой. Разливаясь по телу, переполнила душу до боли щемящим, необыкновенным чувством к родной земле. Как передать мне его? Не знаю... Но отчетливо ощутил, что пахнет эта прекрасная вода чистым снегом, весенним первоцветом, мокрым щавелем на зареченском бугре, опавшими листьями, что ворохом клубятся у тропинок...

Достоверно известно, что в былые времена почитаемые родники украшали цветами, вышитыми полотенцами, рушниками, огораживали навесами. Теперь эту традицию упростили, но всё равно было приятно присесть на оригинальную бревенчатую скамейку у самого сердца источника, продлевая минуты очарования и волшебства от нежного журчания. Ключ, выливаясь из домика-сруба, возведённого над его началом, падал хрустальными струями на мелкие камешки, поросшие у края протоки ярко-изумрудным мхом, пел на все лады извечную песню жизни...

Древности этому роднику добавляли лежащие неподалёку плахи от сруба колодца, найденные здесь при расчистке территории...

Думаю, что, соприкасаясь с природой, человек каждый раз с неизъяснимым волнением слушает первые трели соловья, тихий шёпот листвы на деревьях, журчание одинокого родника. В любое время года она прекрасна, по-своему особенна. Даже сейчас, на пороге осени, выглядела удивительной, несмотря на холодный ветер, который, мотаясь по окрайкам родника, дыша вокруг сыростью увядания, срывал с растущих неподалёку клёнов и раки́т пёстрый платок из листьев.

Хотя певчие птицы давно покинули эти края, улетев в тёплые страны, с дерева на дерево живо перепархивали мелкие птахи, оставшиеся на зимовку. Ещё недавно голосисто щебетавшие на разные голоса, они теперь с редким попискиванием перелетали между веток, немного тронутых первыми заморозками... Яркий одинокий одуванчик прощальным всполохом лета раскрыл посреди пригорка солнечное соцветие навстречу робким лучам солнца. Необыкновенная светлая спокойность навевалась от его светоносной шапочки...

Особенной у истоков была тишина. Какое-то благодное умиротворение разливалось в ней. Даже солнце лучилось нежно, ласково. Оно не слепило, а светило тепло и грустно. Хотелось сидеть, смотреть, слушать и чувствовать, как внутри души отзывается что-то необычное, далёкое, может быть, совсем древнее – из самых глубин. Тихо. Спокойно. Хорошо...

На противоположной от родника стороне оврага, у тропинки, что петляет по склону вверх, раскинула крону огромная груша. В её одиночестве выделась гордость и сила. Не желтела на ней листва, а больше темнела, багрово-коричневыми охапками опушая крону. Миниатюрная табличка поясняла, что это реликтовая груша, по преданиям, растёт здесь около 200 лет и что она однажды зацвела в необычное время – в день освящения данного источника, а на дворе был октябрь 2012 года. Свидетелями этого чудесного явления стали местные жители и гости, приехавшие на праздник. Сергей Тихонов на мой вопрос, а видел ли он сам цветущую грушу, убедительно ответил: «Да. Бутоны и цветы распустились в тот день на её ветках». Чуть ниже, у подножья горы с восточной стороны, стоит часовня-купальня. Это маленький бревенчатый домик построен с большой любовью и старанием. Крепкие свежие брёвна хорошо подогнаны друг к другу. Крыша сделана из прозрачных современных материалов, в любое время дня пропускающих в купальню естественный свет. Отражаясь, он ровно и спокойно льётся в часовенку, лучится на немногочисленных образах, развешанных на стенах, придаёт человеку уверенность в его благом намерении окунуться в купельке, получить духовную благодать, телесное здоровье. Прохладная вода зазывает умиротворением, чистой. Знаю многих людей, приезжающих сюда в разное время года...

Живёт родник. Поёт потихоньку серебряным, словно колокольчик, голосом, бьёт из-под земли не иссякая. Возраст его неизменчив в веках, а сам он длиною всего-то от горы до речки... Несёт ручеёк в своём течении добро, дарит людям надежду на то, что они хотят получить в этой жизни. Глядя на струи чистой, как слеза, воды, неведомо откуда пробивающейся, невольно ловишь себя на мысли, что потерялся во времени, что все заботы, планы ушли куда-то. Нет сил заставить себя оторвать взгляд от этого чуда природы.

Слушая журчание ключа, улавливая его мелодии, непроизвольно отмечал, как непрерывно бежит он, не теряя скорости, как тускло ещё зеленеет вокруг подвявшая трава, как поблёт цикорий у тропинки, как кружатся редкие мошки, оседая на влажные камешки у истока, как, отражаясь, тонут в искрящейся воде белёсые копнушки облаков... Медленное шествие её потока, точно пламя горевшей свечи в храме, было наполнено особым ощущением близкой, неукротимой жизни...

Меня не покидало ощущение, будто я целую вечность стоял, склонившись над небольшими ручейками, которые выбивались скромными струйками из-под вековой кручи, сквозя через зернистый мелкий песок. Вытекая, они вместе с шелестом вековой груши разговаривали не только со мной, но и с далёким прошлым. Под безбрежным куполом промытого неба в моём сердце теплилось ощущение благодати... Вспомнились слова Иеромонаха Романа о. Андрея Кяйса:

*Если тебя неудача постигла,
Если не в силах развеять тоску,
Осенью мягкой, осенью тихой
Выйди скорей к моему роднику...*

Всем здесь хватит места и живительной влаги: детям, взрослым, гостям, местным жителям. Мощь родниковой воды, наполненная жизнью самой Земли, даёт особую силу, незабываемый вкус. Дождевая вода освежает, но не насыщает. Пробарабанит весёлый спорый дождичек по человеку, намочит голову или одежду, да обсохнут они на ветру при солнышке, от него не останется следа, тут же забудется сырость, развеяв наше уныние. Только родник надолго запомнится своим журчанием, будет вновь и вновь в бесконечном движении ждать людей, закрепившись в памяти холодными хрустальными струями ключевой воды...

Возведённые у родника постройки, площадки, перила, деревянные мостики-переходы над благоустроенными истоками, красивый кувшин в виде старой амфоры, куда льётся вода, ковшики для питья, скамейки для отдыха и ступеньки, выполненные из кругляшей от деревьев, отточенные кольца, ограждающие газоны, тропинки, спиралями закрученные вдоль ручейков, – всё гармонично сливается с тихим говором воды. Она здесь живая, подвижная и настолько прозрачна, что видна каждая песчинка, словно смотришь на неё через увеличительную линзу.

Когда любовался окрестностями, непроизвольно в уголках памяти возникала удивительная сеть видений, мерцали искорки воспоминаний, создавая особое состояние, оно, отражённое красотой, воскрешало целые картины, прожитые ранее, а теперь опять всплывшие перед глазами ...

На некоторое время преграда между прошлым и настоящим настолько стиралась, что начинал чувствовать необъятную основательность жизни, свои корни, соединяющие ушедшее небытие с уходящей вперёд далью... Их невозможно воспроизвести, сложно прочесть мысли, узнать чаяния русских витязей в то туманное осеннее утро перед началом Куликовской битвы, благословлённых Сергием Радонежским на ратный подвиг...

Удивительная мысль сжималась до неудобного вопроса: «А было ли всё это?» Наверное, да! Ведь есть осень, родниковая осень, разлившая солнечные голоса по округе, сияющая лучистым светом, вызывавшая в этом приснопамятном месте сладкую горечь, с которой трудно справиться. Есть деревья, подпалённые желто-красным огнём, горящие ярким листопадом. Каждый уголок этой территории не нарушает здесь общей гармонии природного ландшафта...

Время возвращения домой приближалось с каждым часом. Жизнь, как и прежде, продолжаясь, неумолимо текла... День угасал... В предвечернем солнце, повисшем над низким горизонтом, вода струилась седой рябью, каждый её бугорок горел алыми огоньками, создавая иллюзию нежно-огненного потока. Воздух по-прежнему был чист и прозрачен. Лебеди, покачиваясь под румяным закатом на водной глади, плыли вдоль берега, празднично и неторопливо, словно провожали, довершая моё пребывание у источника.

Выбравшись на трассу, ещё раз оглянулся на село, утонувшее в дымке осеннего затишья, что до самых крыш окутало деревенские домики... Проснулось какое-то мечтательное настроение. Разгулялось воображение, пробудились юношеские

мысли, захотелось мечтать... Вспомнился дом, мой посёлок, песни птиц в прибрежных кустах речушки...

Весь обратный путь ехал молча, вглядываясь в придорожный полевой простор, кое-где обрамлённый перелесками. Чувствуя усталую прохладу угасающего дня, сливавшуюся с моими чувствами, наслаждался ясно-чистой синевой небосвода, в котором свободно, распротёрши серо-пёстрые крылья, парил перепелятник, высматривая добычу.

Хотелось жить. Невольно подумалось, что где восстанавливают храмы или очищают родники, такие места оставляют в каждом из нас Надежду и Веру. Чтобы почувствовать это, не надо далеко ездить. Стоит лишь довериться и открыться своей Душе. Человек, бывает, не верит, перестаёт ждать, отчаивается, а через некоторое время уходит, не оборачиваясь на своё прошлое. А в это самое мгновение, может, и свершается та особая благодать или чудо, как сокровенный дар, предвосхищающий картину бытия. Сразу хочется полететь, поехать, побежать туда, где встают стеной ещё не тронутые человеком леса, где над горизонтом клубятся пушистые облака, а над хрустальной влагой незамутнённых родников склоняются люди, дабы припасть к этим источникам чистоты, снова ожить, напившись из Истока. Наверное, они создают в человеке настроение, которое побуждает двигаться вперёд, рождает в его сознании приливы гордости за свою причастность к бескрайнему творению жизни.

МИХАИЛ ТУРБИН

ДИМКИНА ШКОЛА

Димка не спешит делать домашнее задание, склонился над чистым тетрадным листом и лениво рассматривает образцы прописи, сделанные рукой учительницы. Для него чистописание – мучение. Он уже и пёрышко обмакнул в чернильницу-«непроливайку», держит руку на весу, а первую букву вывести не торопится. Ручка деревянная, светло-синяя с железной окантовкой, куда вставляются стальные ученические номерные перья. Сидит, раздумывает. Для чистописания требуются перья только номеров 11 или 86. Егорка пишет 11-м, на узкой шейке которого выдавлена пятиконечная звезда. Перо так и называется «звёздочкой», – у неё на широком месте имеется прорезь, она переходит в длинный носик, разрезанный пополам. Димка всё разглядывает и разглядывает пёрышко. Если нажать на носик, то он раздвинется, а если не нажимать, то смотрится, как целый. Он в прошлом году не одно перо сломал, изучая упругость и прочность его. И наигрался вдоволь «звёздочкой» с приятелями, переворачивая перо, как майского жука. Забавная игра в пёрышки и очень простая. Надо на подоконнике расположиться вдвоём, вытащить несколько штук из пачки, а в пачке 100 штук, положить одно – «звёздочкой» вверх. Это твоё перо; приятель должен его с первого раза перевернуть. Делается это так: он своим пёрышком легонько тюкает по овальному концу лежащего пёрышка. Если сразу перевернул, то забирает его себе, а тебе приходится вынимать из коробки – другое. Если перевернёт и его – выставляй третье, и так до тех пор, пока везёт, а как не сумеет справиться, то наступает твоя очередь. Тут нужна тренировка, чтобы не остаться с пустой коробкой. Димка редко кому проигрывал.

Теперь немного повзрослел, в пёрышки не играет, знает их по именам: «уточка», «лягушка», «семечко», «пионер» – это для учеников начальных и средних классов. Старшеклассники пишут в основном перьями «рондо» и «мертвечик». Эти – с ко-

ротким носиком-«шишечкой», иногда мальчишки под перо прикручивают медные пружинки – от шейки пера до носика, чтоб долго держались чернила.

Известно: хороший почерк даётся только мягкими перьями. И цифры, и буквы должны выглядеть красиво, вот почему не спешит он с этим трудным делом, – откладывает ручку и подходит к трёхлинейной лампе, висящей на стене. Стекло закопчено, но он не станет протирать его бумагой, чтоб случайно не запачкать руки, а чуть поднимет фитиль. В доме зимой без лампы мрачно, окна маленькие, пол земляной. У отца не нашлось досок его доделать.

Не успел он прибавить свет, как вверх по стене пополз на ножках-ходулях паучок-круглячок. Димка проследил его путь до сумрачного угла над печкой. «Чем питается? – мелькнуло в его голове, – мухи давно не летают, одни – посохли, другие впали в спячку, а этот всё бродит, ищет местечко, где бы устроиться». Он взглянул в окошко и затосковал. Во дворе ослепительно блестел на солнце недавно выпавший снег. Деревья в саду стояли запушённые, с ветки на ветку прыгала синица, роняя снежную пыль. Ему захотелось взять санки и побежать на горку, где уже, наверное, катаются ребята, а он тут должен чистописанием заниматься.

Вздыхнул, и опять склонился над тетрадь. Тетрадь у него в линейку с косыми линиями, чтобы нужный наклон букв соблюдать. Начал выводить первые буквы предложений: «Мама моет Машу. Папа рубит дрова. Бабушка доит корову. Дедушка ловит рыбу». Димка ставит на линию точку и начинает писать букву «М» – ведёт перо вверх без нажима, потом вниз, с нажимом. И так дважды, потом делает крючок для соединения с буквой «а». И пошла линия против часовой стрелки с утолщением в средней части овала. Вышла эта буква, потом – повтор и прочитал: «Мама». Сравнил с образцом и поморщился. Понял, рука была напряжена, заглавная буква получилась не совсем ровной от дрожания руки. Он смотрит на кончик пера, хватит ли чернил ещё на два слова, и продолжает работу. До «дедушки, что ловит рыбу» ещё далеко. Потом будет стараться написать чисто ещё несколько предложений, пока не зачесется переносица, а потом возникнет перед глазами ледяная крутая горка, по которой он лихо съезжает на «снегурках». Коньки его крепко привязаны к валенкам верёвками, морозный ветер бьёт в лицо, и он готов пронестись по речному льду до другого берега, если бы не Ксюшины санки. Он видит, так ударился об них, шапка с головы слетела, носом стукнулся об лёд... Помнит, поднялся, а из носа – кровь, переносицу чуть не сломал. Ксюшу хотел отколлотить, да она ж – девчонка. Что с ней связываться? – сама подбежала, испугалась, платочек сует... Куда глядела? Я же орал сверху: – «Эй, отойди!..»

Лёд теперь глубоко под снегом, каникулы позади, ребята на лыжи перешли, они у всех разные, редко у кого покупные, чаще – самодельные. Отец тоже над лыжами потрудился, сделал их ему из двух дощечек: выстругал рубанком, концы распарил в кипятке, загнул накрепко, высушил и заострил. На скользящей стороне даже желобки узкой стамеской вывёл, ремень широкий приделал, – бери, пробуй! Нормальные получились лыжи, не хуже покупных, ведь всё равно нет лыж в магазинах. Эх, сунул бы сейчас ноги в валенки, лыжи – в охапку и к ребятам! А тут – ручка с пёрышком, тетрадь...

Скоро старшая сестра Валя придёт, раскомандуется, а всего-то – на два года старше его, тоже мне – командир! – мысленно возмущается Димка. Начнёт просить: «Дай посмотрю тетрадь, мне мама поручила тебя проверить». Ничего она не поручала, сама захотела, чтоб потом сказать: «Ты опять написал пером, как курица – лапой!» Недовольная будет, да ещё матери расскажет, что я без спроса на улицу ушёл.

Он уже склонился над тетрадь, чтобы продолжить писать, как вдруг вспомнил, что надо подбросить дрова в печку, как было велено. Открыл дверцу, заглянул в топку. Чурки ещё тлели, он пошуровал их кочергой, – звёзды искр посыпа-

лись в поддувало. Вовремя вспомнил, огонь чуть не погас и швырнул в зев топки несколько сухих обломков досок, подождал, пока они разгорятся, потом сверху из ведра сыпанул два совка угля-горошка. Всё, на два часа хватит.

Посмотрел на часы-ходики. Гирька на цепи далеко ушла вниз, подтянул её, а в это время из-под часов по шлаковой стене поползла мерзкая двухвостка. Димка поморщился, поспешил с ней разделаться, – схватил ручку и вдавил в её бронзовую спину кончик пёра, потом сбросил блестящий трупик на земляной пол. Оглядел перо брезгливо и принялся чистить его промокашкой.

Ходики тикали, напоминая о времени, и он опять уселся за стол. Писал и писал, склоняя голову то в одну, то в другую сторону, порой от усердия высовывая язык. Ему показалось, что прошла вечность, прежде чем оторвался от тетради. Радостно потёр руки, ура! – на этот раз не поставил ни одной кляксы.

За окном прогудел заводской гудок. Скоро отец придёт домой в мазутной фуфайке, в шапке- ушанке с опущенными ушками, он на фронте уши отморозил, теперь даже от лёгкого морозца прячет их. Придёт, снимет брезентовые рукавицы, повесит ватник на вешалку и примется в тазу долго мылом отмывать мозолистые руки. Свою шапку не скоро сбросит, так и будет в ней ходить, то в подвал за картошкой, то в сарай к поросёнку, потом будет ужин готовить. Мама позже его приходит. По ходу дела начнёт спрашивать: «Чем, сынок, занимался? как твоя учёба?» Ответы не дослушивает, некогда ему. Тетради не проверяет, на Валю надеется, а та всегда найдёт, за что придраться.

Сумерки густеют, надо воды нагреть, отца дожидаться и сразу туда, – на горку...

* * *

Утром он идёт в школу с хорошим настроением, всё успел сделать: и домашнее задание выполнить, и с ребятами на горке накататься. Теперь шагает по пробитой в снегу тропинке через овраг в сторону железнодорожной станции. На ногах – валенки, на голове – кроличья шапка, на плечах – стёганка, в руке холщёвая серая сумка, стянутая шнурком. В сумке у него тетради, учебники и много чего другого: карандаши, ручка, перья, чернильница, ластик, промокашки... Сумка в чернильных пятнах, это он в прошлом году её нечаянно измазал. Не было тогда в магазинах чернильниц, пришлось пользоваться аптекарским пузырьком, куда наливали ему фиолетовых чернил, и приходилось затыкать горлышко его, чем придётся, пузырёк подтекал, чернила пачкали руки, тетради, сумку, одежду. Большинство учеников тоже ходили в школу с пузырьками, и только потом появились в продаже «непроливайки» из эбонита и фарфора, но и их затыкали пробками.

Тропинка выводит Димку на мостик, проложенный через овраг. Справа от тропинки стоят огромные светло-серые баки нефтебазы, слева – сгоревший немецкий танк, его до сих пор ещё не вывезли на металлолом. Егорка даже не смотрит в его сторону, привык к его поникшему и обгорелому виду. Танк он давно излазил вдоль и поперёк, даже внутри побывал, он ему уже не интересен. Подошёл он к дороге, стоит, раздумывает, как лучше пересечь, левым путём или правым? Если – левым, то надо пройти мимо площадки с разным оборудованием, техникой, выгруженными из вагонов, и шагать дальше по рельсам к зданию вокзала, а на пути часто стоят длинные составы, придётся лазить под вагоны, искать проход. Правым путём – короче к школе, но для этого придётся преодолеть бугор, обходить длинное складское помещение. Минуту-другую он стоял перед дорогой. По бурой от навоза снежной каше лошади тащили сани, катились грузовики. Внезапно он увидел трактор с прицепом, точнее сани-волокуши с большой бочкой. На краю саней сидел Сашка Сыроквасов и помахивал ему рукой, мол, не прозевай. Димка в два прыжка догнал бардовозку и присоединил-

ся к нему. Поехали, улыбаясь удаче. Путь к центру города вёл мимо нефтебазы, затем нырнул под пролёт железнодорожного моста и выводил на осевую улицу – Дзержинскую, а через три перекрёстка – улица Карла Маркса, на ней их школа. Трактор едет, чадно дымит, тянет за собой бак вязких спиртовых отходов – барду. Тракторист почему-то выбрал окружной путь, хотя есть более короткая дорога. Егорка с Сашкой сразу поняли, что он кому-то из родственников или знакомых часть барды слил, такое они замечали не раз. В зимнее время барда служит подкормкой для домашнего скота.

Полгорода нуждаются в ней: горожане носят её на коромыслах, просто вёдрами в руках, возят санками в бочонках...

Трактор качается, переваливается с бока на бок по рытвинам, поворачивает на Дзержинскую. В самом начале её за одноэтажным старым домом громко стучит крупорушка, выбрасывая вверх кольца дыма, работая на солярке. Крупорушку эту горожане называют по былой принадлежности – Зелепухинской мельницей, вокруг неё пустыри и разбитые войной коробки зданий. Их небольшой город, разбит, по выражению взрослых, «как Сталинград», – сплошные улицы-руины. Санволокуши иногда ощутимо трясутся на яминах, но приятелям такая езда по душе, это что корабль по волнам. На углу улицы Шмидта волокуша вдруг дёрнулась, струя тёплой барды из открытой горловины бочки брызгами окатила ребят, пришлось соскакать с прицепа, пешком идти и на ходу очищаться снегом, развеивать спиртовой запах.

Начальная школа располагалась в крепком одноэтажном доме на улице Карла Маркса. Дом раньше принадлежал какому-то купцу, стены полуподвального помещения со сводчатым потолком имели железные скобы и крюки для подвески туш. Помимо полуподвала, где, кстати, тоже проходила учёба, в нём имелись две просторные комнаты с большими окнами, смотрящими на запад, – через пустырь – в тыльную сторону двухэтажных коробок Ленинской улицы. Севернее из окон виделся ещё один пустырь, переходящий в базар, и Ямские слободы. Одна из комнат была проходной, через неё ходили в другую комнату – тупиковую. Эти комнаты и назывались классными помещениями. Была и учительская – небольшая комнатка с дверями в проходной комнате, где было узкое окошко на восток с занавеской, стояла печь для обогрева помещений, имелся стол с двумя стульями, кровать. На стене висели полки с книгами и посудой, на полу громоздились вёдра, швабры, тазы, тряпки, веники и прочая хозяйственная всячина. Учителя здесь отдыхали во время перерывов, пили чай, приготовленный женщиной неопределённого возраста по имени Полина. Она проживала здесь с разрешения местного начальства, исполняя обязанности сторожа, истопника и уборщицы. Она же следила за часами, – сообщала звоном колокольчика о начале занятий, перерывах и окончании. Полина была личностью примечательной. За свой внушительный вес и нелёгкий характер школьники прозвали её «Трёхтонкой» и откровенно побаивались, – могла сграбастать любого зарвавшегося шалуна и от всей души надрать ему уши или дать оплеуху. На уровне эмоциональных догадок старшеклассников, «Трёхтонку» считали существом с повреждённой головой. И это передавалось новичкам, хотя на самом деле, можно легко повредиться, общаясь с таким трудным послевоенным детским материалом. Чаще всего Полина была деловита и однообразна: готовила учителям борщ или кашу, запахи которых будоражили воображение школьников, потом важно выплывала из своей коморки, придерживая рукой язычок медного колокольчика, размером с её кулак.

При её появлении, в проходном классе уже понимали: «Трёхтонка» будет звенеть до тех пор, пока их учительница – Егорова Мария Петровна не выдержит:

– Хватит, хватит, Поля, не глухие, – слышим!

Та укрощала колокольчик, и важно уплывала обратно в учительскую.

И так день за днём, год за годом.

– Полина! – порой слышался голос Марии Петровны – иди сюда, выведи балбеса на свежий воздух, чтоб другим не мешал...

Понятно, очередной переросток вышел за дозволенные рамки, добровольно не покидает класс.

Полина тут как тут. Берёт его за шкирку, выволакивает во двор, иногда вместе с партой, в которую он намертво вцепился. Потом устроит ему экзекуцию, – даст оплеуху или надерёт хорошенько уши, и тот никуда потом не пожалуется, знает, что сам виноват.

Трудно учительнице справляться с классом, но справляется. Димка понимает: через её руки прошло немало учеников, отвыкших от учёбы за годы войны. Она учитывает, кто остался без отца, кто без матери рос, кого бабка или дед воспитывают, а у кого воспитанник воспитан так, что его на переменах во дворе ученики «довоспитывают»: то нос разобьют, то под глаз синяк поставят. Часто приходится родителям объяснять, за что их чадо пострадало.

Она находит нужные слова, а вокруг – разруха, нищета, сквернословие.

Обычно переростки на переменах курили, затевали драки. Учиться им скучно, – сидеть и слушать бойкие ответы одноклассников-«воробушков». Некоторые переростки бросали учёбу, их возвращали, кое-как переводили из класса в класс.

Димка ещё не знает, что скоро школа пополнится девочками, они будут учиться вместе во вновь образованных двух классах – «А» и «Б». Класс «А» возглавит учительница Суворова Наталья Тимофеевна, а класс «Б» – Егорова Мария Петровна. Скоро атмосфера в классе изменится к лучшему: мальчишки присмиреют, учиться станет интереснее, но всё равно до 5 класса на своем посту будет находиться «Трехтонка», и шалунам от этого не станет легче. Потом перейдут учиться в кирпичные здания-двухэтажки на этой же улице. Они чудом уцелели среди разбитого центра города, это и есть средняя школа № 1. Пока же, Димка учится здесь, – в «началке» одноэтажной. Партами служат столы и лавки; парты обещают скоро установить.

Обычно на лавке сидят по шесть учеников за одним столом. Димка с Сырковасовым долго сидели на первом ряду, но на прошлой неделе Мария Петровна их пересадила, – поменяла местами с Федей Варнавским и Колей Дворяткиным. Теперь «на камчатке» перед Димкой и Сашей видны в основном только затылки и спины учеников, а у прохода – профили Коли Псарёва, Валеры Салецкого, Славика Монашёва... Рядом с «камчаткой» стоит вешалка с тёмной грудой одежды. Димка даже рад новому месту, отсюда шире обзор, к тому же здесь он неуязвим от попадания в него твёрдого бумажного катыша, если вдруг кто-то вздумает натянуть резинку на пальцы и стрелкнуть.

Учительница по ходу урока всё замечает, но стоит ей отвернуться, как тут же, в чью-нибудь спину влетает такой катыш, «спина» поворачивается, – кто? Поэтому в зависимости от настроения класса, глаза у Марии Петровны меняются, то они негодующие, то настороженные, то одобрительные. Равнодушных глаз у неё не бывает.

К полудню Димка с Сашкой устали сидеть, и уже лениво слушают учительницу. Мария Петровна занята проверкой домашнего задания, правописания частиц «жи-ши», «ча-ща» и «чу-щу». В руках у неё гибкая металлическая линейка, время от времени она хлопает ею по столу, призывая к вниманию, мол, слушайте и не отвлекайтесь на глупости, не то достанется по шаловливым рукам. И вот она берёт мел и идёт к доске. И тут раздаётся в тишине грохот и смех. Это четыре переростка, сговорившись, дружно привстали, а сидевший на краю лавки Славик Монашёв рухнул на пол. Громче всех смеётся Коля Псарёв. Мария Петровна почему-то на него обращает свой гнев:

– Встань, дубинушка стоеросовая! Развлекаться вздумал? Ах ты бесстыжий, ничего на тебя не действует, сам не учишься и другим не даёшь. Делаю последнее замечание, потом пеняй на себя, – вылетишь из школы!

– Во, чуть что – Псарёв!.. – возмущается он. – Я сижу, никого не трогаю, ничего не знаю, а меня – из школы?..

С Марией Петровной не поспоришь, ставит его лицом к тёплой стене печки. Это её любимый приём из педагогического арсенала дореволюционной школы. Ученик в таком положении не имеет возможности отвлекать класс подмигиванием или ужимками. Димка тоже нюхал извёстку печи и знает, как легко стать мишенью для обстрела бумажными катышками, чувствует, что и сейчас кто-то уже натягивает резинку на два пальца, – целится в затылок Псарёва.

Так бы и простоял Коля до конца урока, но тут другой Коля – Дворяткин с Федей Варнавским что-то не поделили, – летят тетради и учебники на пол, – схватились...

Мария Петровна жестом показывает им на дверь, не хочет тратить драгоценное время на выяснения ссоры, но они не унимаются, и тогда она взрывается:

– Вон, оба из класса! Или Полину позвать?

Кто же хочет с «Трехтонкой» связываться? Нехотя встают, направляются к дверям.

Мария Петровна тут же находит тетрадь Варнавского, читает на обложке:

– «Тетрадь Варнавского Уфёдора»... Ну, грамотей! Вернись, Варнавский...

Федя непонимающе смотрит на неё.

– Ты кто, Фёдор или Уфёдор?

– Фёдор!

– Читай, написано «Уфёдор», а не Фёдор.

В это время Псарёв оторвал лицо от печной стены, повернувшись к ним, от души заливается смехом, а зря, и его тетрадь берёт она, проверяет и обнаруживает ошибки: он вместо буквы «и» написал «ы» в словах «живёт» и «жилец».

Зачитывает, и смотрит на него, а у того в душе бесёнок-подселенец ножками дрыгает, никак не может угомониться.

– Нет, вы посмотрите, – возмущается она, – он ещё улыбается, каково? – мои слова ему, как горох об стену! – кипятится она и вновь ставит лицом к стене, стучит пальцем в его рыжеватый затылок. Тот лбом и носом от каждого тычка пробует крепость извёстки. Она при этом приговаривает: «Жи-ши» пиши через «и», «ча-ща» – через «а», «чу-шу» – через «у»! Наконец устаёт, успокаивается, отпускает его на место и садится за стол. Опять продолжает начатую тему, обращаясь ко всему классу:

– И так, ребята, как будем писать частицы «жи» и «ши»?

Класс дружно кричит:

– Через «и-и-и!...»

– А «ча»-«ща»?

– Через «а-а-а!...»

– Молодцы, а частицы «чу»-«шу»?

– Через «у-у-у...ю...!»

– Кто юкнул? Придётся повторить...

– И так, как пишутся частицы «жи» – «ши»?

– Через «и-и-и...» – с новой силой дружно выдыхает класс, да так, что слышно даже во дворе.

Спустя много лет, Димка становится Дмитрием Алексеевичем. Он, после окончания педагогического института, уже сам проверяет тетради своих учеников. Проверяет и вспоминает, в каких условиях приходилось учиться его поколению, и неизменно перед ним возникал образ первой его учительницы – Егоровой Марии Петровны, кстати, она за свой учительский труд в послевоенное время одна

из первых в городе Ливны получила орден Ленина. Её давно уже нет в живых, а её ученики стали достойными гражданами своей страны. Они иногда собираются по случаю той или иной школьной юбилейной даты и очень тепло вспоминают не только Егорову, но и школьную добрую печку, к извёстке которой она ставила класных шалунов. И Дмитрий Алексеевич с доброй улыбкой неизменно говорил: «Наша Мария Петровна умела достучаться до мозгов».

ГЕННАДИЙ МАЙОРОВ

«ПАЛЛИТРЫЧ»

В какой-то момент наш двор наполнился насыщенным ароматным запахом хвои. Раньше ничего подобного в городской среде не наблюдалось, а потому с утра необычное явление стало темой номер один практически в каждой семье. Любопытные мальчишки первыми обнаружили сваленные на тротуаре возле дома еловые ветки и стали гадать, для чего они здесь. Подсказали всезнающие старушки, чей наблюдательный пункт на скамейке возле подъезда служил источником всех последних новостей-пересудов, скоропалительных выводов, а также – бесплатных советов и нравоучений. Бабушки вспомнили, что так готовятся к похоронам по старинному русскому обычаю.

Но кто умер, не знали даже общественницы из дворового «бюро прогнозов». Лишь когда появился слесарь Мухин (все называли его только по фамилии, и он не возражал), следы привели к третьему подъезду. Но в подъезде пять этажей, двадцать квартир. К кому в дверь постучалось несчастье?

Мухин с трудом шевелил мозгами после вчерашнего чрезмерного застолья по случаю предстоящего выходного. Он лишь пожимал плечами в ответ на все вопросы и показывал на окна первого этажа.

Вскоре примчался запыхавшийся домуправ Семён Семёнович по кличке «Сим-Сим» и с ходу выдохнул:

– Паллитрыч скончался.

В нашем дворе любили всем давать прозвища. Кому-то обидные или неблагозвучные. Поэтому обращение по фамилии считалось делом привилегированным. И то верно, попробуй того же Мухина обидеть унижительным окриком, вряд ли тогда дозовёшься ершистого слесаря кран починить или какую другую работу исполнить.

Практически никто не помнил или не знал, как звали по паспорту Паллитрыча. Этот невзрачного вида маленький мужичок трудился в меру сил сантехником, но большей частью хворал, отлёживался в своей маленькой квартирке. Был тщедушным и тихим. Ни с кем не конфликтовал, наоборот, освободившись на время от болячек и пребывая в хорошем расположении духа, одаривал конфетами ребятишек. Гладил их по головам и приговаривал:

– Дай вам Бог здоровья и счастья!

Детишки радовались подаркам, спешно запихивая сладости в рот, и улыбались доброму дяденьке. А Паллитрыч поджимал губы и беззвучно плакал. И быстрым шагом уходил к себе домой.

Любили Паллитрыча и окрестные мужики. За детской беседкой они соорудили стол и по вечерам в укромном уголке до самой темноты стучали костяшками домино. Иногда, возбудившись от накала страстей, начинали спорить на повышенных тонах, хватали друг друга за грудки. Но до мордобоя дело не доходило. Появлялся

добродушный Паллитрыч, при котором почему-то не хотелось выглядеть скандалистом. Однажды, наслушавшись отборных матерных комментариев, он осуждающе покачал головой и... поставил на стол бутылку водки. Пол-литра.

Мужики тут же осеклись и недоумённо уставились на странного сантехника. Тот улыбнулся и тихо произнёс:

- Не шумите, деток распугаете. Вот, лучше, охолонитесь.

Самый бойкий из доминошников – дядя Вася, огромный детина в неизменной тельняшке и с татуировкой в виде якоря на тыльной стороне ладони, аж присвистнул от неожиданности:

- Вот это по нашему. Спасибо, отец.

Мухин не преминул вставить слово:

- Молодец, Паллитрыч!

Дядя Вася захлопал глазами:

- Чего ты сказал? – и тут же заржал. – А что? Ты, батя, у нас давно без кликухи ходишь. А ведь надо же как-то общаться меж собой. Не обижаешься за новое прозвище?

Вновь наречённый Паллитрыч не обиделся. Он, похоже, вообще был не от мира сего. Порой слова из него не вытянешь. На грубость никак не реагировал. Ходил, словно сам в себе. Только вот шума, громких криков не выдерживал. Сразу хватался за виски, мотал головой, ладонями пытался прикрыть гримасы боли на лице.

Мужики, конечно, выпили подарочную бутылку, первый тост – за здоровье Паллитрыча. Но строгий дядя Вася тут же постановил:

- Теперь сами будем сбрасываться на выпивку. А то дед пенсии не напасётся.

- Правильно, – поддакнул Мухин. – Паллитрыч человек порядочный, можно ему деньги доверить, что на кону, он и сбегает в магазин...

Пожилой сантехник, как всегда, добродушно согласился с ролью посыльного. И охотно приносил игрокам поллитровки. В его присутствии разгорячённые доминошники уже не матерились, их радостные или отчаянные возгласы лишь завершались накалистыми ударами по столу. Даже вороны больше не садились на ветки у растущего тополя. Умные птицы предпочли убраться от опасных соседей, как говорится, на всякий случай и от греха подальше.

И вот Паллитрыча не стало. Сим-Сим подозрительно суетился, куда-то убежал, вновь появлялся. А когда у двери квартиры Паллитрыча выставили караул в виде сержанта милиции, двор загудел. Охочие до сплетен женщины прижали домуправа к стенке, требуя подробностей, но тот только замотал руками:

- Ничего не знаю! Дело государственной важности! Ой, господи, пронеси... Он же сутки пролежал в квартире, случайно обнаружили... Похороны завтра...

Но, взяв себя в руки, Сим-Сим стал лихорадочно соображать, что же ему поручено сделать вышестоящим начальством. Он уверенным жестом поманил своих активисток:

- Значит, так: завтра все должны выглядеть цивильно, чтоб не осрамиться. Подъезд вымойте как следует. Да и вокруг уберитесь...

- А что за пожар? – не удержалась самая бойкая из домохозяек. – Что ты так суетился?

Сим-Сим посмотрел на непонятливую женщину, как удав на кролика, лицо покрылось пятнами, голос задрезжал от негодования:

- Да вы что дурочку валяете?! Начальство завтра приедет... Из Москвы!

Двор тут же притих, первые шеренги любопытных предусмотрительно попятись от домуправа. Сим-Сим вытер платком покрытый испариной лоб и примирительно зашептал на ухо подошедшим активисткам:

- Надо бы и в квартире порядок навести. Ну, вы знаете правила. Зеркало там занавесить, то-сё...

– Сделаем, Семён Семёнович, – закивали в ответ женщины, им уже не терпелось первыми узнать причину повышенного ажиотажа вокруг смерти простого сантехника.

– Только чтобы ни гу-гу, никому не слова, – заговорщицки зашептал Сим-Сим. – Говорят, сам секретарь горкома завтра будет...

Женщины обомлели. Надо же удостоиться такой чести!

– Сим-Симыч, – из толпы вышел дядя Вася, он помялся, как школьник на экзамене, и наконец выдохнул. – Мы тут с мужиками посоветовались и решили сами гроб понесём. Всё же Паллитрыч был настоящий...

– Ой, – вскрикнула одна из старушек-соседей, – как же так... Мы ведь даже не знаем, как его звали. Нехорошо провожать человека в последний путь без имени-отчества...

– И правда, – замычал дядя Вася, – надо бы помянуть Паллитрыча по человечески... Всё же не чужой...

– Погодите-погодите, – запротестовал домуправ. – Завтра помянём. Нельзя нарушать ритуал... без начальства.

– Так как же его всё-таки звали? – раздался требовательный голос из толпы.

Сим-Сим полез в свою папку, полистал какие-то бумаги, прочитал:

– Суворов Павел Дмитриевич. Вот как.

На первый план выплыл Мухин. Он прямо-таки светился от своей сообразительности:

– Братцы, мы его по-другому поводу Паллитрычем обозвали. А он выходит и есть Паллитрыч...

– Ты чего буровишь? – зашикали на него женщины.

– Да сами посудите, – залебезил Мухин, – Павел! Значит – Пал. Дмитрич! Митрич по-нашему. Ну... А сокращённо и будет – Паллитрыч!

– Ладно, хватит демагогию разводить, – прекратил неуместные рассуждения обливающийся потом домуправ. – Расходитесь. Дел ещё по горло...

* * *

С утра погода не задалась. Накрапывал мелкий дождик. Но народ стал собираться у третьего подъезда задолго до официальной церемонии прощания с покойным. Толпа заволновалась, когда появились журналисты и в сопровождении работника горкома прошли в квартиру Паллитрыча.

– А нам когда позволят с ним проститься? – вопрошали самые нетерпеливые.

– Тело ещё из морга не привезли, – отвечали самые осведомлённые.

– А почему из морга? – не унимались непонятливые.

– Потому что вскрытие делали, причину смерти устанавливали.

– А чего её устанавливать? Старый человек... не от водки же помер...

Появился Сим-Сим, пресёк досужие разговоры. Как раз вовремя, во двор въезжала похоронная машина. Домуправ раздвинул толпу, из которой тут же ему навстречу шагнули заядлые доминошники во главе с дядей Васей. Бывший моряк выглядел на удивление гладко выбритым, при параде. По его команде мужики ловко извлекли из машины гроб, отметив, что он вместе с покойником почти ничего не весит, пронесли в квартиру, где женщины заканчивали генеральную уборку.

– Гляди, Боцман, – чуть не выкрикнул Мухин и потянул дядю Васю за рукав. Тот обернулся и оторопел.

На дверце шкафа висел парадный китель с подполковничьими погонами.

– Два ордена Боевого Красного Знамени! И – Красной звезды! – восхищённо присвистнул дядя Вася.

– А медалей-то, медалей.., – подхватил Мухин.

Мужики остолбенели от такого обилия наград. Одна из женщин вывела их из ступора, указав на комод, где разместились фронтовые фотографии:

- Вчера весь вечер разбирали. Наш Митрич, оказывается, воевал. Герой! – и с укоризной. – А вы его за дурачка держали...

- Ты что, Нюр, – залепетал, оправдываясь, Мухин, – мы к нему всегда с уважением. Скажи, Боцман...

Дядя Вася повздыхал, долго разглядывая боевые ордена тихого сантехника, лицо его просветлело:

- Дурак ты, Мухин, Паллит... Митрич, то есть, с нами всегда, как с людьми, со всем уважением. А мы даже не знали ничего о нём. И не интересовались. А рядом такой человек жил!

В квартиру чуть ли не вбежал Сим-Сим:

- Всё-всё, расходитесь. Едут!

- Да из-за кого ты так переполошился, бумажная твоя душа, – насупился дядя Вася, недовольный что самым nepoзвoлитeльным образом его отвлекли от философских размышлений о жизни.

- Сын его приехал. Генерал! – Сим-Сим жадно хватал ртом воздух, как рыба, выброшенная нежданным штормом на берег. – Давайте, братцы, в сторонку. Не мешайте людям проститься...

К подъезду подкатили две «Волги». Секретарь горкома партии сопровождал двух военных – генерала и полковника. Из машины извлекли два венка и большой букет цветов.

Генерал оглядел собравшихся людей, поздоровался и, сняв с головы фуражку, прошёл в подъезд. Несмотря на усилившийся дождь, народ всё прибывал и прибывал. Мальчишки под присмотром взрослых начали устилать дорогу еловыми ветками. От влаги аромат хвои только усилился и лёгкий ветерок разносил его далеко за пределы двора.

Минут двадцать генерал неподвижно стоял в изголовье гроба, прикусив губу. Скорбные морщины рваными разломами напозлали на лоб, давили на переносицу. Было видно, что ему тяжело даётся это последнее свидание с отцом. Словно оправдываясь – ни к кому не обращаясь – генерал пробурчал:

- Вот ведь как вышло... Всё времени не находил отца навестить. Служба, будь она...

Заметив притихших в сторонке женщин, наводивших до этого порядок в комнате, он подошёл к ним, поклонился:

- Спасибо за помощь. Я вижу, к отцу здесь хорошо относились. Спасибо ещё раз. – Обернулся к дяде Васе, обхватившему крышку гроба, рывком извлёк из внутреннего кармана портмоне, не считая достал несколько двадцатипятирублёвок: – Прошу вас, помяните потом отца. Он это заслужил.

Дядя Вася от испуга хотел было попятиться, но упёрся в стену, отчаянно замотал головой:

- Что вы, что вы... Мы за Дмитрича... само собой...

- Да вы не стесняйтесь, – глаза генерала увлажнились, – мне про ваше доброе отношение к отцу рассказывали. Спасибо и вам... Батя ведь на фронте артдивизионом командовал, на Курской дуге получил страшное ранение в голову. Возможно, это сказалось на психике. Потому он иногда странным казался...

Секретарь горкома тут же обозначил своё присутствие:

- Мы, товарищ генерал, примем решение о мемориальной доске на доме, где жил ваш отец. Увековечим память о его подвигах. Всё сделаем как положено.

Грянул оркестр. Сим-Сим дал команду выносить гроб. Заревели женщины. Запричитали старушки. Давненько наш двор не видел такого количества людей на похоронах...

С тех пор о традиции проводов в последний путь с еловыми ветками никто не вспоминал, хотя люди в нашем дворе периодически умирали. А вот Паллитрыча поминали каждый раз, особенно на День Победы. Но только неугомонный дядя Вася после выпитого непременно начинал ругать советскую власть. И было за что, ведь секретарь горкома слова своего так и не сдержал. До сих пор на доме нет мемориальной доски в честь отважного артиллериста.

ВАЛЕРИЙ АНИШКИН

РОДНОЕ ГНЕЗДО Глава из книги «Студент»

*Природа... будит в нас потребность любви.
И.С. Тургенев*

Как-то я, поддавшись настроению отца, который не выпускал из рук томика Есенина и нет-нет да вспоминал то отчий дом, где прошло его детство, то своих сверстников, почти всех погибших в войну, с которыми бегал босоногим мальчишкой в лес, – а бескрайние брянские леса начинались в двухстах метрах от дома, – то яблоневоый сад, завораживающий взгляд в период цветения, сказал Юрка:

– Не хочешь махнуть на пару дней в какую-нибудь глухомань?

– В какую ещё глухомань? – насторожился Юрка.

– Да есть такая. Родина отца. За Брянском, от Дубровки пятнадцать километров пёхом.

– А что там? – заинтересовался Юрка.

– Там Брянские леса, волки и медведи, банька по-чёрному и моя мудрая и добрая бабулька, которая накормит блинами и напоит чаем из самовара.

– А давай! – загорелся Юрка.

И мы стали собираться. Ехали налегке. Юрка раздобыл где-то унты, и они нелепо смотрелись под его модным пальто. Не лучше выглядел и я в лыжных ботинках, зелёных лыжных штанах и тоже в лёгком, как у Юрки, пальто. Ещё мой друг прихватил охотничье ружьё, когда-то подаренное его отцу, а к нему с десяток патронов.

– На медведя? – ехидно спросил я.

– На что придётся, – не обиделся Юрка.

– Если на медведя, лучше рогатину, – серьёзно сказал я, пряча улыбку.

В рюкзаки мы закинули только самое необходимое: шерстяные носки на смену, если промокнем, по паре банок частичка в томатном соусе, колбасу да хлеб, так что, если бы не гостинцы в виде редких в меню деревенских жителей макарон, сахара да карамели детям, рюкзаки болтались бы у нас за спиной как слутые шары. Отец мой обрадовался нашей поездке так, будто сам ехал с нами на встречу со своим детством; он как-то повеселел, суегился, давал ненужные советы и успокоился только, когда я, пропуская мимо ушей наставления на дорогу, вырвался из дома и поспешил на автостанцию, где меня ждал Юрка.

Через три часа мы добрались до Брянска, но долго ждали автобус на Дубровку, так что успели перекусить в привокзальном буфете чаем и своим хлебом с колбасой да немного прогуляться по городу. А дальше транспортом могли служить только лошадь с санями из колхоза «Новый путь» деревни Галеевки, конечного пути нашего путешествия.

– Да это вы неделю можете прождать. Туда редко бывает оказия, тем более, зимой, – расстроили нас местные. – А вы пешком. Здесь не так далеко, километров десять или чуть больше. За пару часов хорошим шагом доберётесь.

И мы потопали своим ходом. Шли бодро, потому что время шло к вечеру, а темнело рано. За два часа мы поспевали как раз добраться дотемна.

Скрылась из вида станция, а потом и последние дома райцентра, и теперь вокруг нас расстилось «белое безмолвие». Мы шли по едва обозначенному полозьями саней и пешеходами дороге; повали снег, и эти следы замело бы в мгновение ока, и сбиться с дороги стало бы делом пары пустяков. Слева от дороги вдали чернел лес, но вскоре дорога ушла в сторону, и лес остался позади. И снова мы шли по заснеженному полю. Снег слепил, и мы невольно прищуривали глаза, потому что смотреть на равнину с холмами, покрытыми белой слепящей массой снега, становилось невозможно. Сначала мы переговаривались, что-то рассказывали друг другу, потом замолчали и шли молча, механически двигая ногами. Я вспомнил Джека Лондона: «Нелегко оставаться наедине с горестными мыслями среди Белого безмолвия. Безмолвие мрака милосердно, оно как бы защищает человека, окутывая его своим покровом и сострадая ему; прозрачная чистота и холод Белого безмолвия под стальным небом безжалостны».

«Господи, – стыдливо подумал я. – Что такое эта наша недолгая прогулка по заснеженной равнине между двумя населёнными пунктами в десяток километров перед той величественной и страшной стихией, в которой выживали герои американского классика!».

Однако день клонился к вечеру, а мы не знали, как долго нам ещё предстояло идти. По времени мы уже шли около двух часов. Теперь лес показался справа. На сером небе обозначилась луна, хотя вокруг по-прежнему оставалось светло. Это от снега, который вдруг под луной засеребрился и сказочно засверкал. Стало быстро темнеть. Со стороны леса послышался протяжный вой.

– Собаки? – с надеждой спросил Юрка.

– Кабы не волки, – насторожился я.

Мы ускорили шаг и почти бежали, подгоняемые страхом.

Но вот впереди показались далёкие огоньки. Это окрылило нас, и мы, вздохнув с облегчением, несмотря на усталость, бодро зашагали к спасительному свету.

Дом моей бабушки стоял особняком на холме, отдельно от всех остальных домов, которых насчитывалось не больше трёх десятков, и располагался так, будто предназначался для обороны от нашествия монголо-татар. Это было глухое, но необыкновенно живописное место. С двух сторон дом окружал в низине широкий ручей с толстым, стёсаным топором для удобства перехода по нему бревном; метрах в двухстах от дома начинались Брянские леса, уходящие за горизонт, а за домом – огород, который переходил в поле без конца и без края. Перед домом украшением стоял яблоневый сад, голый, но от этого не менее красивый, а в глубине примостилась у тына ладно собранная бревенчатая банька.

Свет от окон бабушкиного дома отражался жёлтыми квадратиками на утоптанном снегу расчищенной дорожки перед домом. Я постучался в окно и почувствовал, как бьётся моё сердце, а волнение я ощутил, как при возвращении в родной кров после долгого отсутствия. Это странно, ведь я приезжал сюда всего два раза, и то давно. Видно работала генетическая память, которая шла от моих вековых корней.

Увидев меня, бабушка охнула, руки её сложились крестом на груди, и она заголосила, запричитала:

– Дитёнок! Ох! Бог послал радость! Ахти мне! Да с товарищем, с ангелом небесным! – запричитала бабушка.

Юрка стоял смущённый. Городской житель, далёкий от подобного проявления искренней, лишённой всякой фальши радости, он растроганно хлопал ресницами.

Как и в прошлые годы, когда бабушка приезжала к нам и когда мы ездили к ней в гости, одета она была так же, то есть так, как одевались в деревнях на Брянщине испокон веков: белая рубаха, расшитая крестом, понёва из домотканой ткани и повойник на голове, а на ногах лапоточки с онучами, перевязанными тонкой бичевой.

Из-за занавески у запечья вышла моя тётка, младшая сестра отца Катерина. Она поправляла волосы, закручивая их в пучок на голове, и застенчиво улыбалась.

Бабушка хлопотала вокруг русской печки, занимавшей без преувеличения полгорницы. Она сняла заслонку со свода печи, достала чугунок со щами и поместила туда другой чугунок, с варёной картошкой. Катерина накрыла стол, дала нам чистые рушники, расшитые крестом петухами, чтобы мы положили их на колени и, не дай Бог, не пролили щи и не капнули ещё чем на наши «дорогие» штаны. Катерина поставила на стол деревянные миски и положила простые без росписи деревянные ложки, сходила в сенцы, повозилась там немного и принесла бутылку самогона и солёные огурцы, а бабушка поставила чугунок со щами на середину стола, и мы сами большой деревянной ложкой – межеумком или бутыркой – налили себе в миски щи, от которых шёл умопомрачительный запах. Мы выпили по маленькому стаканчику самогона, но только потому, что с мороза и продрогли основательно, съели по целой миске щей с мясом, потом с огурцами – по паре целых картофелин, которые быстро разогрелись в долго не остывающей русской печке и, сытые и разомлевшие, уснули богатырским сном на печи и спали, не слыша петухов, но отходя от сна от лёгкого скрипа половиц, от позвякивания ухвата о чугунную сковороду, на которой бабушка пекла оладьи, и от детских голосов и смеха. Это дети Катерины, восьмилетний Ванятка и пятилетняя Дашуня. Отец их, Степан Иванович, как зима пришла и закончились колхозные работы, отправился в Брянск на заработки.

Умывались мы студёной водой в сенцах, разбив хрупкую ледяную корочку ковшем. Завтракали яичницей с салом и оладьями. Я уже раньше ел блюда из печи, в которой даже верхушка сливок молока в кубане поджаривается до коричневой пенки и приобретает вкус не сравнимый с обычным кипячёным, а Юрка видел это в первый раз. И яичница, и оладушки имели вид пышный, объёмный и покрывались румяной корочкой. Такого на плите не приготовишь, тем более на газовой.

Бабушка осталась довольна гостинцами, потому что всё это можно купить только в районе. Далекое да и деньгами колхозников особенно не баловали, небольшие деньги могли появиться если только от продажи продуктов своего хозяйства. Конфеты же Катерина спрятала на полку, выдав ребятам по две штуки.

– Сейчас жить можно. Как Сталин этот умер, так облегчение пошло, – рассказывала бабушка. – Девки поют: «Пришёл Маленков, дал нам хлеба и блинков». А теперь и вовсе хорошо: и скота держи, какого хошь, и налог помене, и на трудодни деньги дают».

«А ещё пели: «Ай, спасибо Маленкову – разрешил держать корову», – вспомнил я. Отец рассказывал, как жили в колхозе после войны. Единственным пропитанием у колхозника оставался его приусадебный участок да своя корова. Это и не давало умереть с голода. Но, кроме того, он должен был со своего участка сдать государству какое-то количество картошки, яиц, молока и мяса. В больших семьях одеть детей было не во что. Часто сапоги носили по очереди. На огороде выращивали даже пшеницу, питались в основном картошкой, а лакомством служили капустные кочерыжки и то, когда солили капусту...

После завтрака Юрка уговорил пойти в лес. Мне бабушка нашла дедовы валенки, которые я надел вместо своих бесполезных в лесу лыжных ботинок. Валенки я никогда не носил и впервые ощутил блаженное удобство от этой обуви. Считается, что валенки – исконно русская обувь. Но нет, оказывается, к русским жителям валенки попали во время нашествия Золотой Орды. Монголы носили обувь, похожую на валенки, которая называлась «пима», а в России валять валенки стали недавно, конечно, если двести лет считать сроком небольшим.

Проводником к нам напросился Ванятка, а с ним увязалась собака Манька непонятной породы, которая жила при доме. Так что на охоту мы шли по всем правилам: с ружьём, проводником и собакой.

По дороге нам встретился дед в облезлой ушанке и драной фуфайке, в прорехах которой торчали клоки ваты. Дед нёс большую вязанку хвороста. Увидев нашу компанию, он сбросил хворост на снег, вытер пот со лба рукавом, поздоровался и спросил:

– А вы чьих же будете? Вижу, городские. Ай к Василине приехали, раз Ванятка с вами?

– Здравствуй, дед, – ответил я. – Я внук её. Погостить с товарищем на денёк приехал.

– Хорошее дело, – одобрил дед. – На кого ж с ружьём-то идёте?

– А на кого придётся, – сказал Юрка. – Может, зайца подстрелим.

– Зайца, значит. Это дело. Ну, давай вам Бог, – хихикнул дед в бороду, взвалил на себя хворост, но, вспомнив вдруг, сказал, обращаясь ко мне:

– Скажи Василине, что мол, Дарья зубами второй день мается, пусть зайдёт заговорит, а то прям беда.

И дед пошёл в деревню.

В лесу мы побродили с час, стараясь держаться протоптанных тропинок. Стоило нам отклониться в сторону, как мы начинали утопать в сугробах и возвращались назад. Зайцев мы не встретили, но видели заячьи следы. По крайней мере, Ванятка сказал, что это заячьи. По этому поводу мы ничуть не расстроились, а на выходе из леса Юрка пальнул по воронам, подняв их с насиженных гнёзд, и они, встревоженные, поднялись в небо и огласили окрестность беспорядочным карканьем.

Вечером Катерина истопила нам баню. Баня топилась по-чёрному, то есть была без трубы, и весь дым оставался в помещении. Натопив баню, Катерина открыла двери, чтобы вышла вся гарь, и оставила нас с Юркой, показав, как поддавать пар. Мы разделись в предбаннике, взяли берёзовые веники и смело вошли в парилку, обильно вылили ковш воды на камни, грудой лежавшие в углу; раскалённые камни зашипели, и пар окутал всё пространство так, что мы потеряли друг друга из виду. Стало жарко и нечем дышать, но мы всё же легли на полки и попытались похлопать себя по спинам, но через пару минут выскочили, одуревшие от жара, сначала в предбанник, а потом в сад и смаху бросились в сугроб, невольно издавая при этом дикие вопли. Когда чуть охладились, вернулись в парную и теперь уже смогли попариться как следует, колотя себя вениками по ногам, животам и спинам что есть мочи. Тела наши стали пунцово-красными, и мы, распарившись, снова ныряли в сугробы.

После бани мы пили душистый мятный чай из самовара с заваркой из смородиновых и вишнёвых листьев, папахивающий смоляным дымком, потому что кипятился на еловых шишках. Я не понимаю, как могло вместиться в нас столько чаю! Мы выпили стаканов по шесть или больше, вприкуску с сахаром, без хлеба, опустошив чуть ли не половину ведёрного самовара...

Провожала нас на следующий день бабушка, со слезами перекрестила на прощанье и долго стояла возле дома на горе, откуда дорога виделась почти до горизонта.

ЖЕЛЕЗЦЕВО

Если сегодня вам захочется почувствовать аромат старой Москвы, вдохнуть в себя каплю её целительного, неповторимого воздуха, – войдите в одну из квартир большого дома, стоящего возле Киевского вокзала....

Его просторные комнаты заставлены чудом уцелевшей старинной мебелью, наполнены книгами, старыми письмами и портретами людей, уже при жизни ставших легендой России.... И среди них великолепно исполненный поясной портрет, с которого смотрят на нас удивительные глаза незнакомки: это Мария Сергеевна Муханова, родственница Ивана Сергеевича Тургенева, современница Пушкина, талантливый литератор и музыкант. Её одарённость трудно даже представить сегодня. И мы почти не знаем её в лицо, потому что один из лучших и редких её портретов хранится в патриархальной тишине дома покойной Евдокии Александровны Некрасовой-Унковской...

Теперь здесь живут жена её покойного сына Александра Сергеевича Некрасова – Татьяна Михайловна – и две их дочери, внучки Евдокии Александровны, Мария и Ольга, бережно хранящие всё, что могло бы поведать нам об их легендарных предках и напомнить о множестве русских имён, увековеченных нашей памятью и имевших отношение к этой семье.

«Семья Унковских, – писала мне Ольга Александровна, – была связана с морским флотом и армией. Дедушка Евдокии Александровны, Семён Яковлевич Унковский, на парусном судне совершил с молодым капитаном Михаилом Лазаревым, будущим адмиралом и создателем Черноморского флота, кругосветное плавание на Аляску. Дружба его с Лазаревым сохранялась всю жизнь.

Сын деда Иван Семенович Унковский был капитаном фрегата «Паллада», плавание которого описал Гончаров.

Отец Евдокии Александровны, Александр Семенович Унковский, участвовал в реформе армии и флота. В отставку вышел в чине генерал-адмирала.

По женской линии род Унковских был связан родством с Тургеневыми, Мухановыми <...> Мария Павловна Азанчевская, мать Евдокии Александровны, принадлежала к старинному дворянскому роду Азанчевских. Дед, Павел Матвеевич Азанчевский, женился на Ушаковой, род которой в XVII веке был связан с известным художником Симоном Ушаковым. Талант к живописи передавался по женской линии. Так, бабушка Азанчевская-Ушакова писала портреты своих родственников, в частности, написала портрет своей двоюродной сестры Ушаковой, в которую был влюблен Пушкин.

Дедушка Азанчевский П.Я. присутствовал на венчании Пушкина в церкви Вознесения с Наталией Николаевной Гончаровой, которая посещала дом Азанчевских в Петербурге.

Евдокия Александровна, моя бабушка, также унаследовала от своей бабушки Ушаковой талант к живописи. Она училась в московской школе живописи, ваяния и зодчества, куда на занятия ездила на извозчике* вместе со своей подругой Татьяной Львовной Толстой, дочерью писателя. Учителем у неё был Сергей Коровин.

С семьёй Толстых бабушку связывала до конца жизни большая дружба...

Особенно любила бабушка рисовать лошадей. В своём имении Унковских Хорошавка (находящемся в Тамбовской губернии), она создала, конный завод, который славился в России своими породистыми лошадьми. До глубокой старости она уже по памяти, а иногда и с натуры, писала лошадей и пейзажи. Эти акварели хранятся в семье её единственного сына Александра Сергеевича Некрасова-Унковского.

Кроме живописных работ, от бабушки остались мемуары, в которые она запечатлела жизнь семейств Унковских, Азанчевских, Мухановых, Тургеневых.

В этих воспоминаниях встают красочные картины помещичьей усадебной жизни, различные типы и судьбы людей XIX-XX веков. Её дневники и воспоминания, которые она писала всю свою жизнь, являются как бы летописью двух эпох: дореволюционной и советской.

Евдокия Александровна прекрасно знала русскую и западноевропейскую литературу. В совершенстве владея английским и французским языками, она читала произведения в подлиннике. Особенно она любила и прекрасно знала английских поэтов и писателей: Шекспира, Бернса, Лонгфелло, Байрона, восторгалась творчеством Диккенса, Тургенева, Гоголя – произведения которые любила читать вслух своим внукам.

Бабушка много знала различных легенд, преданий, то есть фольклор был тоже близок ей.

Путешествуя до революции по Европе, она записала свои впечатления об Англии, Италии, Германии, Австрии.

Любовь к искусству, интерес и знание литературы, философии и, наконец, собственный опыт писательской работы сблизил Е.А. с художественной и писательской средой её времени. Она бывала на литературных собраниях, была знакома с Буниным, Вяч. Ивановым, Бальмонтсы. Брюсовым, Чулковым. Ближайшей её подругой была писательница Лидия Алексеевна Авилова.

У своей двоюродной сестры Нади Азанчевской-Пелекап, жены известного скрипача Ауэра, бабушка встречалась и бывала на концертах крупнейших музыкантов своего времени, – Рубинштейна, Чайковского, Танеева...

Через свою подругу поэтессу Сену Соловьеву она познакомилась с её братом философом Владимиром Соловьевым и бывала на его философских вечерах и в их доме. Евдокия Александровна посещала также собрания в известном в Москве доме философа Лопатина.

Большая дружба связывала Е.А. с Борисом Николаевичем Чичериным и его женой Александрой Алексеевной, имение которых «Караул» находилось по соседству с имением «Хорошавка» Унковских-Некрасовых недалеко от Тамбова.

В этом имении жила Евдокия Александровна со своим мужем Сергеем Степановичем Некрасовым и единственным сыном Сашей.

Муж был врачом, который бесплатно лечил всех крестьян из окрестных сел и деревень в больнице, построенной на средства жены, Евдокии Александровны. Он умер в 1918-м году, оставив в Тамбове во время революции одну Евдокию Александровну с четырнадцатилетним сыном без всяких средств и без своего дома.

Бабушка прожила большую и полную драматизма жизнь. Она пережила две мировые войны и две революции. Несмотря на все бытовые невзгоды и послеоктябрьские трудности, она сохранила любовь к искусству, природе, животным и привила эту любовь своим трём внукам, воспитанию которых уделяла большое внимание.

До глубокой старости она сохраняла поэтическое восприятие жизни её к ней. Это нашло отражение в её дневниках, которые она писала до последних дней, уже лёжа в постели. Её богатая эрудиция и одарённость делали её интереснейшим собеседником и кладезем познаний для её любящих внучек. В нашем сознании и душе бабушка оставила неизгладимый след...»

В двадцати километрах к юго-западу от Калуги, в трёх километрах от посёлка Якшуново – лежит небольшая, давно позабытая деревенька Железцево, с потонувшими в диких зарослях кустарника и сорняков, старинным регулярным парком и громадной, давно обветшавшей и полуразрушенной церковью на его окраине.

Это всё, что осталось от большого и богатого в прошлом села Железцево-Хмелевое-Никольское тож, вотчина предков Сергеевича Тургенева по отцовской линии. Род Тургенева корнями уходит в Золотую орду. Родной дед писателя «из дворян уставной Прапорщик Николай Алексеев сын Тургенев», подавая прошение в Тульское депутатское дворянское собрание о выдаче дворянства, писал: «<...> предок мой мурза – Лев Тургенев во время княжения великого князя Василия Ивановича Темного, выехал в московское государство с Золотой Орды, и крестился в царствующем граде Москве, и во святом крещении наречено ему имя Иоанн».

А в описании герба рода Тургеневых сообщается: «Потомку сего Льва Российскому престолу служили воеводами, стольниками и в иных чинах и жалованы были от государя поместьями царствующем граде Москве, и во святом крещении наречено ему имя Иоанн».

Приводя же поколенную роспись своего рода, Николай Алексеевич Тургенев одновременно сообщал, что Тургеневы с самого основания рода являлись калужскими помещиками. Уже о своём прапращуре Григории Никитиче Тургеневе, родном брате Петра Никитича, обличившего «вора, еретика и расстригу Гришку Отрепьева и от него мучен разными пытками и казнён смертию», писал как о калужанине: «Служил по выбору дворянином и написано по 130-му (1622 год – прим. автора) по разбору боярина Бориса Михайловича Салтыкова в Воротынском десятке <...> поместья за ним в Воротынске (Калужской губернии – прим. Автора) 150 четвертей...»

Дворянское гнездо «Железцево» – это лишь одно из многочисленных калужских имений Тургеневых. «Во второй половине XVIII-го века, сообщают «Алфавиты и описания Калужского наместничества», – девятнадцать семейств Тургеневых в шести уездах Калужской губернии владели восьмьюдесятью семью густо населёнными поместьями и землями: пятью сёлами, двенадцатью сельцами, девятью деревнями, пятьдесят одной пустошью, десятью лугами. Среди названных владений значится и село Железцево».

Этот документ даёт подробные и исчерпывающие сведения о владении Тургеневых на Калужской земле, называя владельцев поимённо. Среди них, наряду с именем прадеда писателя Алексея Романовича Тургенева, владевшего в Медынском уезде Калужской губернии сельцом Беями, деревней Озерной на реке Озеренке, пустошами Барыбиной, «что была деревня на реке Песоченке», Отхожей Юшиной на правой стороне реки Шани и другими, – сообщаются также имена и фамилии лиц, в разное время породнившихся с Тургеневыми и постепенно вступивших, во владение их землями.

Среди них находим и Унковских, совладельцев соседнего с Железцевым сельца Кольшева на правом берегу реки Угры «с господским домом и регулярным садом...»

Тургеневы и Унковские поделили между собой также и Железцево-Никольское, и Хмелевое тож, владели совместно «сельцом Савинским на реке Кирекрее, сельцом Стыровым, деревней Сосновкой в шесть дворов, пустошами Иванчищевой на реке Росвянке с постоянным двором на большой калужской дороге, Лыченкой, Лыковой, Долгой, Кузмищевой, Совьяк, Ледень Семёновской, Лычёвкой, Луненской, Старобабьей».

Переходя к истории железцевских владений и усадьбы, которая была последним родовым гнездом предков И.С. Тургенева, – сообщил в 1980-м году Дмитрий Дмитриевич Теннер, потомок рода писателя по линии Унковских, страстный исследователь истории своего рода, – надо отметить также сельцо Хмелевое по имени проходящего здесь оврага Хмелевого. Более позднее время, после постройки церкви, Железцево – стали называть селом Никольским. Грамота на дворянство рода Тургеневых, свидетельствует, что сельцо Хмелевое было пожаловано царём

Михаилом Фёдоровичем в 122-м (1614 г.) Афанасию Дмитриевичу Тургеневу за осадное сидение при царе Василии Ивановиче. В

150-м году (1642 г.) сельцо Хмелевое принадлежало Осипу Федоровичу Тургеневу прямому предку И.С. Тургенева, отцу Семена Осиповича и родному брату Якова Федоровича, шута Петра I.

В 1752-м году Железцево становится собственностью Романа Семёновича, а затем Дмитрия Романовича Тургеневых, перейдя к ним от Матвея Тургенева <...> В 1773-м году бригадирша Анна Федоровна Тургенева построила в Железцево церковь Николая Чудотворца по чертежам составленным Растрелли <...> После смерти А.Ф. Тургеневой Железцево перешло в собственность дочери её Варвары Дмитриевны Тургеневой, вышедшей замуж за Сергея Ильича Муханова <...> Таким образом, Железцево находилось во владении рода Тургеневых с 1614-го года до конца XVIII-го века, то есть около двухсот лет.

Одна из дочерей Варвары Дмитриевны Тургеневой и Сергея Ильича Муханова – Мария Сергеевна Муханова – автор удивительных по достоверности и художественности воспоминаний, своего рода фрагментов из истории рода Тургеневых. Именно она сообщает нам о судьбе своего двоюродного деда Ивана Сергеевича Тургенева, – Алексея Романовича Тургенева.

«Моя мать Варвара Дмитриевна Муханова, – пишет она, – происходит из рода Тургеневых. Родоначальник Тургеневых, Татарский хан Турга, выехал из Золотой Орды при великом князе Василии Темном, принял крещение, при котором восприемником был сам великий князь, пожаловавший крестника своего многими вотчинами в нынешней Калужской губернии. <...> Прадед Ивана Сергеевича, нашего известного писателя, и мой дед, то-есть, деверь моей бабушки, Алексей Романович Тургенев, служил в пажках у императрицы Анны Иоанновны. По ревности Бирон удалил его, действовавшую тогда против турок, с приказанием его погубить. Он попался в плен <...> Мать его, женщина набожная, ежедневно молила Бога перед образом Святителя Николая о благополучном возвращении сына, с обетом построить церковь. Однажды она молилась перед этим образом, внезапно отворяется дверь, входит давно ожидаемый сын. Она выполнила обет, построила церковь во имя Св. Николая. Церковь эта находилась после уже не в нашем имении, так как огромное состояние Тургеневых было отчасти разделено между родственниками, отчасти передано в чужие руки. При этом деревянная церковь была, за ветхостью, упразднена, а образ Св. Николая отдан в нашу теперешнюю каменную церковь».

Архивные материалы подтверждают рассказ Марии Сергеевны Мухановой.

В Калужском облгосархиве выявлен документ, проливающий свет на судьбу церкви Покрова, стоявшей в пяти верстах от Железцева. Именно здесь молила Бога о благополучном возвращении сына из плена мать Алексея Романовича Тургенева. «Здесь же, – сообщает Мария Сергеевна – Алексей Романович и брат его Дмитрий Романович погребены вместе под одним памятником, недалеко от нашего имения, в котором мы живём (Железцево – Л.И.). Ежегодно мы посещали эту могилу, исправляя всякий раз её повреждения, так как она находится теперь в чистом поле, на упразднённом кладбище, где была прежде церковь, теперь живут, что называется, бобыли».

К началу XIX-го века древние строения родовой усадьбы Тургеневых в селе Железцево обветшали, и Тургеневы-Мухановы, начиная примерно с 1820-го года каждое лето проводившие в своём родовом гнезде, выстроили здесь, неподалёку от старого, каменного, родового тургеневского, новый роскошный особняк, деревянный на каменной подклети.

В истории тургеневской усадьбы и поместья Железцево был и трагический момент, когда перед угрозой продажи с торгов оно чуть было не перешло во владение случайным лицам. Случилось это, как сообщает М. С. Муханова, в начале прошлого столетия. Но внучка Варвары Семеновны родной сестры Романа Семеновича Тургенева, Авдотья Петровна Унковская, заложив в Калуге собственное своё имение, спасла семью Мухановых от потери имения.

Усадьбу и дом Мухановых в селе Железцево подробно описала в своих до сих пор не опубликованных записках, хранящихся в её доме в Москве, почерпнув часть сведений из живых рассказов М.С. Мухановой, Александровна Унковская, в замужестве Некрасова: «Усадьба стояла высоко, – вспоминала она, – с большака Мещевского тракта, где екатерининские берёзы все ещё стоят, охваченные воспоминаниями о пережитом оживлении широкой, ставшей в теперешние времена не нужной дороги, видны были белые колонны дома, отстоявшего от большака 1-1,5 версты. Парк, окружённый кирпичной, белой, ажурной оградой, тянулся за домом до самой церкви, и высокие старые липы придавали элегическую задумчивость и церкви, и заросшему вокруг неё старинному кладбищу.

Находящиеся за церковной оградой опрятные дома духовенства утопали в зелени фруктовых садов с жужжанием пчёл и запахом цветов. От усадьбы – мимо сада, церкви и домов причта длинным спуском в деревню, уютно расположенную в зелени палисадников по гам широкой долины, на дне которой пробирается ручей к реке Югре, протекавшей в раздолье заливных лугов верстах в трёх от Железцева. Ввиду отсутствия реки вблизи усадьбы в берёзовых рощах, её окружавших, были два пруда <...> Дом был превосходный, большой, поместительный, в стиле ампира, с колоннами с двух сторон, со стороны дороги и со стороны села, где великолепная *penne-douse* (пандус, пологий спуск . франц.), спускавшаяся к открытой лужайке в английском вкусе, загородный дворец в Павловске, любимой резиденции императрицы Марии Феодоровны. Огромный солнечный зал с балкона со стороны двора и глубокая, большая гостиная с выходом через пандусы в сад, составляли как бы центр дома, вокруг которого группировались остальные жилые комнаты. Кабинет Сергея Ильича (Муханова – Л.И.), бильярдная, столовая с буфетной и лакейская с одной стороны залы, с другой – больших размеров спальня и рядом с ней четыре одинаковые небольшие комнаты, как впоследствии объяснял нам дядя Яша: Сергей Ильич, строя дом, имел в виду, чтобы у каждой из дочерей была своя «небольшая, но уютная келья», комнаты для женской прислуга. Наверху, во втором этаже, комнаты, распадавшиеся как бы на отдельные два апартамента, разделённые друг от друга чердаком, находящимся над залой и гостиной, имеющих более высокие потолки, остальные комнаты. Они тоже были большие и служили для гостей – одна сторона – для мужчин, а другая – для гостей женского пола (и по всей вероятности, не раз там танцевали племянники Сергея Ильича со своими чужеземными воспитателями).

Очень незаметное низкое парадное крыльцо сбоку придавало дому какую-то ограждённость от постороннего вторжения, и так как дом стоял на высоком фундаменте, то из сеней вела небольшая лестница с балюстрадой, типичных для домов 20-х годов, прямо в переднюю.

Дом строился не только под личным наблюдением Сергея Ильича, но и как характерное проявление его убеждений. Все работы, выполняемые его крестьянами из села Железцево и других деревень, все оплачивались наличными деньгами, как бы исполненные вольнонаёмными рабочими. Нужно понять, какое огромное впечатление в крепостнические времена, этот поступок произвёл на окружающих помещиков и на самих крестьян, что об этом помнили, как о беспримерном факте, ещё в наше время <...>.

Сад, разбитый по образцу Павловского парка тоже носил на себе следы особенных забот Сергея Ильича, большого любителя садоводства. Огромная лужайка перед домом в английском духе с разбросанными на ней куртинами роз, жасмина и других цветущих кустов, была окружена толстой неширокой липовой аллеей. Высокие пихты, старые дубы, липы – красивыми группами по обеим сторонам дома стояли так, чтобы не заслонять вида из окон гостиной, и с *penne-douse* на лужайку, в конце которой из-за большого массива деревьев высился стройный шпиль Железцевской церкви, построенной по плану Растрелли и напоминавшей собою те сельские храмы в зелени, что изредка мелькают в окнах вагона, проездом через Австрию и южную Германию.

Мария Сергеевна Муханова скончалась в конце XIX столетия. О положении и состоянии тургеневского родового гнезда Железцево после Мухановых, в период перехода усадьбы из рук в руки, так называем переходный, оказавшийся, к сожалению, периодом запустения имения, Е.А. Некрасова-Унковская пишет в своих неопубликованных записках. Она сообщает, что в конце прошлого [XIX – ред.] века дважды побывала в Железцево и щедро делится впечатлениями от этих удивительных путешествий. Приводим текст этих её воспоминаний:

Ехали мы быстрой рысью, – пишет она. – Проехали деревню с господской усадьбой <...>. Снова поля, молодой ещё сведенный лес, который как мне объясняет Фёдор, уже принадлежит к железцевскому имению, опять леса, и мы опять въезжаем в берёзовую рощу. Редкие старые берёзы, наклонившись, о чем-то зашептались при нашем появлении. Дорога спускается к оврагу с перекинутым через него мостом с красными перилами. Поднялись в гору, слегка повернули вправо, и на широком зелёном дворе блистая внушительными колоннами чистого русского ампира Александра I, предстал дом на фоне старых ещё цветущих лип за каменной оградой сада. – Мы подъезжаем к небольшому парадному крыльцу с левой стороны дома. Слезая с лошади, передаю её берейтору и, укоротив хвост своей амазонки, вступаю на каменные ступени крыльца. Парадная дверь передо мною раскрыта нараспашку, будто кто, поджидая меня, гостеприимно распахнул её <...> Быстро вбежав по широким ступеням небольшой деревянной лестницы, осторожно пробираюсь по ней, потому что пол в ней разобран. Ещё лежат брошенные два кия на годами запыленном сукне и шары, как подобает, висят в лузах. Какие духи в последний раз играли на нём, чинно оставив в лузах красные, белые и жёлтые шары.

Направо дверь в кабинет. В полутьме закрытых ставнями окон я различаю большой письменный стол, отодвинутое от него деревянное кресло. Вспоминаю, когда-то перед самым этим столом на этом самом кресле сидел Сергей Ильич. Из бильярдной вхожу в глубокую, большую гостиную. Пара голубей, что перед этим мирно ворковали, при звуке моих шагов, испуганно забились в разбитые стекла высоких окон. Красивая карельской берёзы мебель, часть которой увезена в Кольшево, беспорядочно сдвинута в одну кучу; хотя ещё стоят вдоль стен несколько кресел и тут же стоит ранний клавесин. Какое-то сильно умиленное чувство всё больше охватывает меня. Мне не страшно одной в этих огромных опустошённых комнатах. Напротив, что-то приветливое, бесконечно благоже-дательное вспыхнуло, будто вокруг меня и наполняет мою душу умильной грустью. Подхожу к высокой стеклянной двери, ведущей на террасу, подхожу на *penne-douse*. Бегом спускаюсь по ней. Ах, как хорошо! Огромная в английском вкусе лужайка расстилается перед домом, на ней ещё куртинами цветут кусты шиповника, остатки одичалых железцевских роз и в траве ещё попадаются белые глазки маргариток. Быстро иду по заросшей травой утрамбованной дорожке направо. Огромная серебристая пихта, под ней полуразвалившаяся зелёная скамья. Дальше длинная узкая аллея. Через (нрзб. – Л.И.) три на каждой стороне полусгнившие деревянные лавочки: это,

как объяснял дядя Яша (Яков Семёнович Унковский – Л.И.) для того, чтобы сестры Мухановы, гуляя по аллее, пройдя несколько шагов, могли бы сесть и отдохнуть. Дальше и деревья и все кругом полно приветливой грустной ласки. В конце сада остатки, по-видимому, большой оранжереи, но стена грунтового сарая ещё цела и, прижавшись к ней, все ещё растёт французская слива со зреющими плодами.

Я прохожу мимо каменного здания, жёлтая окраска и толстые стены постройку XVIII-го века, – по-видимому, какой-нибудь флигель прежний стоявшей на этом месте тургеневской усадьбы родителей Марии Сергеевны. Старые яблони, каменные ограды, калитка, – и я подхожу к церкви, к Железцевской церкви, о которой Мария Сергеевна с гордостью всегда говорила, что построена по плану самого Растрелли. Высокий шпиль – она лёгкая и изящная и как-то вся стремится ввысь. Кругом церкви какая элегия сельского запущенного кладбища, старинные могилы в цветущей траве, плакучие вербы, вросшие в землю каменные плиты. Иду, читаю надписи и останавливаюсь перед одной с полустёртыми словами. Что-то в ней меня особенно привлекает. Нагнувшись, читаю на памятнике в виде каменного гроба, как принято было ставить в XVIII веке: «Усни, мой милый, до радостной встречи».

Конечно, я была тогда ещё очень молода и интенсивно воспринимала все впечатления, но мне показалось, что передо мной открылась страница соединённых навек любящих сердец. И я стояла, очарованная этим преданием о любви двух неизвестных, забытых навсегда людей. Кто они были? Как звали их? Долго ли ждала она радостную встречу там, за пределами земного существования? Все было стёрто из памяти потомства.

А кругом меня так было хорошо, такая ничем не нарушаемая благоговейная тишина, только ещё ниже будто опустила свои поникнувшие ветки плакучая ива. <....>. Но тут я вспомнила, что Фёдор давно уже ждёт меня с лошадьми и, бросая взгляд на церковь, на старые липы, быстро возвращаюсь назад, и не заходя в дом, через калитку сада подхожу к крыльцу. Лошади нетерпеливо роют землю копытом. Сажусь в седло, и мы покидаем Железцевскую усадьбу. Но я уношу с собой бесконечное чувство благоговейного восторга вместе с какой-то мягкой грустью, о том, что когда-то было и прошло невозвратно. Мне кажется, я побывала в каком-то царстве, где все наполнено только миром и любовью. Хороши, знать, были эти люди, что жили в этом доме, в этой усадьбе, что на доме, на усадьбе, как аромат от засохших цветов, несмотря на годы и заброшенность, лежал все тот же отпечаток приветливой доброжелательности и мира, очарование которого осталось мне в памяти на всю жизнь...»

Следующая наша поездка <...> Мы решили ехать в Железцево. Сначала мы хотели приехать к тем двум могилам братьев Тургеневых, к которым, пока она была в силах, Мария Сергеевна всегда ездила служить панихиду, так как один из них, старший, был дед её по матери, а младший – прадед Ивана Сергеевича Тургенева, который считался с ней в родстве.

<...> Но когда мы подъехали к деревне Бабылевке, около которой находились могилы, содержащиеся в полном порядке при Марии Сергеевне, никто из жителей не мог указать их нам, даже место, где стояла прежде деревенская церковь, они не помнили. Наконец, вызвался указать место дряхлый старик, Он провёл нас в поле недалеко от деревни к груде кирпичей с жалким кустиком сирени – ни ограды, ни надгробных памятников – все было уничтожено <...>

Образ же Св. Николая, перед которым так горячо молилась мать о возвращении младшего сына, считавшегося давно всеми погибшим в Турецкую войну и вдруг вернувшегося домой в то самое время, когда мать на коленях по обыкновению молилась о нем – образ этот, всеми почитаемый и считавшимся чудотворным, находился в Железцевской церкви до самой революции, пока не уничтожена была и церковь, и вообще православная вера.

Из Бобылёвки поехали в Железцево. Парадная дверь гостеприимно была распахнута, когда мы подъехали к крыльцу. И вот мы с Варей в доме. Огромный зал весь залит солнцем, воркуют голуби где-то наверху в одной из изразцовых печек в глубине комнаты. Сколько нужно было дров, чтобы протопить её! Дальше коридор, в который выходят комнаты Елизаветы Сергеевны и Анны Сергеевны, и рядом – небольшая – Екатерины Сергеевны, а за ней Марии Сергеевны смежная со спальней родителей <...> Но комнаты все без мебели, часть её увезли в Кольшево, а другая, по-видимому, расхищена <...> Ведь дом был полная чаша, а со смертью Марии Сергеевны о нём, по-видимому, никто не заботился.

По широкой деревянной лестнице поднимаемся наверх. В коридоре стоит огромный шкаф, раскрытый настежь, а перед ним груды истерзанных книг, выброшенных из него как ненужный хлам. Все больше французские и английские издания XVIII и начала XIX веков. К сожалению, мы не останавливаемся, чтобы хотя разобраться в них, спеша дальше. Комнаты имеют разорённый вид. Кто в них жил? Помещались, верно, учительницы и женский персонал. Но чтобы попасть в другие верхние комнаты, в мужскую половину куда приезжали гостить двоюродные братья Мухановых со своим аббатом, как указывает Евдокия Владимировна Суханет, нежно было сойти в низ, так как над высочайшим потолком гостиный залы и гостиной этаж не существовал <...>.

В гостинице мы смотрели на запylённые кресла, представляя себе все те безликие лица, давно умершие, что сидели на них, и Варя, подошедши к клавесину, взяла несколько аккордов на нём. Что-то жалобное, как вздох, прозвучало и замерло пустых комнатах <...>

Опять слегка толкнув, открыли мы дверь на террасу, спустились по *pent-douze* и направились через сад к церкви. Старые деревья и благоговейное молчание кругом, безлюдье. Церковь была заперта и через решетчатые окна мы силились увидеть образ Св. Николая. В полумраке блесками блестела позолота алтаря. А кругом охраняемые Божьим храмом лежали давно уснувшие мертвецы. Мы подошли к той могиле, что говорило о взаимной любви до радостной встречи».

(Продолжение в следующем выпуске)

ВАЛЕРИЙ ПРОТАСОВ

ПАРИЖ

Фрагмент из повести «Последнее лето»

В один из мартовских вечеров 1881 года к особняку на углу улицы Дуэ и площади Вентимиль близ Белой Заставы в Париже один за другим подкатывали экипажи. Мужчины и дамы, в которых внимательный глаз без труда угадывал людей искусства, поднимались по ступенькам и скрывались за дверью. Медная табличка на ней извещала, что дом принадлежит известному театральному критику господину Луи Виардо. Его супруга, знаменитая в недавнем прошлом оперная певица Полина Виардо-Гарсиа, была душой музыкальных вечеров, которые вот уже несколько лет с неизменным успехом проходили в доме на улице Дуэ.

Вместе с родителями жили их дочери: Клоди, с мужем, и Марианна, недавно помолвленная с молодым музыкантом. Сын Поль, подающий надежды скрипач и композитор, также не покидал родительского гнезда, хотя в последнее время редко бывал дома, проводя свободные часы в обществе молодых людей весьма вольных нравов и являясь под утро весь пропитанный запахами вина, духов и табака.

Несколько комнат во втором этаже занимал давний друг семьи писатель Иван Тургенев. Родиной его была далёкая Россия, о которой многие парижане имели смутное представление как о стране вечных снегов и морозов, где люди круглый год не снимают шуб, а по улицам, заглядывая в окна, бродят медведи. Легенды окружали имя этого человека. Великий художник слова, к мнению которого прислушивались сильные мира сего, он всегда готов был поднять голос в защиту попранный справедливости, помочь нуждающимся, отозваться на слёзы несчастных. Все знали, что книги его способствовали падению рабства в России. Его окружал ореол пострадавшего из-за политических преследований, сопровождали слава, восхищение одних и ненависть других.

Самая внешность этого человека была не вполне обыкновенной. Высокого роста, богатырского сложения, в серебряном ореоле кудрей и бороды, с лицом, освещённым внутренним светом мудрости, он напоминал ожившего патриарха забытых лучших времён. Его дар рассказчика в соединении с изысканной французской речью, смелый и необычный способ суждения изумляли и часто приводили собеседников в восторг. А добродушие, открытость и пленительная мягкость в обращении, оживляли канувшую в прошлое эпоху галантности и прибавляли к его облику то, что называлось «славянским шармом». При всем том, держался он просто, всегда оставаясь самим собой и нимало не стремясь походить на истого парижанина, хотя имел на это гораздо больше прав, чем многие из его соотечественников, не чуждых этой слабости.

Несмотря на то, что дом находился чуть ли не на самой городской окраине, его часто и охотно посещали музыканты, писатели, артисты. Однако богемной распущенности вход сюда был заказан. Здесь царил дух служения музам, которое, как известно, «не любит суеты». Каждый работал, принося на алтарь своего нелёгкого ремесла плоды неустанных трудов. И встречи были радостными свиданиями людей, целиком погружённых в творчество.

Вот и сегодня Виардо принимали гостей. Ждали Тургенева. Но он как исчез с утра, так до сих пор и не появлялся. Шёл девятый час вечера. Госпожа Виардо дважды присылала узнать, не вернулся ли месье. Молодой и веселый камердинер по имени Франсуа каждый раз разводил руками, вздыхал, пожимал плечами: «Voilà! Весна!»

Весна, и в самом деле, была в разгаре. Волшебная парижская весна, от которой хмелеют даже крепкие головы. Серая зимняя дымка, окутывавшая город, поредела. Небо прояснилось. В промытом первыми весенними дождями воздухе отчетливее и резче проступали очертания зданий. Купола соборов сияли почти первозданной чистотой. Аромат фиалок смешивался с запахами жаровен и шоколада, льющихся из окон кофеен. Нежной зеленью дымились каштаны. Из-под земли пробивалась молодая травка. Свежие маркизы белели над витринами магазинов, лавочек, быстро. Над уличными кафе ветер играл полотнищами ослепительно белых летних тентов. Повсюду открывались увеселительные заведения. Вереницы экипажей потянулись к Булонскому лесу. Улицы были полны народа. Появлялись и исчезали цилиндры, береты, дешёвые шляпки с поддельными перьями. Люди были одеты по-весеннему, и было много весёлых лиц.

Беспокойство овладевало Парижем. Даже бойкие столичные газеты, не оставлявшие без внимания ни одного сколько-нибудь заметного события, и те, казалось, наддали жару. Колесо парижской жизни завертелось с головокружительной быстротой. Взволнованное дыхание города проникало и на тихие окраинные улицы.

Малиновый шар солнца нехотя сползал за красные черепичные крыши домиков предместья, оставляя на кровлях и стёклах окон густой весенний огонь. Запад был охвачен угасающим пламенем, но восточный склон неба уже бледнел. Внизу

между домами ложились тени. Зато вдали, над центром Парижа, разгоралось зарево вечерних огней.

В ожидании господина камердинер вышел на крыльцо.

— Вечерние новости! Вечерние новости! — пробегая, выкрикивал мальчишка-газетчик.

Франсуа окликнул его. Переворачивая страницы газеты, краем глаза не переставал следить за тем, что делалось вокруг. Фыркая от смеха и подталкивая одну другую локтями, пробежали две девушки-работницы; франтики прошли, помахи-вая тросточками; провёз свою тележку зеленщик. В этот миг взгляд Франсуа выхватил показавшийся неподалеку экипаж, двигавшийся против общего течения. Он подъехал ближе и остановился. Крупная седая голова показалась в окне кареты. Камердинер поспешил вниз, чтобы открыть дверцу.

— Добрый вечер, месье! Наконец-то!

Его весь день сегодня спрашивают. Заходили два каких-то господина. Бедно, но прилично одетые. Русские, если месье позволит. Они оставили свои визитные карточки. Те господа в гостиной тоже хотят его видеть. Месье пройдёт прямо к себе? В таком случае Франсуа даст приказание приготовить ванну и лёгкий ужин.

Из окон первого этажа в щель между неплотно задёрнутыми портьерами пробивался яркий луч света, слышались звуки музыки. Тургенев даже приостановился. Бог мой! И как это он забыл! Сегодня приёмный день. Он только примет ванну, переодеется — и сразу туда.

Он поднялся наверх с некоторым усилием, дважды останавливаясь, чтобы передохнуть. В его комнатах было тепло, даже душно. Повсюду, в шкафах, на полках стояли книги; на письменном столе, на стульях лежали рукописи, стены были завешаны картинами. Оставленный на спинке кресла халат свисал почти до полу. Не то чтобы дух холостяцкой запущенности витал здесь, нет, но и особенного порядка тоже не чувствовалось. Мадам Виардо не вмешивалась в привычный уклад его жизни. Ей даже нравилось в его комнатах. Чаще всего она приходила к нему по утрам. Они вместе читали по-русски. Иногда одно и то же место в книге вызывало у них одинаковое чувство. Они замолкали. И слёзы счастья закипали в глазах. Если в это время появлялся кто-нибудь посторонний, мадам Виардо уходила. Она не очень-то жаловала его соотечественников, в особенности, из среды политической эмиграции. Их посещения обращали на себя внимание полиции, бросая нежелательный свет на репутацию дома и её русского друга. К тому же, они много и шумно спорили. Тургенев же не мог и не хотел закрывать перед ними двери, видя в лучших из них представителей нового типа людей, свободных от излишней рефлексии, от гамлетовского «самопоедания» (чем грешило его поколение), способных и жизнь отдать за идею, и «дело делать». Вообще, при близкой, почти семейной, связи обитатели верхней и нижней половин не докучали друг другу. Тургенев нередко обедал и ужинал в каком-нибудь ресторане, где русская кухня мирно уживалась с французской. Главное — свобода и независимость. Тепло домашнего очага, паутина отношений — там, внизу. Что делать? В горах как в горах, а в долине как в долине.

Стены и перекрытия в доме были такими плотными, что звуки с нижней половины едва долетали наверх. Чтобы слышать пение мадам Виардо, Тургенев пользовался специальной слуховой трубой, вделанной в стену. Это было особенно удобно в дни болезней. Голос Полины, давно утративший полноту и свежесть звучания, всё ещё волновал его. Вот и теперь, едва войдя в комнату, он повернул трубу так, чтобы слышать, что делается внизу.

Да, как ни изменились времена и нравы, имя Полина Виардо-Гарсия всё ещё кое-что значит в этом мире. Где нынче в Париже встретишь подобное общество?

Надо уметь вести салон, как это делает мадам! Удерживать вместе таких сложных, болезненно самолюбивых людей, художников и артистов, — на это нужен талант, и какой! Он до сих пор благодарен судьбе за близость к этой женщине. Что была бы его жизнь без неё? Конечно, при всех обстоятельствах он остался бы самим собой, но в душе его, это надо признать, может быть, никогда не ожила бы её лучшая часть. Если есть на земле счастье любви, то всё его он испытал, полюбив эту женщину. Шипы этого огненного цветка иногда обжигали сердце. Но что даётся даром на этой земле?

Не иначе как в книгу судеб был записан тот сырой ноябрьский вечер 1843 года, когда он впервые увидел её. Итальянская опера давала в Большом театре в Петербурге «Севильского цирюльника» Россини. Город был полон слухов о новой диве — Полине Виардо-Гарсиа, испанке родом, сестре знаменитой Малибран, звезда которой закатилась так рано. Самые звуки этого странного имени дразнили воображение. «Виардо» отзывалось изяществом, грацией; в «Гарсиа» слышалось что-то гортанное и страстное. Как значилось в афишке, она должна была петь Розину.

Сыграли увертюру, пролившуюся в сердце пьянящим искрящимся вином. Тёмно-вишневый парчовый занавес с золотым двуглавым орлом на чёрном фоне, поднялся. Розина, смуглая, скорее худая, чем стройная, в белом лёгком платье, с красной розой, жарко горевшей в глянцево-чёрных волосах, показалась из-за кулис. Тургенев весь подался вперёд и так и впился в неё взглядом. И тотчас увидел, что она далеко не красавица. Черты её лица нельзя было даже назвать правильными. Но страстью юга, свежестью молодости дышало все её существо. «Некрасива...», — прошептал кто-то рядом. Он не успел испытать даже лёгкого разочарования, потому что в этот миг она запела. При первых же звуках её голоса холодок пробежал по его спине. Он весь обратился в слух, продолжая в то же время вбирать в себя все особенности её облика, как будто узнавая в нём что-то родное, только давно забытое. Её яркие выпуклые губы раскрывались, подобно лепесткам неведомого экзотического цветка, обнажая ряд жемчужно-белых зубов. Большие чёрные глаза навывкате под чистым, округло очерченным лбом сияли, точно звёзды. Гибкая, стройная, вся она была полна грацией, то шаловливой, то томной.

Он забыл обо всём. Не видел и не слышал ничего, кроме происходившего на сцене. Его, отдельного, ещё сегодня утром отяжелённого думами о себе, как будто не существовало.

Нечто подобное переживали, по-видимому, многие в зале. Первые же сцены вызвали одобрительный гул. А когда раздались дикие и страстные напевы андалузских цыган, публика пришла в какое-то неистовство. Отовсюду неслись крики «браво!». Цветы летели на сцену в таком изобилии, точно за стенами театра стояла не сырая, промозглая осень, а жаркое южное лето. Потом рассказывали, что все зимние сады и цветочные магазины столицы были опустошены, а их владельцы сделались горячими поклонниками итальянской оперы.

Всю ночь молодой театрал не мог сомкнуть глаз. Слух был полон мелодиями Россини. Лицо испанки то наплывало, то отодвигалось. Глаза её блистали каким-то завораживающим блеском. А голос лился волшебной рекой.

Он сделал всё, чтобы приблизиться к предмету своего обожания. Его представили чете Виардо как «хорошего охотника и плохого поэта». Шутка была вполне в светском духе, но молодому человеку она не очень понравилась. Охотником он и в самом деле оказался превосходным, что и доказал в ближайшие же дни Луи Виардо. Но быть «плохим поэтом» в глазах Полины ему не хотелось. Впрочем, он был готов и на большие жертвы.

К счастью, язык сердца оказался сильнее всяких рекомендаций. Он был тогда хорош собою, в той поре молодости и силы, когда глаза лучатся счастьем, полны

огнём желаний. Тёмно-русые волосы мягкой волной сбегали на плечи. Всегда элегантно одетый, с тяжеловатой, несколько ленивой грацией движений, с крупными чертами лица, он был то, что называется «светский лев». Вид имел решительный. Доброе же выражение бледно-голубых глаз, нередко подёрнутых мечтательной поволокой, напоминавших неяркое северное небо, выдавало душу чувствительную и нежную. И он умел говорить о любви. Всё, что он переживал в эти дни, наполняло его невыразимым блаженством.

Газеты на все лады расписывали триумф м-м Виардо. В гостиных только о ней и говорили, произнося так и этак непривычную фамилию. В иных устах она звучала как Вердо. Кто-то сочинил ловкий экспромт:

*Что за вердо? Что за вердо?
Все так певицу называют.
Неужели не понимают,
Какой чудесный в ней кадо!?*

В стихке каламбурно обыгрывалось слово «кадо», что по-французски означает «дар, подарок».

Толпа поклонников окружала примадонну. Молодые люди готовы были носить её на руках. Всякое её желание тут же исполнялось. Такой благодарной публики она не встречала нигде. Это были счастье и слава, о которых мечтает каждая артистка.

Мадам Виардо много слышала о русских цыганах. Её повезли в ресторан, где пел один из лучших цыганских хоров. Цыгане спросили, здесь ли та великая певица, о которой они так много слышали? И, уверившись, что здесь, попросили её спеть. Не чинясь, она вышла к ним и исполнила несколько песен. Цыгане некоторое время молчали. Потом попросили позволения дотронуться до неё.

— Неужели смертный человек может так петь? Так поют только ангелы на небе, — объяснили они свою странную просьбу.

Рядом с восторгами, впрочем, слышалось и злословие — обратная сторона всякого громкого успеха.

Молодой влюблённый ни о чём, кроме своего божества, не мог ни думать, ни говорить. При одной мысли о Полине он приходил в сильнейшее волнение. Пребывавший в состоянии, подобном опьянению, он был в те дни и недели лихорадочно возбуждён, почти безумен. Две небольшие комнатки на Невском, которые он нанял для свиданий с Полиной, стали немymi свидетелями упоительных минут. Сладко было тонуть в лучистом мраке её глаз, дышать её дыханьем, ощущать прикосновение её нежных рук. Непонятное обаяние исходило от этой женщины. Он забывал обо всём, весь растворялся в ней, целиком отдаваясь её воле. Иногда, правда, от избытка счастья становилось как будто душно, но стоило расстаться, как его вновь тянуло к царице и владычице его сердца. Она казалась так непохожа на женщин, с которыми доселе сводила его судьба! Не юная наивная Гретхен, не обольстительная кокетка Манон Леско, не «академик в чепце». Ей было двадцать два года. Деятельная, решительная, во всём полагавшаяся на себя, — поистине новая женщина! На взгляд некоторых, слишком новая, слишком свободная. Во всём, что она делала, говорила, просвечивала тайна незнакомой древней культуры, смелой и элегантной в своей законченности. Это было то, чего так не хватало его мечтательной, вечно куда-то стремящейся славянской душе.

Ни дня, ни часа не мог он прожить, не думая о Полине. А когда она, простудившись, занемогла, он не находил себе места, кляня варварский петербургский климат, способный погубить такое музыкальное чудо, как её голос.

Слухи об охватившем сына безумии скоро докатились до матери. Своим женским чутьём она сразу почувствовала опасность, исходившую от этой чужестранки. Судьба сына всерьёз беспокоила её. Службу бросил. Праздность, богема и эта блажь до добра не доведут. Итальянская опера в это время перебралась в Москву. Варвара Петровна захотела самолично убедиться в том, о чём шумели обе столицы. Ходила она уже с трудом; болели опухшие ноги. Сын на руках внес её в ложу. Подняв к глазам лорнет, она молча просидела весь спектакль, и только дома за обедом, вдруг стукнув кулаком по столу, промолвила не то с досадой, не то с тайным восхищением:

— А хорошо поёт проклятая цыганка!

Лицо его просветлело. Он готов был рассыпаться в изъявлении чувств, но мать охладила его восторги:

— Вижу я, что ты на сердце держишь. Не вздумай ехать за ней в Париж. Поедешь — денег от меня не жди. Скорее камни получишь.

И, как-то печально взглянув на сына, добавила:

— Добр ты у меня, мягок, как снятое молоко.

Но уже ничто не могло его остановить. Он был готов хоть завтра броситься вслед за «цыганкой». Задержка была за документами. С нетерпением он принялся их выправлять. Порядок выдачи выездной визы в очередной раз усложнился: пошлина за шесть месяцев пребывания в чужих краях поднялась до ста рублей серебром. Правительство и лично сам император были недовольны увлечением дворянства заграничными вояжами. Казна теряла деньги. Опасались и заразы ложных идей, до которых так падка молодость. «Дельных и надежных людей для учёбы и опыта отправим сами на казённый счёт. Вертопрахам же скакать по европам незачем». С теми же целям введён был и возрастной ценз: двадцать пять лет.

Ни то, ни другое не могло его удержать. Деньги на дорогу нашлись. Что будет потом, он не думал. Возрастная черта также не могла быть помехой. К тому времени он уже перешёл её, войдя в лета совершенные. Исполнив необходимые формальности, птицей вылетел он из российских пределов, где и без того было трудно дышать. Прикатил в Куртавнель, воспользовавшись приглашением господина Виардо «вместе поохотиться». Встретили его дружелюбно, но без особого восторга. Полина с мужем вскоре отправилась на гастроли. Он остался в огромном, мрачном средневековом замке в обществе испанских родственников Полины. Гость пришёлся им по душе, да и он полюбил их. И всё же чувствовал себя временами так, как будто оказался в другом мире. Стены двухметровой толщины, огромные сводчатые комнаты с высокими потолками, гулкие звуки шагов — всё переносило его в суровые времена средневековой Европы. Одному здесь было бы жутковато. Усадьба была окружена рвом, когда-то, вероятно, полным водой, но уже давно пересохшим. Бродя по коридорам замка, молодой путешественник о многом передумал. Зачем он здесь? Чего ждёт? На что надеется? Полина вряд ли оставит мужа. Она окружена славой. Вокруг неё знаменитости. Ей не в диковинку внимание королей. А что такое он? Впечатлительный, образованный, с задатками художника, но мало ли таких мечтателей бродит по дорогам Европы? К тому же, сейчас он беден, без гроша в кармане. В России многие смотрят на него как на надежду русской словесности. Но кому во Франции до этого дело? И любит ли его Полина? Что он для неё? Короткое увлечение? Добыча властного сердца? Дополнение к семейной жизни? Он много думал об этом. Но так ничего и не решил. И махнул рукой.

Когда всё это началось, он присматривался к Луи. Что тот думает, как относится к объявившемуся нежданно-негаданно другу семьи? Господин Виардо, бывший старше своей супруги на двадцать с лишним лет, делал вид (или, и в самом деле, был уверен), что ничего особенного не происходит. Они даже подружились.

В ожидании мадам Виардо он стал брать уроки испанского и вскоре уже читал «Дон-Кихота» на языке оригинала. Великолепная ясность рассказа, словно озарённо-

го солнцем юга, захватила его. Самый тон повествования, в котором высокопарно-изысканный стиль рыцарских романов смешивался с безыскусственной простотой, заставлял задумываться о том, в каких отношениях между собой находятся мечта и действительность. Вначале он с улыбкой следил за приключениями странствующего «рыцаря». Смешными казались его слова и поступки. Но вскоре улыбка сменилась состраданием. Всё серьезнее становились речи идадьго. Путешественник с далёкого севера узнавал в них себя, свои мечты, всё то, чем живёт молодость. И он, подобно Дон-Кихоту, в ночную пору «не смыкал глаз и думал о госпоже своей Дульсине»; и он, сознавая себя рождённым в «жестокий железный век», мечтал о золотом, когда люди были свободны и счастливы, властолюбцы не угнетали добродетельных, и богом был не золотой телец, а красота и любовь. «Свобода, Санчо, есть одна из самых драгоценных щедрот, которые небо изливает на людей; с нею не могут сравниться никакие сокровища; ни те, что таятся в недрах земли, ни те, что сокрыты на дне морском. Ради свободы, так же точно как и ради чести, можно и должно рисковать жизнью, и, напротив того, неволя есть величайшее из всех несчастий, какие только могут случиться с человеком... Блажен тот, кому небо посылает кусок хлеба, за который он никого не обязан благодарить, кроме самого неба!». О, рыцарь печального образа, смешной и странный! Когда исчезнут такие люди, закроется книга истории. В ней нечего будет читать. Кто поднимет меч во имя справедливости, а не личного блага? И возможно ли счастье одного, когда рядом стонут другие? «Как и год, как и сто лет назад, несчастные зывают о помощи, а счастливые затыкают уши», — слышал он голос идадьго. Вот и его родная страна полна воплей и стонов. Не он ли поклялся бороться со злом пока враг не будет сражён?! Враг этот совсем не был похож на ветряные мельницы, он имел образ и имя. Имя ему было: крепостное право. При одном упоминании о рабстве в России Тургенева охватывало чувство стыда. Здесь, во Франции, где слово «свобода» произносили как молитву, он испытывал странную лёгкость, точно начинал новую жизнь. И в ней не должно быть места лени, распушенности, зазнайству — постыдным следам барства. Работать, писать — и тем исполнить свой долг человека, гражданина, писателя, наконец, если он действительно наделён этим даром. В памяти так и теснились картины пережитого: охотничьих странствий, встреч, весь пёстрый мир сельской русской жизни с её ермоляями, хорями, калинычами, полутькиными, уездными гамлетами, с её полями, лесами. Он ясно видел раскинувшееся во все стороны небо с белыми клубами облаков, то разгоравшееся, то меркнувшее; запахи леса кружили голову, жилым теплом дышало гумно крестьянских дворов; звучали голоса, мелькали лица. Образы давно отстоялись и просились наружу, как благодатный весенний дождь. Россия! О ней не сказано и тысячной доли того, что должно сказать, душа её народа по-прежнему — загадка. Но, «повествуя, важно не отступать от истины», — из глубины столетий слышал он голос Дон-Кихота, устами которого говорил мудрый Сервантес. Да благословенно будет имя этого человека!

Увлечённый, он работал по шестнадцать часов в сутки, не замечая времени, сам удивляясь тому, что выходило из-под его пера. Всё знакомое, и всё такое новое. Уставая и вспоминая привольное житье дилетанта, слышал голос Полины: «Работайте, работайте, Жан! И будьте проще. Меньше выдумывайте!» Вот и она говорила то же, что и её великий соотечественник. Как дельны, умны, как кстати были её советы! Она, с детских лет прошедшая суровую школу бродячего артиста, знала, что говорила. Впрочем, он не оставался в долгу. Было что сказать и ему. Таких глубоких замечаний об искусстве, такого тонкого вкуса, мгновенного различения правды и фальши она не встречала больше ни у кого.

Между тем гастролы Полины затягивались. Денег мать не присылала. Всю зиму он прожил, питаясь супом из полукурицы и яичницей (дарами добрых Гарсиа). Весной, понимая, что оставаться долее неприлично, душевно поблагодарил госте-

приимных хозяев и переехал в Париж. Сняв небольшую квартирку, зажил совсем уже вольным художником. Всё написанное отсылал в журналы. Издатели, однако, с гонорарами не торопились. Он жил, занимая деньги у кухарки. Однажды четверо носильщиков с трудом втащили в комнату тяжёлый сундук. Это была посылка из России. Расплатившись последними грошами, он откинул крышку. Сундук был доверху набит кирпичами. Маман сдержала слово.

Полина вернулась в конце лета. Слепительный шлейф успеха тянулся за ней вместе с толпой поклонников. Он встретил её с восторгом. Счастью, казалось, не будет конца. Он любил её так же страстно, как и в первые дни их романа, даже более сильно и горячо, однако, стал замечать, что не пользуется прежней взаимностью. Дело разъяснилось скоро. Новая страсть к одному молодому музыканту овладела Полиной. Она и не думала это скрывать. Сдержаннее стали их встречи. Вскоре Полина и вовсе стала уклоняться от свиданий. Горечью облилось его сердце. Казалось, что всё потеряно. Ему незачем было оставаться во Франции.

Он уехал в Россию в самом мрачном расположении духа. Поначалу тосковал. Вечерами подолгу смотрел на закат, в сторону Франции. Письма — было единственное, что теперь связывало его с Полиной.

Он увиделся с ней только через семь лет и совсем не так, как мечтал. Ветер времени не пощадил их чувств. Всё было уже не таким. Изменились и сами они. Он ещё жил неостывшим теплом прежних чувств. Для Полины же прошлое было почти одним воспоминанием. Он точно стоял перед храмом, вход в который был для него закрыт.

Всё пережитое сказалося на здоровье. Мочекаменная болезнь, наследственный недуг, от которого скончался отец, стала мучить и сына. Видеть никого не хотелось. Отвращение к жизни, болезнь, известная ещё римлянам, овладела им. В поисках целебных вод он забивался в самые глухие уголки Европы. И только счастье творчества на время примиряло его с жизнью. Воды ли помогли, естественный ли ход вещей сделал своё дело, только боли постепенно утихли, оставив в нервах тревожный след.

Он возвратился в Париж другим человеком. Гордые требования к жизни как к источнику наслаждений были забыты. «Жизнь не шутка, не забава, — сказал он себе, — а тяжёлый труд. Никому и ничего она не должна. Напротив, это она взимает с каждого неизбежную дань за одно только право жить на свете. Не наслажденье, не счастье её тайный смысл и значение, а отказ от обманчивых желаний, приносящих страданья».

Рано и красиво поседевший предстал он перед Полиной в новом свете зрелой мужественности. Его страдания и преданность всколыхнули в ней уснувшее было чувство. Вместо прежних волнений страсти нечто новое и глубокое появилось в их отношениях. Это сблизило их, открыло то доброе и хорошее, о чём они прежде, в разгаре первой влюблённости, ещё не знали. Это было счастье, дающееся как величайшее благо. С тех пор, вот уже почти тридцать лет, судьба не разлучает их надолго и, вероятно, уже никогда, до самой смерти, не сможет разлучить.

Иногда он ловил на себе взгляды Полины. Глаза её с бликами ещё не угасших чувств словно спрашивали, видит ли он перемены, произведённые временем в некогда свежем, а теперь поблёкшем лице. Да, он видел. Но что это могло изменить в выношенном ими чувстве? Оно было похоже на рождённого и выпестованного ребёнка, давно ставшего взрослым. Расцвело, отполыхало и теперь отцветает, как отцветают и сами они. Хорошо когда потухающий огонь гаснет не сразу, а медленно уходит вместе с жизнью. Да и гаснет ли? Нет, всё ещё светит и греет мягким, тёплым светом.

И здесь, и в России не было недостатка в толках и пересудах. Отчего не женат, притом непременно на русской? И что это за странный треугольник? Положение, и в самом деле, было двусмысленное, если не сказать больше. Такие союзы случались. Во Франции к ним относились терпимо. В России они оскорбляли нрав-

ственное чувство. И уж ничего так не любят люди, как перемывать косточки ближнего! Их хлебом не корми, а дай покопаться в чужих тайнах. Своё, сокровенное, тщательно скрывается — чужое же вытаскивается на погляд, становится добычей пересудов, подчас самых нелепых, что, впрочем, нисколько не смущает любителей «жареного», прибавляя к сплетням перчику и пряностей. Но, что бы ни говорили люди, сам о себе он сказал гораздо больше в почти безотчетных исповедях художника. О, как зябко стоять на ветру обнажённым, под взглядами сотен, тысяч любопытных, насмешливых, зачастую недобрых людей, словно в дурном сне!

ЗЛАТА ФОССЕМАНЬ

СУПРУГА ВЕРНУЛАСЬ

Дождь тарабанил с какой-то злостью по крыше. Супруга моя давно уже ушла купить белые салфетки к воскресному ужину.

— Обязательно надо съездить за ними. Завтра все магазины будут закрыты, — заявила она, опустив глаза.

И я отпустил её, несмотря на грозу, отпустил не понимая почему какая-то несчастная скатерть потребовала ни с того ни с сего непредвиденной беготни за дополнительной покупкой. Вынужденный ждать её возвращения, я в который уже раз наливал себе виски. Нервы начали сдавать. Холодный пот мочил рубашку, а сердце стучало, как старые дедушкины часы. Я колебался между желанием позвонить Катрин или же вскочить в свой Гольф и гнать до супермаркета, чтобы перехватить её у входа. В конечном итоге, когда алкоголь разлился по всем моим клеткам, принося им долгожданный покой, я услышал шорох в саду, как будто кто-то шебуршал на крыльце.

Я спустился по винтовой лестнице и повернул ключ входной двери. Деревянные створки открылись со скрипом. Катрин с мокрыми волосами настойчиво смотрела на меня. В её глазах я прочёл мольбу о помощи. Она придерживала свой живот руками, запачканными кровью. Я приподнял её, такую лёгкую и воздушную, как пёрышко, понёс наверх в нашу комнату. Не задавая вопросов, я положил её на кровать, сходил за тряпочкой, смочив её предварительно в холодной воде. Кожа её казалась холодной как материя, которую я держал между пальцев. Ночь была бесконечной. Катрин дышала с трудом, но наконец-то уснула. Я разделся и уткнулся в её тело, чтобы согреть.

Как же я обрадовался, когда супруга моя проснулась на следующее утро, цветущая и полная энергии. Она насвистывала, наливая нам кофе, с моей помощью, конечно. Катрин по натуре своей редко волновалась, но приёмы гостей приводили её всегда в состояние крайнего возбуждения. На этот раз она позволила мне готовить блюда, даже не пытаясь мне помочь своими мудрыми советами. В первый раз она оказала мне полное доверие. Я был счастлив.

По обычаю своему друзья прибыли с опозданием. Во время обеда у них был потерянный вид. Они видимо поняли, что ужин готовил я. Но я нисколько не обиделся. Катрин своим радостным видом показывала мне, что их кислые лица нисколько не смущали её. После ухода скучной публики мы занимались любовью всю ночь. Дальше всё было, как во сне.

С момента этого происшествия в ночь с 21 по 22 сентября, я сопровождал свою супругу повсюду. Мы прогуливались от одной бутики к другой в поисках ценных новинок, как делала она это раньше сама. Однако наш ювелир, любивший ранее с нами пошутить, смотрел на нас осоловелыми глазами. Я подумал, что наконец-то

раскусил его настоящую сущность: его просто распирало от зависти. К тому же он, наверное, возненавидел меня ещё больше после того, как я приобрёл у него для Катрин кольцо из чёрного жемчуга, одно из самых наизамечательнейших украшений его новой коллекции и одно из самых дорогих. Во всяком случае я наконец-то понял, с кем имел дело. Да и по большому счёту наша здоровая сексуальная жизнь отныне стала вызывать подобную реакцию у близких, мужчины это или женщины. Они чувствовали себя неуютно. Именно поэтому моя супруга прекратила посещать своих закадычных подруг. Радость переполняла меня: наконец-то Катрин стала абсолютно моей! Так мне, по крайней мере, казалось.

Вечером 4 октября мы собрались в театр. Считаю, что Катрин нуждалась в уединении чтобы приодеться, я её оставил одну в первый раз после ночной грозы. Она поднялась к нам в комнату сама, в то время как я расположился в гостиной, погрузившись в один из сборников Эдгара По. Не прошло и двадцати минут, как я уже потерял терпение. Пробежав пятнадцать порожков, я вошёл в комнату. Катрин сидела перед зеркалом в стиле барокко, которое она купила три года назад на местном рынке у старьевщика. Её алебастровые плечи обрамлял чёрный велюр одного из самых красивых платьев её гардероба. Но прекрасная шея была гола.

— Дорогая, почему же ты не надела новое кольцо, которое я тебе только что купил? Оно так тебе шло у Сержа.

— Да, ты прав, мой милый. Поддай мне его, пожалуйста. Я его положила вот в этот ящик.

Я подошёл к комоду, вынул из верхнего ящика украшение и хотел было положить его на плечи супруги, как вдруг мне пришла в голову мысль посмотреть в зеркало, чтобы убедиться в надлежащем эффекте. Мужчина с мешками под уставшими глазами просительно смотрел на меня, а её в зеркале не было. Мои пальцы задрожали. Я выпустил из рук кольцо, которое должно было украсить шею моей испарившейся вдруг Катрин. Серые шарики со свинцовым грохотом запрыгали по паркету. Этот оглушительный вальс наполнил собой всё пространство, отстаивая право на своё собственное сознание, независимое от моего. Одна из жемчужин запрыгала на пустом стуле перед туалетным столиком.

— Но ведь тебя здесь нет, неправда ли, дорогая? Где ты?.. Пол поплыл подо мной, стена напротив треснула и потолок рухнул вниз, погрузив меня в едкий и тлетворный запах.

ВАЛЕНТИНА ПОРСЕДДА

ПУТЕШЕСТВИЕ НА КРАЙ СВЕТА. ОСТРОВ САХАЛИН

«Ты расширяешь шаг мой
подо мною, и не колеблются ноги мои»
Псалтирь, Пс.17,37

«Не мечтал о счастье я таком,
Я о нём не знал...»
Юрий Антонов, Л.Фадеев
«Двадцать лет спустя»

Как долго мы мечтали об этом путешествии! И как нелегко было решиться отправиться в путь! Даже уже купив билеты на самолёт, я не была уверена, что смогу вы-

держат такую долгую дорогу (8 часов на самолёте!) и совершить это трудное путешествие... Эти мучительные сомнения между неуверенностью, страхом перед, казалось, непреодолимыми трудностями такого путешествия (вплоть до готовности сдать обратно билеты) и огромным желанием видеть эту землю, где живут наши родные, у которых мы никогда не были; сомнения моего мужа Вито, француза, между его давней мечтой – пройти по земле тропой Лаперуза, как мало кто из его коллег – инженеров смог сделать, и пониманием, что если отложить ещё раз это путешествие, то потом вряд ли найдутся для этого силы, и останется глубокое сожаление о невыполненной мечте. И тогда я вручила все эти сомнения Богу и решила, что если случится какое-то объективное препятствие для такого путешествия, то так тому и быть. Но никакого препятствия не обнаружилось, и... наше путешествие началось.

День первый 14 августа 2017 года

Утром этого дня я проснулась от звучащей во мне песни: «Не мечтал о счастье я таком, я о нём не знал» – пел Юрий Антонов одну из самых моих любимых у него песен. Она всегда, когда слушаю её, вызывает у меня слёзы счастья. И с этим ощущением счастья я проснулась. Оно так было не похоже на ожидаемые мною страхи и сомнения перед дорогой! Удивляясь и доверяясь ему, встретила я этот день. Оно и потом ещё будет сопровождать меня в дороге. И сейчас, когда пишу эти строки, эта песня звучит во мне...

Позавтракав и закрыв свой собранный ещё с вечера чемодан и небольшой рюкзак, мы с Вито были готовы отправиться в путь, и ровно в 10 часов наш сосед Александр, он же – водитель нашего такси позвонил в нашу дверь, чтобы помочь снести вниз наш багаж. И как только мы оказались за порогом нашего дома, где нас уже ждало весёлое солнечное августовское утро, все вопросы и сомнения исчезли. В путь! С Богом! Вперёд!

Несмотря на то, что наш самолет в Южно-Сахалинск вылетал из Внуково только на следующий день, мы понимали, что не сможем после 6-часовой дороги в машине сразу сесть в самолёт. Нам необходимо было отдохнуть перед вылетом, поэтому мы забронировали номер в гостинице «Unip» рядом со Внуково, куда мы приехали около трёх часов дня. Это совсем маленькая гостиница, два двухэтажных коттеджа, один из которых – для персонала, другой – для гостей. Она находится на огороженном забором небольшом участке берёзового леса, где оборудованы небольшие беседки для отдыха, качели, площадка для игр. В лесочке проложены удобные для прогулок дорожки, поставлены забавные оригинальные деревянные скульптуры и фигурки. Всё устроено таким образом, что вы чувствуете, что приехали в гости к друзьям провести выходные с пикником, шашлыками, развлечениями для детей и для взрослых. Если добавить к этому, что весь персонал гостиницы – как одна семья (мы даже подумали, что они родственники), то ощущение уютного дома только усиливается.

Сразу же по приезде в гостиницу мы пошли пообедать. Время для обеда было позднее, поэтому в ресторане за соседним столом мы увидели только двух мальчиков (как мы потом узнали – дети хозяина гостиницы): один – Аполинарий или коротко Апик лет десяти с золотой копной кудрей, как ангелочек с картины Рафаэля «Сикстинская Мадонна», а другой, его брат – мальчик лет двенадцати, обыкновенный хороший мальчик. Они ели гречневую кашу, запивали водой и смотрели телевизор. И мы с удовольствием пообедали в такой компании, как дома, погуляли в лесочке, а потом пошли отдохнуть...

День второй, 15 августа

Утро встретило нас радостно-солнечными объятиями, как доброе благословение на долгую дорогу, которая ждала нас впереди. И хотя наш самолёт вылетал

только вечером, нам уже не терпелось отправиться в путь, поэтому, позавтракав в гостинице, погуляв немного в лесочке, где мы уже подружились с нашими берёзками, особенно, с одной, склонённой в «приветственном поклоне» (как хорошо думать и молиться среди берёз!), сказали им : «до свиданья», и после полудня поехали в аэропорт Внуково.

Этот аэропорт нам неожиданно понравился. Он – не большой и не маленький, удобный, просторный и светлый. И людей там не слишком много, так что они нас сильно не утомили за время ожидания. И несколько часов пролетело довольно быстро. Мы нашли себе место в Паб-баре, где мы и кушали, и беседовали, и отдыхали...

Чтобы размяться немного, я пошла посмотреть магазинчики вокруг и зашла в небольшой киоск сувениров с русских народных промыслов, таких, как Федоскино и другие. Навстречу мне сразу же вышла очень милая продавщица и спросила, что меня интересует. Не собираясь ничего покупать, я прямо сказала, что зашла просто посмотреть : «У меня несколько часов перед вылетом самолёта, и я хочу провести время в ожидании его, хотя у Вас – очень хорошая коллекция сувениров». На такую простую откровенность женщина ответила такой же, хотя и неожиданной, откровенностью. Мы были с ней только вдвоём в её магазинчике, и она разговаривала со мной, как если бы пригласила меня к себе в гости домой. Рассказала о своей дочери Анастасии и её друзьях, с которыми она учится в институте. Казалось, она сама посещает вместе с ними их лекции и переживает на экзаменах, участвует в их научных и жизненных открытиях. Сколько любви, заботы и даже тревоги за молодых людей было в её рассказе! Как восхищалась она своей дочерью и с какой теплотой говорила о её однокурсниках : «Они – хорошие, хорошие, но недолюбленные, нужно общаться с ними, нужно их слушать, понимать»... Как ни приятно мне было общение с такой милой и доброй женщиной, но я не хотела надолго оставлять моего мужа в одиночестве...

Таким образом, незаметно пролетело время, и пора было идти на регистрацию, которая прошла быстро и спокойно. Во всём была атмосфера приветливости и приглашения «В добрый путь!». И когда мы прошли к нашему выходу на посадку и увидели пассажиров, которые так же, как и мы ждали свой самолёт, я подумала : «Вот – люди, которые летят на Сахалин, и среди них – много детей (вероятно, они возвращались домой после летних отпусков), есть и пожилые люди, и никто не переживает и не боится такого долгого полёта в самолёте, значит и мне можно не бояться». Присутствие попутчиков вокруг нас ободрило меня и разбудило большую радость путешественника...

И действительно, полёт прошёл легко. Ночь в самолёте, несмотря на то, что я мало спала, пролетела быстро, потому что казалась короткой из-за почти всё время светлого, то ли сумеречно-вечернего то ли рассветно-утреннего неба. Мы летели на восток, как будто пытаюсь догнать наступающий день, и наконец, догнали его, очутившись в самый разгар дня в 12:30 в Южно-Сахалинске, который встретил нас с приветливым солнечным радушием. До приезда сюда, я даже не пыталась представить себе Сахалин: таким он казался далёким на самом краю земли, просто невообразимым. Поэтому, когда во время приземления и на земле мы увидели красивые, поросшие густым лесом сопки вокруг, у меня возникла первая ассоциация: «Как у нас на Сардинии», хотя на Сардинии горы не такие высокие, и не так обильно покрыты растительностью. Во всяком случае, я почувствовала себя сразу же очень уютно на этой земле. Когда спустились с трапа самолёта и пошли к зданию аэропорта, я всё ещё не могла поверить, что мы «совершили невозможное» : мы – уже в Южно-Сахалинске, а когда я ещё издали увидела свою сестру Людмилу среди встречающих, то закричала от переполнявших меня чувств: «Люда! Ура!!!»

День третий, 16 августа

Трудно датировать этот день, потому что непонятно, когда и где закончилось 15 августа и наступило 16. Казалось, что мы летели-спешили к началу этого дня, а на самом деле, это он устремился к нам, чтобы встретить нас ещё на пути к Южно-Сахалинску....

В аэропорту нас встречали двоюродная сестра Людмила и её дочь Ольга, то есть моя двоюродная племянница. Она специально ушла с работы, чтобы встретить нас. Таким образом 16 августа я впервые увидела свою племянницу Ольгу, хотя ей уже 40 лет, а мне – 62. Это – знаменательно-грандиозное событие! Разве не стоило ради этого проделать почти 10 тысяч километров? Раньше я видела Ольгу только на фотографии, но было особенное удовольствием в том, чтобы увидеть её своими глазами. Очень красивая, как принцесса из восточной сказки, и современная, как фотомодель с обложки журнала. И при этом – скромная, простая, умная и очень милая.

Поскольку мы были всё-таки уставшими после 8-часового перелёта, то Ольга сразу же отвезла нас в своей машине домой, то есть в специально для нас освобождённую и обставленную двухкомнатную квартиру, в которой было предусмотрено и продумано до мелочей всё, что необходимо.

В этот день после приезда из аэропорта мы только отдыхали. Проснувшись первый раз, мы выглянули в окно и увидели очень чистый двор. Несмотря на то, что наши окна выходили на помойку, все было чисто вокруг, и ничто не портило пейзажа. Мой муж наблюдал такую сцену : один пожилой человек принес выбросить на помойку пакет с мусором, увидел оставленную метлу (как оставляли другие приличные вещи для тех, кому они могут пригодиться) и захватил её с собой (принёс один мусор, а унёс – другой). Это так рассмешило мужа, что он сочинил четверостишие на французском языке :

*«Un Vieillard en faisant la poubelle,
A trouve un balais dans le conteneur»,
что можно перевести, как:
«Выбрасывая мусор,
Старик нашёл метлу»*

На следующее утро мы увидели, как во двор приехала мусороуборочная машина, выгрузила все контейнеры и уехала. А через некоторое время пришёл дворник, и не найдя своего орудия труда, не растерялся, сорвал несколько веток кустарника, растущего поблизости, и приступил к работе, убрав весь мелкий мусор вокруг. И так было каждый день. Поэтому было всё чисто, и даже жёлтые листья приближающейся осени дворник подметал и высыпал в мусорный контейнер...

А потом мы покушали и снова уснули и проснулись только в 21:30, хотя для нас, то есть по московскому времени, это было 13:30, но когда я посмотрела на часы, то подумала, что сестра может волноваться о нас и сразу же ей позвонила, чтобы сказать, что всё у нас в порядке, просто мы спали (а она, действительно, начала волноваться).

После этого мы посмотрели ещё сахалинское телевидение в этой уютной квартире, почувствовали себя, как дома. Стало так хорошо! Так хорошо, что слёзы счастья и умиления появились на глазах! Почему, почему, спрашивала я себя?

И совершенно счастливыми мы заснули снова теперь уже сахалинской ночью до утра.

День четвёртый, 17 августа

Утром к нам пришла Люда, чтобы приготовить нам завтрак, хотя холодильник просто ломился от наполнявших его продуктов. Конечно, мы знали обильную щедрость моей сестры, но это был просто королевский приём, мы жили как в сказке...

Всем известно кавказское гостеприимство, даже тем, кто никогда не был на Кавказе.

Когда мы жили в Киргизии, то узнали и о мало кому известном киргизском гостеприимстве.

А теперь я хочу рассказать о русском гостеприимстве, которое оказали нам наши родные в Южно-Сахалинске.

Несмотря на то, что в нашем холодильнике были и готовые продукты (приготовленная курица, окрошка, жареная рыба), и свежая красная икра, кальмары, гребешок, корюшка (местная рыба), творог, сметана, пирожные, на столе стояли свежие фрукты (бананы, персики, апельсины), конфеты, разные напитки, и т. д., и т. д. Но каждый раз с приходом Люды, как будто по её команде, перед нами появлялась скатерть-самобранка со множеством новых яств...

И помимо нашего питания, стоило нам только спросить что-то, например, где находится магазин сувениров, как наша «Люда-золотая рыбка» уже приносит нам целую коллекцию книг и сувениров, а в придачу ещё и набор разных деликатесных южно-сахалинских консервов.

Больше того, когда однажды вечером мы захотели пригласить наших родных в корейский ресторан и, естественно, заплатить за ужин, то Людмила на следующий день вернула нам деньги за ресторан и не на шутку рассердилась на нас за то, что мы опередили её, заплатив в ресторане, рассердилась «вплоть до разрыва дипломатических отношений». Мы не могли пойти на такой крайний шаг, потому что поняли, что её обидело или даже, может быть, оскорбило, что её гости, родные в её доме (то есть на территории Сахалина) платят за себя и за неё в ресторане. Вот какое русское гостеприимство оказала нам моя сестра и её семья!

А в это утро мы позавтракали втроём, а потом пошли с Людой посмотреть центр города. А мой муж остался ещё отдохнуть, ведь для нас (по московскому времени) это – самая середина ночи, и его биологические часы ещё не перестроились. Пожалуй, разница во времени с Москвой была для нас самым трудным моментом в адаптации на Сахалине. Я пыталась себе помочь, сразу же переведя часы на сахалинское время. А муж все время говорил: «А у нас столько-то часов...». Так что мы оставили его отдыхать, а сами пошли погулять...

Мы доехали до центра города на такси, зашли на почту отправить открытки, обошли огромную центральную площадь города с памятником Ленину и там же – памятник жертвам землетрясения 1995 года в Нефтегорске, унесшего жизни более 20 тысяч жителей. И хотя воспоминание об этом событии и до сих пор отзывается в сердцах щемящей болью, но всё здесь настраивает на спокойное наслаждение жизнью. Вокруг цветочные клумбы, фонтаны, мирно гуляют или сидят на лавочках горожане, играют и веселятся дети в окружении голубей... Городская идиллия в теплый августовский день в центре Южно – Сахалинска, такого ещё нового и незнакомого для меня города. Идем дальше мимо банка, в котором много лет работала Людмила ответственным работником, и хотя уже несколько лет она – на пенсии, всё равно по пути нам встретилось несколько её бывших сотрудников, которые тепло и приветливо разговаривали с ней. В этом квартале она – как рыба в воде. И мне было приятно чувствовать себя окружённой добротой встречающихся нам людей. Люда рассказывает мне о своей многолетней работе в банке, времени профессионального творчества и богатого опыта человеческого общения. Счастливого времени для неё. Неспешно гуляя по длинному Коммунистическому проспекту, мы за разговорами незаметно дошли до большого городского парка, в котором располагается театральная центральная А.П.Чехова и музей книги А.П.Чехова «остров Сахалин», куда мы зашли «на минутку», «бросить взгляд на экспозицию», планируя потом ещё раз вернуться в него вместе с Вито, чтобы подробно всё рас-

смотреть. Очень милая обстановка в музее расположила нас к повторному визиту. Выйдя снова в парк, мы с удовольствием прошлись по его красивым аллеям и дорожкам, встречаясь на них с молодожёнами, приехавшими в парк после бракосочетания, или со скульптурными персонажами Чехова. Парк огромен со множеством красивых старых и молодых деревьев и кустарников, между которыми разбросаны разноцветные клумбы и зелёные лужайки газонов. Хотелось продлить эту очень приятную прогулку, но время приближалось к обеду, и нужно было вернуться домой, где мы пообедали очень вкусной, приготовленной Людой, крошкой.

А потом мы решили отдохнуть, чтобы вечером снова встретиться всей семьёй за ужином на квартире у Оли.

Если бы меня попросили выбрать самое приятное впечатление во время нашего путешествия, мне было бы трудно это сделать, и все-таки я бы особенно выделила этот чудесный вечер в доме у Оли, Димы и Саши, сына Ольги. Можно сказать, что это был вечер нашего знакомства. Ведь, кроме Люды и Саши, с которыми мы встречались на материке, мы почти ничего не знали о Диме и Оле. Знали только, что Оля несколько лет уже работает в банковской сфере, а в последнее время она – начальник кредитного отдела Сбербанка. Когда мы пришли к ним вечером в их очень красивую современную квартиру, то Оля была ещё на работе, так что нас встречал Дима, молодой человек с очаровательной детской улыбкой, покоряющей сердце и располагающей к себе. Поэтому Дима с Вито с первых же слов нашли общий язык, хотя говорили на английском языке, иностранном для них. Но тема их беседы захватила их обоих – возобновляемые энергии. Вито в своё время работал и даже запатентовал изобретение в области использования необычных свойств природного минерала цеолита (зеолита) в охладительных системах и при дегидратации различных веществ. А из рассказа Димы мы узнали, что он много работал в нефтеперерабатывающих компаниях в разных странах: Англии, США, Австралии, сейчас работает на Сахалине, и конечно, ему была близка тема энергетики. Так что они вдвоём не скучали...

Пока Люда хлопотала на кухне, Саша занимался в своей комнате, куда я заглянула к нему, чтобы поговорить немного. У него сейчас очень ответственный момент в жизни: он заканчивает в следующем году школу и думает о будущей профессии. Ему нравится лес, но интересно также и машиностроение. Трудный выбор нужно сделать, и пока есть ещё время подумать, когда он выберет профессию, в которой он чувствовал бы себя счастливым. Перед ним сейчас – не только выбор профессии, но и вступление в новую взрослую жизнь. Хочется пожелать ему не смущаться и не бояться неожиданностей на этом пути, но уверенно и с оптимизмом смотреть вперёд, зная, что впереди его ждёт успех и удача. В добрый путь, наш молодой друг!

А вот и Оля пришла, и мы все вместе расположились вокруг стола, обильно и красиво сервированного нашей дорогой Людмилой. Не забывая подкрепляться, мы продолжили наши разговоры.

Для наших родных мы тоже были «terra incognita», потому что никогда нам не приходилось вот так душевно разговаривать. Мы рассказали, как встретились с моим мужем в Люберцах в 1993 году в одном из европейских проектов в России, как потом уже вместе отправились в Киргизию, где мы прожили 17 лет. Сначала мы работали в совместном киргизско-французской компании в области дистрибуции продуктов питания, а потом, когда совместное предприятие распалось, решили не уезжать, и создали в 1998 году своё собственное предприятие «Тил» с целью импорта и коммерциализации пищевых ингредиентов и оборудования для пищевой промышленности. Мы жили в иностранном государстве, при этом у меня никогда не было подобного профессионального опыта, поэтому мы пони-

мали ответственность такого шага, в котором было много риска, и обратились за Божьим благословением, понимая, что получим его, если только мы будем честно вести свое дело. Так возникла идея создать предприятие без коррупции, с полной прозрачностью и в отношении киргизской администрации, и в отношении наших сотрудников, без двойной бухгалтерии. Поначалу никто из наших знакомых не верил в такую возможность, нам говорили: «Ну, вы продержитесь месяц, не больше». Но наше предприятие просуществовало 15 лет при нашем руководстве, до нашего выхода на пенсию, и ещё почти 5 лет – после. Наши сотрудники, которые продолжают работать в компании, поняли, что работать честно и открыто – гораздо приятнее, поэтому они чувствуют себя счастливыми на работе. В следующем году нас пригласили на 20-летие нашего предприятия...

Дима рассказал ещё о своей юности, когда он служил матросом на корабле, как полюбил море и Сахалин... Только Оля почти ничего не говорила, внимательно глядя на всех своими огромными блестящими глазами...

Иногда наша беседа принимала неожиданный оборот, когда мы заговорили об Андрее Тарковском. Этот гениальный мастер коснулся многих душ своим творчеством, не оставляя их безучастными, хотя произвольно судящих о нём, часто не понимая его идей. Говорить о нём – большое удовольствие для меня, и я была рада и благодарна нашим родным, что они заговорили о Тарковском. Я тоже поделилась своими мыслями о нём, чувствуя, однако, беспомощность слов нашего языка (или моего языка) исчерпать глубину и многогранность образов в его картинах.

Особенным украшением нашего вечера были Ольга и Дима. Какое удовольствие было видеть их вместе, наслаждаться их нежностью, любовью, красотой чувств, и благословлять их счастливое единство...

В этот вечер снова во мне звучала песня Юрия Антонова:

*«Не мечтал о счастье я таком,
Я о нём не знал...
Даже целый век с тобой вдвоём
Мне, наверно, мал...»*

Она сопровождала меня до самого нашего дома, куда отвезла нас Ольга в своей машине.

День пятый 18 августа

Этот день мы тоже начали вместе с Людой, которая пришла к нам на завтрак. Правда, сама она почти ничего не ела, и не пила ничего, кроме кофе, а мы просто вынуждены были вести, хотя и приятную, но непрерывную, а порой, непосильную борьбу с содержимым нашего холодильника...

Хорошо подкрепившись, мы все вместе отправились на такси в краеведческий музей, который располагается в красивом здании в японском стиле, оставшемся ещё со времен японского присутствия на острове Сахалин. Музей находится в красивом парке в японском стиле: большой фонтан при входе в парк, а вокруг – множество маленьких водоёмов, окружённых вьющимися между ними узкими дорожками, по ним так приятно пройти под сенью красивых деревьев с раскидистой кроной. И везде – самые разнообразные цветы. По парку бегают и резвятся дети. На них и остался посмотреть, сидя на скамеечке, мой муж, а мы с Людой начали экскурсию по музею. Мне понравилась очень интересная и красиво оформленная экспозиция со множеством чучел животных и рыб, птиц, которые в огромном количестве и разнообразии обитают на Сахалине, хотя сейчас многие из них занесены в Красную книгу и охраняются государством. Мы увидели много и других

документальных исторических, этнологических и культурных свидетельств. Я как будто погрузилась в новый для меня, незнакомый и очень интересный мир. Я подумала и с благоговением ощутила, как прекрасна наша Земля, как драгоценны и хрупки все творения на ней, в какой непостижимой гармонии бесконечности пребывают все они для радости человека и какое счастье – видеть всё это и любить.

Историческая справка

Археологические находки свидетельствуют о том, что люди могли появляться на Сахалине в эпоху раннего палеолита примерно 250–300 тыс. лет назад.

Предки современных палеоазиатских народов – нивхов (на севере острова) и айнов (на юге) – появились на острове в период средневековья. При этом нивхи мигрировали между Сахалином и нижним Амуром, а айны – между Сахалином и Хокайдо. Материальная культура их была во многом схожа, а средства к существованию доставлялись рыболовством, охотой и собирательством. В конце средневековья (в XVI–XVII вв.) на Сахалин мигрировали с материка тунгусоязычные народы – эвенки (кочевники-оленоводы) и ороки (уильта), которые под влиянием эвенков также стали заниматься оленеводством.

До середины XIX в. Сахалин находился, главным образом, в орбите китайского влияния, однако права на остров не были закреплены в соответствии с нормами международного права. По Симодскому трактату (1855 года) между Россией и Японией Сахалин был признан их совместным нераздельным владением. Неясность такого статуса была очевидна для обеих сторон, и по Санкт-Петербургскому договору 1875 года Россия получила в собственность остров Сахалин, взамен передавая Японии все северные Курильские острова. Закон от 23 мая 1875 года положил начало сахалинской ссылке и каторге.

После поражения Российской империи в Русско-Японской войне 1904–1905 годов и подписания Портсмутского мирного договора Япония получила Южный Сахалин (часть острова к югу от 50-й параллели). С 21 апреля 1920 г., то есть с момента высадки японского десанта в районе Александровка, по 14 мая 1925 г. то есть до момента окончания вывода японских войск по пекинскому договору 1925 года, северный Сахалин был оккупирован Японией.

В результате победы над Японией в ходе второй мировой войны в состав Советского Союза была включена вся территория острова Сахалин (а также все Курильские острова).

Южно-Сахалинск основан в составе Российской Империи в 1882 году под названием Владимировка. После победы СССР и его союзников во второй мировой войне вместе со всем островом перешёл к СССР. Всех японцев с острова выселяют, и, кроме русских, здесь остаются лишь пленные корейцы, работавшие во время войны в японских лагерях. В советское время население Сахалина пополнилось мигрантами со всего СССР, но почти не изменилось по национальному составу. Корейцы составляют вторую по численности этническую группу (5% населения), а общее население Сахалина – около 500 тыс. человек (2010).

Как видно из этой справки, колонизация острова осуществлялась по-разному со стороны России и Японии (об этом, кстати, писал и Чехов в книге «Остров Сахалин»). Японцы, будучи пришельцами на этой земле, завезли туда пленных корейцев, как очень дешёвую рабочую силу, для освоения новых территорий. Так же делали англичане в Северной Америке, привезя туда рабов из Африки. А русские, придя на сахалинскую землю, как деревья, пустили в неё корни и соединились с ней. Так же они вели себя на других территориях, осваиваемых ими в Азии или на Кавказе. Вот поэтому один французский писатель и дипломат, наш друг Рене Канья сказал в одной из наших бесед, что «русские – самые лучшие в мире колонизаторы»...

С удивлением теперь понятным нам, мы видели на улицах Южно-Сахалинска много не только корейцев, но и киргизов, китайцев и других мигрантов, особенно, среди таксистов, продавцов, приехавших сюда, чтобы заработать деньги. Среди специалистов из европейских стран и американского континента на Сахалине немало работает в области нефте- и газодобычи, разработка месторождений которых активно ведётся там сейчас русскими и иностранными предприятиями. Часть из них потом уедет «на материк» в более комфортные климатические условия, а другие останутся навсегда, полюбив эту землю, как когда-то моя тётя, например. Судя по статистике, население Сахалина, постепенно и постоянно увеличивается.

После краеведческого музея мы продолжили нашу прогулку, направившись к совсем близко расположенному Воскресенскому собору. Хоть он построен и недавно, в 1995 году, но имеет черты древнерусской архитектуры. Очень красивый. В это время дня он был почти пустой, потому что служба уже закончилась, но мы встретили в нём дежурного священника, то есть постоянно находящегося в храме служителя, готового прийти на помощь или ответить на вопросы проходящих в храм людей. После ярких красок шумной улицы приятно было оказаться в глубокой наполненной тишине слабо освящённого храма, рассмотреть иконы, вспомнить своих близких и друзей, принести их в сосредоточенной молитве перед Богом...

Вернувшись домой, мы отдохнули немного, а вечером встретились с Людмилой, Олей и Димой в ресторане в Культурном Корейском Центре, чтобы отведать блюда корейской кухни. Маленький уютный ресторан, почти семейная обстановка. Правда, по неосторожности официантка дважды облила Ольгу: сначала – супом, а потом – чаем. Но Оля, как настоящая аристократка, даже и бровью не повела – как будто ничего не случилось.

Ещё один приятный вечер с нашей семьёй, закончившийся прогулкой в машине по вечернему Южно-Сахалинску, который нам показался ещё красивее в ночной иллюминации.

День шестой, 19 августа

Следующие два дня были выходными (суббота и воскресенье), так что ни Оля, ни Дима не работали, и мы провели эти дни вместе. Утром мы с Людой поехали на ярмарку: Вито очень нравится посещать рынки, базары. Он считает, что в таких местах, где люди покупают насуточно необходимые продукты, где они непосредственно общаются с производителями этих продуктов, они проявляют себя самым естественным образом. Так что в таких местах можно лучше понять и почувствовать и национальные характеры, и привычки, и культуру людей. У нас дома он тоже любит сам ходить на рынок и покупать продукты для нас. На этой ярмарке мы увидели много интересного и даже незнакомого для нас. Например, никогда мы не видели раньше столько свежих морепродуктов, разных видов рыбы, красной икры и особенно крабов, которых в таком количестве и по-разному приготовленных мы видели впервые. Вот когда понимаешь, что мы – на острове, а вокруг нас – океан, кишущий рыбой и всевозможными дарами моря. Но даже знакомые нам грибы выглядели иначе – мельче и не в таком изобилии, как в наших лесах средней полосы России. Хотя на острове огромные пространства заняты тайгой, в которой очень много грибов. Но наверное, их не разрешают продавать на рынках по соображениям безопасности в употреблении... Увидели мы новую для нас ягоду клоповник, похожую на жёлтую клюкву с очень своеобразным запахом (отсюда и такое название). В общем, мы очень интересно провели это субботнее утро.

А в середине дня мы все вместе поехали к Охотскому морю, которое является морем Тихого океана и отделяется от него полуостровом Камчатка, Курильскими островами и островом Хоккайдо. Омывает берега России и Японии, которые отде-

ляет друг от друга только пролив Лаперуза на расстоянии 43-х километров между о.Сахалин и о.Хоккайдо. В этой юго-восточной части Охотское море, практически, не замерзает, поэтому оно здесь достаточно прогревается, так что в нём можно и поплавать. Оно находится в 25 км от Южно-Сахалинска. Погода была хорошая в этот день – солнечная и тёплая, и на пляже мы увидели много отдыхающих, и взрослых, и детей. Но ещё на подъезде к пляжу, стояли столики продавцов, на которых лежали целые горы крабов. Для нас это была удивительная, неожиданная и незабываемая картина. Как у нас в центральной России на пляжах продаётся сушёная вобла, так и здесь продаются варёные крабы. Голова такого краба – величиной с большой арбуз, а к ней ещё и щупальцы сантиметром по 30, так что на столе может поместиться только несколько крабов. Продавалось два вида крабов – камчатский и королевский. Мы купили одного краба и тут же на пляже очистили его и съели. Для наших родных это было так обычно – есть краба (то же делали и другие люди вокруг нас), а для нас это – целое событие, и самое приятное в нём – то, что это было ОЧЕНЬ вкусно. Может быть, это было – самое вкусное и необычное из всех деликатесов, что мы ели на Сахалине. Между едой и разговорами незаметно прошло время. Дима даже успел поплавать в море. Никто из нас не составил ему компанию, хотя мы видели возле нас детей, которые смело вошли в воду и были очень довольны. Я решила только погулять немного по самому краешку морского берега. Можно сказать, что мы поздоровались и познакомились с Охотским морем. Оно – совсем другое, чем Тиренское море, на берегу которого мы живём. У него – другой цвет (больше серого, может быть, из-за облаков в этот день на небе?) и другой «характер», оно вызывает в душе больше почтения и серьёзного отношения, ждёт глубокой и преданной любви, которой, может быть, любит его Дмитрий...

Довольные, но немного уставшие, мы вернулись домой уже ближе к вечеру, и больше никуда не выходили, отдыхая до следующего утра.

День седьмой, 20 августа.

Этот день был, может быть, самым насыщенным событиями и впечатлениями.

После завтрака мы с Людмилой, Ольгой и Димой отправились в город Корсаков, в 30 километрах к юго-востоку от Южно-Сахалинска.

Историческая справка

«Корсаков – портовый город на берегу залива Анива, административный центр Корсаковского округа Сахалинской области. Население города – 33 213 чел. (2017). Корсаков является первым и самым старым из русских населённых пунктов Сахалина. 4 октября 1853 года русский мореплаватель Г.И.Невельский учредил военный сторожевой пост Муравьевский (назван в честь генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н.Муравьёва. Начальником был назначен майор Н.В.Буссе. Однако уже 30 мая 1854 года пост был эвакуирован в связи с началом Крымской войны. 31 июля 1869 года пост был воссоздан уже под иным названием – Корсаковский (в честь другого восточно-сибирского генерал-губернатора – М.С.Корсакова. С учреждением на острове каторги пост Корсаковский становится центром Корсаковского округа. 12 сентября 1890 года сюда прибыл Антон Чехов (и прожил здесь месяц), о чём написал в своей книге «Остров Сахалин».

В 1905 году территория южного Сахалина отошла к Японии и пост был переименован в Отомари. До октября 1908 года здесь находился административный центр губернаторства Карафуто (затем перенесён в посёлок Тохара). 16 августа 1945 года в Отомари высадился десант советской морской пехоты, и к вечеру гарнизон капитулировал. 5 июля 1946 года Отомари переименован в Корсаков, в честь

Михаила Семёновича Корсакова, и получает статус города. В настоящее время в городе много предприятий. В Корсакове нет безработицы. Есть корсаковский завод пива и напитков, завод по производству сжиженного природного газа (между прочим, первый в России), консервный завод, котельный и даже асфальтовый завод. Но большинство жителей ловит рыбу. Здесь находится база океанического рыболовства и рыбозаводы. Рыбу здесь ловят не только в промышленных масштабах. Ловля рыбы тут ещё и главное занятие местных жителей.»

Вот на завод по производству сжиженного газа, единственный в России, мы отправились в первую очередь. Это – новое современное предприятие на самом берегу моря со специально построенным причалом для отправки танкеров в разные части света. О нём интересно было говорить нашим инженерам – Вито и Диме, а мы смотрели на открывающиеся прекрасно-суровые виды Анивского залива, красиво изгибающего свои берега вокруг нас...

После этого мы поехали в город Корсаков и остановились на центральной, очень красивой площади почти круглой формы с фонтаном, цветочными клумбами, красивыми скамейками и...с памятником Ленину, анахронизмом ушедшей эпохи. На одной из сторон этой площади расположилось здание местной Администрации, на котором мы увидели большое панно «Дальневосточный гектар» с информацией о том, как можно бесплатно получить гектар земли в собственность на Дальнем Востоке. Этот проект действует уже второй год, а впервые эту идею высказал публично Владимир Мегрэ в своей первой книге из серии «Звенящие кедры России» – «Анастасия», вышедшей в свет в 1995 году. Это Анастасия, необыкновенная женщина, которую он встретил в тайге, поделилась с ним своей очень красивой мечтой о том, чтобы каждая семья могла обустроить свое родовое поместье на бесплатно полученном гектаре земли своей Родины. Разумно организовав посадку деревьев, и других растений на участке, каждая семья могла бы создать своё родовое гнездо для разных поколений своей семьи, обеспечивая её и необходимой продукцией, и создавая особое пространство любви, в котором можно чувствовать себя счастливыми на этой земле...Сейчас эта идея приобрела частично коммерческий оттенок, к сожалению, и совершенно с ней несовместима возможность продажи земли. И все-таки, когда думаешь о том, какой невероятной казалась эта мечта в 1995 году, и как всё изменилось на наших глазах (может быть, потому, что многие люди поверили в неё и стали создавать свои родовые поместья, не дожидаясь распоряжения властей?), это очень воодушевляет. Воплощаются идеи «таёжной мечтательницы»?...Пока Дмитрий и Ольга ходили купить «самые вкусные, необыкновенные» корсаковские пончики, мы втроём прогуливались по площади и беседовали. Поинтересовались у нашей сестры, что она думает об этом проекте. Но её семья хочет перебраться «на материк». Один её сын, Алексей, уже несколько лет живет в Санкт-Петербурге. Они все тоже хотят переехать в центральную Россию, когда её внук Саша закончит школу в этом году. У них – свой, тоже красивый проект. Попутного ветра!!

«Лучше всего можно увидеть Корсаков со смотровой площадки» – сказали нам вернувшиеся Дима с Олей. Туда мы и отправились все вместе. Действительно, с расположенной на высоком холме в восточной части города площадки у подножья небольшого маяка открывается потрясающий вид на город и корсаковский порт. Вы, как будто, летите над землёй, окидывая взглядом и маленькие домики внизу, и разбросанный в котловине залива город (как на ладони), и морской порт вдаль, и сияющую гладь моря, и всю бесконечность окружающего всё небесного свода... Подул порывистый холодный ветер, Оля достала термос с иван-чаем, и мы согрелись горячим, очень приятным чаем с изумительно-вкусными пончиками. Мы стояли на этой захватывающей дух высоте, не в силах оторваться от грандиоз-

но-прекрасного пейзажа, и я чувствовала, что нельзя не полюбить эту землю. И я понимала Дмитрия...

Когда мы летели на Сахалин, у нас не было никакого обязательного плана экскурсий, кроме желания посетить кладбище, где похоронены наши родственники, и посмотреть на дом, где прошло детство и юность моей сестры Людмилы и детство её дочери Ольги. Поэтому, возвращаясь из Корсакова, мы заехали на кладбище, которое как раз находится на пути из Корсакова в Южно-Сахалинск. На нём похоронены моя тётя Нина Ивановна Денисенко, умершая в 2008 году, мой двоюродный брат Владимир Николаевич Денисенко (умер в 2008) и муж моей сестры Людмилы Павел Павлович Менжинский (умер в 2012). С моей тётей и двоюродным братом мы виделись в последний раз, когда я была ещё ребёнком-подростком. А с Павлом Павловичем Менжинским мы никогда не встречались в жизни. И по прошествии стольких лет в этой нашей «встрече» была и благодарность жизни за эту возможность поклониться их праху, и светлая грусть, и умиротворение.

Посещение кладбища всегда настраивает на размышления о жизни и смерти, о чём-то самом важном. Вот и мой муж, проходя по дорожкам этого сахалинского кладбища, заметил, что оно отличается от кладбищ в центральной России: оно более открытое, не заросло огромными деревьями и кустарниками, как в лесу. Но так же, как и там, здесь можно увидеть соседствующие рядом могилы представителей разных народов, религий и культур. Всё перемешано и переплетено, как и в самой жизни. «В этом – универсальность русского духа, легко ассимилирующего и вмещающего в себя другие народы и культуры», – поделился он со мной своими размышлениями.

В соответствии с программой этого дня, наш следующий визит намечался по адресу: Свободный переулок, дом 8. Именно с этой улицы получали мы много лет письма, открытки и посылки от наших родных. Сколько раз я пыталась представить себе этот дом и улицу. И вот теперь мы оказались перед этим небольшим домиком, почти закрытым высоким забором, который поставили уже его новые хозяева. Нам очень хотелось войти во двор этого дома, но на наш стук никто не ответил. Зато мы хорошо рассмотрели и улицу, и соседние дома. Там жили, а в некоторых живут сейчас соседи, которых хорошо помнят Людмила и Ольга. Эта встреча с их родным домом пробудила в них много воспоминаний. Вместе с ними ходила Люда в школу, часто в этот дом приходила Оля к своей бабушке Нине. Они наперебой говорили об этих нахлынувших на них воспоминаниях, а мы только слышали: «А помнишь, как мы ходили в школу по этой дороге?» «А как за водой ходили?» «А помнишь?» «А помнишь?» Нам всем тоже передались чувства Людмилы и Ольги, чувства испытанного ими счастья, добрососедства, беззаботного веселья и радости их детства и юности. Рассказывая об очень снежных зимах, Люда говорила, что ночью иногда заносило дом так, что оставалась видна только труба, и приходилось немало поработать, чтобы выйти на улицу утром. Но трудно было это представить себе на улице, залитой солнечным светом, сплошь заросшей высокими розовыми цветами (кажется, они называются «дамские пальчики»). Рядом с высоким современными домами вокруг мы были там, как в колодце ушедшего времени, такого счастливого и драгоценного, ожившего для нас. Как хорошо, что мы приехали туда! Не хотелось уходить с этой заросшей травой и цветами улицы... Но пора было ехать дальше. Чтобы больше показать нам город, Ольга повезла нас по тем местам, где мы ещё не были и где они сами любят проводить время. Мы проехали мимо огромного парка «Санта» с асфальтированными дорожками для прогулок и со снарядами для занятий спортом, также с множеством ресторанов и кафе, где можно приятно провести время. Проехали мимо зоопарка...

День уже клонился к вечеру, и наши родные предложили нам поужинать в японском ресторане, расположенном на 10 этаже высотного здания с захватывающим дух панорамическим обзором расположенного внизу города. Этот ужин вечером стал «вишенкой на торте» в конце этого насыщенного глубокими впечатлениями дня. Уютный японский ресторан без громкой музыки с присущей ему особой эстетикой, изысканные японские блюда утончённого вкуса, красивая панорама города Южно-Сахалинска перед нашими глазами и неспешная приятная беседа о проведённом вместе дне, удовольствие от возможности быть рядом друг с другом.

Просто пиршество наслаждений зрительных, гастрономических и эмоциональных.

День восьмой, 21 августа

Нам с Вито нравится общественный транспорт, поэтому в этот день мы решили отказаться даже от такси. Автобусная остановка находится совсем недалеко от нашего дома, и мы с Людой прошли к ней, заглянув по пути в коммерческий центр «Столица», который, как все подобные места – везде одинаковые, даже порой надо сделать усилие, чтобы понять, где ты – в Москве, Париже или на Сахалине. Мы задержались там не надолго, купив бутылку «Бордо» (как в Париже, даже не надо туда ехать) и проследовали к своей остановке, где, сев в маршрутку, очень быстро доехали до площади Победы, на которой и находится Собор Рождества Христова, грандиозное сооружение в древнерусском стиле у подножия сопки, величественное и одновременно невесомое, как будто приподнятое над землей. Это – девяти-купольный храм: один купол золотистого цвета – в центре, четыре небесно-сине-звёздного цвета – по углам квадратного основания, и ещё четыре вдвое меньшего размера, золотистого цвета – между ними. Поставленный на высоком пьедестале, как зажжённая на подсвечнике и устремлённая к небу свеча, храм очень хорошо виден со всех сторон, приковывая взгляд своей красотой, стройностью и величием, не подавляя смотрящего своим масштабом и не загромождая окружающего пространства.

Информационная справка

«Самый большой на Дальнем Востоке православный Собор Рождества Христова построили в Южно-Сахалинске. Его высота около 70 метров. Площадь храма – 5,59 тысячи кв. м. Его смогут посещать одновременно более 1 тысячи прихожан.

Храм выдержан конструктивно в новгородском стиле, на трёх этажах галереи, где прихожане могут совершать молебны вместе со всеми.

По словам ключаря Воскресенского кафедрального собора, иерея Василия, когда ещё закладывали собор, возникла идея – собрать в нём всё самое лучшее в России, в христианском мире. Большие колокола по древним традициям отливались в Москве. Самый весомый называется «Сахалин». Поменьше колокола отливались в мастерских Воронежа и других городах. Везли их на Сахалин через всю Россию. В каждом городе демонстрировали колокольный звон.

Иерусалимские мастера сделали мозаики, соблюдая все христианские традиции. При этом учли, что они сейчас расположились на полукруглом своде. Её высота 14,5 метров – это самая большая наружная мозаика в мире. На ней изображён Спаситель. «Этот уникальный проект мы приняли по благословению Патриарха Кирилла», – сообщил отец Василий.

Основание облицовано гранитом, привезённым из Индии, наружные стены отделаны белым мрамором. По периметру храма расположены мозаичные тематические панно со сценами из жизни святых. Эти мозаики собирались в Москве.

Для храма изготовлен в Троице-Сергиевом посаде иконостас высотой 15,5 метров и шириной 18 метров. Внутренние иконы стали последней работой знаме-

нитого иконописца Александра Соколова. Стены подготовлены под роспись, их постепенно (согласно технологии, спешить здесь нельзя) будут выполнять в стиле московской школы специалисты пяти компаний. Предполагаемая площадь росписи – более 6,5 тысяч кв м. При этом обязательно будут соблюдены традиции художественной школы преподобных Андрея Рублева и Дионисия. Это древнерусские и новгородские традиции росписи, отличные от византийского стиля.

В храме очень большие витражи, каждое окно весит около 10 тонн. Они созданы и собраны в Москве по итальянской технологии и рассчитаны на века.

Художественные элементы изготавливали разные организации. К примеру, иконостас верхнего храма делали в Сергиевом Посаде, а нижнего – в Волгодонске».

Собор освящён Патриархом Кириллом 4 сентября 2016 года.

Мы зашли в него, поднявшись сначала по лестнице, а затем – в лифте, который доставил нас прямо во внутренние помещения Храма. Как с внешней стороны он производит впечатление торжественного величия, так и внутри Храма невольно задерживается дыхание от восхищения великолепием и огромностью этого пространства, пронизанного светом, льющимся через оконные витражи второго яруса, и от света множества свечей огромной люстры в центре Храма.

Внешний и внутренний свет, перемешиваясь, сияют на позолоте колоссального, во всю высоту храмового пространства, иконостаса, оживляя его и создавая непередаваемую словами симфонию совершенной красоты.

Войдя в Храм, где в это время закончилась основная служба, мы присоединились к маленькой зауспокойной службе, проводимой одним священником в углу Храма. Помянули наших близких, купили несколько икон в подарок и продолжили наш путь вдоль улицы Горького, удаляясь от Храма, но продолжая чувствовать его значительную доминанту во всём окружающем нас пространстве. Так мы дошли до дома Людмилы, который находится на этой же улице и пообедали вместе с ней в её красивой квартире с берёзами под окнами и с замечательным видом на сопки, утопающими в зелёном море лесов. А потом вернулись к себе отдохнуть.

Вечером мне захотелось ещё погулять по микрорайону, в котором мы жили, и я дошла до сквера с красивой ротондой, где расположились молодые люди с гитарой, которым было хорошо друг с другом в их особенной открывающейся им жизни юности.

...Умиротворение вечерней прогулки по Южно-Сахалинску...

День девятый, 22 августа

Это был наш последний перед отъездом день на Сахалине, и мы решили сделать то, что ещё нам не удалось – вместе с Вито посмотреть музей Чехова. «Музей Чехова» – так его называют для краткости. На самом деле, это музей книги А.П.Чехова «Остров Сахалин», которую он написал в результате своей поездки на Сахалин в 1890 году. Всё путешествие Чехова длилось с 21 апреля по 9 декабря: 3 месяца – туда через Сибирь, 3 месяца – на Сахалине (с 11 июля по 19 октября), и обратно (с 19 октября по 9 декабря) – морским путём вокруг Азии до порта Одесса, а затем поездом до Москвы. Книга Чехова, написанная в 1891–1893 годах в жанре «путевых записок». В основу книги легли как личные путевые впечатления Чехова, так и собранные им обширные статистические данные с цитатами из трудов путешественников, ботаников, зоологов, этнографов, криминалистов.

Рассказывая об этой книге, которая является наиболее полной «энциклопедией» о Сахалине XIX века, музей раскрывает начало истории края с основания казачьего царства России, показанной одним из великих писателей-классиков. Музей

был открыт в 1995 году. Он организован очень необычно и интересно. В нём как будто, оживают страницы книги Чехова. В нескольких залах воспроизведены сцены жизни и труда каторжан. В одном зале – камера каторжников, в которой можно увидеть и нары, и спящих на них обитателей её с прикованными к ним цепями тачками, другие орудия их труда. Множество рассказов из жизни каторжан, записанных Чеховым, можно прослушать и посмотреть в видеофильме, который озвучивается во время экскурсии. В другом зале реконструирована часть забоя в шахте, где добывался уголь, так что можно увидеть и почувствовать, как тяжёл был труд каторжан. Хочется поскорее покинуть этот тёмный, почти лишённый света зал, как будто воспроизводящий сцены ада.

Ещё в одном зале – приёмная местного врача, где он осматривает больных... Таким образом информация, представленная в книге Чехова, становится наглядной и живой.

Ещё один зал посвящён самой книге Чехова «Остров Сахалин», где представлена её самая большая и единственная в мире коллекция. Она переведена и издана в разных странах: Японии, США, Нидерландах, Польше, Италии, Франции, Финляндии, Китае, Испании. Нам тоже захотелось купить эту книгу на французском языке, чтобы и мой муж, и наши французские друзья могли её почитать. Но эта книга из коллекции не продавалась, и мы купили её на русском в киоске музея.

Нашим экскурсоводом в музее была очень милая и компетентная женщина Людмила Русинова, которая провела экскурсию для нашей маленькой группы, состоящей только из трёх человек: нашей Людмилы, моего мужа Вито и меня. Но она встретила нас, как самых дорогих гостей и рассказала нам о музее со всей щедростью своего таланта, информационной полнотой и вдохновением. Это была не только экскурсия, но и простое, живое общение. Она тоже оценила и юмор моего мужа, и его неожиданные познания в области ботаники: он узнал, что представленная в экспозиции ягода – черника, что как раз неудивительно, потому что она тоже растёт во Франции. Более удивительно, что он узнал инструмент сапожника – лапку. Дело в том, что его папа сам чинил обувь в своей семье, ведь жили они после только что закончившейся войны, и мой муж, тогда ещё ребёнок, видел это и запомнил... Впечатления от музея и прекрасной экскурсии вызвали у нас желание написать отзыв в книге посетителей этого красивого и содержательного музея.

Но общение с Чеховым не закончилось для нас: выйдя из музея, который находится в большом и красивом городском парке, мы увидели памятник Чехову, окружённый несколькими берёзками, а пройдя дальше по дорожкам парка, мы встретились и с разными персонажами его рассказов и повестей, вылитыми из металла. Они словно тоже гуляли по парку вместе с нами, и конечно, мой муж не приминул с одними поздороваться за руку, взять под ручку даму с собачкой и даже потереть носик у её пса (такая здесь возникла традиция).

Сахалинцы очень гордятся и ценят то, что на их земле побывал и описал её великий русский писатель. В этом же парке, например, находится в красивом псевдо-классическом стиле здание театрального центра имени А.П. Чехова. Так что можно сказать, что утро 22 августа 2017 года мы провели в компании А.П.Чехова и в воспоминаниях о нём.

А вечером мы встретились со всеми нашими родными – Людой, Ольгой, Димой и Сашей в красивом городском парке. Нам хотелось провести этот последний наш вечер на Сахалине вместе. Мы просто гуляли по дорожкам парка, любуясь красками заката, отражающимися в зеркальной глади водоёмов под сенью раскидистой кроны старых деревьев. Мы разговаривали о том, о чём ещё не успели поговорить, стараясь задать важные, ещё не спрошенные вопросы, хотя наши беседы были уже окрашены грустью разлуки, предстоящей нам завтра. На прощанье наши родные

в придачу ко всем их подаркам, подарили нам ещё много очень теплых и приятных слов. Наше расставание в этот раз было, как этот тёплый августовский вечер в закатных отсветах небосвода с первыми засиявшими на нём звездами, – нежно-грустно-ласковым.

День десятый, 23 августа

Наступил день нашего отъезда, и с утра мы собирали наши вещи – чемодан и рюкзак, содержание и объём которых значительно увеличились от множества сахалинских подарков и сувениров. Нас провожали, как и встречали, Люда и Оля, которая снова ушла с работы, чтобы отвезти нас в аэропорт. Перед зданием аэровокзала мы попрощались с Олей, и я не смогла удержаться, чтобы не сказать ей, как я счастлива, что встретила её. За это время, проведённое вместе, она стала для меня особенным человеком. Я не просто в первый раз в жизни встретила свою племянницу, но обрела родственную душу. Раньше я даже и не подозревала, что такое существует, и не мечтала об этом, думая, что это – просто формула речи. Вот какое счастье выпало мне!

А с Людой мы вместе пошли на регистрацию багажа, и потом она проводила нас до самого выхода на посадку в самолёт, который вылетел по расписанию в 15:10 (время Южно-Сахалинска) и после восьми часов полёта приземлился в аэропорту Внуково в 15:50 (Московское время). Нам подарили почти целые сутки. Это – ещё один подарок в нашем путешествии на Сахалин.

Москва встретила нас грозой и сильным дождем. После тихих, иногда чуть пасмурных дней на Сахалине это было, как бурные овации по случаю прекрасно исполненной программы путешествия на край света как торжественные фанфары Москвы, соскучившейся по двум «отважным» путешественникам. Из аэропорта мы вернулись в ту же самую гостиницу «Uninn», но на этот раз в номер-люкс, единственный свободный на этот день вместо обычного стандартного, который мы ошибочно забронировали на предыдущий день (разница во времени все-таки сыграла с нами злую шутку). Но мы остались очень довольны нашим жилищем: двухкомнатные апартаменты с балконом и очень красивой ванной комнатой. Так что наша встреча с Москвой была приятной и торжественной, и мы отметили её, расположившись на нашем балконе, открыв баночку сахалинского трубочка в горчичном соусе, присоединив к нему рюмочку водки «Пять озёр». А затем мы спустились в ресторан поужинать, и снова встретили там нашего знакомого мальчика Аполинария в компании со своим папой. Они ели гороховый суп, и мы заказали такой же для себя. А ещё – овощной салат. Поужинав, мы вернулись к себе и были вполне довольны, что сможем отдохнуть после восьмичасового перелёта, казавшегося нам теперь невероятным.

Утихший ненадолго дождь, снова забарабанил по крыше свою монотонную песню, которая целую ночь то убаюкивала нас, как колыбельная, тот пробуждала ото сна, ещё полного грезами о Сахалине.

День одиннадцатый, 24 августа

А на следующее утро снова выглянуло солнце и расцветило всё вокруг разноцветными, радостно – сияющими красками. Мы вышли в пригостиничный лесок, умытый ночным дождём, с ещё не высохшей блестящей листвой, чтобы поздороваться и снова попрощаться с нашими берёзками. Моя знакомая красавица уже, казалось, ждала меня, протягивая свои чуть колышущиеся тонкие ветви. Мне хотелось рассказать ей о нашем счастье, о том, каким благословенным было наше путешествие, но вместо этого я...запела для неё льющуюся из моего сердца песню:

Овсянникова Л., Шаинский В.

Берёза – белая подруга

*Весенних зорь, прозрачных рек,
Скажи, скажи какая вьюга,
Скажи, скажи какая вьюга
Тебе оставила свой снег.*

*Ветвями тянешься за мною,
На плечи руки мне кладёшь
И шелестящею листвою,
И шелестящею листвою
Без слов, без музыки поёшь.*

*О чём поёшь, моя берёза,
Качаясь тихо, как во сне,
И почему, не знаю, слёзы,
И почему, не знаю, слёзы
Приходят светлые ко мне.*

Эти тёплые светлые слёзы наполнили мои глаза и соединились с лёгкими прозрачными каплями, упавшими с зелёных, склонившихся надо мной берёзовых ветвей.

В 11 часов за нами приехал наш водитель Александр, и уже через несколько часов мы были дома, который казался нам другим, изменившимся, как и мы сами, наполненные новым драгоценным знанием о жизни, о нашей прекрасной Земле. Мы знали теперь, что Сахалин находится не на краю света. Он – очень близко, в наших сердцах.

30 декабря 2017 года
г. Сан-Вито, Сардиния (Италия)

*Стихи Мориса Метерлинка,
перевод Леонарда Золотарёва*

ТРИ КОРОНЫ

*Имея три короны золотые,
Она бы королевою была,
Но все, но все сама их отдала.
Одну – отцу и матери своей.
Сама оделась в сети золотые
И до весны в сетях своих была.
Любовь – второй короной одарила
И в серебро влюблённых заключила,
И те ходили с осени под ней.
А третью из корон надела на детей,
За что её в железа заковали
И зиму в тех оковах продержали.
И всё равно была она легендой не впервые,
Любимой королевой красоты,
Имея три короны золотые.*

АВСТРИЙСКАЯ СКАЗКА

«Мы побывали в настоящей сказке», – сказал перед отъездом из Австрии мэр города Малоархангельска Александр Трунов своему коллеге из города Кирхшлага Йозефу Фрайлеру, который пригласил А.Трунова с ответным визитом в рамках развития дружеского партнёрства между двумя городами.

Этот проект стартовал ещё два года назад по инициативе живущей в Кирхшлагге Ольги Александровны. Рождённая в Москве, она провела своё детство в Глазуновском Лесхозе, неподалёку от г.Малоархангельска, где её дедушка работал лесничим, и в котором он построил дом. И вот поселившись пару лет назад в австрийском городке Кирхшлагге, она сразу увидела много сходства между этими городами. Поговорив с мэром Кирхшлага и заручившись его поддержкой она приступила к осуществлению задуманного проекта. Сначала познакомила мэров через интернет, и они стали обмениваться письмами. Потом заинтересовала партнёрским проектом местную прессу, и в районном «Вестнике» были опубликованы три статьи о развитии дружбы между городами, в которых О.Александрова рассказала жителям Кирхшлага о маленьком русском городке на Орловщине, о котором до сих пор в Австрии никто никогда не слышал. Два года назад она побывала в Малоархангельске с одним представителем австрийского городка – управляющим старинной крепостью, главной достопримечательностью Кирхшлага – Йозефом Вольнхофером. Так был построен первый мостик между городами. Год назад Малоархангельск посетил и сам мэр г.Кирхшлага – Йозеф Фрайлер с супругой. Гости были приглашены на празднование Дня Города. После тёплого приёма на русской земле последовало ответное приглашение мэру Малоархангельска Александру Трунову – посетить Кирхшлаг летом этого года.

И вот он с женой и дочерью приехал в Австрию. Надо сказать, что все они в первый раз попали за пределы России. И поэтому впечатления были особенно сильными. Начался визит русских гостей с посещения Вены – столицы Австрии. Несмотря на 30-тиградусную жару гости смогли за два дня познакомиться с историческим центром города, посетить известный дворец Шёнбрун, совершить автобусную экскурсию по городу, возложить цветы к памятнику русскому солдату на площади Героев. Приятно было сознавать, что по многим этим маршрутам всего две недели назад прошёл и наш президент Владимир Путин, посетивший Вену с официальным визитом.

Последующие три дня русская делегация провела в Кирхшлагге и его окрестностях, называемых Землёй 1000 холмов из-за своего холмистого рельефа. После посещения мэрии Кирхшлага и нескольких предприятий коммунального хозяйства города, для русских гостей была организована встреча вопросов и ответов в местной общеобразовательной школе. Вопросы к русскому мэру были очень разными – и об организации учебного процесса, изучаемых предметах, зарплатах учителей, школьном питании и величине каникул. Некоторые из вопросов касались известных на Западе из прессы клише о России. «Правда ли, что в Вашей стране все пьют водку в больших количествах?», – спросил один мальчик. Или «Какое мнение имеют русские об Австрии и австрийцах?», – спросил другой. Вопросов было много. И это показало, как мало в действительности знают местные жители о нашей стране и какое порой искажённое и предвзятое мнение о нас и нашей жизни предлагают людям здешние газеты и телевидение.

Нужно сказать, что маленькая делегация русских везде в городе вызывала большой интерес, и все встречали гостей очень дружелюбно и гостеприимно. Кроме всего прочего они посетили две большие сельскохозяйственные фермы. В одной их угостили производимыми там разнообразными фруктовыми соками, в другой, животноводческой – свежим парным молоком с вкусным, только что испечённым виш-

нёвым пирогом. А на концерте одной местной знаменитости специально для русских гостей была исполнена песня «Подмосковные вечера», и конечно же по-русски.

Вообще все пять дней визита были просто до краёв наполнены встречами, экскурсиями и самыми чудесными впечатлениями. Поэтому мэр Малоархангельска Александр Трунов и назвал при прощании свою поездку «волшебной сказкой»! Русские гости покидали Австрию с самыми добрыми чувствами и надеждой на то, что партнёрские связи между Малоархангельском и Кирхшлагом будут крепнуть и развиваться, а также с уверенностью в том, что нам можно и нужно очень многому друг у друга поучиться, обмениваться накопленным опытом, а главное – просто друг с другом дружить.

АЛЕКСАНДР ТРУНОВ,
Глава г. Малоархангельска

ПЯТЬ ДНЕЙ В АВСТРИИ

В сентябре 2017 года наш небольшой российский город Малоархангельск посетила делегация из такого же небольшого австрийского города Кирхшлага во главе с бургомистром Йозефом Фрайлером. Так же в составе делегации находились управляющий старинной крепости города Кирхшлага Йозеф Волленхофер, фотокорреспондент Эрика Лехнер и Ольга Александрова, переводчица делегации и инициатор идеи городов-побратимов – уроженка г. Москвы, имеющая родственную связь с г. Малоархангельском по линии дедушки, который жил в нашем городе. Именно ей несколько лет назад пришла мысль найти для милого её сердцу русского городка «Маленького Архангела» похожий город-партнёр в Европе. И вот наконец эта идея смогла осуществиться.

Следует отметить, что дружеские связи между нашими городами, сначала по переписке, начались два года назад при помощи и посредничестве Ольги Александровой. А в сентябре 2017 года представительная делегация из г. Кирхшлага смогла уже лично познакомиться с достопримечательностями г. Малоархангельска и Малоархангельского района, а также с отдельными объектами Колпнянского района и города Орла. Австрийские гости с большим интересом знакомились с национальной русской культурой, бытом, особенностями жизни россиян не только в больших городах, таких как Москва, Орёл, но и в российской глубинке и в малых русских городах. В программу пребывания австрийской делегации было включено знакомство с объектами учреждений культуры, образования, встреча с писателем-земляком Золотарёвым Л.М., участие в праздновании Дня города, посещение музея Боевой Славы, природной зоны отдыха с искусственным водоёмом, Андреевского святого источника и местной церкви Михаила Архангела.

Четыре дня визита, по отзыву австрийских гостей, были насыщенными, интересными и познавательными. А самое главное они встретили в России миролюбивых, доброжелательных, гостеприимных людей. Уезжая из Малоархангельска бургомистр Йозеф Фрайлер выразил тёплые слова благодарности за радушный приём главе русского города и пригласил его летом 2018 года с ответным визитом посетить австрийский город Кирхшлаг с целью дальнейшего развития дружеских отношений между нашими городами.

Зимний период дружеской переписки при непосредственном активном участии и помощи Александровой О.Е. пролетел быстро и незаметно. И вот начался

ответный визит в Австрию, который состоялся с 20-го по 25-ое июня 2018 года. Это были незабываемые пять дней. Знакомство с другой страной всегда интересно, а познакомиться с Австрией нам было вдвойне интересно.

Первые два дня были посвящены столице г. Вене и насыщены интересными экскурсиями по императорскому дворцу Шёнбрун, по историческому и культурному центру города, по благоустроенным паркам отдыха. Вена – музыкальная столица, родина знаменитых композиторов Иоганна Штрауса, Вольфганга Моцарта, Иосифа Гайдна, Людвига ван Бетховена. Автобусная экскурсия по городу позволила нашей делегации познакомиться с новостройками и окраинами Вены, увидеть красивейшие архитектурные здания и памятники, водную артерию города – реку Дунай. Всё описать просто невозможно, Вену надо хотя бы один раз увидеть. Не зря по опубликованному в августе 2018 года рейтингу по результатам опросов, на первом месте в мире среди городов с лучшими комфортными условиями для проживания признан город Вена.

Все последующие дни были посвящены знакомству с небольшим городом Кирхшлаг, который расположен среди холмов в 95 км южнее г. Вены. Кирхшлаг сразу же поразил своей красивой природой. Сочетание лесов, лугов, полей среди холмов и красивых ухоженных строений в лощинах между горами и холмами создают впечатление уютного райского уголка или курортного местечка. Даже воздух поразил своей чистотой и лёгкостью. В городе нет промышленных предприятий с вредными выбросами. О солидном возрасте Кирхшлага напоминает старинная крепость XII века, которая возвышается на одном из лесистых холмов. Она видна издали при въезде в город днём, а также красиво смотрится за счёт подсветки в ночное время. В городе в основном одноэтажная застройка, все здания ухоженные, с красивым архитектурным дизайном и с благоустроенными дворами и садами, украшенными декоративным кустарником и цветами. Обращает на себя внимание отличительная особенность – как в Вене, так и в Кирхшлагe встречается очень много разновидностей роз. Практически всё население Кирхшлага занимается выращиванием роз, принимает активное участие в ежегодных цветочных смотрах-конкурсах, организованных мэрией, где по итогам смотра-конкурса выбирается королева роз города Кирхшлага. Вся территория старинной местной церкви также в летний период красуется и благоухает розами.

В Кирхшлагe находится большой и красивый (на 800 мест) театр, где проходят все культурные мероприятия, концерты и спектакли, в том числе один раз в пять лет – знаменитые театрализованные массовые представления «Страсти по Христу» (или «Жизнь, страдания и смерть Иисуса Христа»), на которые съезжаются зрители из многих окрестных городов и деревень. Во время нашего пребывания в Кирхшлагe нам удалось побывать на одном из концертов в этом театре, где мы были приятно удивлены, когда услышали исполненную на русском языке песню «Подмосковные вечера», специально подготовленную для русской делегации.

В программу знакомства с г. Кирхшлагом было также включено посещение сельскохозяйственных кооперативов. Так, например, мы побывали на семейной ферме крупного рогатого скота с высоким уровнем организации производства молока и мяса, где находится около 100 голов, в том числе 36 коров. Каждая корова за год даёт до 9500 литров молока. И работают на этой ферме всего два человека, муж и жена. Другой сельскохозяйственный кооператив специализируется на производстве фруктовых соков и вин, где также высокий уровень организации производства, хранения и контроля качества выпускаемой продукции. Вся местная продукция активно и успешно реализуется не только в своём городе, но и в других районах и городах Австрии.

В ходе поездки мы смогли познакомиться с соседним курортным городом Бад-Шёнау, где для лечебно-оздоровительных целей используется целебная минераль-

ная вода из подземной скважины, пробуренной на глубину 435 метров. Здесь созданы все необходимые условия для лечения многих заболеваний и укрепления здоровья.

В другом соседнем городе Бернштайне нам удалось посетить рудник по добыче минералов и познакомиться с технологией их обработки, а также с технологией обработки янтаря. В этом же городе мы побывали в сохранившемся до наших дней старинном замке, который возвышается на высоком холме и с которого виден внизу весь город и вся округа. Проходя по залам и коридорам замка, невольно представляешь себе жизнь обитателей тех далёких рыцарских времён.

В ходе посещения г. Кирхшлага мы побывали и с интересом познакомились с объектами образования: с детским садом и общеобразовательной школой. В школе удалось пообщаться с учителями и школьниками, которые задавали много вопросов о России, интересовались условиями обучения у нас. Атмосфера встречи была очень доброжелательная. Можно сделать вывод по итогам этой встречи, что учащиеся, российские и австрийские, очень похожи между собой и интересы у них тоже похожие. Хочется надеяться, что в дальнейшем между нашими школами завяжется переписка и будут развиваться дружеские связи.

При знакомстве с г. Кирхшлагом я как глава города внимательно изучал работу коммунальных служб по обеспечению населения питьевой водой, контролем за её качеством, водоотведением, сбором и удалением твёрдых бытовых отходов, организацией теплоснабжения. По этим направлениям нам есть что перенять у австрийцев с целью внедрения у себя.

Мы покидали Австрию с чувствами, оставившими у нас неизгладимые впечатления об этом визите, я много почерпнул для себя нового, готов продолжать и развивать дружеские отношения между нашими городами – Малоархангельском и Кирхшлагом. И, конечно же, очень благодарен всем организаторам этого визита: бургомистру города Кирхшлага Йозефу Фрайлеру, переводчице Ольге Евгеньевне Александровой, управляющему старинной крепости города Кирхшлага Йозефу Волленхоферу и фотокорреспонденту Эрике Лехнер.

Поэзия

ВИКТОР САДОВСКИЙ

ПРУД САВИНОЙ Поэма

Вместо пролога

Экскурсоводу.

*Я поклонился дубу гения,
я слушал голос Ваш прелестный:
Вы были вся в плену Тургенева,
ему слагающая песню.
Вы вспоминали были-небыли,
витали в мире нереальном.
Меня в том мире точно не было.
Ни в брэнном теле, ни в астральном.*

Но я мечтал в тени имения:
ночь.
Дом большой, закрытый ставнями,
где я – не я: Иван Тургенев я,
а Вы – мой гость: Мария Савина.

I. Купальская ночь

Июльская ночь
жемчуга разбросала,
дохнув ароматами трав луговых.
Хозяин гостей приглашает из залы
под звёздный шатёр,
да не выманишь их:
кто занят пасьянсом,
кто полкою книжной.
Кто пешку мечтает увидеть ферзём...
Навязывать гостю прогулку -
излишне,
Тургенев и Савина вышли вдвоём.
В зените луна.
Серебристые стрелы
на травах в лугах зажигают росу.
Усадебный дом
словно выбелен мелом.
Не часто увидишь такую красу.
Бог мой!
Что за чудная музыка это -
симфония летних ночных голосов!
Творец,
несомненно, быть должен поэтом,
наш Мир созидая из музыки слов.
И первое слово, что было вначале,
зерно,
из которого жизнь проросла,
звучало надеждой,
как песня, звучало,
которая к свету из мрака вела.
Мелодию жизни из каждой былинки
любовь извлекает
волшебным смычком.
Звенят в тишине *pizzicato*¹-росинки,
в траве рассыпаясь кристальным дождём.
В разлапистом ельнике филин заухал.
Завыли собаки в крестьянских дворах.
Храп барских коней долетает до слуха.
Неволью в душе зарождается страх.

1) *Пиццикато* (итал.) – муз. термин для обозначения
игры на струнах щипком.(В.С.).

2.

Они идут по липовой аллее –
как будто неземные существа.
Огромная колышется над нею
Его, как лунь седая, голова.
Рука – в руке:
в ладонице – ладошка.
Два взгляда: сверху вниз и снизу вверх.
И покрывает Спасские дорожки
густой туман, как первый чистый снег.
Они наивно мысли направляют
на заурядный светский разговор.
Но их сердца вдруг крылья обретают
и словно птицы рвутся на простор.
В Эдемский сад идут Адам и Ева,
где сладкий плод на яблоне висит
и хитрый змий,
обвивший ветку древа,
уже крамолу нежную шипит.
Кто переступит первым
грань запрета
и яблока отважится вкусить?
Известен всем сюжет ветхозаветный,
но мы не будем время торопить.
Есть впереди две тёмных томных ночи,
два светлых дня,
две вечности у них.
И ничего плохого не пророчит
угрюмый филин в зарослях густых.
Они плывут по липовой аллее.
Течёт по небу звёздная река.
И мир вокруг становится добрее,
их светлых души коснувшийся слегка.

3.

– Мария Г авриловна, ангел вы мой,
от Вас ничего мне, по сути, не надо.
Вы – капелька масла, чтоб жизни лампада
горела ещё над моей головой.
Я близок к закату, морщинист и сед,
но Вы оживили забытые чувства.
И в сердце остывшем, где было так пусто,
Волнуется кровь, как в мои двадцать лет.
Нет-нет, не подумайте!
Я не о том,
чем можно обидеть ранимую душу:
мне только бы видеть Вас,
только бы слушать,
хмелеть, упиваясь общенья вином.
Мария Г авриловна,
милый мой друг,

давайте-ка,
спустимся
тропочкой к пруду.
Я Вам подарю это Спасское чудо,
его называть Вашим именем буду
и помнить тепло этих женственных рук.
– Спасибо,
добрейший Вы мой великан!
Я, право, не стою подарка такого.... –
И под руку взяв человека большого,
Она увлекла его в белый туман.

4.

Его вдруг горячей волной окатило.
Он силился сдерживать натиск волны,
но лодку швыряло
и вдаль уносило,
и чувства их были как ветер вольны.
– Мария Гавриловна, ...
Машенька,
Маша.. –
Она приложила свой палец к губам:
– Молчите!
Сегодня – русалка я Ваша.
Купальская ночь
предназначена нам.
Входите в мой пруд,
будем славить Природу.
Зарю, как язычники, встретим вдвоём... –
Луна белой птицей
спустилась на воду,
их тени накрыл серебристым крылом.

II. «... только любовью...»

В селе проснулись петухи.
За окнами светает,
а Мастер дивные стихи,
раскрыв тетрадь, читает.
Из тайников его души
слова в молитвенной тиши
плывут, подобно грёзам:
«... как хороши, как хороши,
как свежи были розы!..».
«Деревня», «Воробей»,
«Христос». –
венки шипов и нежных роз..
чарующие звуки!
Она, сдержать не в силах слёз,
протягивает руки:
– Иван Сергеевич,

Вы – Бог!
Вы, несомненно, гений,
шагнувший мыслью за порог
высоких откровений.
Для Вас доступна глубина
пророческого слова.
И жизнь и смерть – судьба одна!
Любовь меж ними вплетена,
она – всему основа.
Смерть нити крепкие снуёт
и расставляет сети;
любовь к спасению ведёт,
она сильнее смерти.
– Да, только ею, милый друг,
любовью, только ею,
приводится в движенье круг,
в котором речка есть и луг,
деревня, где поёт петух,
где я без Вас старею. –
Тургенев отложил тетрадь
и взяв актрисы руку,
своих волос пригладил прядь.
Она в ответ – ни звука!
Прижалась вспыхнувшей щекой
к его груди широкой.
И ...всё заполнила собой,
как заполняют пруд весной
живой воды потоки.

III. Зыбкие грани

1.

Мысли – как осы.
Жалят – так остро!
Каждая в сердце –
жгучая боль!
Наземь повалены
в молодость вёрсты.
Разница в возрасте – едкая соль!
«Боже,
зачем же ты стёр эти грани,
что не давали приблизиться мне
к плоду запретному, даже в тумане,
даже в сладчайшем предутреннем сне?
Бедное сердце рвётся на части.
Ради минуты безмерного счастья
бросился в этот манящий огонь.
Впрочем,
зачем я противлюсь природе?!
Годы как вёрсты, но дело не в них.
Просто, скажи себе: «я старомоден,

*дружба мужчины и женщины – миф!»
Чувство любви нам даруется свыше.
Значит, не вправе я сердце казнить,
если под этой цветущей вишней
корню усталому
хочется жить....*

2.

*В комнате Савиной окна зашторены.
Запах духов ароматных висит.
Руки и волосы – в разные стороны.
Гостья с блаженной улыбкою спит.
Душу её не терзают сомнения.
Что наша жизнь? –
пролетающий миг.
Словно «богиня» ваятеля гения,
спит, отдыхая от дел неземных.
Нежные щёки румянцем украшены.
Дышит, вздымаясь, белая грудь...
Спасские ночи, легендою ставшие,
им никогда уже вас не вернуть.*

3.

*Холодное утро туманное.
Туманный ответ на вопрос.
Разлука «сулыбкою странною»,
без нежных объятий и слёз.
В потухших глазах – равнодушие...
Свистит паровозный гудок.
И от поцелуя воздушного
холодный струится дымок..
Уехала, славой увенчана.
Оставила на сердце боль,
сыграв в мелодраме
«Тургенев и женщины»
свою гениальную роль.*

Вместо эпилога

*В старинный парк, волнуясь, захожу.
Кричат грачи над самой головой.
И от ограды шустрый майский жук
ведёт меня по тропке за собою.
В густой тени деревьев вековых
стоят снопы полуденного солнца.
И бабочки сверкают среди них,
и редких паутинок волоконца.
А как свежо!
Ведь в кои веки я
дышу так вольно, чисто и пьяняще
и упиваюсь трелью соловья,*

*что ручейком звенит в зелёной чаще.
Я ухожу от пруда не спеша.
Ещё дымится влажная тропинка.
И кажется: очистилась душа,
как под дождём зелёная травинка.*

ИРИНА СЕМЁНОВА

ЕРМОЛОВ

Поэма

27 июля 2012 года в Орле был открыт памятник герою Отечественной войны 1812 года генералу Ермолову, работы московского скульптора Равиля Юсупова. Спустя два с небольшим месяца реставраторами было обнаружено, что могила героя, расположенная под стеной орловской Троицкой церкви, разорена и пуста.

*Il cavaliere di bronzo dritto sul cavallo caipesta il nemico
(Медный всадник верхом на коне топчет врага) (ит.)*

*«Я приказал вынести из города образ
Смоленской Божией Матери, укрывая
его от бесчинств и поругания святыни.
Отслужен молебен, который произвёл
на войско полезное действие...»*

А.П. Ермолов «Записки о войне 1812 года»

«Смирись, Кавказ, идет Ермолов!»

А.С. Пушкин «Кавказский пленник»

* * *

*Когда качает голый сад
Листвы увядшие подвески,
И тонким золотом закат,
Светясь, выкладывает фрески,
И незаметно темнота
Встаёт, как бы со дна морского
Уже не видится с моста
Ажурный памятник Лескова.
Лишь там, где прячет перманент
Следы снесённого квартала,
Парит высокий монумент,
Как Марс, рожденный из металла.
Не рабский слепок с Фальконе,
Не призрак питерского бледный,
А, с некой тайной в глубине,
В седле застывший всадник медный!
Ермолов! Что ему война!
Он дух имел, как твердь алмаза,*

*Отважный лев Бородина,
Наместник дерзкого Кавказа.
Он римлянами был пленён,
И, заменяя трон грузинский,
Стал для метущихся племён
Примером стойкости латинской.
Как подавляет исполин
Размеров камерных приличье,
Чтоб вспомнил каждый гражданин
Страны державное величье.*

* * *

*Чуть приоткрыв Европы дверь,
Где бьёт искусство из фонтанов,
У нас на улицах теперь
Глумливых ставят истуканов.
Но благо было бы смешно,
А то «шедевр» окинешь взглядом,
В глазах становится темно.
Как будто их промыли ядом.
Кому не знать, как тяжек том
Литературицины бульварной,
Но тяжелей металлолом
Карикатуры тротуарной.
Его не сдвинуть никуда,
Лишив квартал цветущей липы.
Он одурачил города,
Обезобразив прототипы.
Ненужность конусов и призм
Сменили гномом inferнальным,
И шутовской дилетантизм
Зовут искусством актуальным.*

* * *

*Простой церквей антаблемент
Особым кажется ночами,
Пока течет на монумент
Луна холодными лучами.
Герой, сакральная ли месть,
Что из родов струится в роды?
Но чтили мощь твою и честь
Страны полуденной народы.
К твоей харизме боевой
Заметив зависть Николая,
Я полюбила образ твой,
Как Пушкин полюбил Барклая.
И, всё ж, от смуты зимних дней
Твоя душа и руки чисты,
Пусть струны гордости твоей
Задеть успели декабристы.
Но есть дворцовая среда,*

Что Грибоедова убила!
За что, Ермолов, и когда
Разорена твоя могила?
Молчат и Терек и Дарьял.
Ответь мне, в чём же мы не правы,
Что и посмертно, генерал,
Нам не прощают русской славы?
То полумесяцем ислам,
То крест мальтийский тускло блещет,
Герой, Россию дьявол сам
И ненавидит и трепещет!

* * *

Луна уходит в облака,
Но, чуть звеня, дрожат копыта,
И всадник лошадь бьёт в бока,
Уздечку дёргая сердито.
И сотрясая монолит,
Толкая цоколь неудобный,
Сорвавшись с места, конь летит.
Стреле отпущенной подобный.
Кубанский тополь, дуб, самшит
Его касаются коленей,
Но грозен всадник – он спешит
Поля осматривать сражений.
И лишь на гребне, где не раз
Взирал на горные селенья,
Он осадил коня, Кавказ
Накрыв своей огромной тенью.
Что видит он?
Глаза князей,
Огнём сверкающие лото?
Иль диких жён и сыновей
В часы короткого уюта?
Обрывы, крепость, перевал,
С цепями войск перемещённых,
Иль города, что основал,
Иль как мечети открывал
Среди аулов разорённых?
Иль то, как бился атаман
За населённые станицы,
Иль путь в английский Тегеран
С турецкой пройденный границы?
Или оставленную дочь,
Свечу и локоны младенца,
Иль образ, обращённый в ночь
Вооружённого чеченца?

* * *

Смешно! Тщеславыю славы нет!
Толпа ж и гения освищует,

Серьёзно мыслящий поэт
Пустой известности не ищет.
Уже не жаль ему едва
В скорбях на вечное закланье
С небес пришедшие слова
Толпе отдать на поруганье.
Он знает, недругов дразня,
Как много их, вторых и третьих,
Но далеки его друзья,
В других столицах и столетьях.
Есть благородство, как металл,
Лишь зеленеющий с веками.
Тщеславию снится пьедестал,
Поэт же попросту устал
Смотреть на рыльца с пятачками.

* * *

Прощай, Кавказская гряда!
Узреть лицо Буонапарта
В Амштеттен, в прошлое, туда,
Где войск союзных бита карта.
Дороги, скрипы колесниц,
Орудий рёв,
Столпотвореньем
В огне встаёт Аустерлиц
С неотвратимым пораженьем.
В трясилах тишь его болот
И ложь озёрных отражений.
Навеки в них остался тот,
Кто шёл путями отступлений.
Назад, на Клязьму, в тишину!
Вернуть похищенную славу,
Минуя Неман и Двину,
Тильзит и новую Варшаву.
Минуя город на пути -
Тяжёлый Кремль и храм Успенский,
Где образ приказал спасти
Он Одигитрии Смоленской.
Знакомый всем по образкам,
Хранит он таинство минуты,
Когда был вынесен к войскам
На Бородинские редуты.
Чтоб войска русского поток
К нему с надеждой устремился,
И даже автор этих строк
Спустя столетья, приложился.

* * *

Поэт, в стране твоей развал,
А ты к волненьям безучастен,
Ты, может, не подозревал,

*Что к русской вечности причастен?
Шаги истории слышны
Почти за каждым поворотом,
Ищи мгновенье тишины...
А вы-то чем оглушены.
Боясь назваться патриотом?*

* * *

*Пространство дышит – вот оно!
Покрыто вьюжными волнами,
В ночных снегах Бородино
Под монастырскими стенами.
Он думал: «Дикая страна!
Я разорву её на части!»
Но до сих пор Березина
Французу памятна в напасти.
Наполеон, твои мечты
Давно развеяны молвою,
Всё то, что недогрел ты,
Ушло в молчанье мировое.
Лишь здесь, над полем, дотемна,
Витают имя корсиканца,
Вплетаясь в смех Бородина
Над сбитой спесью иностранца.*

* * *

*Кто силуэты сквозь пургу
Проносит всадников летящих,
Как будто заново врагу,
Давно поверженному мстящих?
Чтобы пропав на полпути.
Они в метели скрылись грозной
И развернулось впереди
Виденье битвы грандиозной.*

* * *

*Штыки, шрапнели, взрыв ядра,
Картечи свист над киверами...
И где-то слышится: «Ура-а-а...»
Но тихо, словно за горами.
Траншей минуя череду,
Обнять Раевского скорее
Спешит Ермолов на ходу
Врага сметая с батареи.
Отважный Марс, как бьёшься ты!
Недаром с римлянами дружен,
Но, уносимый с высоты,
Ты без сознания, ты контужен.
Конём понурым принесён
Кутайсов, и на возвышеньях
В траве лежит Багратион,*

*И войско армии в смятенъе.
Скорей же, Платов!
Бой таков,
Что русским в праведность вменится.
Ура, Давыдов! Фланг, Тучков!
Как оборона, Коновницын?
Бьёт артиллерии прибой,
Целуй же, братец, крест наперстный.
Кто Бородинский видел бой,
Тот видел въяве ад разверстый.
Но, предрешив исход борьбы,
Москвы предвидя пепелище,
На бой в цветной глазок трубы
Светлейший смотрит Голенищев.
Плывут в медлительном дыму
Позиций наших укрепленья
И всё понятней, почему
Уже не будет пораженья.
Там всё легчает на весах
Противник с гаснущим напором,
И Божья Матерь в небесах
Стоит, сияя омофором.*

* * *

*Что, неприятель, не смешно?
Пусть не отбить назад люфета,
Ты получил Бородино?
Нам жертва славная оно,
Тебе лишь Пиррова победа.*

* * *

*Мой всадник, стоит натянуть
Уздечку и близки планеты;
Созвездья, освещающая путь,
Тебе легли на эполеты.
А ночи осени темны,
Не разглядеть и речки узкой,
Но там, во льдах Березины,
Величье армии французской.
Топча промёрзшую траву,
И утопая в снежной жиже,
Пусть недруг тащится в Литву -
Мы будем гнать их до Парижа.
А конь?
Арабский, боевой,
Поджарый, чуткий, как виола,
Врага подарок роковой
Владельцу русского престола.
Пусть он и дерзок и бесстыж,
Смахнув пушинку с бакенбарда,
Царь Александр войдёт в Париж*

На скакуне Буонапарта.
Ермолов, Франция, Версаль!
Но, вспомнив русские окопы,
Он, приподняв её вуаль,
– Мадам, – сказал, – мне очень жаль!
И отвернулся от Европы.

* * *

Именье!
Нужен глаз да глаз.
Сюда, сквозь рощи и опушки,
Свернув с дороги, как-то раз
Примчался лучезарный Пушкин.
Даря то саблю, то кинжал,
А, может быть, портрет овальный,
Летя с Кавказа, наезжал
Поручик Лермонтов опальный.
Потом, накинув епанчу,
Вдыхая запахи полыни,
Скучал хозяин, жёг свечу,
Стихи переводя с латыни.
Зачем не предал он перу
Широколобых Альп вершины,
Варшавский бой, где на ветру
Дрожат Суворова седины?
Он помнил с грустных именин,
Среди осеннего ненастья,
К нему бегущую Надин -
Его утерянное счастье.
Что человек? Он лишь родник
Порою чист, порою в тине,
Но тем он, может, и велик,
Что бережёт свои святыни.
Гадают – ветвь ли он корней
Монголов, въехавших из ханства?
Чем скрасить, Господу видней,
Породу русского дворянства.
Пусть что-то в древе родовом
Творится странное порою,
Фамильный герб с могучим львом
Не зря так нравился герою.

* * *

Под инеем витиеват
Узор ветвей, а холод круче,
Но убывающий закат
Внезапно вспыхнул из-за тучи.
И, словно огненной зари.
Коснувшись солнечным сплетеньем,
Зажёгся всадник изнутри
Её оранжевым свеченьем.

*Паря над зданьями в лесах,
Переливая жар сиянья,
Горит не медное в глазах,
А золотое изваянье.
Роняет звоны в стороне
Собор Архангела святого.
О чём сказать он хочет мне,
Взлетевший в небо на коне,
Посланец века золотого?*

ЕЛЕНА ПИМКИНА

СТИХИ

В БЛАГОДАРНОСТЬ ИВАНУ БУНИНУ

*Я бежала по перрону.
Из последнего вагона.
На меня в упор смотрела осень.
Кто ей право дал такое:
Своё время золотое
Мне на плечи, как пиджак, набросить?
Как под мальчика подстрижен
В солнце, дождь и листья рыжим
Синеглазый Бунин шёл навстречу.
Я застыла статуэткой,
Он подбросил вверх монетку,
И «орёл» лёг на асфальт беспечно.
С той поры осенний ветер
Силуэт мой заприметил.
Ходит по пятам, как тенью.
Вдохновенье – злая дева –
Грузит музу без предела
И не искушает мысли ленью...
Творчество – такая штука:
Не от скуки, не для муки,
Из любви к искусству исключительно.
Бунин поднял воротник,
Усмехнулся и притих,
И пошёл походкою стремительной.
Я смотрела ему вслед,
Будто знаю тысячу лет –
Стрелкой вспять вернуть хотелось время.
Шли вагоны чередой,
И безмолвствовал покой:
ОН такой же странник, как и все мы...*

ВИДЕЛ БЫ ПУШКИН...

*Господа фраера, эта эра не Ваша.
Эта вера в глазах не у Вас на лице.
Это просто дожди с милым именем Саша
И начало пути, и печаль о конце.*

*Это осени плач о пожарах багряных.
Это снежность Москвы в золотых куполах.
Это голос страны перезвоном кандальным.
Это право любви, победившее страх.*

*Вечность делает шаг в закрытые двери,
А за ними – евреи и русские спят.
И вповалку страна голосит от лакеев,
Хоть заманчив их вид, но обманчив наряд.
Осень сыплет листвой, льдами зимы колдуют.
Моют годы сомнением постаменты имён.
А герои из мрамора удивляются всуе,
Как смывается краска с великих знамён...*

БОРИСУ ПАСТЕРНАКУ

*Я хочу Вас читать, Борис!
Перечитывать снова и снова
Гениального слога основы,
Как Вселенной особый каприз.
Осень рябью плывёт по траве.
В поле россытью – жёлтый донник.
Словно тёплой своей ладонью
Меня гладите по голове.
Я бегу от строки к строке,
Я «питаюсь» Вашими чувствами.
Вы, конечно, конечно, чувствуете...
И рука моя в Вашей руке.
Я хочу Вас читать, Борис!
Перечитывать снова и снова,
Умирать и рождаться за слово
И тянуться за Вами ввысь!*

ПО СЛЕДАМ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

*Меня опустошил мой город,
Угар от фонарей в парадный катафалк
И мой народ, и душ вселенский голод,
И гололёд, и чей-то чёрный фрак.
Позёмка вперемежку с бездорожьем
И в пересмешку губ вишнёвый цвет.
Твоя забрызганная ложью
Рубашка белая, которой сотни лет...
Спел мальчик с золотыми волосами
О том, что это Родина моя.
Там даже птицы с грустными глазами,
Под вечным снегом спящая земля...*

В ПАМЯТЬ О ПОЭТЕ БОРИСЕ РЫЖЕМ

*Запах свободы – метафора бесконечного неба,
Метафора океана и звёзд пустота листа.
И белая пена волны, как белое поле холста,
И мальчик по имени Боря, режущий небу вены.
Не стоит просить его, шутя пройти небосводом
Под сводами старых домов и уральских чумных этажей.
Не стоит просить его всем показывать суть миражей
И кланяться в пояс плохим и хорошим погодам.
Он сам по себе. Он родился ничей...*

* * *

*Небо – свинцом по лицу. Больно.
В беспределах дождей слезами захлёб улицы.
Девять шагов до тебя только
Прямо пройти, не ссутулившись.
Канет волшебное прошлое в вечное,
Встретит его у ворот незнакомец
С глазами небесными.
В новые лета войдёт
Бесконечное или беспечное.
Каменных губ разомкнёт
Ожидания долгие.
Блеска насылет
Ладонями тротуарами.
Сядут голубки, воркуя,
На крыши убогие.
Что там: любовь
Или облако плачет обманное,
Манной небесной
Сылет на наши пороги?*

ВАЛЕРИЙ ХОДУЛИН
(г. Тула)

СТИХИ**КОРПОРАТИВ**

*Корпоратив, корпоратив,
Весёлый слышится мотив,
Гуляет дружный коллектив,
И каждый молод и красив.
Среди роскошной этой снеди
Мы все джентльмены и все леди,
И ловят женские наряды
Мужчин придирчивые взгляды.
Гуляет заводская знать,
Порой друг друга не узнать.*

Ты утром в робе был на стройке,
Теперь вот в галстук и в тройке,
И тут порою не поймёшь
С кем ты работаешь, с кем пьёшь.
Пьём, как работаем – по-русски
Среди обилия закуски.
В такой изысканный салат
Любой лицом нырнуть бы рад.
Под запах сёмужного стейка
Соседка шепчет мне: – Налей-ка!
Люблю соседку я свою,
Ей с удовольствием налью!
И в это кресло словно врос ты,
И отовсюду тосты, тосты,
И в содержанье тостов всех
Слова здоровье и успех.
И люди пьют, слегка болтают,
И им поэт стихи читает.
Весёлый слышится мотив:
Корпоратив, корпоратив –
Он нами долго ждан, он чуден –
Отдушина суровых буден.
Мы знаем, в думах об успехе,
Работе – время, час – потехе,
И что начальникам цехов
В цехах уже не до стихов.
Их ждёт замызанная роба
И домны жадная утроба,
Ремонты, плавки до экстаза,
И запах не духов, а газа.
Работает шихтоподача,
И в том для всех для нас удача
Пришёл на смену горновой
С незамутнённой головой,
Коль честь не променял на водку
То вовремя закроет лётку,
И станет истиной для всех,
Что это тоже есть успех.

Пусть солнце светит, льётся речка,
Клокочет доменная печка,
Пусть каждый трудится за двух,
В здоровом теле – бодрый дух,
И нас тогда в одно местечко
Не клонет жареный петух.

БУЖИВАЛЬ

Мы в Буживале побывали.
Туман над Сеной, как вуаль,
Закрыв дома, машины, дали...
А что за город – Буживаль?

Я молча слушал голос гида:
– Вот банк, вот площадь, вот вокзал...
А сердце горько жгла обида
За то, что он не рассказал...
Среди причудливых строений
Хотелось отыскать одно:
Тот тихий дом, где жил Тургенев,
Найти хотя б его окно,
Где слово русское звучало,
Где образ Родины не гас,
Где сердце, дрогнув, отстучало
В последний раз,
В последний раз...
Что здесь?
Любовь иль мягкий климат?
Ему видней,
Ему видней...
А Буживаль как будто вымыт,
Брусчатка в отблесках огней.
И вспоминается о Спасском,
Где луг, деревня, дом в тени,
Где он учился русским сказкам
У деревенской ребятни.

* * *

Мне нравится Тула вечерняя:
Закат над рекой, облака...
Домов золотое свечение
В себе отражает река.

И Тула моя, без сомнения,
Достойна стихов и поэм.
И этим словам подтверждение -
Огромный светящийся шлем.

Здесь звуки восторженных возгласов
И разноязыкая речь,
И толпы людей возле комплексов
С коротким названием «Смерч».

И светлые, благоговейные
Вдруг мысли тебя окрылят.
Стоит это чудо музейное,
И радует душу и взгляд.

И я со своею Джокондою
С высоких пролётов моста
Любуюсь прозрачной ротондою,
И в сердце живёт красота.

*Люблю переулки былинные,
Укрытые трепетной мглой.
Люблю колокольню старинную,
Что светится яркой иглой.*

*Здесь многое видится, помнится...
Сверкает зарница в воде,
Как отсвет Демидовской домницы
В Кузнецкой моей слободе.*

МАЛИНОВАЯ ЗАСЕКА

*Я прихожу сюда в будни и в праздники.
Я ощущаю дыханье веков,
Пью сладкий воздух Малиновой засеки,
Слышу малиновый звон родников.*

*Зорька малиновой краской обрызгала
Веток сплетённых прозрачный узор.
Всё дорогое и всё здесь мне близкое -
Заросли эти и этот простор.
Чьи это тени мелькают, как всадники
В радужном блеске мечей и секир.
Это съезжаются русские ратники
После победы на княжеский пир.*

*В Киев идут богомольцы и иноки,
К Сергию в лавру шагает монах,
А надо мной распевают малиновки
Песни свои о былых временах.*

*Я растворяюсь в малиновом пении,
Я возношу благодарность судьбе.
И, осенив себя крестным знамением,
Я ухожу по засечной тропе.*

УТРО ЛЬВА ТОЛСТОГО

опыт наивной поэзии

*Лев Толстой проснулся спозаранку,
Побродил немного у реки
И пошёл на ясную полянку,
Где траву косили мужики.*

*Под ногами расстилался клевер,
Холодом пропитан и росой.
И один мужик взгляделся:
- Левин?
А другой сказал:
- Кажись, Толстой.*

*Нёс он на плече косу-литовку,
Чтобы резать травы наповал,
Как бывало он носил винтовку,
Ту, в Крыму с которой воевал.*

*Вспомнил он войны далёкой залпы
И взмахнул косою – туда-сюда.
Был бы здесь Некрасов, то сказал бы:
– Что нм взмах, то целая скирда.*

*Он косил налево и направо,
И к обеду выдохся слегка...
Ничего в нём не было от графа,
А всё было в нём от мужика.*

*На него была надета блуза,
А под блузой мускулы видны.
Эта блуза вымокла до пуза,
А под ней – посконные штаны.*

*Он не зря всю жизнь в деревне прожил,
Он не зря порой косою махал,
Сапоги тачал и печки ложил,
И рожал детишков, и пахал.*

*Был работой занят и любовью,
Были его чувства высоки,
Неспроста его супруга – Софья
Правила ему черновики...*

*Он покинул ясную полянку
И пошёл назад, в свой дом-музей,
Съел уже остывшую овсянку,
Пригубил крыжовельный кисель.*

*Он переоделся и умылся,
Мило поприветствовал семью,
По скрипучей лесенке спустился
В комнатку под сводами свою.*

*Возбуждая к творчеству сноровку,
Залпом выпил утрешний кефир,
Прислонил к стене косу-литовку,
Сел и написал «Войну и мир».*

* * *

*Хлеба и зерна у нас навалом.
Фруктов, овощей – невпроворот.
Снова урожаем небывалым
Радует статистика народ.*

*Жизнь пошла как-будто на поправку...
Только я невольно зубы сжал:
Приближаясь к книжному прилавку,
Я увидел: хлеб подорожал.*

* * *

*Я люблю наш социальный строй.
Завалили чёрною икрой.
Но саму икру я не люблю -
Каждая икринка по рублю.*

*В музее города Узловая
Мы подобных музеев не видели.
Здесь любой экспонат, как живой.
Знать не зря о директоре Цинделе
Ходит слава по всей Узловой.*

*Не за круглый оклад, не за премии
Он в работе с восьми до восьми.
Лишь святая любовь к краеведению
Управляет такими людьми.*

*Что хотят эти люди, которые
Вроде скромные правят дела?
Чтоб жила в наших душах история,
Чтобы память о прошлом жила.*

*Обновлённой пройдя экспозицией,
Много нового я повстречал:
Любовался прекрасными лицами
В Лету канувших узловчан.*

*Видел тех я, что город ваш строили,
Их дома отовсюду видны.
А ещё любовался героями
Отгремевшей далёкой войны.*

*Здесь эпохи следы отпечатаны,
Чтоб не сгнуло всё без следа.
Пусть почаще бабули с девочками,
Словно в церковь, приходят сюда.*

*Нынче рынок завален товарами,
Ну а мне всё ж милей во сто крат
Горка, штоф, граммофон с самоварами,
Скалка, прялка, панёва, ухват.*

*И неважно мне, где они найдены,
И не важно мне, кто их нашёл.
Важно то, что их делали прадеды
На века, от души, хорошо.*

*Нынче мы и страдаем и мучимся:
Времена, мол, настали не те.
Так давайте ж у предков поучимся
Правде, мудрости и простоте.*

*И исчезнут сомненья напрасные,
И тревоги уйдут без следа.
Потому-то и в будни, и в праздники
Приходите в музей, господа.*

ЛЕВ КОТЮКОВ
(Переделкино, Подмосковье)

СТИХИ

* * *

*Превозмогаю дрожь пред вихрем многоглавым.
Вонзаю в ветер нож – и кровь, как дождь, на травы.
И в жутком гуле дня никто себя не слышит,
И вихрь, пронзив меня, моею кровью дышит.*

*И смрадом земляным угрюмо дышат домны,
Но с вихрем грозовым мы враз единокровны.*

*И вроде бы живу... И сам себе не страшен...
Швыряю нож в траву!
Взмывает вихрь над пашней.
И славой, а не злом вдруг обернулось лихо.
И тихо всё кругом, но как – то слишком тихо...*

НЕПОБЕЖДЁННЫЙ

*И прочь, тоска небытия!
И здравствуй, мир преображённый!
Пусть ныне победил не я,
Но я сейчас – непобеждённый...*

*Я верю вновь земным словам,
Презрев все не земные беды,
И миг сей вечный не отдам –
За все грядущие победы.*

РАЗВАЛ

*...Возжелали воли свинской,
Сокрушили всё подряд...
Но по воле сатанинской
Обрели досрочно ад.*

*И без смысла, и без цели,
Как обвал, за годом – год.
И в безоблачном приделе –
Никого Господь не ждёт.*

*Не воскреснет ныне Сталин.
И таланты не нужны.
И сажу среди развалин,
Как развалина страны.*

СУМРАЧНЫМ ДОЛОМ

*Ангел Божий, как бесплотный луч,
Тайный вестник Божьего молчанья.
Он нисходит с занебесных круч
И незрим телесными очами.
Сколько раз, теснимый волей злой,
Он спасал любовь мою над бездной!
Но любовью обделён земной.
Ангел мой – хранитель мой Небесный.*

*Ты хороша не по летам
Ты хороша не по летам,
Но ничего не ждёшь...
И словно в детстве – по цветам
На цыпочках идёшь.*

*Идёшь, любовь, навстречу мне –
Дрожит медовый цвет,
И травы горькие во тьме
Тебя хранят от бед.*

* * *

*И тёмный круг всё уже, уже,
И свет дрожит в крови,
И я себе давно не нужен,
Но странно – надобен любви.*

*И вновь в любви моё спасенье,
Как искупление тёмных дней,
Как неземное вдохновенье –
На горестной земле морей...*

ПЕВЕЦ ЛЮБВИ

*Всех собланишь в подлунном мире
Готов антихрист в тёмный час.
Но ты, поэт, внимая лире,
Пой о любви, как в первый раз.*

*Пусть соблазняет нас лукавый,
Ведь он когда-то был в раю.
Но ты, поэт, – сын Божьей славы –
Пой Богу про любовь свою.*

*Пусть не спасёт любовь от жизни,
Но вот от смерти – может быть...
И, может, вновь прозреют выси,
Что нам дано ещё любить.*

*Пусть зло почти всесильно в мире,
Пусть Бог почти забыл про нас.
Но ты, поэт, внимая лире –
Пой о любви, как в смертный час!*

АНТОНИНА СЫТНИКОВА

**«ЗАВЕТ ЛЮБВИ И КРАСОТЫ СЕРДЕЧНОЙ...»
(МИНИ-ПОЭМА)**

* * *

*Стремительно меняется Россия
С жестокой сменой курсов и дорог,
То падая без воли и без силы,
То избавляясь от земных тревог.
И зачастую на душе мрачнее
Становится, и тяжелеет взгляд.
Лишь Спасского заветные аллеи
По-прежнему пленяют и манят.
И бесконечно просветлённым взором
Окидываю дом и сад, и пруд.
На ветке дуба двухсотлетний ворон
Здесь сторожит течение минут,
Когда скользят причудливые тени
Созданий гениального ума,
И в окруженье героинь – Тургенев,
И над тропой – мерцающий туман.
И слышен шёпот тихий и невнятный –
Листва шумит иль чей-то разговор?
И ароматы чабреца и мяты
Благоуханьем наполняют двор.
И верится без всяческих сомнений,
Что так же будет через триста лет,
Что Спасское для новых поколений
Убережёт Тургенева завет.
Завет любви и красоты сердечной,
Пленяющей, печальной красоты,
Когда едино – краткий миг и вечность,
И в каждом слове Спасского черты.*

* * *

*Усадьба упала подковой
Среди живописных земель.
Досталась девице толковой
В наследство. Поближе к зиме
Заехал в имение красавец
И жизнь навсегда изменил.
Помчались семейные сани –
Звени, колокольчик, звени!*

*Звени! Возвещай всей России
О будущей славе её.
Рождения младшего сына
В имени барыня ждёт.
Она и не предполагает
Его нестандартной судьбы.
На кухне пекут расстегаи
И солят в кадлушках грибы.
Так было вчера и сегодня,
Дел много – таких ли, иных...
Для пущего лада в угожьях
Секут иногда крепостных.
Жизнь эта – бродильные дрожжи,
Закваска таланта, ума,
Что в сыне проявятся позже
И примут всемирный размах.*

* * *

*– У барыни сын родился.
– Да мне от того не легче.
Дымок разговора вился
Вокруг загудевшей печи.
И печь соглашалась гулко,
Утробой ворча натужно.
Горшочек с похлёбкой булькал,
Поддакивал добродушно.
– Варваре Петровне трудно
Порой угодить бывает.
Ей часто волною мутной
Свет белый перекрывает.
Тогда – берегись обслуга,
Пороть будет даже сына.
Ревь, не ревь белугой,
Давай, подставляй-ка спину.*

* * *

*Спасское! Сколько отрады
Трепетной юной душе.
Строгий порядок, а рядом –
Дети крестьян в шалаше.
Можно сбежать от опеки
В мир немудрёно простой,
Взглядом всевидяще-цепким
Впитывать жизни устой.
Ветка вдруг станет свистулькой,
Звуки прорежутся в ней:
Будет то ль тетерев булькать,
То ли звенеть соловей.
Множество разных мелодий
В быте крестьянском живут,
В творчество тихо восходит
Магия этих минут.*

*Магия иволг, кукушек...
Магия вьющихся пчёл
Над переспелой грушей,
Что липким соком течёт.
Память запрячет в сусеки
Пруд и аллею, и дом,
Разных окрестных соседей...
Пусть в рассказы потом.*

* * *

*Как много страсти и волненья
В желании всё познавать,
Когда уехал из именья,
И не прикрикнет строго мать.
Забавы юности известны,
Диктует жизнь их и года.
На встречу с девицей прелестной
Сходить нелишне иногда.
Чтобы забыть о ней назавтра,
Отдавшись прелестям наук,
И языки учить азартно,
И новый заказать сюртук.
На свежей побывать премьере,
О Байроне поговорить,
Его последовав примеру,
И самому начать творить.
Но снова дни в плену инерции,
Театры, встречи визави...
Пристрастий множество, а сердце
Живёт предчувствием любви.*

* * *

*Любовь. Кто может ей сказать – явись!
Она восходит заревом рассветным
И в одночасье изменяет жизнь,
Вдруг наделив сокровищем несметным.
Врывается в томительные дни
Любовь, как луч из глубины столетий,
Как маяка заветного огни,
Манящего в грядущее бессмертье.
Любовь влечёт к избраннице одной,
К ней направляет все свои дороги,
И напоив отравой хмельной,
Ей источает пылкие восторги.
И чем любимая наделена,
Красавица, дурнушка – всё едино,
Когда вдруг сердце дрогнуло – она!
Великая любовь непобедима!*

* * *

*Старинный замок под замшелой крышей,
Вокруг – каналы с тихой водой.*

*Лишь временами скрип уключин слышен...
Тургенев и Полина Виардо
В Куртав(е)неле. Им приносит ветер
Благоухание лесов, полей,
Пейзаж вокруг изыщен и приветлив,
Над цветником – жужжание шмелей.
Рояля звуки. Сильный, страстный голос
Колдует, тянет в свой водоворот...
Короткий миг, и время расколосось –
Не изменить судьбу, не побороть.
Любовь и творчество, экстаз и песня
Переплелись узлом – не развязать.
Охотничьими тропами известность
Приходит в жизнь. Охотничий азарт
Преображает из пустой забавы
Писательство за несколько недель,
И колыбелью новой русской славы
Становится тогда Куртав(е)нель.*

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

СТИХИ

Из книги «Старый квартал»

ПУТНИК

*Собираясь у обочин,
Бьют поклоны ковыли.
День, зарёю позолочен,
Затеваётся вдали.
Я пока ещё не знаю,
Что дороги мне сулят,
И беспечно подгоняю
Ветер, взятый напрокат.
Пересвист пичуг весёлых
Эхом катится за мной.
В прошагавших мимо сёлах
Я теперь почти родной!*

КАК ДЕД ПОМИРАЛ

*Хату выстелил рассвет
зябкими лучами.
Ноги с печки свесил дед,
бабку поучает:
– Буду нынче помирать
не поздней обеда.
На помин не вздумай звать
Прохора, соседа, –
он известный дебошир;
остальных позвать бы...*

Но особо не транжирь –
чай, оно не свадьба.
Сэкономишь капитал –
высылай до дочек.
(Прохор в “Вестнике” читал:
жизнь в Москве не очень.)
Сын, тот выкрутится сам –
бизнесмен, поди ты...
Ну, давай прощаться,
ТАМ нету волокиты...
Стал смиренно смерти ждать
выбрит, отутюжен...
К ночи слез с печи опять:
– Собирай, мать, ужин...

ПРИЯТНЫЙ СОСЕД

Говорливый, даже очень –
Что тебе весной ручей,
По-соседски озабочен
Ростом наших овощей:
– Что за чудо-помидоры!
Баклажаны – ого-го!..
За такие разговоры
Я почти люблю его.
Невдомёк ещё пока мне,
Что сосед который год
По ночам бросает камни
В наш чудесный огород.

НА ДАЧЕ

Низкий столик меж двух рябин,
А на нём колбаса и сыр –
Выпиваю, сижу один
И люблю весь июльский мир.
Я комар, мотылёк я в нём.
Я давно свои крылья стёр.
Небо алым горит огнём –
Солнце падает за бугор.
Закурю. Я закату рад.
Сам с собою я говорю.
Улыбается мне виноград –
Точно вызреет к сентябрю.

ОТЕЦ

То скромн, то бедов,
Но праведен трудами.
Плоды его трудов
Весомее с годами.
Всей улице знаком,
А может, всей округе.
Легки над верстаком

Его большие руки.
Идёт в универсам,
Кивая встречным:
— Здрасьте!..
Ответственным за счастье
Собой назначен сам.
Жизнь торопя свою,
Судьбе не даст поблажки.
Всё чаще узнаю
В себе его замашки.

РАБОТЯГА

Сам себе не зная цену,
Слободкою стороной,
Отработав честно смену,
Он идёт слегка хмельной.
Смысл и в жизни, и в работе
Видит он издалека.
Зависает на отлёте
Тяжеленная рука.
Дома ждут кормильца дети,
Мать, отец, жена с борцом,
И за пьянку на две трети
Ими он уже прощён.

ВОРОЖЕЯ

Ходили слухи: бабка — ведьма,
Мол, ей и сглазить — плюнуть раз.
Давно пора ей помереть бы,
Да ведьмам слухи — не указ.
Вот и жила неторопливо,
Мирясь со злобой языков,
И взглядом жгучее крапивы
Стегала души земляков.
Скупа на ласковое слово,
Копной волос белым-бела
И подозрительно здорова...
До той поры, как померла.
С кончиной каверзной старухи
Утихомирилась молва...
А на девятый день округе
Хватать не стало волшебства.

ХОЗЯЙКА ЯБЛОНЕВОГО САДА

Много яблок по деревне,
Только знают пацаны,
Что у бабушки Андревны
Просто диво как вкусны!
И поэтому, наверно,
Успевают только треть
Урожая у Андревны

Окончательно созреть.
Шибко сердится Андревна –
Мол, кому под хвост туды,
Собирая на варенье
Уцелевшие плоды.
И который год, не знаю,
Всё стращает пацанву:
– Вот ужо, кого спымаю,
Ухи-т начисто сорву!..
А потом вздыхает глухо
И, беседуя со мной,
Говорит:
– Дурна старуха –
Нешто слопать всё одной?

АГРОНОМ

Может, вы о нём слыхали, –
спорить не возьмусь, –
просыпался с петухами,
брился наизусть.
Ставил мерина в оглобли,
отводил плетень,
понукал – вороны глохли
за пять деревень.
Вдоль дорог стога мелькали,
ёжилась стерня.
Впереди всходили дали
в свете трудодня.
Громыхая на ухабах,
вслед за ним неслоь
необъятного масштаба
бодрое “авось”.

ПАСТУХ

Лес за полем приумолк,
Сам себе хозяин.
Там в засаде старый волк,
Озверевший каин.
Чую замершим нутром
Явную угрозу.
Мне бы мясо с молоком
Сохранить колхозу.
Нет, не трусость –
просто долг
Жжёт босые пятки.
Знаю: там, где бродит волк,
Волчьи порядки.
И кнутом гоню коров
В направлень луга...
Завтра скажут:
– Ты, Петров,
Дело знаешь туго!

ГОРОДСКАЯ

На селе артисток мало,
Эта – тоже не “звезда”:
Год куда-то поступала –
Не попала никуда.
Недовольна небесами,
Будто ждёт всегда дождя,
Водит пыльными глазами,
До округи снисходя.
Тет-а-тет не допуская,
Как хрустальный, держит стан.
Что тут скажешь, городская –
До неё поди достань...

ДЕДУШКА

Улыбнётся – лучики-морщины
в солнце собираются у глаз.
Вынимает ножик перочинный,
чурочку щепая на лучины,
начинает медленный рассказ.
Говорит про первую ракету,
про тайгу, про реку Енисей...
Говорит, как будто по секрету
доверяет опыт жизни всей.
Раскрывают рты не только внуки
со всего посёлка ребятня.
А большие дедушкины руки
превращают чурочку в коня.

СТОРОЖ

Десять лет колхоза нету,
Сад давно уже ничей.
Сторож ходит до рассвета,
Он привык не спать ночей.
В ширину шагов сто двадцать,
Двести семьдесят – в длину.
Он не может отвлекаться
На бездельницу луну.
Перекурит за избушкой,
Пристегнув себя к ружью,
И пугает колотушкой
Тень горбатую свою.

СОЛДАТ

Плывут обочиной луга,
И небосвод плывёт.
Служивый одолел врага,
Теперь домой идёт.
Грудь, как положено, в крестах,
В кармашке – василёк.
Горчит улыбка на устах,

А путь ещё далёк.
 И ветра вой ему знаком,
 И тихий ропот звёзд.
 Ладонь приладив козырьком,
 Глядит за тыщу вёрст.
 Сползает тень с его лица,
 Уходит прочь война –
 Ждёт у родимого крыльца
 Красавица жена.

ОТШЕЛЬНИК

Молоко в пузатой кринке,
 Аккуратная постель.
 Ни пылинки, ни соринки –
 Словно ждал всю жизнь гостей.

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

АВТОРСКИЕ ПЕСНИ

ГИМН ОРЛУ

Крылатой птицей над Окой летящий,
 Орел наш – город Славы боевой.
 Уж пятый век, как друг твой настоящий,
 Он задушевно говорит с тобой.

ПРИПЕВ:

Боянный, среднерусский, синеокий,
 В музейный город едет вся страна.
 Пусть мелки воды – берега высоки,
 И всё нам имена, всё имена.
 Первый салют Орлу – мы победили!
 Первый салют – и всегда победим!
 Улицы – розы, улицы – крылья.
 Город любимый, Отечества дым!

Столица близко, слышатся куранты,
 Кремлем – красавцем искренне горжусь.
 Тут мелки воды – глубоки таланты.
 Могучая тургеневская Русь!

ПРИПЕВ:

Боянный, среднерусский, синеокий,
 Гербовный город знает вся страна.
 Пусть малы воды – велики дороги.
 Овеянная славой сторона
 Первый салют Орлу – мы победили!
 Первый салют – и всегда победим!
 Улицы – розы, улицы – крылья.
 Город любимый, Отечества дым!

*Улицы – розы, улицы – крылья,
В небе России к Солнцу летим!
В гербе России Счастья хотим!*

ПЕСНЯ ОБ ОРЛЕ

*Орёл, Орёл мой! В этом слове
Ласкает душу мне и слух -
Боянный в речевой основе -
Наш русский гений, русский дух.
Из глубины, в дожди и грозы
Неся родную нашу речь,
Мы – соль земная, сок березы,
Нам заповедное беречь.*

ПРИПЕВ:

*Всё тут моё, всё тут мне дорого.
А воздух, кажется, такой,
Что чуть взмахни – и ты над городом.
Летишь, как птица, над Окой.*

*Даря живое слово весям.
Тут, в разнотравий своём,
Мы – шум дубрав, мы – кладезь песен.
Тут мы и плачем, и поём.
Орёл мой – в сердце у России,
В Москве, на гербе отчем, – свой.
Уж пятый век, а все красивей
Мой город русский, корневой.*

ПРИПЕВ:

*Всё тут моё, всё тут мне дорого.
А воздух, кажется, такой,
Что чуть взмахни – и ты над городом.
Летишь, как птица, над Окой.*

МАЛОАРХАНГЕЛЬСК

Под оркестр народных инструментов, под баян

Степная песня

*В когорте малых городов
Возможно, и не самый малый, –
Он весь из парков и садов.
На стеллах павшим звезды алы.
Мы тут живём, на видном месте,
Как раз меж Курском и Орлом.
Где ключ Оки, родные песни
И синий-синий окоём.*

ПРИПЕВ:

*А степь – а степь, а степь – а степь
А степь широкая.
А по степи кресты да коляя.*

*А ключ – река, а небо синеокое,
Глубинка русская моя.*

*Моё высокое раздолье
Плесни из кружки, и течёт
Одна река – на Черноморье,
Другая – до каспийских вод.
Как назвала Екатерина,
Так и стоим мы на своём.
Малоархангельск – слово длинно,
Но кратко – на сердце моём.*

ПРИПЕВ:

*А степь – а степь, а степь – а степь,
А степь широкая.
А по степи кресты да колея.
А ключ-река, а небо синеокое,
Глубинка русская моя.
Судьба моя, душа моя глубокая,
Россия – родина моя.*

*Он крепко шит и ладно скроен,
Георгиевский кавалер.
Как у Москвы, святой Егорий
Венчает наш духовный герб.
Мы у архангелов в чести.
Как Феникс, встаём из пепла...
Любимый город мой, расти!
Да будет мне с тобою светло!*

ПРИПЕВ:

*А степь, а степь, а степь – а степь,
А степь широкая.
А по степи кресты да колея,
А ключ – река, а небо синеокое,
Глубинка русская моя.
Судьба моя, душа моя глубокая,
Россия – родина моя.
Судьба моя, душа моя глубокая,
Святая родина моя.*

ПЕСНЯ ПРО ПОДЛОДКУ

*Пепел подлодки стучит в моё сердце.
Павшие листья летят в облака.
В северном море, – а некуда деться, –
Ком шелестящий сжимает рука.*

*Павшие листья... А некуда деться...
В курских местах уж отпел соловей.
В северном море на дне моё сердце.
Стуки всё глуше, а души живей.*

*Как на ладони, по линиям жизни
Пепел подлодки стучит и стучит.
Русские мальчишки – дети Отчизны.
Лист, зацепясь, одиноко висит.*

*В северном море не обогреться,
В волнах крутых коченеет страна.
Где-то на дне там лежит моё сердце.
Павшие листья уносит волна.*

СУДЬБА-СУДЬБИНУШКА

*Под ивой под плакучей под молоденькой,
Под синим камнем, в сердце Хомутово,
Лежит орловский казачок Володенька,
Спит крепким сном у краешка крутого.
Какие кони мимо хлопца скачут?
Кого ещё за стремя долом тащат?
Ушёл в Чечню парнишка наш горячий,
А из Чечни домой вернулся спящий.*

ПРИПЕВ:

*Мы в чистом поле волю ищем,
Где вся на кончике клинка
Судьба-судьбинушка-судьбища,
Лихая доля казака.*

*Под ивой под плакучей под молоденькой,
В земле Орловской, в сердце Хомутово,
Лежат отцы и деды у Володеньки -
Все спящие, все имени святого.
Ещё царь Пётр Алексеич с Тиха Дона
Прислал сюда полки, как для щита.
Храня Москву, Расеи край исконный,
Казаки не жалели живота.*

ПРИПЕВ:

*Мы в чистом поле волю ищем,
Где вся на кончике клинка
Судьба-судьбинушка-судьбища,
Лихая доля казака. (3 раза)*

ЗАБЫТЫЕ ХУТОРА

*Мимо нас караваны
Пролетают гортанны.
И зовут за туманы –
На красивую жизнь.
Мы ещё напоёмся,
Новых песен дождёмся!
Навсегда остаёмся
Там, где мы родились!*

*Доживём ещё, люди,
И воспрянет Россия!
Воскресятся из буден
Сёла и города.
Верю-вижу ночами,
И над нами – грачами –
Вознесётся лучами
Золотая звезда.*

*...Мы на гнездах сидели,
Мы взлететь не успели,
Как грачи, почернели
Тут в шафрановой мгле.
Мы с Чернобылем квиты
Сним, травой перевиты,
Мы давно уж забыты
На родимой земле.*

ЛОХ-НЕСС

*Мелькнет и исчезнет удача твоя.
Как спинка Лох-несс, как морская змея.
Мелькнет и исчезнет на озере том,
А тайна останется. Дело не в том.*

*А дело, а дело совсем ведь не в том,
Что кто-то кого-то ударил кнудом -
Не в том, что на место какое-то сел,
А в том, что Лох-несс от души пожалел.*

*Подводная лодка или батискаф,
Пусть «белые пятна» останутся, граф.
Пусть чудра морские в озёрах живут.
Пусть тайны мирские зовут и зовут.*

ДВОЙНИКИ

*Надо мною проплывают облака.
Это длится уже годы и века.
Жил когда-то Брейгель-старший,
Я – братишка его младший,
Я – двойник его, на мне его рука.*

*Наши годы коротки и велики.
Я узнал, что существуют двойники.
В той же Бельгии когда-то
Жил художник, вроде я там
Делал маслом свои первые мазки.*

*Надо мною проплывают облака.
Воплощаются в меня мои века.
Я пою, а Брейгель-старший
Мне наиётывает марши,
Все слова живописует свысока.*

*Хорошо, что существуют двойники.
Поживём, хотя и годы коротки.
Где ты, мой братишка младший,
На сонет мой, чуть увядший,
Ты положишь свои свежие венки.*

ЗЕЛЁНЫЕ ГЛАЗА

*Своими я зелёными глазами
Гляжу на мира всяческий окрас.
Себе погоду делаем мы сами,
И что погода делает из нас?
Стареем мы, сполна даётся сдача.
Виски белеют, как примета лет.
Не покидай меня, моя удача.
Не выцветай ты, мой зелёный цвет.*

*Своими я зелёными глазами
Всю жизнь гляжу на наш двадцатый век.
Себе погоду делаем мы сами,
И что с того – она не человек.
Стареем мы, сполна даётся сдача.
Сказал словечко молодой поэт.
Не покидай меня, моя удача!
Не выцветай ты, мой зелёный цвет.
Мы все уйдём, уходим понемногу.
Да не спешите ж нас толкать туда!
Проходит день за днём – и слава богу.
Приходит ночь – и это не беда.
Своими я зелёными глазами
Всю жизнь гляжу на прожиганье дней.
Не покидай меня, мой лёд и пламень,
Не выпадай, зелёный, из огней!*

НА ПРЕКРАСНОЙ ГОЛУБОЙ ОКЕ

*На прекрасной голубой Оке
Мы сидим втроём, стакан в руке.
И шумит волна, хмельна.
Как в стакан глоток вина,
И сидится хорошо на реке.*

*Мы втроём сидим и пьём.
Говорим о дне своём,
И течёт река, хмельна.
Бесконечна глубина,
Далеко ещё до дна,
Обмывайся, моя книга, мой том!*

*Соловей на бреге том,
И ему чуть-чуть нальём.
И плывёт душа, хмельна.
Далеко ещё до дна,*

*Бесконечна глубина,
Обмывайся, моя книга, мой том!*

*На прекрасной голубой Оке
Мы сидим втроём, стакан в руке.
И шумит волна, хмельна,
Зачерпни ещё со дна,
И сидится хорошо, как в шинке.*

*На прекрасной голубой Оке
Мы сидим втроём, стакан в руке.
И течёт Ока, хмельна.
По глотку в стакан вина.
Как сидится хорошо на реке!
И течёт река, хмельна.
По глотку в стакан вина,
Как сидится хорошо на Оке!*

ЧЕРВОННАЯ СВЕЧА

*От главной площади Орла –
Две улицы, как два луча,
Две волховы, сквозь город прорезаясь,
И золотые купола –
Червона золота свеча
Горит в сердцах, по двум лучам передвигаясь.
Одним лучом – с холма туда,
Вниз по бульвару, кабакам,
В храм на Песковской, в златоглавость упираюсь.
Я чту старинные года,
Красиво тут, красиво там.
Как по весне, как в тишине тревожит завязь!*

*Другим лучом с холма на холм,
На кафедральный шпиль, собор,
На острие его ложусь и замираю.
Здесь бой курантов и «Бристоль»,
Как изумителен обзор!
У края моря тут стою и припадаю.
На двух лучах вальс «При свечах»,
Как всё в Орле, на двух лучах.
Со временем никак не успокоюсь.
Роман давно бы мой зачах,
Но на устах, но на плечах
Всё эта нескончаемая повесть.*

*Роман я с городом кручу,
А на устах... молчу, молчу...
Не до столиц нам с лоском их и блеском.
Несу червоную свечу
И не столичности хочу,
А всё-таки как где-нибудь на Невском.*

*От главной площади Орла –
Две улицы, как два луча.
Две волховы, две волховы, две волховы.*

ВАСИЛИЙ КАТАНОВ

«УЧИТЕЛЬ»
Отрывок из поэмы об Иисусе Христе.
Продолжение

*Был слуга у сотника любимый,
Заболел и при смерти лежит,
«Вылечить его необходимо!» –
Голос у хозяина дрожит.
Капернаум-град узнал об этом.
Спрашивали всюду: «Как слуга?»
А слуга прощался с белым светом,
Жизнь до слёз бедняге дорога.
Дождь над ним постукивал по крыше...
Божий Сын сильнее докторов.
Вскоре Капернаум весь услышал,
Что слуга у сотника здоров.*

*Это было в городе Наине.
Плач стоял – вспухала голова.
Безутешно плакала о сыне
Возле гроба свежего вдова.
Увидала гостя, и сильнее
Полились потоки горьких слёз.
Подошёл и сжалился над нею,
Поднял сына на ноги Христос.
Сын воскрес как заново родился.
Лица всех улыбками цвели.
«Господи!» – народ перекрестился,
Поклонился низко до земли.*

*Как прекрасны нивы в мире Божьем!
Шёл Христос, и с ним – ученики.
Шли они, любуясь спелой рожью,
Стали рвать колосья в две руки.
Было в поле тихо и просторно.
Ликовала летняя земля...
Растирали рожь и ели зёрна,
Радовались, голод утоля.
Расшумелись снова фарисеи,
Фарисеям книжники подстать:
«Вы Закон забыли Моисеев –
По субботам нужно отдыхать».*

Глянул Он в лазурные высоты
И сказал великое навек:
«Человек живет не для субботы.
Господин субботы – человек».
И ещё сказал с негодованием,
Что у них жестокие сердца.
И к овце имеют сострадание,
Человек дороже, чем овца.
Достают скотину из колодца,
Если там окажется она.
Человек спасти её берётся
От беды в любые времена.

Человек молился сухорукий:
Был таким увечным искони.
Подошел и снял Спаситель муки.
Только молвил: «Руку протяни!»
Говорил на улице и в храме:
«Кайтесь, люди!
Близится гроза».
И смотрел глазами со слезами
В злые и холодные глаза.
Советались втайне иудеи
И одну, одну тянули речь:
Как Христа убить, а Моисея
До последней буковки сберечь.

Некто Симон пригласил к обеду.
Чествовал Учителя, как мог.
Вдруг ввязалась женщина в беседу,
Волосы рассыпала у ног.
Проливала слёзы и рыдала,
Вся была раскаянья полна.
И пора счастливая настала –
Обрела прощение она.
«Я твоё раскаяние вижу, –
Молвил ей задумчиво Христос. –
Верую спасла себя, иди же!»
И ушла под облаком волос.

Люди в храм пошли, как полетели:
Пасха! Шум, как от весенних рек...
Тридцать восемь лет лежал в постели
Между тем несчастный человек.
Был на дело доброе готовым
И в субботу Иисус Христос.
«Хочешь ли, – спросил Он, – быть здоровым?»
«Да, хочу!» – страдалец произнёс.
«Встань, возьми постель, – сказал Спаситель, –
И, как все, наружу выходи».
Встал, пошёл...

*А где же Избавитель?
Где Целитель?
Где-то впереди.*

*Исцелённый в радости великой
Даже не спросил про костыли...
Фарисеи в ярости до крика,
В злобе дикой
Пеной изошли.
В городе убить Его искали...
А Христос, бесстрашный, молодой,
Скрылся там, где волны рокотали
И кружили чайки над водой.
Продолжал учить и там, у моря,
Говорил о вере дотемна,
И внимали люди на просторе:
«Вышел пахарь сеять семена...»*

*Открывал Он душу перед всеми,
Оставлял глубокие следы:
При дороге брошенное семя
От жары засохло без воды.
А другие птицы поклевали,
Заглушили тернии, как лес.
Те, что в землю добрую попали,
Дали хлеб под куполом небес.
Что такое семя?
Слово Божье.
Жаль, не всюду пользу принесёт:
Сатана, как вихорь придорожный.
Налетит, сметёт и унесёт.*

Молодые голоса

ОЛЬГА СОКОВА

ВРЕМЯ ОТКРЫТИЙ И ЧУДЕС

6 апреля 2013г., в Воронеже, умер мой друг, заслуженный актёр Алексей Алексеевич Магдалинин.

Я вышла из дома, забыв сделать кучу важных дел, вдруг ставшими под лучами солнца вполне отлагаемыми. И направилась по направлению к горпарку. Около «Калитки Магдалинина» – проёма в ограде перед асфальтовой дорожкой, удобство открытия которого доказал актёр директору парка, наблюдалось столкновение. Солидный, усатый пожилач пытался разминуться с детской коляской и женщиной. Все крутились вокруг лужи, решившей соединить руки обрезанных кусков забора. Парк тоже был полон неслучайностей. Навстречу шёл поэт Геннадий Попов, ис-

кренне сожалеющий об ушедшем друге. Весна, природа несла образ Алексея Алексеевича, с какой-то удивительной радостью, повторяя мои воспоминания о наших совместных прогулках. Вот здесь, на 2-й Пушкирной, он рассказал мне смешную историю о празднике улицы, когда его друг, артист, должен был вылезти на «сцену» из-под куста, но его, приняв за пьяного, поймал и отчитал настоящий милиционер. А на улице Панчука мы вместе удивлялись изобретательству странного старика, украсившего свой дом консервными банками. Сейчас дом приобрёл обычный вид, родственники фантазёра навели порядок. Но лужи креативно улыбались, отражая солнечность моего друга, и ощущалось: всё, что было, не ушло, а продолжает жить, твориться в каждом явлении, впитав в себя его образ. Незаметно я совершила круг по городу и оказалась на берегу речки напротив ТЭЦ. Прошлой весной мой друг нарвал здесь вербных веточек, но потерял очки, купленные в Италии. Мы их потом долго искали, но дорогая вещь, видно, кому-то приглянулась. В последний год актёру несильно везло: за границей украли портфель с документами, и в связи с потерей им собственного тела, этот случай и исчезновение очков начали мне казаться символическими. И всё же в то вербное воскресенье он сфотографировал мужской монастырь, выбрав интересный ракурс, да так, что мне захотелось поскорей выйти с этюдником. Перепрыгивая через рытвинки, я остановилась около вербы, глядя в застывшую реку. Начал накрапывать дождь. Унылые водяные круги почему-то напомнили мне об одиночестве. Неужели и правда «с концами»? Исчезает человек и нет его? И никогда он не появится рядом. Может, мой оптимизм, рождённый под солнечными лучами фантазии, плод воображения? Стоит ли цепляться за прошлое, мечтать написать книгу об уже прошедших событиях, утешаясь одними воспоминаниями? Не лучше ли побыстрее очистить сознание для новых целей, эмоций, радостей? И всё же для чего-то прошлое было! И вдруг неожиданно я для себя обнаруживаю, что дух моего друга рядом и со мной снова происходят чудесные события. «...Сотрите пожалуйста нити событий, где пытку придумывал критик, разгадывал плут, где млел от любви паралитик, а время взрывалось открытий миллионом и чуд!» – пела я, имея ввиду моё общение с Магдалининым, ещё в конце 90-х. Я чувствовала эти свершившиеся и ещё не свершённые чуда. Это постоянное ощущение его присутствия в моих делах даже вне нашего общения. Всё во мне пропитано им, этой губкой солнечности на всю жизнь, а может, и после неё. И это новое качество не придумка, а чудо изменения. Я, безусловно, другая с этой порцией солнца на лице, с этой творческой лёгкостью в душе. «Я от Вас становлюсь здоровей, веселее и даже круглей» – писала я, словно мысленно преображаясь в его, похожую на шарик, фигурку. Падая на подстеленное им сено в трудных ситуациях. Падая и хохоча, ловя жонглёром минуты, словно мячики. Хохоча, потому, что ничто в жизни не тяжело, когда ты в таком состоянии.

Однажды я закрыла глаза и задала себе вопрос: где находится душа Алексея Алексеевича? Сразу возник образ Пушкина, и я поняла: где хотел мой друг, там и оказался. Общается с поэтами его душа, ведь желания сохраняются там, за пределом жизни, который мы, может быть, ошибочно считаем пределом.

ДАРЬЯ УСАЧЁВА

БОЛЬШАЯ ВОДА

Холодное море с водой совершенно невообразимого голубого цвета, самые высокие в Европе приливы, ветер, который сбивает с ног, совершенно непередаваемая хо-

лодная красота и очень домашняя атмосфера. Город Сен-Мало, региона Бретань находится примерно в 300 км от Парижа, но кажется, что это совсем другая вселенная.

Поезда в разных регионах Франции часто оформляют по-разному. На стеклах поезда, который вез меня и мою подругу в город Сен-Мало в регионе Бретань, были нарисованы маленькие чайки. Сразу было ясно, что мы едем к морю.

Когда я вышла из поезда на вокзале, мне, несмотря на то, что был апрель, ментально захотелось надеть шапку, такой сильный был ветер. Ярko светило солнце, а небо было не привычного голубого, а ярко синего цвета. Холодный воздух был буквально пропитан морем. Повсюду слышались крики чаек. На огромном граффити по пути в отель тоже были нарисованы чайки, только теперь не маленькие, а очень большие.

Наш отель располагался в небольшом четырёхэтажном доме. На ресепшн (здесь это просто письменный стол за перегородкой) сидел бородатый француз, а рядом с ним на полу – огромная собака породы ньюфаундленд. Всё очень просто и домашнему. По узкой скрипучей лестнице мы поднялись в свой номер. На стенах из белых досок висели картины с видами моря.

Мы оставили в номере свои вещи и пошли на набережную. В Сен-Мало мы приехали, в первую очередь, чтобы посмотреть на приливы и отливы. Посмотреть тут действительно есть на что, максимальная высота, на которую поднимается вода в этом регионе, почти 13 метров. Это самые высокие приливы на всем европейском континенте. Впрочем, по другим данным, самые сильные приливы в Европе – около одной из самых популярных достопримечательностей Франции, острова-крепости Мон-Сен-Мишель. Она находится неподалеку, в соседней Нормандии. Хотя, возможно, это просто рекламный ход, чтобы туристов туда приезжало ещё больше.

На набережную мы пришли на закате. Людей почти не было. Самое первое, на что обращаешь внимание, это шум воды. Даже не шум, а настоящий грохот. Волны с силой врезаются в каменный бордюр и, кажется, что с каждым новым ударом воды становится всё больше и больше. Иногда вода выплескивалась на набережную, попадала на мою одежду, стараясь облить меня полностью. Ветер был настолько холодный и сильный, что в какой-то момент я перестала чувствовать собственные пальцы. Но я всё равно стояла совсем близко к воде, вдыхала морской воздух, не могла оторвать глаз от сильных, но одновременно плавных движений волн, и перестать фотографировать.

На следующее утро мы пришли на то же место, чтобы посмотреть на отлив. Только вчера вечером на этом месте волны с шумом и брызгами поднимались больше, чем на десять метров, пытаюсь, кажется, перелиться за крепостные стены и затопить весь город, а сегодня здесь остался только мокрый песок с причудливыми следами-дорожками, водоросли и ракушки. Но самое удивительное, что во время отлива видно, как вода уходит. Видно тонкие ручейки, которые быстро двигаются в обратном от берега направлении.

Прямо по морскому дну мы дошли до двух ближайших островов. Они совсем небольшие, находятся в нескольких сотнях метров от берега и попасть туда можно только во время отлива. Они называются Гран-Бэ и Пети-Бэ (Большой Бэ и Маленький Бэ). На острове Гран-Бэ похоронен французский писатель Шатобриан. На его могиле помещена табличка со словами: «Великий французский писатель хотел обрести здесь покой, чтобы слышать только ветер и море. С уважением к его последней воле». Что ж, писатель не ошибся. Это место действительно идеально подходит для того, чтобы слушать шум ветра и моря.

Меня в тот момент больше всего поразил цвет воды – она была лазурная. Как на фотографиях какого-нибудь райского острова.

После прогулок по морскому дну, когда я уже потеряла всякую надежду когда-нибудь снова почувствовать свои онемевшие от холода пальцы, мы пошли обратно

в город. По дороге то и дело попадались таблички, объясняющие, что если вдруг вы оказались на острове и начался прилив, не пытайтесь добраться до земли самостоятельно, вызовите спасателей или дождитесь, пока снова начнется отлив. Рядом обычно располагались специальные стойки с кнопкой SOS.

Старая часть города Сен-Мало называется «Intra-muro» – «внутри стен». Она расположена внутри крепости, за высокими стенами из коричневого камня. В городе ветер был уже не таким сильным, еле уловимо пахло карамелью. В Бретани вся карамель – солёная, потому что её готовят на основе знаменитого бретонского солёного сливочного масла. Солёное масло добавляют и в самый знаменитый бретонский десерт – пирог кинь-аман. Это слоёный пирог, где чередуются слои из теста, солёного масла и сахара. Его странное название – бретонское, оно переводится как «масляный пирог». В Сен-Мало кинь-аман продают повсюду, и он невероятно вкусный.

Мы зашли в первое попавшееся кафе, чтобы поесть и хоть немного согреться. Заказывала улыбчивая француженка средних лет. На небольшой открытой кухне два красивых высоких повара готовили блинчики. Блинны – ещё одно традиционное бретонское блюдо. Есть две разновидности: крепы – блины из пшеничной муки и галеты – из гречневой. Крепы традиционно подают с солёным сливочным маслом и сахаром или другими сладкими начинками. Галеты подают с чем-то не сладким: яйцом, ветчиной, сыром или овощами, а иногда со всем вместе. Мы заказали сидр. Его нам налили в чашки, такие же, как те, из которых обычно пьют чай. Это – местная традиция. В Бретани сидр принято пить именно из таких чашек, а не из бокалов.

В кафе повсюду слышалась французская речь. Сен-Мало очень туристический город, но большинство туристов здесь – французы. Жители Франции с удовольствием проводят отпуск в своей стране. Для них это возможность отправиться в путешествие, не покидая зону комфорта в виде родного языка и схожего менталитета.

Чуть позже, после обеда, мы снова пошли к морю. Забрались на верх крепостной стены, долго смотрели на бирюзовую воду. Повсюду слышались крики чаек, воздух был пропитан морем, а мне совершенно не хотелось уезжать.

Для детей

СВЕТЛАНА ГОЛУБЕВА,
ЕЛЕНА МАШУКОВА

ИЗ СКАЗОЧНОЙ ПОВЕСТИ «ПРИКЛЮЧЕНИЯ РОМАШКИ, ИЛИ ТАЙНА ДЕРЕВЯННОЙ ЛОШАДКИ» (Посвящается детям войны)

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, В КОТОРОЙ ЛОШАДКУ ПРОДАЮТ НА РЫНКЕ

Такое наступило время, что всем всё интересно стало. Старому плотнику Харитонычу полегчало. Сегодня сердце не ныло, старый осколок не беспокоил. Харитоныч сперва осторожно, потом смелее опустил ноги с лежанки в любимые чёсанки и первым делом отправился своё плотницкое добро осматривать. Он стремился в сарай, служивший ему мастерской.

В сарае, в незапамятном сундуке обитала теперь Ромашка. Здесь не было плохо, но она хотела свободы.

Когда старый плотник брал лошадку, его ладони словно говорили: «Здравствуй, как дела?». И вроде бы не ждали ответа. Руки старого плотника, казалось, знали деревянную игрушку, будто родственники.

«Нормально», – молча сообщила Ромашка с полным доверием, всем существом полагаясь на них. От прикосновений человека в лошадке просыпались две души: игрушки и дерева, из которого она сделана.

Пальцы с плотной задубелой кожей, поперечными морщинами-заломками, толстыми нерастущими ногтями понимали двойственную душу, как хороший врач, были к ней добры и внимательны.

Пока плотник болел и не приходил, Ромашка разговаривала с сундуком.

– Какой хороший плотник, – сказала она однажды.

– Умелый, – тихо басанул сундук.

– Я не о том. Добрый он, понимающий.

– А... – безразлично откликнулся ларь. – Мы, вещи, таких чувств не ведаем. Нельзя нам к хозяевам привыкать. Я бы два с лишним столетия не прожил бы, если бы своего создателя – деда Харитонычева – любил. Рассыпался или сгорел бы после первых пятидесяти – и поминай, как звали.

– Почему?

– От тоски... Дед-то Харитонычев мастером на все руки был, дерево понимал, как самого себя. Я дал слово сколь можно память о нём беречь, но любить человека, которому принадлежишь, привыкать к нему – ни за что.

Сквозь стены ларя просунулось седобородое лицо Времени, за ним – злобный лик Ветра войны.

– Ты ещё жива? – удивился он. – Ненадолго. Тут тебе и сгнить, никчёмная поделка. Думаешь, почему плотник сюда не заглядывает? Это я бережу, воспаляю его фронтные раны, военную память. Небось, не поднимется больше.

– Любишь пугать немощных и слабых, – спокойно оборвало его Время. – Видно сам силёнки порастерял. Уймись. Тебе ль не знать, что глупо недооценивать противника.

– Ха-ха! Противники – это кто? Сосновая игрушка и немощный старик?

Время не успело ответить. Дверь мастерской открылась, вошёл Харитоныч.

Он с удовольствием погладил стародавние, ещё дедовские инструменты: рубанки, лобзики, стамески, разложив их строго по местам. Потом осмотрел запасы и находки. Вот дверца от довоенного кухонного шкафчика с вологодской росписью немислимыми розочками по облупившемуся голубому фону. Таковую нынче не к мебели ладить – в рамку вместо картины вставлять. Вот кусок резного наличника – со своего окна. А вот деревянная лошадка, доставшаяся от бабы Веры. Тот, кто изготовил эту игрушку, добрым мастером был.

Посмотрел ещё раз на лошадку. Заметил на качалке-коньке тайничок. Дерево потемнело – не найти старику, если бы не крошечная замочная скважина. Открыть не осмелился – попортится, кто потом купит. Только потряс проверить, нет ли в тайничке чего. Не зазвенели в ней монеты, не затрещал сухой горох или ещё что.

Что с ней делать? Внуков у Харитоныча не было, некого порадовать.

Поразмыслил старик, решил на рынок нести, в блошинный ряд – так назывался закуток местного базарчика, где люди старые вещи продавали. «Продам, – думал дед. – Медку на поправку здоровья куплю».

– Пойдёшь на рынок-то? Да кто же купит такую немыту- нечёсану?! То-то. Сейчас красота наведём. Станешь – как на выставку, лучше прежнего.

Так разговаривал Харитоныч с лошадкой, а сам не спеша работал резцом и наждачкой, размачивал кисти, разводил краски, радовался, как ребёнок, когда нашёл за сундуком полмешка конского волоса (с каких времён ещё!).

Харитонычевы руки не зазнались, взялись ремонтировать лошадку, хотя их хозяину возиться с безделками вроде не по чину.

Игрушка удивилась: «Зачем вы хотите меня лечить?»

«Из уважения к мастеру. Толковый человек тебя смастерил».

Дед не спешил, работал основательно и надёжно, потому всё новое подошло Ромашке, как родное.

Лошадка послушно подставляла шею и бока для покраски, терпеливо ждала, когда появятся белые «яблочки» на серой спинке, высохнет лак. И радостно удивилась, когда плотник приладил ей настоящую конскую гриву с густой чёлкой и замечательный, подстриженный хвостик. Качалку плотник хотел сначала заметить, да передумал – дерево готовить под новые дуги не один день. Старые подклеил, покрасил, гвоздиками укрепил.

Утром Харитоныч долго любовался работой. «Жаль, у меня мальчишечки никого на примете нету. Хотя, любой обрадуется такой красоте. Теперь можно и покупателя поискать», – подумал так и понёс обновлённую игрушку на рынок. Дверцу от старого кухонного шкафчика тоже прихватил – мало ли живёт на свете чудаков-ценителей всякой всячины. Плотнику, в жизни таковые не раз встречались.

Стоит мастер на рынке час, два. Мало кого дедовы штуки интересуют. Уже хотел домой плестись. Без мёду, значит, выздоравливать придётся. Стал мешки трясти, чтоб пожитки паковать, не заметил тихого прохожего.

Подошёл к прилавку не то что мужичок – по одежке так не назовёшь. В прежние времена барином нарекли бы. А ноне как?

Незнакомец без интереса осмотрел буфетную дверцу, а на лошадке взглядом задержался подольше.

– Понравилась, гражданин? – едва нашёлся спросить плотник.

– Почём продадите? – ответил солидный покупатель вопросом на вопрос.

– А... – только и сказал старик. Не подумал о цене, когда сюда шёл.

– Говорите, не стесняйтесь, – ободрил продавца мужчина. – Вещь, вижу, дельная.

– Точно, точно, – засуетился плотник. – Знаете что, заплатите, сколь не жалко.

Я медку хотел купить, расхворался на старости...

Покупатель ухмыльнулся и заплатил старику, сколько тот в самых смелых мыслях не задумывал. Положил Харитоныч деньги в шапку, хотел по-стариковски поклониться зажиточному незнакомцу.

– Ну что вы! – добродушно остановил тот. – Я за такое сокровище кланяться должен вам.

Щедрый гражданин приподнял шляпу и понёс Ромашку к себе. А старик отправился на продуктовую часть базарчика мёд искать.

ИГОРЬ ЗОЛОТАРЁВ

РАССКАЗЫ ИЗ ТРЕХ КНИГ

АНДРЕЕВСКИЙ КОЛОДЕЦ

У папы среди друзей есть журналистка Марина Карлова, она работает в районной газете в Колпне, пишет хорошие стихи, и они общаются с папой. Однажды Марина привезла папе рукопись, сказала:

– Вячеслав Гаврилин, почитайте.

– Где живёт он? – спросил папа.

– В Андреевке, – ответила Марина. – Мичман в отставке.

На какое-то время папа забыл о рукописи. Я напомнил ему о ней. Решили почитать вместе. Рукопись из Андреевки, а все мы знаем, что там Андреевский колодец, святая вода.

Наше занятие прервал телефонный звонок, междугородный. Оказалось, из Западной Сибири. От тётки Лиды, папиной двоюродной сестры. Мы друг про друга всё знаем. Папа с ней вместе прожили всю жизнь, а сейчас тётка Лида живёт в Томске, у своей дочери Оли.

В папиной семье, начиная с его мамы, моей бабушки, чудесная закономерность: разница в возрасте восемь лет. Старшая у них – папина мама, моя бабушка, она была с 1911 года, её сестра Дуся – с 1918, тётка Лида – с 1927 и так до папы. В 1943, когда Малоархангельск освободили от немцев, тётке Лиде было 16 лет, теперь она уже в почтенном возрасте. Звонила она в свой День рождения, седьмого декабря. Папа сказал, что он не забыл в этот раз её День рождения, переноса его по ассоциации с её годом рождения на 27 декабря. Просто она его опередила своим звонком. Папа поздравил свою любимую сестру, передал поздравления от нас, приветы Коле, её мужу, дочери Оле, всем сидящим там у них, за столом. Потом папа позвал меня к себе и говорит:

– Давай я тебе расскажу историю одну, связанную и с Лидой, сестрицей моей двоюродной, и с Андреевским колодцем, со святой водой...

– Давай, рассказывай, – присел я к нему поближе.

– Так вот, в сорок третьем, где-то в сентябре, когда мне было восемь лет, я пошёл в первый класс, в школу. Война уже далеко, за Глазуновкой. И тут я подхватил скарлатину. Болезнь вроде ангины, горло болит, только гораздо опаснее... Я-то маленький, мне ещё ничего, а для подростков, взрослых она куда страшнее, можно и умереть. Лиде было шестнадцать, все мы находились в комнате вместе, не было никакой изоляции. Передо мной на стуле была еда, хорошая еда, которой всем тогда не хватало. Я не мог есть, больно глотать, а Лида рядом, что-то схватила у меня со стула и заразилась. Конечно, скарлатиной.

Я уже на поправку пошёл, уже сам на улицу в туалет выходил, а Лида впала в беспамятство. Ночь напролёт вскакивает, всё куда-то бежать ей надо, за какой-то святой водой. Дедушка наш Герасим Макарыч пиджачок подле её постели бросил и прилёг, чтобы Лида через него не переступила, никуда не ушла. Приходила медсестра с соседней улицы, уколы делала, красный стрептоцид приносила, как раз для фронта, для раненых, его стали изготавливать. Так она стрептоцид давала Лиде. А Лида своё:

– Пить, пить!.. Святой воды мне... Из Андреевского колодца... Из колодца Андреевского...

Наутро, чуть свет, дедушка собрался и ушёл в Андреевку. Это как раз на полдороге между Малоархангельском и Колпной. Метров в трёхстах от границы районов, направо, в лощине, где лоза и ракиты. Из Малоархангельска туда и обратно километров сорок, ну, может, и больше.

Ждём мы дедушку, как Бога. До самого вечера.

Вот и он! Лида схватила бутылку и давай пить жадно, крупными глотками.

– Ну вот, – вздохнула она. – Теперь буду жить.

И поставила бутылку обратно на стол.

Удивительно, правда, чудо какое. К вечеру Лида встала на ноги и сама вышла на улицу...

– Вот какое дело, сынок! – сказал мне папа. – Что такое Андреевский колодец, святая вода.

Набирает папа номер мобильного Александра Михайловича Полынкина, известного краеведа. Всё знает обо всех творческих людях, что живут на юго-востоке области, вокруг Малоархангельска.

– Александр Михайлович, дорогой, кто это там в Андреевке живёт? Какой-то мичман в отставке.

– А-а-а, – засмеялся Полынкин. – За Андреевским колодцем присматривает, написал даже книгу о нём.

– Молодец мичман! – говорит папа. – Надо почитать.

Взял папа тоненькую рукопись, что вручила ему Марина Карлова и с первого же абзаца, как закричит:

– Да ты глянь, как написано! Про Одессу и Севастополь, про Чёрное море... Как юнга севастопольский – Кирюша из Севастополя...

– Папа, – говорю я ему, – мичман и тут у нас в Колпне выбрал воду – Андреевский колодец, святая вода...

Быстро летит время, пулей. Вот уже и апрель. Вот-вот нам всей семьёй ехать на дачу – в наш Малоархангельск, к родному дому. Как приедем, так вскоре на автобус «Малоархангельск – Колпна». И на полдороге, за Хмелевым, выйдем. И пойдём направо к святому Андреевскому колодцу.

Едем к мичману. Открытие ждёт читателей в очередном номере журнала «Русское поле»: публикация его рассказа про Одессу и Севастополь. Разве не чудо – талант? Андреевский колодец, святая вода. Мы с папой верим в чудеса, и с этой верой как-то легче живётся.

ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК ФИАЛОК В ГЛАВНОЙ, БУНИНСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ ОРЛА

Мама пришла и сказала:

– На двери библиотеки Бунина, сама видела, висит объявление: «Праздник фиалок в Орле. Принимают участие другие города России».

Тут же все втроём мы собрались на праздник. Идём через Парк культуры. Проходим мимо Колеса Обозрения. Папа, как обычно, глянул на него:

– Что-то колесо какое-то сумрачное.

– Ноябрь же, поздняя осень, – говорю я ему. – Дни короткие, ночи холодные. Скоро повеселеет, станет всё белое, когда выпадет снег.

Пришли мы в «Бунинку», поднялись на верхний этаж, где в читальном зале проводятся презентации. Как только вошли, тут же замерли: такой восторг природы, такая красота! Фиалки – синие, голубовато-розовые, в красно-белую крапинку. Они источают тонкий, едва уловимый, изумительный аромат, присущий только фиалкам.

Мы пошли по залу с фиалками слева. Женщина – цветовод рассказывала о своих любимых цветах, о фиалках:

– Я из Орла, живу в двухкомнатной квартире, одну комнату я оставляю фиалкам. Пусть вольно им будет, легко у меня жить и дышать.

Посреди зала мы остановились. Фиалки откуда-то из Подмосковья. Голубовато-синие, бело-красные – невероятной окраски.

– Всё отдам за фиалки! Развожу, вывожу новые сорта, – сказала хозяйка цветов. – Купите фиалки, они украсят всю вашу жизнь.

Справа, у самого выхода, были изумительные, роскошные, просто чудо – фиалки. Самые красивые, самые нежные. Тут же были выставлены и продавались плетёные плоские, лукошки, деревянные ложки и даже плетёный самовар. Самовар мы уже купили когда-то, и он был у нас на даче в Малоархангельске. И вот мы купили тут плоскую с фиалками. И почувствовали: у этой хозяйки они были самые-самые, просто лучше их не было во всём этом зале.

– И во всём Орле, – сказала нам женщина. – Во всём орловском обществе цвето-водов.

Вышли мы из библиотеки, завернули фиалки в газету, чтобы не замёрзли. Идём по горсаду, дошли до Колеса Обозрения, а папа и говорит:

– Что ж мы плетёный самовар-то не купили?

– Так у нас уже есть. В Малоархангельске, – сказала мама.

– Это как книги – ответил ей папа. – И тут, и в Малоархангельске должны быть обязательно.

– Как бы кто не купил! – воскликнула наша мама и бросилась в библиотеку.

Поставили мы самовар в моей комнате как повыше – на «Вегу», на которой мы иногда крутим пластинки. А фиалки оставили на столе. Утром встали, любуемся, папа и говорит:

– Хороши! Подарить надо хорошему человеку. Кто приносит пользу людям.

– Врачу, – тут же сказала мама. – Пойдём в поликлинику и подарим врачу.

Пошли, подарили. А врач спрашивает:

– Праздник, что ли, сегодня какой?

А я ему и говорю:

– Не какой-то, а великий праздник! Праздник красоты!

Папа поставил плошку с цветами на стол:

– Красиво? Мы принесли вам эту фиалку. Вы – хороший врач, вы отдаёте всю душу людям, нежной фиалке будет у вас хорошо.

ПОЧЕМУ СИНИЧКИ СИНИЕ

Самый главный праздник начала лета – Троица. Всё в домах люди украсили зеленью. Прямо с порога тебя встречают берёзовые ветки, развешанные повсюду, под ногами пучки свежей травы. На такое диво прилетели взглянуть птички-синички. Расселись по всему саду, как воробьи расчирикались, ожидая угощения на садовом столе. Такие все синие, синие.

– Папа! – кричу я. – Смотри, какие гости к нам пожаловали! Синичками называются. Наверное, от посёлка Синяевский.

– Что ты, что ты? – засмеялся папа. – Скорее всего, посёлок наш так называется – от синичек.

Смотри, сколько их тут. И зимой, и летом всё одним цветом.

– Встречаем гостей! – кричу я. – Угощаем!

И давай разбрасывать хлебные крошки. А синички поклюют, поклюют, перелетят, сядут на край бочки и пьют воду, сколько влезет.

Услыхали, наверное, по радио или, может, по телефону, что тут у нас угощение, и летят синички со всех сторон сюда в наш сад, к нашему столу. Садятся на траву, и птичек столько становится, что их синева сливается с синевой горизонта.

Когда синичка ходит по травке, то она синяя, а когда сидит высоко на ветке, то жёлтая, у неё жёлтое пузочко.

– Видал, какие синички? – говорю я папе. – Они же двухцветные: синие и жёлтые. Вот синичка передо мной: вся синяя, синяя, с тёмно-синей головкой, как небо.

Сели мы дома за праздничным столом. Мама нам с папой салыца подкладывает. «Вы, говорит, у меня мужички. Вам надо больше есть мяса и сала, чтобы силу иметь».

Папа, улыбаясь на её слова, подмигнул мне и говорит:

– Синички сало любят, синичкам сала только давай. Когда я был пацаном, как ты, сынок, бывало, порежу сало мелко-мелко и синичкам в кормушку положу за окно. Чтобы силу имели, не замёрзли в морозы.

– И чтоб празднично было, – говорю я. – Чтоб и зимой они были на ветках перед окном. Чтобы всегда прилетали к нашему дому.

Выглянул я в окно – небо на траве синее-синее, от синичек. Конечно, от них, от синичек, наш посёлок называется Синяевский. А вот по соседству село носит название Подбелевец – от французского слова «бель – красивый», а Синяевский – от слова «синева».

Подцепил я вилкой кусок сала побольше, побежал на кухню, взял нож поострее, порезал сало мелко-меленько и завернул всё это в целлофан.

– Куда это ты убежал? – спросил меня папа, когда я вернулся.

Подошёл я к нему и стал шептать на ухо:

– Сало резал на кухне мелко-меленько.

– А зачем?

– Для синичек. Придёт зима, прилетят синички к нашей кормушке, а там салце лежит. Порезано мелко-меленько. Зимой птичкам голодно, холодно... Надо птичек кормить...

– И зачем ты шепчешь об этом? – положил папа руку мне на плечо. – Громко говорить надо про это, чтобы все слышали. И делали так же.

– Так, так! – аж подпрыгнул я и захолопал в ладоши. – Будем кормить птичек в голодное время, когда негде найти им ни жучков, ни червячков. Всё ведь будет засыпано снегом.

– Ну, молодец! – засмеялся папа. – Верно, сынок, готовь телегу летом, а сани зимой.

– И всё-таки, всё-таки! – сказал я от души. – Конечно, конечно! Синички синие тут у нас от посёлка Синяевский, а Синяевский – от слова «синева». Вот русские люди! Златоусты, художники слова! И это всё нам от красоты родной природы, от неба и его синевы.

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

БАБУШКИН ПРАЗДНИК

Из книги «Грибное счастье»

Бабушке Рае стукнуло целых полвека. Все вокруг раскричались: «Юбилей, юбилей! Надо это отметить!» И вот домой к ней пришли её сын и дочь. И привезли с собой к бабушке Рае своих детей: два внука и три внучки. Это почти целый класс у бабушки в её деревенской школе.

Бабушка Рая с дочерью стали расставлять на столе посуду, всякую еду, приготовленную вчера. И внучки кинулись помогать. А бабушкин сын принялся жарить на мангале привезенное из города мясо, готовить шашлык. И один внук тоже стал ему помогать, а другой – Миша – стоял в сторонке и не знал, что ему делать со своей спичечной коробочкой.

Тут все принялись дарить подарки бабушке Рае. Миша с интересом наблюдал за всем этим. Одна внучка вручила бабушке кошелёчек, вышитый бисером собственными руками. Другая внучка сама нарисовала картину про бабушкину корову. Третья внучка привезла с мамой из города торт.

– А ты что подарить бабушке? – спросили старшего внука, который с отцом жарил шашлык.

– Да вот мы с папой тут... подарим бабушке шашлычок, – сказал этот внук. – Я тоже ещё с вечера заквашивал с папой мясо в ведре. Полночи не спал, волновался...

– А ты, Миша? – спросили младшего внука. – Что ты приготовил бабушке Рае?

Маленький Миша вышел вперёд, поцеловал свою добрую бабушку в щёчку и подал в руки ей спичечный коробок.

– И что там в нём, Миша? – удивились взрослые.

– Подарок-то ма-а-ленький такой, малозначительный. А ну покажи: что там в твоей коробочке?

И самая живая из девочек тут же открыла коробочку и заглянула вовнутрь.

– Ой! – закричала она. – Ой-ой-ой! Это жук колорадский!.. Он подарил ей жука, который вредит всем... бррр... картошку ест на огороде...

И все, даже взрослые, бросились смотреть на коробочку.

– А ну-ну! Покажите... Ой, какой полосатый, противный! – раскричались, запрыгали дети. – Зачем ты его принес? Вышвырни вон... вон отсюда...

Бабушка Рая наклонилась к Мише и тоже спросила:

– Ты где его взял, внучек? На нашем огороде?

– Я взял его на огороде у бабушки Веры, – сказал Миша с дрожью в голосе. – Смотри, бабушка, какой он маленький... самый маленький... и все его травят, все против него... А он такой тихий, мне жалко его. Я на его стороне...

Бабушка Рая, которая утром была на огороде, опрыскивала там у себя картошку, наклонилась к Мише, погладила его по головке, сказала добрым, ласковым голосом:

– Хороший подарок твой, внучек. Пусть пока поживёт у нас. А завтра мы отнесем его...

– Кому? – закричали дети. – Бабушке Вере?

– Отнесём куда-нибудь в лес, – сказала внукам и внучкам бабушка Рая. – Туда, где не растёт картошка, не живут люди. Где на него, дети, никто не будет показывать пальцем. С тобой вместе отнесём его, Мишенька, в лес, когда пойдём по грибы.

КНОПОЧКА В ХОЛОДИЛЬНИКЕ

Папа Мишин – бабушкин сын – собрался в гости к своей сестре и взял с собой Мишину маму и самого Мишу со старшим братом Виталиком, то есть Вениамином, но по паспорту – Валерием. Все они жили в городе. А у тётиного мужа был ещё и младший брат. Вот ему тётин муж и сказал при всех, когда вся семья Мишиного папы пришла сюда в гости:

– Ты, Федя, погляди тут за ними, а то они бог знает чего тут у нас натворят. А у меня на столе разложен доклад, завтра его показывать Губерна-тору...

Все взрослые сели за стол, и пошли у них всякие разговоры. А дети направились прямо в главную комнату, но их оттуда прогнали. Там ваза хрустальная и на видном месте японский сервиз. Федя ходил по пятам за Мишей, все старался не допустить его к книжным шкафам, чтобы не дай бог Миша не испортил какую-либо ценную книжку.

– Раритет! – поднял Федя перед носом Миши указательный палец.

– А что это такое? – удивился старший двоюродный брат Миши Валерий. – Доклад подразумевается, что ли, самому Губернатору?

– Много будешь знать, скоро состаришься, – заявил Федя и закрыл дверь в комнату, где лежал на столе доклад.

От нечего делать Миша с двоюродным братом присели вдвоём на стульчик. В коридоре прямо за холодильником. Большой, липецкий, совместного с Италией производства – холодильник этот занимал всё пространство. С морозилкой. Гордость семьи. Ребята сидели перед ним тихо-тихо, тише мышки. Федя, который был уж, наверное, студентом, посмотрел на них свысока, зевнул пару раз и отвалил к взрослым.

А братьям тут сделалось скучно. Особенно Мише. Кузен Виталик пошёл в ванную комнату воду пить. Миша слез со стула, встал прямо перед холодильником, как перед человеком, перед его двумя зелёными глазами.

– Чего мучишься? – сказал Миша холодильнику с его зелёными глазами.

Потом взял и подставил стульчик поближе, залез на него, чтоб получше разглядеть те зелёные, человеческие глаза. И видит с близкого расстояния: кнопочки, кнопочки какие-то, кружочки... Нажал на кнопочку, повернул кружочек...

После гостей муж родной тети Мишиной заметил, что из-под холодильника течёт ручеек, собралась уже целая лужа. Всполошились все, взбегались. Схватились за тряпку. Кинулись мастера вызывать.

Вот ей-богу! Не знаешь, что и подумать. Холодильник липецкий, совместно с Италией производства – новый, как часы работал, а ведь потек. Явился мастер, жена вытирала лужу, муж суетился возле мастера. Раздался телефонный звонок. Звонил Мишин папа:

– Посмотрите, работает ваш холодильник? Миша говорит, нажал у вас там на какую-то кнопочку.

Мастер улыбнулся, сказал:

– Вот вам и вся поломка. Холодильник у вас работает. Надо только нажать сюда вот, на эту самую кнопочку.

Теперь все зовут Мишу «Кнопочка». И, знают, что у Миши особое внимание к технике. Получше приглядывайте за ним, когда Миша приходит к вам в гости. И этот случай стал весёлой историей в биографии Миши, которую в шутку люди просят иногда повторить.

КОТ ВАСЬКА ПРЯЧЕТСЯ В КОРОБКЕ

Теперь как только Миша Кнопочкин со своим папочкой и мамой придут к кому-либо в гости, так все хозяева навьютяжку стоят у своих холодильников. У всех розеток, дырочек, кнопочек, куда только что-либо втыкается и вытыкается, включается и выключается чтобы не произошла какая-нибудь авария, какое-нибудь серьёзное происшествие. Например, не взорвалась бы где-нибудь газовая плита или корабль где-нибудь не утонул. С маленькой дырочки всё начинается, с кнопочки...

А Мише кнопочки эти теперь не интересны. У каждого холодильника, бумбокса, магнитофона торчит теперь по часовому. Как Бумбараши. Переключаться Миша стал на собак и котов, на мышей и кротов.

– Мама! – кричит он в другую комнату, где мама собирается опять в гости, но теперь к другой своей двоюродной сестре. – Мама! Скажи, почему кротов называют «потуроями»?

– Так называют, – отвечает мама, причёсываясь и держа при этом шпильки во рту. – Ну, то по эту, а то по ту сторону землю роют... кроты эти...

Пришли они с мамой к её кухне, а у них детей нет, существует только Кот Васька. Культурный такой, говорят, обходительный.

Европеец! Любимец наш Кот.

Посмотрите, как важно идёт.

Как хвостом сам с собою играет.

Миша только с порога и хватать его за шкурку. Нашёл старый утюг и давай коту бок гладить, потом сзади начал в него вилку втыкать, как в розетку. У маминой двоюродной сестры Клавдии Петровны аж глаза на лоб полезли.

– Да ты что, Миша! Это ведь живое существо! Ему больно, даже страшно... Это тебе не патефон, не проигрыватель «Вега», даже не радиоприемник «Беларусь»...

- Старьё какое, - ворчит Мишина мама. - Рухлядь всякая... Грамофон бы ещё сохранила. С пластинками Анастасии Вяльцевой...

Пока сестры выясняют между собой отношения, Миша шмыг мимо них и следом за Котом Васькой. Да за хвост его и давай возить, словно электровоз.

- Ты куда, Васька?! - кричит Миша коту, словно вагону. - В холодильник надо тебя? В телевизор? Туда вагоны не помещаются... Ладно, давай-ка лучше играть со мной в оловянных солдатиков.

- Где он видит оловянных солдатиков? - насторожилась Мишина мама, глядя на свою кухню. - Откуда они тут взялись-то хоть? Кто ими тут у тебя занимается, этими солдатиками?

- От сыночка погибшего остались, - вздохнула мамина двоюродная сестрица. - Заберите их на память, что ли, да хоть сейчас... А где же наш кот, мадам? Миша, куда делся наш кот? Миша, где он, ты не видел кота?

- Не видел, - говорит Миша. - Он, наверное, в телевизоре.

- В телевизор запихал? - всплескивает руками мамина двоюродная кузина.

- А может быть, в стиральной машине? - ещё веселее говорит сёстрам Миша.

- Господи! Неужели ты в ней кота хотел постирать? - не выдерживает даже мама. - В конце концов, где же Кот Васька-то, где?

- Может в парикмахерскую пошёл? - Миша смотрит на маму вовсе весёлыми глазками.

- Зачем?

- Побриться надо коту, - смеётся Миша. - У него же усы.

- Господи! Он его ещё, наверное, и брил! - ахнула кузина мамина - хозяйка квартиры. - Чем ты, Миша, брил его?

- Я не брил вашего кота, - говорит Миша уже как можно спокойнее. - Я только за ногу его немножечко дёрнул и за хвост потаскал. Потом взял и подцепил к нему вагоны, как к электровозу...

- Вот дураки-то мы с тобой, а? - всплеснула руками двоюродная кузина. - А если бы в окно пошел твой поезд с вагонами! Он бы все стёкла мне переколотил...

- Зачем ты вагоны Мише дала играть? - упрекнула Мишина мама кухню.

Бросились сестры искать Кота Ваську по всей квартире. Может, он на балконе? Может, дверь оставили приоткрытой? Васька выскочил наружу, на лестничную площадку, а там и на улицу. Выбежали сестры во двор, спрашивают соседей: «Не видали нашего кота? Белый такой, с серым пятном на спине... Европейец, любимец наш кот!» Нигде нет его: ни наружи, ни дома в самой квартире. Так расстроились все, ну и Миша, конечно. Бегал Миша всюду вместе со всеми, едва не заплакал, когда взрослые прекратили всякие поиски. Решили повесить на столбе объявление.

Едва вернулись домой со двора, а Кот Васька уж тут как тут. Вышел из-под дивана, из своей тайной картонной коробки. Смело идёт прямо в Мишины руки, ничего не боится. Миша к нему, кот назад, от него и обратно в свою коробку. И давай драть её изнутри когтями, свой характер показывать...

На другой день мамина кузина пришла к ним домой, принесла своего Кота Ваську поиграть Мише. Так Кот Васька у Миши тут и остался. В конце концов, и прижился.

Миша теперь за хвост его не таскает, вагоны за ним, как за электровозом, не возит. Играет с Васькой в оловянных солдатиков. Кот служит ему за генерала неприятельской армии. Отдаёт команды наступать, отступать. Миша бросает в Бородинский бой кавалерию, защищая свою страну, такая-то в доме теперь катавасия.

Очерки. Краеведение

ТУРГЕНИАНА

ИВАН ГРАЧЁВ,
глава Мценского района

ТУРГЕНЕВ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В 2018 году исполняется 200 лет со дня рождения великого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева. Всё его творчество проникнуто чувством огромной любви к родине, наполнено патриотизмом, в основе которого вера в великое будущее своего народа. Выражая мысли, чувства и чаяния современников, Тургенев запечатлел и передал грядущим поколениям духовный опыт эпохи, имеющий непреходящую ценность, характеры людей, порождённые своим временем.

Ещё при жизни писатель «прорубил окно в Европу» для русской литературы, достиг мировой славы и оказал большое влияние на творчество ряда западных писателей. Произведения Тургенева явились для европейского общества подлинным откровением о России, так как они давали превосходный художественный комментарий к событиям русской жизни и истории.

«На тысячу вёрст кругом Россия – родной край!», – написал И.С.Тургенев в своём стихотворении в прозе «Деревня». Здесь, в центральной полосе России, писатель черпал обильный материал для творчества, здесь находил своих героев, подмечал красоту русского пейзажа. Особое место в становлении творчества писателя, его эстетическо-нравственных позиций сыграла родная Орловщина. «Моё Лукоморье» – называл писатель свои родные, полустепные края. Тёплой памятью детства, чувством глубоких, прадедовских корней отзывалось сердце великого русского литератора при виде этих исконно русских мест.

«...Только и думаю о возвращении весной в возлюбленный Мценский уезд <...> – Егорьев день, соловьи, запах соломы и берёзовых почек, солнце и лужи по дорогам – вот чего жвждет моя душа!», – написал И.С.Тургенев О.Д. Хилковой в 1861 году. Самое значительное и самое прекрасное из всего написанного писателем создавалось здесь, в родном Мценском уезде, в родовом имении Спасское-Лутовиново. Это была его творческая лаборатория, где рождались замыслы рассказов, повестей, здесь были написаны пять из шести его романов.

Дом, усадьба Спасского с окрестностями служили для Тургенева источником вдохновения. Жители Мценского края с особым трепетом перечитывают ныне тургеневские страницы с описанием родных сёл и деревень. В повести «Три встречи» события разворачиваются в селе Глинском, в рассказе «Бирюк» упоминается Кобылий верх, в знаменитом рассказе «Бежин луг» – сельцо Шашкино, где в 1840-е годы неоднократно бывал Иван Сергеевич. С родовыми корнями писателя связаны история сёл Сычи (родина немого Андрея, ставшего прототипом дворника Герасима в рассказе «Муму») и Сомово (неоднократно упоминается писателем в его переписке с управляющими имениями). В дворянских усадьбах Волково, Воине, Новосёлках Тургенев бывал у своих мценских друзей и знакомых. «Я ничего не знаю прелестнее наших орловских старых садов – нигде на свете нет такого запаха и такой зелёно-золотистой серости... под чуть-чуть лепечущими липами в этих узких и длинных аллеях, заросших шелковистой травкой и земляникою. Чудо!», – писал И.С.Тургенев.

В апреле 2017 года местный краевед Я.Стромский установил памятный знак в деревне Меркулово (б. Протасово), на месте бывшей усадьбы помещика Н.С.Протасова.

послужившего прототипом Мартына Харлова – главного героя повести Тургенева «Степной король Лир».

По мнению орловских краеведов, действие тургеневского рассказа «Певцы» происходит в небольшой деревушке Колотовка, которая располагалась рядом с селом Сергиевским, где находилась усадьба «старинного приятеля» И.С.Тургенева А.В.Сафонова: «...Действительно, в наших краях знают толк в пении, и недаром село Сергиевское, на большой орловской дороге, славится во всей России своим особенно прямым и согласным напевом».

Велико значение тургеневских «Записок охотника», которые стали богатейшим источником изучения русского национального языка и жизни разных слоёв общества середины XIX века. В них нашло широкое отражение «живое просторечие города, помещичьей усадьбы и русской деревни». Крестьяне в «Записках охотника» говорят тем самым народным языком, который уже стал достоянием языка художественной литературы того времени. Салтыков-Щедрин находил в «Записках охотника» силу, меткость, юмор, поэзию языка простого человека. В тургеневских рассказах нередко встречаются местные слова и выражения, диалектизмы орловского наречия, например, «площадя», «зеленя», «шуршание», с «опаской». Борясь за общенациональные нормы литературного языка, Белинский в письме к Анненкову в феврале 1848 года упрекал Тургенева в том, что тот «пересаливает в употреблении слов орловского языка». Однако многие из этих диалектизмов стали достоянием современного русского литературного языка.

Тургенев хорошо знал и любил русскую народную песню. С многих страниц его произведений «звучат» то народная песня, то вдохновенно исполняемые героями произведения классиков. В каждый свой приезд на родину великий писатель устраивал гулянье для спасских крестьян с хороводами, забавами, песнями. Эти песни и сегодня являются основой песенного репертуара хора Спасско-Лутовиновского сельского Дома культуры, а также визитной карточкой всего Мценского района.

В этом году отметит свой 155-летний юбилей Спасско-Лутовиновская школа имени И.С.Тургенева – одна из старейших школ орловского региона. Она была открыта писателем в 1863 году и содержалась на его средства. Иван Сергеевич считал своим гражданским долгом и обязанностью способствовать становлению духовного и практического развития крестьянских детей: «Что касается школы, то советую с твёрдостью продолжать начатое дело», – писал он управляющему Кишинскому.

С годами школа претерпела изменения. В 2011 году дети и учителя получили новое, красивое здание. В школе открыт музейный уголок, посвящённый жизни и творчеству великого писателя-земляка. Рядом со школой в Спасском-Лутовиново сохранилась часовня Александра Невского, построенная на средства писателя ещё при его жизни.

Свой 105-летний юбилей отметит в этом году и Мценская районная межпоселенческая библиотека имени И.С.Тургенева – одна из старейших и крупнейших библиотек Орловской области. Её история, как первой в городе «народной библиотеки-читальни» тоже связана с именем великого писателя-земляка. Библиотека была открыта 22 августа 1913 года в день 30-летия со дня смерти писателя и названа Общественной библиотекой имени И.С.Тургенева. После революции в её фондах некоторое время хранились книги из родовой тургеневской библиотеки. В 1918 году 2500 экземпляров книг были отправлены в Орёл, где по сей день хранятся в музее писателя.

В Мценской районной библиотеке ежегодно проводятся множество мероприятий, посвящённых творчеству И.С.Тургенева. В феврале 2017 года детским отделением районной библиотеки был подготовлен и проведён круглый стол «Творчество И.С.Тургенева глазами молодого человека». В мероприятии приняли участие читатели-дети Высокинской, Гладкинской, Глазуновской, Мельнской, Подмокринской, Протасовской, Спасско-Лутовиновской библиотек.

В октябре районная библиотека приняла участие в Орле во Всероссийской конференции «Творческое наследие И.С.Тургенева в культурном и образовательном пространстве XXI века» с выступлением «Путь к Тургеневу: развитие интереса к жизни и творчеству писателя через творческие возможности читателей-детей в библиотеках Мценского района».

Ежегодно в рамках «Тургеневской осени» в библиотеках района проводятся тематические циклы мероприятий. Традиционной стала акция «Читаем Тургенева вместе», которая проходит в день и час рождения писателя (9 ноября в 12.00). В 2017 году к участию в акции присоединилась мценская гимназия Орловского государственного университета имени И.С.Тургенева.

С июля по декабрь был реализован радиопроjekt «Читаем Тургенева». В 12-ти эфирах библиотекари читали отрывки из любимых тургеневских произведений.

В 2018 году запланировано более 100 мероприятий, самыми крупными из которых являются: «Мой Тургенев» в рамках Всероссийской акции «Библионочь-2018»; литературная страница «Фет и Тургенев» на районном празднике «За околицей»; районный конкурс детского творчества «Добрый великан» (август-ноябрь); районный конкурс творческих работ «По тургеневским страницам»; Круглый стол в рамках 105-летия Мценской районной библиотеки имени И.С.Тургенева и 200-летия со дня рождения великого писателя-земляка; телепроект «Время читать И.С.Тургенева»; читательская конференция «Читаем Тургенева» на неделе детской книги; творческий вечер «От Тургенева до наших дней» в литературном клубе «Вдохновение».

Многие библиотечные работники района являются членами орловского Тургеневского общества, в перспективе которого создание Мценского отделения. Библиотека поддерживает творческие связи и с тульской межрегиональной общественной организацией «Тургеневское общество».

Жители Мценска и Мценского района – члены Тургеневского общества активно занимаются изучением творчества писателя-земляка, способствуют продвижению и популяризации его наследия, являются авторами ряда публикаций о памятных местах Мценского края, связанных с именем писателя. В июне 2017 года сотрудники районной библиотеки имени И.С.Тургенева приняли участие в XXV юбилейных Тургеневских чтениях, которые прошли в Орловском государственном объединённом музее имени И.С.Тургенева. В сентябре на базе районной библиотеки состоялся Круглый стол «Иван Сергеевич Тургенев и город Мценск», проведённый на выездном заседании регионального Тургеневского общества. Открытием юбилейного 2018 года стали именины И.С.Тургенева, в которых приняли участие не только члены Тургеневского общества, но и многочисленные гости районной библиотеки.

Сегодня, спустя столетия, нам всё ещё трудно оценить величие и значение творчества Ивана Сергеевича Тургенева. А слова-напутствия Н.Г.Чернышевского: «Чем выше понятие наше о значении г.Тургенева, тем оно истиннее и тем ближе к мнению каждого живого человека в русской публике», – остаются актуальными не только для наших современников, но и для наших потомков.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВА

ЗА ЧТО Я ЛЮБЛЮ ТУРГЕНЕВА

«За что я люблю Ивана Тургенева?» – На этот вопрос мне предложили ответить создатели журнала «Русское поле».

Да, я люблю Тургенева, я глубоко понимаю и чувствую его, как будто между нами существует некая родственная связь. Томик с его произведениями всегда ле-

жит рядом со мной, на ночном столике, чтобы я могла в любой момент, протянув руку, погрузиться в его поэтические повествования и найти там что-то очень важное для меня именно в данный момент моей жизни. Не могу сказать точно, сколько раз я прочитала его «Асю» или «Дворянское гнездо», или некоторые мои любимые «Стихотворения в прозе». Я даже часто идентифицирую себя с Асей. Во мне так много её черт и свойств характера – сочетание робости и отчаянной смелости, наивности и гордости, романтики и страсти, желания любить и скованности, неуверенности в себе, женственности и угловатости подростка. А впрочем подобные черты присущи любой истинно русской девушке.

А его фраза из этой повести о счастье просто гениальна, и меня каждый раз охватывает дрожь и замирает дыхание, когда я читаю эти его строки: «До завтра, – подумал я, – завтра я буду счастлив... Завтра я буду счастлив!? У счастья нет завтрашнего дня, у него нет и вчерашнего; оно не помнит прошедшего, не думает о будущем; у него есть настоящее – и то не день – а мгновенье». Как хорошо, как точно, как выстраданно он это сказал!

Я идентифицирую себя и с самим Тургеневым. Мне так часто кажется, что он – это я, ведь мы так похожи, и у нас так много общего... Иван Сергеевич Тургенев родился 28 октября 1818 года в городе Орле. Его детские годы прошли поблизости, в имении матери – тихом и живописном селе Спасское -Лутовиново. Но и моё детство тоже связано с Орловщиной, к которой я в течение всей своей жизни сохраняю верность и сильные ностальгические чувства, куда меня постоянно тянет как магнитом и природа которой для меня просто неповторима. Вот и Тургенева постоянно тянуло в его милое Спасское, где он неизменно проводил лето и часть осени. Именно там, в Спасском, где цвели липы, пели соловьи, колосилась рожь и журчали ручьи по окрестным оврагам, в «беседке Рудина» и у тихого пруда, писатель ощущал необычайный прилив творческой энергии. Там ему легко дышалось и легко писалось. «Глянешь с горы – какой вид! Круглые низкие холмы, распаханнные и засеянные доверху, разбегаются широкими волнами; заросшие кустами овраги выются между ними; продолговатыми островами разбросаны небольшие рощи; от деревни до деревни бегут узкие дорожки...» – так описывал Тургенев родные ему места. Именно поэтому овейные ароматы родных полей и лесов поэтические картины его произведений были удивительно верны и так волновали русского человека. Ведь сущность его художественной манеры изображения (будь то человеческие характеры или описания природы) заключается в необычайной простоте повествования, в верности действительности, в особом лирическом воодушевлении художника, которое неизбежно передаётся читателю.

Мне, также как и ему, судьба уготовила жизнь скитальца и вечную тоску по Родине из далёкого далека. Но в этих скитаниях мы никогда не забывали наши истоки и корни и всегда лелеяли в себе мечту когда-нибудь вернуться и обрести наконец умиротворение и покой на родимой земле. И куда бы Тургенев ни попадал: в ослепительный Париж или в величественный Рим, в живописную долину Рейна или в фешенебельный Баден, сердцем он постоянно был в России. «Что ни говори – а мне всё-таки моя Русь дороже всего на свете, особенно за границей я это чувствую», – писал он в ноябре 1856 года своему другу В.П.Боткину. Или потом опять в своём романе «Рудин»: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без неё не может обойтись. Горе тому, кто это думает, двойное горе тому, кто действительно без неё обходится!»

Всю жизнь, как и он, я провела в поисках любви. Искала её, звала, не представляла себе жизни без любви. Но она то появлялась, то сразу таяла, неуловимая, необъяснимая, капризная, хрупкая. Она и блаженство, и страдание, боль. То возносит до небес, то низвергает в пропасть. Но как без неё жить? Без любви жизнь пуста, скучна, бесцветна и просто немыслима. И для Ивана Тургенева любовь являлась смыслом

жизни. «Любовь!.. В ней всё тайна, как она приходит, как развивается, как исчезает. То является она вдруг, несомненная, радостная, как день; то долго тлеет, как огонь под золой, и пробивается пламенем в душе, когда уже всё разрушено; то вползает она в сердце, как змея, то вдруг выскальзывает из него вон...», – писал он. В любви к женщине Тургенева всегда привлекала высшая, идеальная сторона, граничащая с обожествлением. Испытать же счастье взаимной разделённой земной любви ему не было суждено. Познакомившись в 1843 году в Петербурге с французской певицей Полиной Виардо, которая была замужем, и всем сердцем полюбив её, он должен был довольствоваться жизнью «на краешке чужого гнезда», где он то мучаясь, то успокаиваясь, то надеясь, обретал только иллюзию «своего» дома, иллюзию победы над одиночеством.

Два раза, с разницей в долгие 45 лет, мне посчастливилось побывать в Спасском-Лутовинове. Это замечательное, необыкновенное место. Бродя по аллеям Лутовиновского парка я постоянно чувствовала там его присутствие. Всё там было наполнено им, как будто он сопровождал меня своими умными грустными глазами, а его силуэт возникал то на резной веранде усадебного дома, то появлялся из-за стоящих у дороги деревьев. И в эти чудесные, волшебные мгновения я понимала, что Тургенев или его дух продолжает там жить, что там можно с ним встретиться и мысленно с ним побеседовать. И выполнить его просьбу, высказанную им незадолго до смерти в письме к своему другу поэту Я.П. Полонскому: «Когда вы будете в Спасском, поклонитесь от меня дому, саду, моему молодому дубу – родине поклонитесь, которую я уже, вероятно, никогда не увижу». Он не увидел больше своей родины, но уже многие поколения русских людей склоняют свои головы в глубоком восхищении перед его писательским гением, гением меры, вкуса, изящества, находя в его произведениях ответы на мучающие их вопросы, узнавая себя в его героях и участь у него любви к Родине, русской природе, родному языку и ещё многому другому. Потому что он на прекрасном русском языке, чистыми и верными звуками говорил нам обо всём том, что делает светлее, возвышеннее наши души, что восполняет недостаток в красоте и благородстве чувств, заставляет задуматься о смысле жизни и нашей человеческой судьбе.

А закончить своё признание в любви моему любимому писателю мне хочется словами К.Д.Бальмонта: «Тургенев был первым поэтом русской прозы, равного которому донныне ещё не было, он воспринял всё пушкинское золото и сковал серебряные звоны ещё более певучие, он был не только учеником Пушкина, но и его... равноправным наследником!»

ВАЛЕРИЙ ДОМАНСКИЙ,
ОЛЬГА КАФАНОВА,
г. Санкт-Петербург

ИВАН ТУРГЕНЕВ – РУССКИЙ ЕВРОПЕЕЦ

Россия всегда стремилась в Европу, ещё до эпохи Петра Первого. Русские князья, а затем цари вступали в брачные союзы с европейскими государями, приглашали европейцев на службу, перенимали бюрократические порядки и многое другое. Тяга в Европу была особенно сильна в последние десятилетия прошлого века. Появились выражения, которые относятся к разным сферам жизни и быта, в своё время они обозначали высшую степень качества: евроремонт, еврокухня, европейский стиль жизни, европейская внешность, европейский образ поведения и др. Сейчас эти тенденции не так сильны, мы словно перегорели, а вот украинцы безудержно стремятся в Европу и готовы за свой европеизм платить собственной идентичностью.

Сейчас Россия, как уже не раз это было в её истории, пытается определиться со своим европеизмом. А его сущность неоднозначна, она требует глубокого анализа и имеет свой генезис, разные фазы своего развития и может рассматриваться в разных плоскостях: бытовом, историко-социальном, политическом, философско-культурологическом. В последнее время появился ряд научных работ и даже диссертационных исследований, посвящённых данной проблеме.

Словосочетание «русский европеец» стало появляться в русской культуре с середины XIX века для обозначения исторических персонажей, участвовавших в диалоге между Россией и Европой. Оно нашло своё отражение в работах авторов, исследующих разные стороны этой проблемы: славянофильство и западничество, индивидуализм и соборность, русскость и европеизм, изгнанничество и эмиграция (А.И. Герцен, Н.Я. Данилевский, К.Д. Кавелин, Ф.М. Достоевский, А.А. Григорьев и др.)

Применительно к Тургеневу понятие «русский европеец» при жизни писателя не употреблялось. По всей вероятности, впервые оно было употреблено в эмигрантской печати в 1933 году. Под таким названием вышла статья П.Н. Милюкова, посвящённая 50-летию со дня смерти писателя, опубликованная в газете «Последние новости». Милюков, по сути, озвучивает позицию Тургенева о его европеизме и русскости, высказанную писателем в полемических письмах к А.И. Герцену 1862 г. и в «Литературных и житейских воспоминаниях» (1868 г.). Подробно понимание тургеньевского европеизма в публикациях русских эмигрантов первой волны рассмотрела в своей интересной статье Ирина Николаевна Тишина.

Обратимся к самому Тургеневу. Для русского писателя европеизм – это проявление его западничества, к которому он пришёл ещё с юности и верен «остался навсегда. Свой выбор Тургенев объясняет прежде всего неприятием крепостного права и насилия над человеческой личностью, которое с ним связано: «Это была моя аннибаловская клятва; и не я один дал её себе тогда. Я и на Запад ушёл для того, чтобы лучше её исполнить» (XI, 8). Вместе с тем русский писатель никогда, по его собственному высказыванию, не проводил резкой черты между Россией и Западом, Россией и Европой, относя Россию к «европейской семье» (П: V, 131). Полемизируя с непримиримыми славянофилами, Тургенев писал в «Воспоминаниях»: «Скажу также, что я никогда не признавал той неприступной черты, которую иные заботливые и даже рьяные, но малосведущие патриоты непременно хотят провести между Россией и Западной Европой, той Европой, с которой порода, язык, вера так тесно её связывают. Не составляет ли наша, славянская раса – в глазах филолога, этнографа – одной из главных ветвей индо-германского племени?» (XI, 8).

И, словно отвечая на возражения мысленных оппонентов, которые говорили об опасности влияния европейской цивилизации на российскую, вплоть до нивелирования её самобытности, он разъяснял: «Неужели же мы так мало самобытны, так слабы, что должны бояться всякого постороннего влияния и с детским ужасом отмахиваться от него, как бы он нас не испортил? Я этого не полагаю: я полагаю, напротив, что нас хоть в семи водах мой, – нашей, русской сути из нас не вывести. Да и что бы мы были, в противном случае, за плохонький народец!» (XI, 8). При этом для Тургенева испытание «западной жизнью» было также проверкой степени приверженности личности к национальному миру, его языку, менталитету, системе ценностей, что он демонстрирует на собственном примере: «Я сужу по собственному опыту: преданность моя началам, выработанным западной жизнью, не помешала мне живо чувствовать и ревниво оберегать чистоту русской речи» (XI, 8). И как подтверждение своих мыслей, он продолжает: «Отечественная критика, взводившая на меня столь многочисленные, столь разнообразные обвинения, помнится, ни разу не укоряла меня в нечистоте и не правильности языка, в подражательности чужому слогу» (XI, 8).

Действительно, Тургенев являет собой пример самого классического русского европейца. Это универсальная категория, объясняющая мировосприятие писателя;

«не конкретное географическое пространство», но «определенный образ мысли, духовный компонент личности, тип поведения».

Авторитетный исследователь русского европеизма как явления культуры В. Кантор полагает, что подлинный европеец – это человек с развитым чувством собственного достоинства, но, самое главное, он является «не просто потребителем западных технических усовершенствований (такова позиция варвара), а сотворцом, сопроизводителем тех ценностей, которые с необходимостью рождаются в лоне личностной европейско-христианской культуры».

«Европеец» органично пребывает внутри пространства европейской культуры и осознает, как писал И. В. Киреевский, редактор знаковой газеты «Европеец», своё «участие в общей жизни просвещённого мира», не утрачивая собственной национальной идентичности. Именно такой тип существования и был уготован Тургеневу. В силу биографических обстоятельств (и прежде всего прошедшей через всю его жизнь любви к французской певице Полине Виардо, за которой он следовал во Францию, Германию и вновь во Францию) писатель прожил почти три десятилетия за границей. Он постоянно возвращался на родину, вдохновлялся родной природой и русскими реалиями, но и за рубежом он строил дома, обустроивал свой быт на долгие годы. Ему как никому из русских писателей удалось в собственной судьбе соединить Россию и Европу, родину и Запад. И в этом его исключительное место среди русских литераторов, которую очень хорошо уловил Д.С. Мережковский:

«Тургенев – истинный европеец, одно из самых крепких и живописных звеньев той великой цепи, которая связывает нас, русских, с жизнью человечества. Он один из первых открыл удивлённому Западу всю глубину, всю прелесть и силу русского духа». Но самое главное, на что указывал Мережковский в общественной и творческой деятельности Тургенева, заключалось в том, что «противоположность западной культуры и русской самобытности, превращается в его душе в гармонию, в стройное и неразрывное сочетание».

Можно выделить в деятельности Тургенева как русского европейца несколько ипостасей. Во-первых, он обрёл в Европе настоящих друзей. «Поставленный волею судеб в самое средоточие русской и европейской умственной жизни, Тургенев имел круг общения гораздо более широкий, чем у любого из его современников. Н.П. Генералова перечисляет несколько десятков имён европейских знаменитостей, с которыми Тургенев переписывался, общался, встречался. Во Франции их было, пожалуй, больше (поскольку и прожил в этой стране Тургенев дольше, чем в Германии; в Англии он бывал нечасто и в основном ради охоты). Настоящим другом Тургенева стал Флобер, близкий ему по возрасту. С почтением как мэтру, который оказал на него большое воздействие в юности, Тургенев относился к Жорж Санд. В переписке Тургенева, Флобера и Санд возник и развивался в 1870-е гг. своего рода межкультурный полилог: одни и те же проблемы (взаимоотношение писателя и читателя, соотношение субъективного и объективного начала в повествовании) переходили от одного корреспондента к двум другим, обрастая подробностями, и наоборот.

Тургенев тесно сблизился также и с молодым поколением французских литераторов, среди которых были Э. Золя, Ги де Мопассан, А. Доде. При этом многое в их поисках было чуждо Тургеневу, как, например, натурализм, блестящим теоретиком и практиком которого стал Эмиль Золя. Но в отношениях к этому художнику ярко проявились такие замечательные черты характера Тургенева, как уважение к иной позиции, альтруизм, желание помочь талантливому литератору, поначалу бедствующему у себя на родине. Тургенев помог Золя стать постоянным корреспондентом журнала М. Стасюлевича «Вестник Европы», в котором он опубликовал 64 «Парижских письма». Очень высоко оценил русский писатель и первые шаги в искусстве ученика Флобера, Ги де Мопасана. Его роман «Жизнь» он очень расхвалил Л.Н. Тол-

стому. Дружеские связи связывали Тургенева с талантливыми немецкими критиками Юлианом Шмидтом и Людвигом Пичем.

Одним из видов деятельности Тургенева как русского европейца была его неустанная деятельность по продвижению, популяризации выдающихся, по его мнению, зарубежных произведений в России. Он хлопотал не только о переводах романов Э. Золя, но и о публикации произведений Э. де Гонкура, И. Тэна. А две повести своего друга Г. Флобера – «Иродиада» и «Легенда о св. Юлиане Милостивом» он перевёл сам и очень гордился своей работой.

Однако было бы неправильно считать, что Тургенев исключительно покровительствовал своим французским друзьям, стремясь сделать их произведения достоянием русской культуры. Не меньше, а, возможно, значительно больше сил он отдал популяризации русской литературы за рубежом. Уже давно Тургенев был признан выдающимся пропагандистом русской литературы на Западе. Н.Г. Жекулин справедливо отмечает, что «играть такую роль ему позволило то особое место, которое он занимал среди читающей европейской публики как самый известный русский писатель». В то же время «сама его известность была в немалой степени результатом его переводческой деятельности». С самого начала знакомства с семейством Виардо Тургенев привлёк внимание Луи Виардо, критика, журналиста и переводчика, к произведениям Гоголя. Благодаря сделанному им подстрочнику уже в 1845 г. повести Гоголя появились во французском переводе. Поначалу Тургенев-переводчик был не вполне уверен в своём французском, поэтому он работал с Луи Виардо, который совсем не владел русским языком, однако был хорошим стилистом. По мере того как Тургенев всё более вникал в специфику французской жизни, её реалий и погружался в нюансы речи, он становился свободнее и мог работать уже без помощников. Он стремился познакомить французских читателей и критиков с самыми великими русскими авторами – Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем. Он не только писал статьи, объясняющие их значение, своеобразие, но неутомимо занимался их переводами. Ему, несомненно, хотелось показать и доказать, что Россия – не страна варваров, как думали многие даже просвещённые европейские деятели (среди которых была и Жорж Санд), а родина великих талантов. Полноценно представить Пушкина и Лермонтова было особенно сложно, потому что лучшая часть их наследия была поэтической. А поэзию, как известно, адекватно перевести намного труднее, чем прозу (этим, по-видимому, объясняется, почему до сих пор творчество великих русских поэтов недостаточно оценено и усвоено за рубежом, несмотря на обилие новых переводов).

Один из первых своих поэтических переводов – «Мцыри» Лермонтова – Тургенев сделал прозой. Больше «повезло» Пушкину, потому что Тургенев перевёл на французский язык не только его сложные стихотворения «Анчар», «Юноша и дева» и другие, но и все «маленькие трагедии», а также роман в стихах «Евгений Онегин». Большинство переводов пушкинских произведений было осуществлено уже в 1860-е годы. В это же время он начал заниматься и автопереводами, поскольку был неудовлетворён результатами профессиональных переводчиков. Тургенев принимал живое участие в распространении во Франции и перевода романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Он был способен забыть обиды и ссоры со своим великом соотечественником ради «истины», признания его великого искусства и за пределами родины. Зарубежные друзья, авторитет Тургенева на Западе помогали писателю пережить сложные ситуации непонимания его творчества в России. Так, ему помогала поддержка Флобера после недоброжелательного приёма романа «Новь» в России.

В художественном творчестве писателя концепция европеизма и русскости воплощена достаточно сложна. Здесь всё мотивируется воспитанием героев, их происхождением, бытом, поведением, образом мыслей и жизни. Поэтому уместно бу-

дет остановиться на разных типах русских европейцев, создавая их определённую классификацию.

Один из типов русского европейца мы встречаем в повести «Ася» (1857). К нему в равной степени можно отнести героя повести Гагина и рассказчика, господина N. Первое, что роднит этих героев с европейцами, – это их «самостояние», они чувствуют себя органично в природном и культурном пространстве Европы, так как образованы, знают языки, европейскую литературу, искусства. Это типы русских европейцев, путешествующих за границей. Чужое пространство стало для господина N. пространством интимным, в нём зарождается трепетное чувство любви: «воздух так и ластился к лицу, и липы пахли так сладко, что грудь поневоле всё глубже и глубже дышала, и слово: «Гретхен» – не то восклицание, не то вопрос – так и просилось на уста» (V, 150). Повесть наполнена музыкой, поэзией, она рождается из чудесных пейзажей, запахов и ароматов, немецкого романтизма, в мир которого погружены герои.

Создавая словесный портрет Гагина, автор повести указывает на его русскую ментальность: «русская душа, правдивая, честная, простая», но одновременно подчёркивает его славянскую вялость и отсутствие целеустремленности и силы воли (V, 160). Подобных данным героям типов русских европейцев во времена Тургенева было много, а сейчас очень много. Но они всего лишь путешественники, наблюдатели чужой жизни. Их пребывание в Европе сугубо личное, оно никак не отражается на общественной и культурной жизни России.

Совсем другим типом является герой одноименного романа «Рудин». Он учился в Германии, глубоко проникся поэзией и идеями немецкого романтизма и европейского Просвещения, которые с неиссякаемым энтузиазмом пытается «пересадить» на русскую почву. Но его знания, идеи, подвижничество оказываются неостребованными. Этому ещё способствует и отсутствие у героя практических навыков, знания жизни современной ему России. Рудин постоянно терпит неудачи, растратил свою жизненную энергию на неосуществленные проекты. Это тип русского скитальца, Вечный Жид, как сам себя назвал герой. Но Рудин наделён другими яркими качествами личности: он пропагандист, обладающий искусством красноречия, способный зажечь, увлечь за собой молодых людей, сердца которых «пока для чести живы».

Приведём пример одной из самых ярких сцен романа: «Рудин от рассказов своих заграничных походов скоро перешёл к общим рассуждениям о значении просвещения и науки, об университетах и жизни университетской вообще. Широкими и смелыми чертами набросал он громадную картину. Все слушали его с глубоким вниманием. Он говорил мастерски, увлекательно, не совсем ясно... но самая эта неясность придавала особенную прелесть его речам» (V, 229).

Вся духовная энергия Рудина направлена на общественную жизнь, совершенствование законов и нравов, чему стремятся посвятить себя лучшие умы просвещённой Европы. И он способен заразить своими мыслями и гражданскими чувствами других: «Обилие мыслей мешало Рудину выразиться определительно и точно. Образы сменялись образами; сравнения, то неожиданно смелые, то поразительно верные, возникали за сравнениями. <...> Он умел, ударяя по одним струнам сердец, заставлять смутно звенеть и дрожать все другие. Иной слушатель, пожалуй, и не понимал в точности, о чём шла речь; но грудь его высоко поднималась, какие-то завесы разверзались перед его глазами, что-то лучезарное загоралось впереди» (V, 229).

Весьма показательная смерть героя с красным знаменем на баррикадах Парижа в 1848 году. Не сумев реализовать себя на родине, Рудин борется за права и свободы французов вместе с рабочими и ремесленниками. Н.Г. Чернышевский увидел в этом эпилоге романа, написанном спустя четыре года после его первой публикации в «Современнике», карикатуру на М. А. Бакунина и в своей анонимной рецензии на

книгу Натаниэля Готорна «Собрание чудес. Повести, заимствованные из мифологии» весьма язвительно отзываясь о герое Тургенева. Писатель был глубоко оскорблён этой рецензией (правда, он думал, что её автором является Н.А. Добролюбов), что окончательно рассорило Тургенева с редакцией «Современника». И автору «Рудина» было за что обидеться, ведь он любил своего героя. Да, он непрактичен, чудаковат, но он – натура возвышенная, способная отдать свою жизнь ради высоких идеалов свободы и справедливости. И это характерная особенность русского характера, который очень хорошо понимал писатель. Русским героическим натурам недостаточно «малых дел», они не принимают европейского филистерства и всегда жаждут дел великих.

Эту идею ещё более последовательно воплотил Тургенев в романе «Накануне». В нём такой героической натурой представлена Елена Стахова, она из всех своих претендентов на руку и сердце выбирает болгарина Дмитрия Инсарова, который возвышается над всеми её поклонниками служением высокой цели – борьбе за освобождение своей родины от власти Турции. Перед нами новый тип тургеневской девушки, которая вместе со своим мужем отправляется в Европу освобождать свою новую родину и готова отдать за её свободу свою жизнь.

Этот её духовный подвиг очень хорошо понял другой герой романа, Павел Шубин, который кратко и образно сформулировал высокий смысл жизни героини: «Смерть, жизнь, борьба, падение, торжество, любовь, свобода, родина... Хорошо, хорошо. Дай бог всякому! Это не то, что сидеть по горло в болоте да стараться показывать вид, что тебе всё равно, когда тебе действительно, в сущности, всё равно. А там – натянуты струны, звени на весь мир или порвись!» (VI, 277).

Тургенев видел в русской жизни таких соотечественниц, которые активно участвовали в общеевропейских исторических и культурных событиях. Здесь уместно вспомнить близкого друга Тургенева – баронессу Юлию Петровну Вревскую, – она в реальной жизни повторила подвиг Елены Стаховой. С началом в 1877 году русско-турецкой войны по освобождению Болгарии Вревская на собственные средства снарядила санитарный отряд и сама отправилась в действующую армию сестрой милосердия. Жизнь её оборвалась трагически: Юлия Петровна умерла 5 февраля 1878 года, заболев тяжёлой формой сыпного тифа. Тургенев тяжело переживал её смерть, восхищался её подвигом и посвятил ей своё известное стихотворение в прозе «Памяти Вревской» (сентябрь 1878):

«На грязи, на вонючей сырой соломе, под навесом ветхого сарая, на скорую руку превращённого в походный военный госпиталь, в разорённой болгарской деревушке – с лишком две недели умирала она от тифа.

Она была в беспомощности – и ни один врач даже не взглянул на неё; больные солдаты, за которыми она ухаживала, пока ещё могла держаться на ногах, поочередно поднимались с своих заражённых логовищ, чтобы поднести к её запекшимся губам несколько капель воды в черепке разбитого горшка.

Она была молода, красива; высший свет её знал; об ней осведомлялись даже сановники. Дамы ей завидовали, мужчины за ней волочились... два-три человека тайно и глубоко любили её. Жизнь ей улыбалась; но бывают улыбки хуже слёз.

Нежное кроткое сердце... и такая сила, такая жажда жертвы! Помогать нуждающимся в помощи... она не ведала другого счастья... не ведала – и не извела. Всякое другое счастье прошло мимо. Но она с этим давно помирилась – и вся, пылая огнём неугасимой веры, отдалась на служение ближним.

Какие заветные клады схоронила она там, в глубине души, в самом её тайнике, никто не знал никогда – а теперь, конечно, не узнает.

Да и к чему? Жертва принесена... дело сделано.

Но горестно думать, что никто не сказал спасибо даже её трупу – хоть она сама и стыдилась и чуждалась всякого спасибо.

Пусть же не оскорбится её милая тень этим поздним цветком, который я осмеливаюсь возложить на её могилу!» (X, 146)

Среди тургеневских героев – русских европейцев – наряду с высокими героическими натурами мы встречаем натуры обыкновенные, но способные «на русской почве» внедрять европейские достижения цивилизации и технологии. Примером такого русского европейца является герой романа Тургенева «Дым» Григорий Литвинов, перенимающий в Европе новые знания, главным образом в области агрономии, которые он впоследствии реализует в своей практической деятельности на родине. Литвинова нельзя назвать ни идеологом, ни теоретиком, он не участвует в яростных спорах русского «водяного общества» в Баден-Бадене, но именно ему, человеку с трезвой головой и чутким сердцем, отведена роль наблюдателя и арбитра этих споров. Он тонко чувствует фальшь, «чад и дым» этих бесплодных словесных баталий славянофильствующих соотечественников в центре Европы в «кружке» Губарева. Некоторые из них являются своеобразными литературными карикатурами. Неслучайно, очевидно, сближение некоторых персонажей баденского общества с сатирическими персонажами комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума». Не став в Европе европейцами, главные персонажи этого славянофильствующего «кружка» – Губарев и Бамбаев – в конце романа лишены и всякой русской привлекательности. Бамбаев предстаёт жалким шутком, а Губарев – самодуром-крепостником, который презрительно говорит о собственном народе, своих соотечественниках:

« – Бить их надо, вот что, по мордам бить вот им какую свободу – в зубы...» (VII, 403).

В чём-то похож на Литвинова, человека, приближенного к почве, и герой романа «Дворянское гнездо» Федор Лаврецкий. Он, в отличие от Литвинова, не получил европейского образования, но путешествовал по Европе, подолгу жил в Париже, знаком с её культурой, регулярно читает парижские периодические издания. И вернулся он на родину, чтобы заниматься, как и Литвинов, практическим делом, то есть, как он сам выразился, «пахать землю ... и стараться как можно лучше её пахать» (VI, 102). Как и Литвинов, он успешно проходит испытание на русскость в идейном споре со своим идеологическим противником Владимиром Паншиным. Внешне он может прочитываться как символический спор славянофила и западника. Но западничество Паншина очень схематичное. Он считает, что проблемы России в том, что русские только наполовину стали европейцами. Поэтому нужно поскорее сделаться полными европейцами, и все существующие общественные проблемы будут решены, так как «все народы в сущности одинаковы; вводите только хорошие учреждения – и дело с концом» (VI, 101).

Как было сказано выше, Тургенев не считал настоящими западниками людей, которые слепо наследуют западные ценности, не учитывая национальную специфику, российскую ментальность. Поэтому русский европеец у Тургенева – это человек, органично сочетающий в себе западничество и русскость. Но таких персонажей у Тургенева, как и в реальности, не так много. Чаще всего их эти качества представлены раздельно, либо в уменьшённом или гипертрофированном виде. Так, в романе «Дым» Тургенев изображает любопытный тип русского западника Созонта Ивановича Потугина. По своему менталитету, поведению он русский человек, который впервые очутился на Западе, но по своим взглядам, мировоззрению он – убеждённый западник, отвергающий всякое славянофильство как заигрывание образованного русского человека перед необразованным мужиком, которое Потугин иллюстрирует Литвинову, нарисовав следующую словесную картину: «Образованный человек стоит перед мужиком и кланяется ему низко: вылечи, мол, меня, батюшка-мужичок, я пропадаю от болести; а мужик в свою очередь низко кланяется образованному человеку: научи, мол, меня, батюшка-барин, я пропадаю от темноты. Ну, и, разумеется, оба ни с места» (VI, 273).

Выход из этого тупика Потугин видит в необходимости признать, что нужно перенимать у «старших братьев», как он называет европейцев, которые, по его мнению, всё «придумали и лучше нас и прежде нас» (VI, 273). Но, в отличие от Паншина, он считает, что переносить на русскую почву нужно лишь то, что нам пригодно с учётом «местных и климатических и прочих условий», потреблять ту «пищу», которую может переварить «народный желудок» (VI, 273). В качестве примера он приводит заимствования в русском языке, которые со временем были им успешно освоены, и при этом наш язык не утратил своей национальной самобытности. Называя себя западником, Потугин, по существу, повторяет слова самого Тургенева, который в уже цитируемых «Литературных воспоминаниях» объясняет сущность своей западнической позиции. Послушаем Потугина: «Да-с, да-с, я западник, я предан Европе; то есть, говоря точнее, я предан образованности, той самой образованности, над которую так мило у нас потешаются, – цивилизации, – да, да, это слово ещё лучше, – люблю её всем сердцем, и верю в неё, и другой веры у меня нет и не будет» (VI, 275).

Вместе с тем западника Потугина никак нельзя назвать русским европейцем, и в этом его существенное отличие от автора романа, для которого русский европеец не просто потребитель достижений европейской цивилизации, а, как точно заметил В. Кантор, «сотворец, сопроизводитель» их. Им был и Иван Тургенев, который внёс огромный вклад как в русскую, так и в европейскую культуру. И это лучший пример для всех нас, кто в эпоху всеобщей глобализации стремиться быть русским европейцем. Россия не может жить изолированно без Европы, но и европейский дом не будет достроен без участия России.

Закончить наше размышление о Тургеневе – русском европейце – хочется словами Реми Брага, высказанными им в книге «Европа. Римский путь»: «Европа не должна представлять себя в качестве образца. Напротив, она должна ставить перед собой, как и перед всем миром, задачу европеизации. <...> Европу невозможно унаследовать, напротив, каждый должен сам её завоевать. Нельзя родиться европейцем, можно трудиться, чтобы им стать». Тургенев и был именно таким русским человеком, писателем, который способствовал европеизации не только России, но и самой Европы.

ВЛАДИМИР САМАРИН

У ИСТОКА СУДЬБЫ

Разбитую деревенскую дорогу веселили разбегавшиеся по обе стороны зеленыя озимых, и хотя на обочинах ещё проглядывала кое-где прошлогодняя жёлтая трава, но деревья уже были обряжены в весенний светло-изумрудный наряд. Не портит настроения даже старик-бурьян, взявший в полон заброшенные выпасы; оживляли пейзаж ласточки, выстригавшие своими крыльями невидимые узоры в небесном полотне. На ум сами собой приходили строки из раннего Апухтина:

*По Руси великой, без конца, без края,
Тянется дорожка, узкая, кривая,
Чрез леса да реки, по степям, по нивам,
Всё бежит куда-то шагом торопливым,
И чудес хоть мало встретишь той дорогой,
Но мне мил и близок вид её убогой...*

Трёх вёрст не отъехали от большой автомагистрали, как за очередным подъёмом, на спуске, среди нежного цветения садов показались устремлённые к небу арки строящейся церкви, крыши крестьянских домов и высокая труба котельной.

— Но-во-дми-тров-ка! — вслух прочитал название села на въездном указателе кто-то из журналистов. Коллеги растерянно переглянулись: непохоже было, что в этих местах, на фоне милой сердцу селян, но простоватой, на глаз городского человека, картины пройдёт торжество не областного даже, а российского значения. Недаром вслед за корреспондентским микроавтобусом и спецмашиной телевизионщиков едут в безвестное село академики и доктора наук, врачи, студенты-медики.

Новодмитровка, Марьино тож, поглотила на грани XX—XXI веков соседнее село Семендяево. Лет десять назад это название вообще исчезло с географических карт Орловщины. Свершилась великая несправедливость, которую точно отразил в одной из статей сотрудник Орловского краеведческого музея В.В. Бородин: «Черета административно-территориальных преобразований <..> затеряла во мгле маленькую деревню...».

Вслед за Семендяевым вышло из официального употребления имя села Марьино. Никто не обратил на это внимания. А между тем именем этим назвал место проживания помещиков Кирсановых в «Отцах и детях» И.С. Тургенев. Да и нарисованный писателем пейзаж окрестностей близ кирсановского имения напоминает сегодняшнюю окружающую картину Новодмитровки (и Семендяева тож): «Места, по которым они проезжали, не могли назваться живописными. Поля, всё поля, тянулись вплоть до самого небосклона, то слегка вздымаясь, то опускаясь снова; кое-где виднелись небольшие леса, и, усеянные редким и низким кустарником, вились овраги...»

Главного героя тургеневского романа связывают с Александром Бабухиным не только имя и характер расположения поселения. Вот как представляет читателю медика-нигилиста в одной из самых известных литературно-критических статей Д.И. Писарев:

«Евгений Васильевич содержал себя в университете собственными трудами, пребывая копейными уроками и в то же время находил возможность дельно готовить себя к будущей деятельности. Из этой школы труда и лишений Базаров вышел человеком сильным и суровым; прослушанный им курс естественных и медицинских наук развил его природный ум и отучил его принимать на веру какие бы то ни было понятия и убеждения; он сделался чистым эмпириком; опыт сделался для него единственным источником познания...»

Можно только удивляться схожести этого портрета с условиями жизни и характером отношения к знаниям молодого Александра Бабухина!

Александр Бабухин, как и Евгений Базаров, закончил учёбу в университете в 1859 году. Оба получили звания лекарей, и однозначно признавали первенство европейской медицинской науки в сравнении с отечественной. Это и было главной составляющей их нигилизма в начале научных трудов. Однако оба стремились продвинуть свои исследования далеко за границы западных достижений. Тургенев видел и знал этих людей. Тургенев не мог пройти мимо показа исключительной русской природы, немалая составляющая которой вошла в образ человека-искателя Евгения Базарова.

Большинству орловских журналистов Семендяево было совсем незнакомо, также как имя великого человека, появившегося в нём на свет Божий. Что сообщали о знаменитом земляке краеведы? Родился в двадцати верстах от Орла (как и Базаров). Учился в Орловской мужской гимназии и Московском университете. Учёный-медик. Время его рождения не было отмечено даже в хроникально-энциклопедическом фолианте «Орёл из века в век» (2003).

Но вот в 2007 году в библиотеках Орла и области, в собраниях научной литературы медицинских академий и институтов России появилась книга «Бабухинъ». Об одном из основателей российской школы гистологии, о его знаменательных трудах и под-

вижнической жизни узнала после многих и многих лет забвения широкая общественность. Инициатором написания этой книги и её соавтором был академик Российской академии естественных наук, профессор Владимир Иванович Ноздрин — земляк Александра Ивановича Бабухина, некогда студент 1-го Московского мединститута, возникшего на основе медицинского факультета Императорского Московского университета (ИМУ), который заканчивал и в котором работал А.И. Бабухин.

На открытие мемориальной доски памяти А.И. Бабухина на здании Марьинской школы-девятилетки Владимир Иванович приехал в почётной докторской мантии, чем сразу притянул к себе внимание встречающих. Весело зазвенела песня школьного хора — под эту музыку гостей встречали хлебом-солью, одаривали цветами. А я вдруг отчётливо вспомнил слова Владимира Ивановича из нашего разговора двумя-тремя годами ранее:

— Мне предлагали поставить памятный знак на останках усадебного дома помещика А.Д. Бобарыкина, у которого отец Бабухина работал управляющим. Но как-то под сердцем засосало: другая должна быть память об этом человеке — деятельной. И пришла мысль отремонтировать Марьинскую школу — не только стены и мебель обновить, но внести в саму среду обучения пример жизни и любви к Отечеству одного из уроженцев неброского орловского подстепья...

После благодарственных речей и молитвенного освящения мемориальной доски можно было подойти поближе и прочесть высветленные на чёрном мраморе слова:

Всем приезжим захотелось увидеть школу изнутри, и каждого входящего встречал с порога спокойно-мудрый взгляд Александра Ивановича Бабухина. Бюст его (гипсовая копия с мраморного оригинала, находящегося ныне в музее истории 1-го Московского медицинского университета им. И.М. Сеченова, скульпт. И.И. Севрюгин) стал центром своеобразного бабухинского музея школы, занимающего довольно просторный холл. Главные экспонаты — научные труды великого гистолога, почётные свидетельства и аттестаты, книги о жизни и деятельности учёного. Перед витринами скромного школьного мемориала примостилась старинная русская прялка — примета давно прошедших дней.

Гости восхищались отделкой классов, компьютерным оснащением, мебелировкой мест для учащихся и учителей. Щёлкали затворы фотоаппаратов, вырывая вспышками множество счастливо-удивлённых лиц.

Аллеи плавно спускающегося по направлению к берегу Оптухи маленького пришкольного сквера заслоняют вид приречных мест. Но пройдя по тропке, ведущей от порога школы к детскому саду, можно уже видеть волнистый горизонт высокого противоположного берега, серые полевые дороги то появляющиеся из-за холмов, то вновь исчезающие в понижениях. Современный пейзаж бабухинских мест явно уступает тому, который каждый день запечатлевался в глазах будущего корифея науки Саша Бабухина. Потому что крепко слиты воедино природа и человек: скудеют людьми селенья — и всё окрест дичает и пустеет, лишается живородных красок. И наоборот: зазвенела радостными голосами школа — и берёзовая аллея на подъезде к ней приветственно зашумела. По молитвам схиархимандрита Илия, восстал из руин храм Димитрия Солунского — словно осветил всё окрест.

Глава администрации сельского поселения Василий Васильевич Пресняков размышлял о том, что в Новодмитровке никогда раньше не собиралось столь многочисленное собрание: пришли деды и даже прадеды школьников, родители, тётушки и дядюшки, собрались со всех концов села — улиц Весёлой, Заовражной, Марьинской, Заречной, Мира. И даже из соседних деревень. Непросто было определить, кого считает большинство из них главным героем праздника — корифея науки Бабухина, его истового последователя Ноздрина или маленькую группу девочек и мальчиков, представляющих завтрашний день не только скромного села на Оптухе, но и молодые сеянцы России. И под этим настроением мне очень захотелось, чтобы солистка

школьного хора девятиклассница Оля Родина, взволновавшая своим пением гостей, непременно продолжила бы музыкальное образование в вузе и возвратилась бы творческим педагогом в теперь уж знаменитую Марьинскую школу!.. Я свято верил, что школа эта будет носить имя А.И. Бабухина. Поразительно, но девушка из Новодмитровки через два года поступила на музыкальный факультет Орловского университета, а школа за успехи в педагогической работе была удостоена права носить имя великого земляка!

Владимир Иванович скромно принимал высказываемые в его адрес благодарности:

— Здесь, в первую очередь, вклад сотрудников нашего предприятия «Ретиноиды». Например, тысячу томов для школьной библиотеки собрали быстро, поскольку в этом приняла участие практически каждая семья наших научных и технических работников. Коллективным решением можно назвать и планирование строительства в этих местах центра доклинических исследований и корпуса по производству фармацевтических субстанций. Бабухин уделял внимание фармации, и новое предприятие, во-первых, будет ещё одним памятником ему; во-вторых, — это шаг вперёд для российских производителей лекарств; а в-третьих, на выбор сельчан появятся несколько десятков рабочих мест — и в поиске источника обеспечения семьи не надо будет покидать малую родину.

В.И. Ноздрин многие годы искал родники, питавшие великую натуру А.И. Бабухина, и сотрудники «Ретиноидов» вслед за директором включались в эти поиски с полной душевной отдачей. В 2001 году кандидату медицинских наук Т.А. Белосусовой удалось отыскать в старой библиотеке МГУ на Моховой улице журнал «Студенческое дело» за 1912 год. Единственный номер! Но в нём оказалась публикация фрагмента воспоминаний одного из видных учеников Бабухина — профессора И.Ф. Огнева. Заметки о выдающемся учёном печатались под заголовком «А.И. Бабухин и Московский университет 60-х годов». Чуть позже в биографо-исследовательском очерке В.И. Ноздрина «Корифей», посвящённом жизни и деятельности А.И. Бабухина, этот фрагмент был перепечатан с послесловием автора:

«Жаль, что мы не имеем и не можем здесь привести полного текста воспоминаний И.Ф. Огнева. Может быть, в своих личных библиотеках кто-то из любопытных читателей обнаружит чудом после всех войн XX века сохранившиеся номера «Студенческого дела» за 1912 — 1913 гг., и мы сможем приоткрыть ещё несколько страниц жизни А.И. Бабухина».

Надеясь на помощь со стороны, команда Ноздрина не прекращала собственных поисков: за три года в библиотеках и архивах Москвы и Санкт-Петербурга были просмотрены все сохранившиеся выпуски «Студенческого дела», и в №№ 5 - 9 за 1912 г. отыскался публиковавшийся маленькими кусочками в каждом выпуске очерк И.Ф. Огнева. К сожалению, в последующих номерах публикация не была закончена.

Ценные свидетельства современника и ученика А.И. Бабухина были опубликованы в одном из альманахов «Бабухинские чтения в Орле» (2004 г.). Много нового добавили эти материалы к портрету учёного-подвижника. Своего рода ответ на раскрытие тайны добродетелей и таланта А.И. Бабухина вытекал из характеристики его окружения в детстве и юности. Огнёв писал: «...среда, из которой вышел А.И. Бабухин, была тем слоем общества, откуда получила целиком своё начало позднейшая так называемая интеллигенция...». Правда, огнёвская расшифровка интеллигентности отца Бабухина была уж слишком скупа и приземлена: «Отец А.И. (Александра Ивановича Бабухина — В.С.) слыл за очень умного и развитого человека. <...> жил открыто и принимал архиереев во время их объездов по епархии». Более правильна другая формула: интеллигентность — это соединение просветительства с народностью, обогащение высоких идей культурой, традициями, жизненным опытом. Ближе всего к этому единению стоял человек, находившийся в постоянном со-

прикосновении с верой, нравственностью, творчеством и бытом простолюдина. Всё это было дано Богом птенцу скромного семейства Бабухиных. Юному Саше было предназначено расправить крылья и вылететь на простор жизни из родного гнезда, чтобы открывать неизведанное. Александр Иванович Бабухин стал основателем московской школы гистологии, учёным с мировым именем. Многие его научные труды получили высокую оценку за рубежом. Бабухин был удостоен права написать главу для учебника гистологии, вышедшего в Пруссии.

Великий гистолог был ещё и великим учителем. Вот как характеризовал профессора Бабухина один из его учеников, доктор П.П. Викторов: «...его влияние тотчас сказывалось на нас, и если слово «учитель» понимать в прежнем классическом смысле, то А.И. был учителем по преимуществу <...> его умственное воздействие переходило в нравственное, но последнее не ограничивалось одним этим. Он не только был опытным, надёжным другом молодых умов <..> он ещё был гуманным профессором и человеком...».

Есть ещё одна параллель в судьбах Бабухина и Базарова, в том, что оба были бесребрениками, не искали почестей. Бабухин ещё при жизни передал Московскому университету ценнейшую личную коллекцию микроскопов и богатую научную библиотеку, а Евгений Базаров, как известно, умер, заразившись тифом...

ИГОРЬ ЗОЛОТАРЁВ

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН: УРОКИ ТУРГЕНЕВА

Тургенев – это целый XIX век русской литературы и общественной мысли, век бурления, становления, расцвета. Иван Сергеевич застал Жуковского, Крылова, Пушкина, Лермонтова, а в конце жизни знал Репина, Третьякова, скульптора Антокольского. А на протяжении жизни были Гоголь, Герцен, Некрасов, Белинский, Огарёв, Аксаковы, Гончаров, Писарев, Островский, Толстой, Достоевский... Весь XIX век Тургенев был знаком, дружен, находился в тесных или сложных отношениях с этими людьми, и они все взаимодействовали духовно, умственно и просто по-житейски с Тургеневым.

Можно сказать, что Тургенев как крупнейшее явление отечественной культуры создан XIX веком, но ведь и XIX век отечественной культуры во многом образовался, одухотворился, активизировался деятельностью Тургенева. Тургенев служил русской литературе, при помощи литературы, другого оружия в его руках не было, он боролся всю свою жизнь против насилия, за справедливость. Не бывает русского писателя вне борьбы за справедливость. Это первый урок, преподанный Иваном Сергеевичем Тургеневым. Литература была для Тургенева то самое святое и самое высокое, чему подчинялась вся его жизнь, его дыхание, биение его сердца. Ради литературы он смирял сам себя в спорах с друзьями, шёл на личные компромиссы. Особенно ярко это видно в его сложных отношениях с Толстым.

Как известно, Тургенев одним из первых заметил начинающего писателя и предрёк ему великое будущее. В дальнейшем между ними сложились тесные отношения, но в чём-то они были несовместимы. Разойдясь, они начинали писать друг другу, извиняться, смягчать и сглаживать расхождения, но стоило им увидеться, как возникало раздражение, а затем и ссоры. В конце концов, оба эти великана отнесли к своим судьбам (и судьбе литературы) серьёзно и сделали всё, чтобы ликвидировать конфликт. Умирая в Буживале, Тургенев озабочен, как бы быстрее отослать письмо в Россию, Толстому, в котором он пишет:

«Милый и дорогой Лев Николаевич... Пишу... я, собственно, чтобы сказать Вам, как я был рад быть Вашим современником, – и чтобы выразить Вам мою последнюю,

искреннюю просьбу. Друг мой, вернитесь к литературной деятельности!.. Ах, как я был бы счастлив, если б мог подумать, что просьба моя так на Вас подействует! Друг мой, великий писатель Русской земли – внимайте моей просьбе!..»

Разве может кто-либо не воспринять это как ещё один урок Ивана Сергеевича!

Хорошо вспомнить ещё одно напутствие Тургенева молодым современникам, братьям по перу: «Нужно постоянное общение с средою, которую берёшься воспроизводить, нужна правдивость, правдивость неумолимая в отношении к собственным ощущениям; нужна свобода, полная свобода воззрений и понятий, и наконец, нужна образованность, нужно знание!.. Учение – не только свет, по народной пословице, – оно также и свобода. Ничто так не освобождает человека, как знание, и нигде так свобода не нужна, как в деле художества, поэзии».

Это ещё один урок Тургенева. Сам он был образованнейшим человеком. Легко говорил на нескольких языках, учился в Московском, Петербургском, Берлинском университетах. Его личными друзьями и собеседниками были Флобер, Мериме, Золя, Мопассан, Доде... С Грановским и Белинским он часами вёл темпераментные беседы о Гегеле, Канте. Разносторонние знания нужны художнику как надёжный и прочный потенциал, они нужны для внутренней раскованности, как, скажем, легкоатлету мало владеть, пусть и в совершенстве, техникой бега, но нужна ещё и просто физическая мышечная сила.

И как бы мы ни вчитывались в «Записки охотника» – лучшее, что создано Тургеневым, – мы днём с огнём не найдём там ни Гегеля, ни Канта.

Родная природа, великолепные пейзажи, замечательные типы русских людей, нравы, фольклор, неизъяснимое очарование, разлитое, словно солнечный свет, и согревающее читающего, – всего этого много в «Записках охотника», и всё это написано легко, свободно, как будто даже незамысловато, а на самом деле глубоко и серьёзно.

Высокая художественность этих очерков (поэм) состоит в том, что они отвечают первой заповеди искусства. Если художник увидел разрушенное здание и решил его изобразить, то сам он не должен вопить: «Ах, как плохо, что здание разрушено!» Или: «Ах, как хорошо, что оно наконец разрушено!» Читатель сам должен, увидев картину (прочитав рассказ), воскликнуть, пожалеть или восхититься. А может быть, даже бежать на площадь и бить в рельсу. «Записки охотника» и написаны именно таким образом, что без всякой дидактики и подсказки у читателя в душе рождается активное отношение к действительности.

Это следующий урок Тургенева. Успеху «Записок охотника» послужило и то, что писались они большей частью за границей – в Германии, во Франции. Оттуда, издалека, все картины русской природы, деревенской жизни виделись как бы в золотистой дымке, ярче, прекраснее, больше. Отметим, что Тургенев, этот утончённый и образованнейший аристократ (по рождению и по духу) оказывается художником, воспроизводящим деревню. Проходят за поколением поколение, а «Хорь и Калиныч», «Бежин луг», «Касьян с Красивой Мечи», «Певцы», «Бурмистр», вообще «Записки охотника» остаются для нас всё такими же насущными. Без них мы не можем вообразить ни нашей литературы, ни нашей родной речи, ни самих себя.

А романы Тургенева запечатали и навсегда сохранили другую сторону русской действительности: образы, жизнь и быт бесчисленных дворянских усадеб. Они исчезли и узнать о них мы можем теперь по преимуществу из литературы. Не будь Тургенева, Гончарова, Толстого, неужели так на веки вечные и оставаться бы нам, потомкам, без Елены, Лизы, Одинцовой, Базарова, без Наташи Ростовской и Андрея Болконского, без этих благороднейших лиц и душ?

В тихом мире задушевной красоты усадеб вывели такие великаны русского гения, как Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Гончаров, Толстой с их проникновенной любовью к красоте земли родной. Сама атмосфера, сам климат этих усадеб вместе с их обитателями стали основным объектом художественного исследования Ива-

на Сергеевича Тургенева. Интересно, что главную общественную, гражданскую активность и вообще главную активность и энергию Тургенев видел в русской женщине. Лиза готова на всё, а Лаврецкий пасует, Ася готова на всё, а Н.Н. пасует, Наталья готова на всё, а Рудин пасует. Несостоятельными оказываются герои в «Вешних водах», в «Дыме». Эта особенность, эта женская активность и энергия подмечены и угаданы очень точно. И теперь, в наши дни, посмотрите внимательно вокруг, всюду, где есть духовное начало, три четверти собравшихся составляют наши женщины.

Когда думаешь о Тургеневе как об огромном национальном и социальном явлении, приходит мысль о целостности народа как единого и в конечном счёте нерасторжимого организма. В одном месте эта мысль выражена у Тургенева с особой отчётливостью. Разговаривают Елена Стахова и Дмитрий Инсаров.

– Вы очень любите свою родину? – произнесла она робко.

– Что же другое можно любить на земле? – отвечает он. «Что одно неизменно, что выше всех сомнений, чему нельзя не верить после бога? И когда эта родина нуждается в тебе... Поймите, какую это даёт уверенность и крепость!»

Ивана Сергеевича отличала определённая широта взглядов, вернее сказать, отсутствие узости. Известно, Герцен был западником (таковым и Тургенев считал себя). Аксаковы западниками не были. И вот Тургенев пишет Герцену: «В России я уговаривал старика Аксакова продолжать свои мемуары – а здесь – тебя. И это не так противоположно, как кажется с первого взгляда. И его и твои мемуары – правдивая картина русской жизни, только на двух её концах и с двух различных точек зрения. Но земля наша не только велика и обильна, – она и широка – и обнимает многое, что кажется чуждым друг другу!»

Да вот и сейчас, когда прошло двести лет со дня рождения Тургенева, скажите нам, что мы с ним (с Некрасовым, Достоевским, Блоком, Есениным) не принадлежим к единому целому, – так ведь это была бы просто трагедия, это духовная и гражданская смерть. Это четвёртый урок Тургенева. Но уроки его на этом ещё не кончились.

Когда произносится имя Ивана Сергеевича Тургенева, сразу возникают в сознании «Записки охотника», «Дворянское гнездо», «Отцы и дети» (и все романы), не только стихотворения в прозе, «Вешние воды», не только Спасское-Лутовиново, но сразу возникают также Париж и Полина Виардо. Можно подсчитать и подсчитали, сколько лет в общей сложности провёл русский писатель за границей. Говорят, чуть ли не полжизни. Возможно... Однако Тургенев не уезжал от России ни на один день. Из России уезжал, а от России – нет. «Пребывание во Франции, – писал он Сергею Тимофеевичу Аксакову, – произвело на меня своё обычное действие. Всё, что я вижу и слышу, как-то теснее и ближе прижимает меня к России, всё родное становится вдвойне мне дорого».

«Если человек сидит за рабочим столом над листом бумаги и пишет «Записки охотника», где же он находится на самом деле – в Париже, на улице Дуэ, или около костра с крестьянскими детьми, среди ночного Бежина луга? Ведь и Гоголь жил в Риме и писал там «Мёртвые души».

Трагедия писателя начинается тогда, когда он перестаёт ощущать свою аудиторию, когда слово его не находит отклика. Такая беда может случиться с писателем, сиди он хоть в самой середине своей страны, достаточно ему утратить духовную связь с читателем, с народом.

Тургенев этой связи никогда, ни на одно мгновение не терял.

«Россия, – говорит один из его героев, – без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без неё не может обойтись». В другом месте он продолжает: «Нет счастья вне родины, каждый пускает корни в родную землю».

Больше века прошло с тех пор, как гроб с прахом великого русского писателя опустили в землю на Волковом кладбище в Петербурге рядом с могилой Белинско-

го. Такова была просьба Ивана Сергеевича. Но не было ни минуты за это время, когда родина не помнила бы о своём сыне, не воздавала бы ему должное, не любила бы его. И если бы люди, живущие на его родине, когда-нибудь вдруг забыли бы о нём, то это была бы не его, а их трагедия.

Ну, что бы ещё выписать из Тургенева, какой урок, какой завет? Да хотя бы вот этот:

«...Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками... Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием; в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса!..»

ЗОЯ ТАРАБРИНА

РУССКОЕ ПОЛЕ - НАША ЖИЗНЬ

Выход шестого номера российского публицистического и литературно-художественного журнала «Русское поле» – это новый рубеж на пути его восхождения и радостно от того, что журнал верен заявленной программе, сохраняет свои рубрики-блоки, выходит в том же объёме, выдерживает периодичность, расширяет географию его авторского состава. И каждый раз мне хочется отметить оформление, внешний вид издания, по моему восприятию, яркий, привлекательный. Когда он в руках, чувствуешь восторг от его солнечности и увесистости. Скажу одно – журнал солидный, вид его праздничный, содержание рабочее, творческое. Сохраняется в каждом номере ориентир дальнейшего движения – Колонка главного редактора.

На этот раз при чтении её угадывались потаённые мысли редактора о быстротечности жизни, подкреплённые ещё монологом мистера Флада. Взгрустнулось. Но грусть была мимолётной. Ведь редактор с присущим ему оптимизмом спрашивает: «А что надо сказать, чтобы за душу взяло? А что у нас самое главное?» И отвечает, направляет: «А главное – это поле русское, русский язык – наше национальное достояние». Русское поле – это не только нивы, луга, степи – это сама жизнь. Ведь из материалов журнала, как из пазлов, складывается, вырисовывается картина современного бытия и нашей памяти.

С интересом читается весь аграрно-публицистический блок. Это и событие – День поля, праздник культуры земледелия, посвящённый 120-летию Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции. Это и сообщение о конференции учёных и практиков-аграриев, и материал о деятельности ООО «Дубовицкое» – испытательного полигона компании «Щёлково Агрохим», где отрабатывается система управления вегетацией растений.

В этом же блоке отражены наблюдения и размышления о былом, настоящем и будущем села. Вот Марина Карлова в своём очерке убедительно показала, как нелегко выживать в наше время людям села и деревни, по зову сердца оставшимся при земле.

Боль сквозит в исследованиях Алексея Кузьмина о вымирающих деревнях. Владение землёй, хозяйствование на ней, судьба крестьянина – вечная проблема. Она и сегодня остаётся злободневной. Уже третье столетие ведутся земельные реформы: крепостное право, отмена его, «отруба» и хутора, раскулачивание, колхозы и совхозы, раздел земли по паям, общества с ограниченной ответственностью, фермерские хозяйства, аренда и прочее... Но возникают новые сложности в жизни сельского жителя. Забота о земле – нашей кормилице, умном хозяйствовании на ней – тема эта правомерно остаётся на страницах журнала.

Проблематика аграрно-публицистического блока плавно перетекает в литературно-художественный отдел, открывающийся «Тремя притчами» Льва Николаевича

ча Толстого, который был пахарем не только в литературе, но и на земле. Притчи поучительны для селян и горожан и даже очень актуальны в наши дни.

Очень удачной получилась подборка творений классиков: что-то подзабытое, а что-то не всяким читанное. И каждый читатель с удовлетворением прочтёт этот блок, и ничто не будет пропущено: нам надо учиться у классиков владению языком родным и наслаждаться блеском их таланта.

Интересен отдел «Проза». Чем старше, тем больше приходится удивляться взаимосвязям явлений, событий, судеб людей. Тому подтверждение рассказ Леонарда Михайловича Золотарёва «Прототип шолоховского героя». Такое открытие возможно при внимательном проникновении в текущую жизнь, сопоставлении фактов. Публикации раздела «Проза» отражают, как в зеркале, современную жизнь: взаимоотношения, надо сказать, очень плохие, какие-то увечные, отцов и детей, мужчины и женщины в рассказах «Как здоровье, батя?» В.Анишкина, «Артистический человек» М.Турбина, «Потолок» В.Вещунова, «Оля» Л.Агибалова. Глубоко трогают, долго не отпускают от размышлений о судьбе человека, о мотивациях и выборе им поступков рассказы «Мёртвое пространство» Г.Майорова, «Охота» В. Румянцева, «Ливенка» А. Коновалова. Увлекает чтение рассказа о мальчишках, о конях «В ночном» Г. Веркеенко. Возникают ассоциации с рассказом И.С.Тургенева «Бежин луг», вспоминаешь мальчишек, их фантазии о различных привидениях, о переполохе в деревне при ожидании небесного предвиденья, явившегося в лице бочара Вавилы с купленным новым жбаном, надетым на голову. Улетаешь мыслью в глубь веков, читая рассказ «Чаша Святослава» В.Протасова о великом князе Святославе (сыне Игоря и Ольги), о его военных походах, и ясно видишь крепкого духом и телом бойца с могучей грудью и руками рубаки, упрямые светло-голубые глаза, смотрящие из-под густых русых бровей, с бритой наголо головы свисает оселедец, в левом ухе золотая серьга, украшенная карбункулом с двумя жемчужинами. И сколько слов забытых, исчезнувших из употребления! Буртасы, ясы, касоги, румы, дромиты, данники, вои, почал, потягнем...

Знакомясь с прозой, поставила задачу – найти в публикациях новые слова, часто употребляемые в печати, молодыми людьми, но не всегда понятные старшему поколению: блогер, модератор, мессенджер, твитер, пул, треш-контент, фэйк, фрещ, интаграмма, акаунт, менджмент, пиар, смузи, рейпер, версус, патимейкер, токсик, хайп и прочее. И вот у В. Вещунова в рассказе «Потолок» нашла столько слов! Ельценоиды, либероприхвостни, америкосы, телеканализация, мшелоимство, шопоголия, ониомания, крохерои. Возникает вопрос: это элементы отражения нашего времени или они засоряют язык? Тоже тема для разговора. Даже А.С.Пушкин в романе «Евгений Онегин», описывая наряд своего героя, испытывал сомнения: вводить ли в оборот новые слова, пришедшие извне.

*«Но панталоны, фрак, жилет –
Всех этих слов на русском нет».*

Или слово «vuldar»:

*«Оно у нас покамест ново,
И вряд ли быть ему в чести.
Оно б годилось в эпиграмме».*

И всё-таки прижились эти слова в нашем обиходе. В рассказе «Потолок» такое шлетение словес, что можно составлять словарь названий нужных и ненужных вещей, наполняющих наши комнаты, кладовки, балконы, шкафы, полки, рабочие столы и туалетные столики – всё, что называется вещицизмом, барахольством, зорко подмеченная автором примета времени.

По-настоящему восхищаешься кружевом слов в рассказах Татьяны Грибановой: «Заманиха», «Фролова ракета», «Гнездилово». А «Кировская посконь» – это же просто песня сохранившейся в памяти прошлой жизни, непознанный нами мир, «сермяжная правда» – «правда конопляной ткани». И какие слова! Копани, торфяные ямины, мочило, суслоны, коноплянники, бунты пеньки, конопельни, конопелюшка, накрят на сани, ляска-мялка, куделя-замычка, амбарные чувала, очёсы, веретьё, рядно, кручники-возжовки, навой из «матёрки», обутки (коты, бахилы, чирики), «надёжники», посконь, пестрядь, затрапез, осьмуха, набелки кипенные, коломенка, засоча, отходы-масенки, суровьё, холстины да убрусы, кика да понёвы...

Велик и могуч русский язык – наше национальное достояние. Но все ли мы стремимся к овладению этим богатством в полной мере? Боль звучит в стихотворении «В защиту русской речи». Автор В.Васичкин сокрушается, наблюдения его отнюдь не мажорные:

*Вот идут, как два родные брата,
Пареньки. А что о них сказать?
Если даже в радости без мата
Им двух слов хороших не связать.*

Наша речь – это выражение нашего душевного строя. Забота о чистоте речи – это забота о чистоте души и помыслов. Государственная Дума снова обсуждает проект Закона о запрете использования нецензурной лексики, и снова слышен ропот тех, кто считает «шиком» грязно выражать свои чувства и мысли.

В год 200-летия со дня рождения И.С.Тургенева мы стократ повторим его слова о русском языке: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу».

Мы ещё не раз в год юбилея повторим имя нашего великого земляка. Жизни и творчеству его и этом номере тоже посвящен ряд материалов. Публикуется отрывок из книги «Таинственные повести И.С. Тургенева». Автор её – известный тургеновед Г.Б.Курляндская.

Интересна публикация «Два брата» Л.Ивановой о двух великолепных соснах редкой породы, сплетшихся корнями, растущих вплотную друг к другу посреди хорошенькой лужайки на берегу спасского пруда. О них писал Тургенев Полине Виардо, сюда желал бы он привести её в свой любимый уголок, к скамье под этими соснами. В парке Спасского-Лутовинова звали их «Двумя братьями». Посетители парка оставили многочисленные надписи, монограммы, даты на коре дерева. Не сохранились «Два брата» до наших дней, но память о них живёт в воспоминаниях, фотографиях, гравюрах.

Много сведений о жизни писателя читатель найдёт в статье Л.Кондрашовой «Память о Тургеневе на мценской земле», опубликованной под рубрикой «Очерки. Краеведение».

В этом же русле интересен обзор сборника материалов двух международных конференций, состоявшихся в городе Баден-Баден (ФРГ) в 2013-2014 гг. и посвящённых творчеству И.С. Тургенева. Сборник подготовлен совместными усилиями Тургеневского общества Германии и библиотеки-читальни им. И.С. Тургенева в Москве. Автор обзора Игорь Золотарёв через анализ опубликованных в сборнике докладов раскрывает признание Тургенева фигурой общеевропейского масштаба.

Много интересного найдут в журнале любители поэзии, читатели старшего поколения и дети. Волнуют, берут за душу строки из поэмы «Учитель» В.Катанова, как репортажи с места событий читаются стихи Юрия Токарева из Украины.

Хочется пожелать журналу долгой, успешной жизни. Будем ждать с нетерпением седьмой номер журнала, посвящённый 200-летию нашего великого земляка Ивана Сергеевича Тургенева.

В ОРБИТЕ МИРА-КОСМОСА ТУРГЕНЕВА

Вышел в свет очередной номер «Тургеневского ежегодника», совместного издания Орловского объединённого государственного литературного музея И.С.Тургенева (ОГЛТМ) и Тургеневского общества в Орле. Программа его – публикации о разноплановой работе тургеноведов, а также о повседневной деятельности музея – старейшего культурно-просветительского центра.

Первый номер его, вышедший в 2001 году, имел более чем скромный вид. В последнем же круг авторов намного расширился, увеличилось число рубрик. Сборник хорошо иллюстрирован. Составители-редакторы сборника – Л.А.Балькова, главный научный сотрудник ОГЛТМ, председатель Тургеневского общества в Орле, и Л.В.Дмитрюхина, зам.директора ОГЛТМ по научной работе. Их статьи «Музейный калейдоскоп» и «На рубеже столетий» – по существу отчёт о проделанной работе.

«На рубеже столетий»

Так называется статья Л.А.Бальковой, посвящённая 25-летию Тургеневского общества в Орле. Оно создано в начале 90-х при поддержке деятелей культуры города.

Что же тогда могло созданное общество? Конечно, в первую очередь, оказывать всяческую поддержку музею. Возобновили возложение цветов к памятнику писателя, к бюсту на «Дворянском гнезде», у дома с мемориальной доской; возродили тургеновские праздники, защитили тургеновскую коллекцию в Орле, воспрепятствовали сносу дома, где когда-то «нежная грезила Лиза».

В 1996 году по предложению Пушкинского Дома включились в работу по созданию Тургеневской энциклопедии. Тогда-то и решили издавать

«Тургеневский ежегодник»

А сколько совершено экспедиций! Поездка в бывшее имение Шеншиных в мценском Волкове, где в 1850-х Тургенев не раз встречался с Фетом, завершилась установкой мемориальной доски, а Волково вошло в список памятных мест. Поездка в Орловское Полесье укрепила связь с местными хранителями старины, интеллигенцией и завершилась созданием музеев – народного в селе Ильинском и школьного во Льгове. Не менее плодотворны оказались экспедиции в Первый Воин, древний Болхов, тургеновский Мценск, на Бежин луг, в тульское Тургенево, в Клейменово, Сергиевское...

Значительным событием стала поездка по тургеновским дорогам в Германию, встреча с членами Тургеневского общества Баден-Бадена. А потом родилась книга «Тургенев в Германии».

В движении «дорогами Тургенева» открывали его мир-космос, обретали новых друзей. К сожалению, уходит поколение. Актуальнее стала задача привлечения молодёжи, расширения связей. И в этом стремлении общество не одиноко – работает в тесном контакте с обществами в Германии, Франции. Недавно присоединился коллектив Мценской библиотеки им. Тургенева, надеются на сотрудничество с Тургеневским студенческим обществом ОГУ. «Нет сомнения, – подчёркивает автор, – что подготовка к празднованию 200-летнего юбилея писателя позволит увидеть нам новые перспективы в просветительской деятельности».

«Научные исследования и сообщения»

В отдел под такой рубрикой вошли материалы о духовном завещании Н.С.Тургенева(1879)» – брата писателя; о «старинной приязни» отношений И.С.Тургенева и М.А.Языкова, близкого к литературным кругам; о И.С.Тургеневе в Императорском Московском университете; об его интересе к творчеству историка Н.И.Костомарова; о влиянии на творческую судьбу Н.Н.Кнорринга, долгие годы работавшего заведующим книжным фондом в русской общественной библиотеке, носящей имя писателя, в Париже.

«В мире книг Тургенева»

Привлекает внимание в этом отделе статья об эпизодах войны 1812 года в журнале «Сын Отечества» из мемориальной библиотеки Тургенева с пометами, подчёркиваниями строк, взволновавших читателя.

Здесь же статья об истории русской общественной библиотеки им. И.С.Тургенева в Париже, созданной в 1875 при непосредственном участии и материальной поддержке писателя. После занятия Парижа немцами деятельность её прекращена, книги упакованы в ящики и отправлены в неизвестном направлении. После войны сотрудникам библиотеки частично удалось восстановить её фонд и в 1959 открыть для читателей. В экспозиции музея в Орле хранится вывеска-табличка библиотеки, когда-то сорванная фашистами, с текстом на двух языках.

Библиотеки, как люди. У каждой своя судьба. И у Мценской межпоселенческой районной библиотеки тоже запоминающиеся эпизоды. Открытая в 1913 году в день 30-летия со дня смерти писателя и названная его именем после революции это имя утратила. В мае 1920 года библиотечный совет постановил его восстановить «ввиду того, что И.С.Тургенев по происхождению дворянин, тем не менее не является классовым врагом, а, напротив, в своих произведениях становится борцом за освобождение крестьян («Записки охотника»), и вообще низших классов («Пунин и Бабурин», «Новь»), дворянство же изображает как класс «лишних людей» («Рудин») и поёт отходную дворянским гнёздам».

«Вокруг энциклопедии»

В отделе три статьи. В первой из них «Судьба меня уж обрекла» автор обращает внимание на особое отношение Тургенева к К.Ф.Рылееву. О том немало сведений. В феврале 1876 года он просит П.В.Анненкова купить в Баден-Бадене заграничное издание Рылеева («Думы», «Войнаровский») и прислать ему в Париж, а в мае посылает в редакцию одной из французских газет статью с рекомендательным письмом её опубликовать. Так он думал отметить приближающееся 50-летие со дня казни декабристов – «первенцев свободы».

В статье «Переводчики вокруг Тургенева» автор пытается рассмотреть его роль в становлении школы перевода в России. Со многими переводчиками писатель был знаком лично, кого-то поддерживал на пути освоения перевода. Обширное знание им европейской классики питалось чтением многочисленных русских переводов. Так возникают малознакомые имена переводчиков М.А.Дмитриева, А.Г.Ротчева, В.П.Вронченко.

Знакомые места и фамилии

Автор – архивист, краевед, рассказывает об истории храма села Сергиевское, начало которому положено в 1639 году. Время не пощадило его и в 1842 возведён новый храм стараниями многочисленного семейства Сафоновых. У своего старинного приятеля Африкана Васильевича Сафонова, сотоварища по охоте, который больше жил в Орле и принимал участие в проведении земельной реформы, бывал Тургенев в том самом доме на берегу Орлика, в «Дворянском гнезде».

Факты из жизни этого села раскрывает другой автор в литературном путешествии. Интересно, что потомки Сафоновых дружили с наследниками Фета и Тургенева. Потому-то семья Галаховых (бывших владельцев здания музея писателей-орловцев) после национализации их дома нашла приют в семье Сафоновых в селе Сергиевское. Здесь похоронив дочь, в 1921 мать О.В.Галахова с внуками покинули Россию. В 90-е потомки вернулись на родину.

«История моей семьи»

В отделе «Наши публикации» с интересом читаются воспоминания Ю.А. Трубникова, правнука О.В.Галаховой, о преданиях и реалиях жизни их семьи, о восстановлении и об устройстве ими в 1991 году церкви, построенной когда-то стараниями О.В.Галаховой, в селе Клеймёново. Логическое продолжение «Истории» – публикация «Экспонаты рассказывают» о выставке в 2015 году в Доме русского зарубежья им. А.Солженицына «Русский герой Франции – Николай Васильевич Вырубов». Он – наследник Фета и Тургенева, участник второй мировой войны, отмеченный за заслуги орденом Почётного Легиона и высшей наградой Франции – Крестом Освобождения. В 1981 в Париже он передал ОГЛМТ свои военные реликвии, которые были представлены на выставке в Москве.

Увлекательное путешествие

«Тургеневский ежегодник» не найти ни в книжных магазинах, ни в газетных киосках. Его тираж – 200 экземпляров. Но он мог бы быть интересен широкому кругу читателей. Знакомство с его содержанием – это увлекательное путешествие во времени, глубокое погружение в течение жизни, во взаимосвязи лиц, событий, а труды его авторов – свидетельство служения избранному пути «за веру и верность».

Выпуск очередного номера – большой праздник для музейщиков и членов общества. Недавно при активном их участии в музее состоялась его презентация.

ТУРГЕНЕВ НАШ, ОРЛОВСКИЙ. С ЧЕМ ИДЁМ К ЮБИЛЕЮ?

Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Толстой, Достоевский, Чехов – золотое созвездие имён русской классической литературы, чьи вершинные образцы творчества стали достоянием духовной культуры человечества. В этом славном ряду имя И.С.Тургенева мы воспринимаем как один и значимых символов орловской земли, а его творчество всегда в поле особого внимания орловчан. Его романы «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети», «Дым», «Новь» раскрывают широкую картину умственных движений, борьбы идей, духовной жизни русского общества середины 19 века. Цикл рассказов «Записки охотника» – это картина русской народной жизни на фоне природы нашего края. Его заслуги при жизни были признаны русским обществом и за границей. Свет его ума и сейчас облагораживает наши мысли, чувства и стремления.

Иван Сергеевич родился в городе Орле. «Сегодня, 28 октября 1818 г. в полдень, в Орле, я родила сына, названного Иваном», – строчки, обнаруженные Тургеневым в записной книжке матери после её смерти, когда он отбывал ссылку в Спаском-Лутовинове в 1852 году. Он много путешествовал. Памятными местами его жизни признаны Орёл, Спасское-Лутовиново, Орловское Полесье, Бежин Луг, Москва, Санкт-Петербург, Берлин, Баден-Баден, Париж, Буживаль. Но писатель в своей автобиографии подчёркивал: «Я родился в Орле. Орёл – мой родной город». «Губернский город О...» много раз упоминается в его произведениях.

В текущем 2018 году 9 ноября исполняется 200 лет со дня его рождения. Есть Указ Президента РФ В.В. Путина о праздновании юбилея И.С.Тургенева. Предполагается проведение торжественного заседания, Международного конгресса русской литературы, открытие памятника писателю в Москве на ул. Остоженка, выпуск памятной медали, выставки, спектакли.

Меж тем, в преддверии знаменательной даты в истории русской и мировой культуры в городе Баден-Баден (Германия), в котором писатель прожил почти восемь лет (1863-1870), состоялись две международные научные конференции, посвящённые различным аспектам его творчества. Они организованы Тургеневским обществом Германии в Баден-Бадене, созданным в 1992 году Ренатой Эфферн. Она общественный деятель, автор книг по историко-культурным связям России и Германии и бессменный председатель этого общества, награждённая медалью Пушкина за сохранение и популяризацию русской культуры за рубежом.

В 2013 году Рената Эфферн задумала организовать в Баден-Бадене встречу тургеноведов. Она состоялась и переросла в международную научную конференцию, собравшую учёных-славистов, литературоведов, музейщиков, работников библиотек, преподавателей русской литературы из Германии, России, Бельгии, Франции, Канады, Белоруссии, Армении. Город Орёл был представлен докладами «Объединённый государственный литературный музей И.С.Тургенева в Орле» и «Тургенев в Орле», с которыми выступили В.Ефремова и Е.Мельник. Преподаватель средней общеобразовательной школы №38 г. Орла Е.Ключкова, работая с учащимися над проектом «Малоизвестные страницы жизни И.С.Тургенева в Германии» подготовила на основе документального материала сообщение о пребывании писателя в Берлине с указанием дат, адресов, знакомств, встреч. Участники конференции обсудили программу подготовки к юбилею, предусматривающую создание Международного тургеновского общества и Русского культурного центра имени Тургенева в Баден-Бадене. Уникальный город-курорт стал не только местом пребывания многих русских писателей, но и послужил импульсом к созданию ими новых произведений. Так, на основе наблюдений жизни русской молодёжи в Баден-Бадене, Гейдельберге Тургенев написал роман «Дым». В самом начале его мы читаем: «10 августа 1862 года, в четыре часа пополудни, в Баден-Бадене, перед известною «Conversation» толпилось множество народа...». Там, близ этой гостиницы «Европейский двор», на Лихтентальской аллее в 2000 году установлен бюст И.С.Тургенева работы скульптора Ю.Орехова.

Теме «Тургенев и его русские коллеги в Баден-Бадене» была посвящена очередная международная научная конференция в 2014 году. Доклады на тургеновских форумах вызвали острую дискуссию её участников по вопросам литературоведения, языкознания, восприятия классической литературы в современном обществе.

В конце прошлого года Тургеневское общество в Баден-Бадене совместно с библиотекой-читальней им. И.С.Тургенева в Москве опубликовали сборник материалов этих конференций. Он содержит богатый материал о творчестве и деятельности нашего великого земляка. И, конечно, не мог остаться без внимания членов Тургеневского общества в Орле, который возглавляет Л.А.Балыкова, кандидат филологических наук, заслуженный деятель культуры РФ. На очередном заседании члены общества заслушали обзор сборника, обсудили подготовленные рецензии по отдельным докладам. Они высоко оценили его содержание и огромную работу, предшествовавшую его изданию.

Не обошли вниманием и новую книгу – роман в письмах «Тургенев и Виардо. Я всё ещё люблю», выпущенную ООО «Издательство «Алгоритм». Автор Е. Первушина презентует её как доказательство существования подлинной любви длиною в жизнь вопреки скептикам, утверждающим, что любовь не может быть вечной.

И, конечно, Тургеневское общество и работники Объединённого государственного литературного музея И.С.Тургенева тоже готовятся достойно отметить юбилейную дату. Все заботы, тревоги, помыслы и действия направлены в это русло. Они стали предметом обсуждения за «круглым столом» в музее писателей-орловцев. Музей И.С.Тургенева закрыт на ремонт, который, конечно, надо форсировать и своевременно завершить, чтобы успеть подготовить продуманно и качественно экспозицию, выставки и достойно встретить гостей. В обсуждении приняли участие зам. председателя Областного совета депутатов, председатель Попечительского совета по возрождению «Дворянского гнезда» М.В.Вдовин, руководители областного департамента культуры, управления по охране памятников культуры и истории, другие представители общественности. Все были озадачены: надо сделать что-то новое, существенное. Припомнили, как в далёком трудном 1918 году, во время гражданской войны, в Орле отмечали 100-летие писателя. Распоряжением Наркомпроса РСФСР был учреждён музей-библиотека И.С.Тургенева. «В воскресенье, 24 числа состоялось приуроченное к столетней годовщине со дня рождения И.С.Тургенева открытие музея его имени», – сообщала газета «Известия Орловского губернского и городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов».

В 1968-м, в год 150-летия в Орле был открыт памятник писателю работы скульптора Г.Бессарабского, широко развёрнуты работы по восстановлению усадьбы Спасское-Лутовиново.

Чем же современный город Орёл подтвердит свою любовь к великому земляку, чьё имя влечёт в город его почитателей из разных городов России и зарубежья? Все выступающие говорили об одном – о восстановлении дома, который у всех орловцев на слуху, на памяти под названием «Дом Калитиных». Уже много лет идёт о нём речь, о его использовании, о создании на его базе культурно-образовательного центра. Уже разработана проектно-сметная документация на его восстановление и одобрена экспертами, выделены средства из областного бюджета (4 млн. рублей). Да, дом обветшал, деревянные элементы требуют замены, но есть прочный, добротный фундамент, на котором можно воссоздать по имеющимся документам и снимкам дом и надворные постройки, облагородить сад и прилегающую территорию, создать ансамбль старинной усадьбы и при нём музей литературного героя. Тем самым сохранить историю и легенды этого дома.

«Орловские старожилы рассказывали,- сообщают работники музея, – что писатель любил бывать в усадьбе на высоком берегу Орлика, которая с 50-х годов принадлежала А.В.Сафонову – старинному приятелю И.С.Тургенева. Возможно от него он узнал о жизни прежних обитателей этого «дворянского гнезда». «Перед раскрытым окном красивого дома, в одной из крайних улиц губернского города О... (дело происходило в 1842 году)...» – так начинается роман «Дворянское гнездо». Неширокие, тихие, «крайние» улицы Орла в XIX веке: Борисоглебская, Садовая, Верхняя Дворянская, Введенская. Здесь жили и снимали квартиры орловские писатели. Теперь эти улицы можно назвать музейным кольцом. Но есть в нём надрыв. Это «Дом Калитиных».

Участники «круглого стола» горячо говорили и спорили. Среди них были убеждённые, что «Дому» быть, и отчаявшиеся, верящие и сомневающиеся в реализации проекта культурно-образовательного центра с музеем литературного героя. Можно желать и бесконечно обсуждать. Настала пора действовать. Нужен ответственный человек, конкретная личность, понимающая с чего начать и как довести дело до конца, объединив усилия всех сторонников идеи.

Отсчёт времени пошёл. Юбилей на горизонте.

ВСТРЕЧА В БУЖИВАЛЕ

В марте 2018 года мне посчастливилось вместе с Орловским Тургеневским обществом побывать в Европе. Это была просветительская экспедиция в рамках празднования 200-летия великого русского писателя. Мы побывали в городах, которые некогда посещал И.С. Тургенев: Дрезден, Мюнхен, Баден-Баден, Париж, Буживаль, Кёльн и Берлин. Я впервые побывал в Германии и должен сказать, что она оставила в моём сердце самые яркие и светлые чувства. Мне понравился и строгий Дрезден, и сказочный Мюнхен с его Домом весёлой вдовы и пивной Hofbrauhaus, и райски умиротворённый Баден-Баден, и маленький Кёльн с его собором, и величественный Берлин. Все эти города заслуживают отдельного повествования.

Я остановлюсь лишь на маленьком эпизоде – встрече в Буживале с директором музея И.С. Тургенева – А.Я. Звигильским. С Александром Яковлевичем мы познакомились давно, когда я проходил здесь стажировку в августе 2004 года. Так что уже из окна автобуса я узнал знакомые места, где не был четырнадцать лет. Мне хотелось поскорее увидеть дом Тургенева и самого Звигильского. Обогнав группу, я быстро стал подниматься к дому. Меня встретил человек невысокого роста с окладистой бородой и добрыми глазами. Это был сотрудник музея Бернар. Мы познакомились. Я спросил его, у себя ли господин Звигильский? Александр Яковлевич был в другой комнате, он вышел к нам и горячо меня поприветствовал.

Кое-что в доме изменилось. Не стало жены Александра Яковлевича мадам Франсуазы, и один из залов экспозиции он посвятил её памяти, а у входа справа находится мемориальная доска с её фотографией. Звигильский провёл нам замечательную экскурсию по дому. Он прекрасный рассказчик и слушать его можно часами. На первом этаже напротив входа находится монитор, на котором демонстрируется видеofilm. А.Я. Звигильский и Бернар разыграли шахматную партию, проходившую в кафе «Режанс» между И.С. Тургеневым и польским гроссмейстером Мачусским. «Мачусский играет несколько партий, переходя с одной доски на другую, – рассказывает Александр Яковлевич, – он проиграл одну партию Тургеневу, которая была записана. Всё это воссоздали и почему-то меня взяли в качестве Тургенева, а моего лучшего сотрудника Бернара взяли в качестве Мачусского. Так что я выиграл у Бернара».

Бернар, как мне показалось, очень ответственный и добросовестный сотрудник. Видно, с какой любовью он относится к тургеневскому дому. Я успел и с ним немало поговорить. Он обратил моё внимание на витражи входной двери. На них изображены эпизоды из охотничьей жизни писателя. Бернар рассказал, что эти витражи специально заказывали в Италии, а орнамент по краям стёкол точь-в-точь повторяет орнамент на полу.

На втором этаже – кабинет И.С. Тургенева и спальня, где писатель провёл последние дни своей жизни. В кабинете Звигильский показал нам портрет Полины Виардо работы её дочери Клоди и обратил внимание на технику живописи. «Вы знаете, что это? – спросил нас Александр Яковлевич, – это пастель по бархату. Очень тонкая работа. Клоди была очень хорошей художницей, конечно, не профессионалом, но все-таки картина очень красива. На камине вы, конечно, узнали Пушкина и Бетховена, – продолжил рассказывать Звигильский, – Тургенев скончался 3 сентября и уже через несколько дней пришёл оценщик. В протоколе оценки описи имущества Тургенева написано «Бушкин». Оценщик сказал, что видел на камине бюст Бушкина и Бетховена. Он не знал, кто такой Пушкин и вместо этого написал «Бушкин»».

В кабинете у стены стоит массивный шкаф с книгами, а перед ним – стол с чернильницей и пресс-папье в виде лежащего медведя. Александр Яковлевич отметил, что шкаф очень похож на тот, что был у Тургенева. «Этот шкаф я собственноручно нёс на руках вместе с двумя людьми. Самая тяжёлая часть – нижняя. Она невероятно тяжёлая. Шкаф в стиле Наполеона III, как и стол. Но разница в том, что это стол самого Тургенева. Он хранился у Максима Ковалевского, профессора Московского университета. Госпожа Виардо подарила ему этот стол. Потом стол хранил потомок Ковалевского – Пётр, живший в Париже. После его смерти мы узнали, что мебель из кабинета Тургенева, подаренная мадам Виардо, была продана на аукционе. Мы не нашли покупателя. Зато стол был сохранён для Петра Ковалевского, который читал лекции в русской церкви, в Париже. Я просил его подарить этот стол нам. Очень ценная подлинная вещь».

На втором этаже, по соседству с кабинетом – спальня, где провёл последние дни И.С. Тургенев. Кровать с балдахинном и примыкающий к ней маленький диванчик в тёплых зелёных тонах. Эти предметы восстановлены по рисунку Клоди Шамро месье Жоёлем Бернаром, профессором реставрационной мастерской школы Буле и его учениками Катрин Мангу и Дени Костером в начале 80-х годов прошлого столетия. Атмосфера в комнате удивительная. Иногда создаётся отдалённое ощущение присутствия великого писателя, кажется, что И.С. Тургенев скончался не в 1883 году, а на прошлой неделе. Возможно от того, что дом остался прежним и сумел сберечь дух хозяина.

ЮРИЙ ЧЕРКАСОВ,
художник

ТУРГЕНЕВ И БАРОНЕССА ВРЕВСКАЯ

«На грязи, на вонючей сырой соломе, под навесом ветхого сарая, на скорую руку превращённого в походный военный госпиталь, в разорённой болгарской деревушке – слишком две недели умирала она от тифа. Она была в беспамятстве – и ни один врач даже не взглянул на неё; больные солдаты, за которыми она ухаживала, пока ещё могла держаться на ногах, поочерёдно поднимались со своих заражённых логовищ, чтобы поднести к её запёкшимся губам несколько капель воды в черепке разбитого горшка. Она была молода, красива; высший свет её знал; об ней осведомлялись даже сановники. Дамы ей завидовали, мужчины за ней влопочились... два – три человека тайно и глубоко любили её. Жизнь ей улыбалась; но бывают улыбки хуже слёз. Нежное кроткое сердце... и такая сила, такая жажда жертвы! Помогать нуждающимся в помощи... она не ведала другого счастья... не ведала – и не изведала. Всякое другое счастье прошло мимо. Но она с этим давно помирилась – и вся, пылая огнём неугасимой веры, отдалась на служение ближним. Какие заветные клады схоронила она там, в глубине души, в самом её тайнике, никто не знал никогда – а теперь, конечно, не узнает. Да и к чему? Жертва принесена... дело сделано. Но горестно думать, что никто не сказал спасибо даже её труп – хоть она, сама и стыдилась и чуждалась всякого спасибо. Пусть же не оскорбится её милая тень этим поздним цветком, который я осмеливаюсь возложить на её могилу!» (И.С. Тургенев)

Юлия Петровна Вревская (Верпаховская) родилась в 1839 (1841) в Лубнах Полтавской губернии, в Российской империи. Была замужем за бароном Ишполитом Александровичем Вревским. После окончания Смольного института благородных

девиц переехала в Ставрополь к отцу генералу Верпаховскому, давнишнему товарищу И.А. Вревского по службе. Видимо, в Ставрополе и произошло знакомство 17-летней Юлии с 43-летним генералом Ипполитом Александровичем Вревским. В 1856 году там же состоялась их свадьба, и Юлия Петровна стала баронессой Вревской. После свадьбы супруги переехали во Владикавказ. 20 августа 1858 года при штурме аула Кетури И.А. Вревский был тяжело ранен чеченской пулей. Его привезли в Телави, где через два дня он скончался. Сослуживцы и грузинская знать уговаривали Юлию Петровну похоронить мужа в Телави. Молодая и красивая вдова баронесса Юлия Петровна Вревская после смерти мужа «получила приглашение ко двору и, приехав в Петербург, стала фрейлиной императрицы Марии Александровны, вместе с императрицей побывала во Франции, Италии и даже в Иерусалиме. Всю жизнь она жертвовала собой для родных, для чужих, для всех. Юлия Петровна многим напоминала тип женщин Александровского времени. Этой высшей школы вкуса – утонченностью, вежливостью и приветливостью. После отстранения от двора в 1870, жила за границей и где обмен письмами 1873 – 1877 гг. и нескольких встреч связали её дружбой с Иваном Сергеевичем Тургеневым. В 1877 году обстановка в мире была не благополучной. Славянские народы Балканского полуострова терпели поражения от турецких войск. Женщины из дворянских семей шли на войну сёстрами милосердия. Среди таких героинь была и баронесса Юлия Петровна Вревская. С частью сестёр милосердия Ю. П. Вревская направилась на юг Румынии в Яссы. Княгиня Нарышкина заведовала кухней, Юлия Петровна была среди тех, кто ухаживал за ранеными и умирающими. Она не сторонилась тяжёлой работы и в середине сентября 1877 года писала сестре: «Я очень рада работе, хотя всё моё бельё стало в лохмотьях, а платье страшно истрепалось; завтра ждём 1500 раненых, сегодня было 380. Писать почти не нахожу минуты». И далее: «Мы сильно утомились, дела было гибель – до 1000 больных в день, и мы целые дни перевязывали до 5 часов утра, не покладая рук»... Подобную картину запечатлел В.В.Верещагин на своём полотне «После атаки. Перевязочный пункт под Плевной». Устав, многие дамы уезжали в отпуск. Юлия Петровна два месяца своего отпуска потратила на то, чтобы как частное лицо попасть на юг Болгарии в Бялу, где рядом был фронт. С ноября 1877 года работала в 48-м военно-полевом госпитале в трёх километрах от села, которое было под постоянной угрозой нападения врага и куда каждый день прибывали раненые. На деньги, вырученные от продажи орловского имения Мишково, снаряжает санитарный отряд. К сожалению, её имение не дошло до наших дней. Каждый день увеличивалось число тифозных больных, не исключением стала и наша героиня. Как написала сестра в записке, хранящейся в Пушкинском доме, Юлия Петровна Вревская «заболела тифом 5 января 1878 года. 4 дня не хотела лечиться; попросила священника, исповдалась и приобщилась; не знала опасности своего положения. Вскоре болезнь сделалась сильнее. Впала в беспамятство... до кончины 24 января. Могилу копали ей раненые, за которыми она ухаживала, и они же несли её гроб и не дали её никому. Нельзя было ничего достать в Бяле. Но ей всё-таки сделали гроб; всё очень просто – фланелевый, синий; похоронили в платье сестры милосердия, около православного храма в Бяло». Военный врач Павлов писал о Юлии Петровне следующее: «Смерть Юлии Вревской произвела на всех нас тяжёлое впечатление, и не одна слеза скатилась при погребении тела покойной. При описи имущества, находящегося с ней в Бяло, кроме денег, деловых бумаг, несколько фотографий и носильного белья, были найдены два небольших пакета с надписью на них карандашом: «В случае моей смерти прошу сжечь», и её воля была выполнена при свидетелях». Что же просила сжечь в случае смерти баронесса Юлия Петровна? Вероятнее всего, личные письма с Александром Раменским, который погиб 20 ноября 1877, и с кем она находилась в гражданском браке. Так, может быть, запись в «Хронике» Рамен-

ских соответствует реальным событиям, и супруг действительно погиб на глазах Юлии Вревской, ставшей дважды вдовой?

Болгария свято хранит память о русской сестре милосердия, баронессе Юлии Петровне. Военно-исторический музей в городе Плевен выпустил листовку на болгарском языке под названием «Юлия Петровна Вревская» (1841 – 1878), в которой говорится, что в освободительной войне 1877-78 гг. наряду с русскими военными и добровольцами, есть много примеров проявления храбрости и самопожертвования русских медицинских сотрудников. Среди них – бессмертный образ русской женщины Юлии Петровны Вревской, принявшей участие в войне как добровольная сестра милосердия, умершая 4 февраля (24 января по старому стилю) 1878 года от тифа. Памяти Юлии Вревской Яков Полонский посвятил сонет «Под Красным Крестом», а Гюго – стихотворение «Русская роза погибла на болгарской земле». На могиле Юлии Петровны в Болгарии сооружён скромный памятник с надписью «Сёстры милосердия Неелова, баронесса Вревская. Январь 1878 г.». «А в Бялу в парке – белокаменная скульптура: сидящая женщина в одеянии сестры милосердия, ноги подвёрнуты, одна рука на коленях, другая под щекой – поза скорби. Сохраним и мы память об этой самоотверженной русской женщине – баронессе Юлии Петровне Вревской!»

В 2017 году в Малоархангельском районе в селе Лески рядом с восстанавливаемым храмом «Покрова Пресвятой Богородицы», был освящён памятник баронессе, сестре милосердия Юлии Петровне Вревской со словами И.С. Тургенева: «Пока ещё не протоптана тропа к памятнику и не часто кладутся цветы к нему, но розы уже цвели и, надеюсь, будут цвести у его подножия».

МАРИНА КАРЛОВА,
Колтна

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Солнце стремилось к закату. Изрядно побродив в окрестностях Топков, трое охотников остановились на пригорке, откуда открывался прекрасный вид на Владимирскую церковь. её купола, казалось, касались неба, высоко поднявшись над линией горизонта. Обширные, заболоченные низины издавна тянутся здесь на многие километры и славятся обилием дичи. Впервые Тургенев побывал тут с отцом и всем сердцем тянулся сюда вновь и вновь.

– Я, знаете ли, Иван Сергеевич, скотства в людях не люблю больше всего, – проговорил, обращаясь к нему, Мухортов младший. – Вот собаки... Они ведь почище людей будут. А уж в верности и преданности их и сомневаться не приходится. – Николай опустил на одно колено перед бело-рябой гончей, ласково потрепал её по холке, поправил ошейник и, обхватив двумя руками собачью морду, чмокнул в широкий лоб.

Тургенев молчал. Он тоже крепко любил собак, особенно хорошей породы, для их приобретения не жалел никаких средств, а ложась спать, всегда проверял: хорошо ли накормлен его четвероногий друг, тёплое ли у него место для сна? Ночью собака, по обыкновению, была укрыта его сорочкой.

Вглядевшись в широкую даль луга, слегка подернутую белесой дымкой, бывалый охотник тяжело вздохнул: оттуда, разрезая пространство и время, протяжно звал колокол. «К вечерней службе не поспеем...», – промелькнуло у него в голове, перебивая череду мыслей. – Ну, да бог с ней! Всё суeta и прах, кроме охоты».

К охоте Тургенев был приучен с детства. Живо интересуясь животным миром, он быстро освоил все секреты охотничьего промысла, которые ему передавали

дворовые егеря. Они постоянно брали мальчика с собой на вальдшнепа и бекаса. В итоге молодой барин стал страстным охотником по перу, хотя и держал гончих собак. Дед его, Петр Лутовинов, был любителем псовой охоты. Да и мать, Варвара Петровна, часто принимала участие в охотничьих выездах наравне с мужчинами.

В былые времена, Тургенев не раз выходил один на вечернюю тягу, заранее, выбирал себе место поудобнее – какую-нибудь полянку, просеку или край вырубки, возле широкой лесной дороги. Обстрел вёл круговой, ведь птица могла вылететь с любой стороны! Куст или деревце служили ему декорацией. Затаив дыхание, охотник ждал. Боже упаси, во время приближения вальдшнепов резко двигаться или выказывать своё нетерпение! И когда удача была на его стороне, он весь день пребывал в отличном настроении. Если же бил мимо – сильно расстраивался.

Охота всегда отвлекала Тургенева от других занятий, служила отдохновением от проблем и семейных неурядиц, приводила в гармоничное состояние духа. Сейчас оно было рассеяно разговором с Мухортовыми о завещании брата. Больше всего огорчало писателя то, что его наследством два года назад завладели Маляревские, родственники со стороны жены покойного брата. Они так состряпали все дела, что комар носа не подточит! А ему достался лишь гулькин нос.

– Всё, что сделано этими людьми, пусть останется на их совести, – вдруг резко бросил Тургенев младшему Мухортову. – Я больше ни на что не претендую и не хочу никаких судебных разбирательств. Довольно об этом! – и голос его зазвенел фальцетом.

Мухортов многозначительно посмотрел на Тургенева, помялся с ноги на ногу, но так ничего и не ответил. Видно, не решился на ночь глядя затевать спор: Иван Сергеевич в последнее время как-то осунулся, постарел, все чаще останавливался, чтобы перевести дыхание. «Неужели силы покидают этого неутомимого человека, дававшего фору молодым на охоте?» – подумалось Николаю.

– Что-то зябко становится, Иван Сергеевич, – проговорил подошедший к ним Мухортов старший, поправляя ружьё на плече. – Дожди в этом году хорошо набутили болота – сырость кругом. Давайте не будем медлить и отправимся в обратный путь. Дома нас заждались поди...

Тургенев нехотя улыбнулся и кивнул в ответ. Дело в том, что мать Мухортовых, молодящаяся вдова его давнего друга Захария, оказывала ему не двусмысленные знаки внимания, которые ставили его в неловкое положение перед её сыновьями. К тому же сердце Ивана Сергеевича навеки было отдано той, без которой жизнь казалась лишённой всякого смысла. Эта любовь, наряду с охотой, была ещё одной его страстью. И если прогулки с ружьём питали мысли и чувства писателя, а талант литератора позволял облечь полученные впечатления в словесную форму, наполняя её глубоким философским смыслом, то эта женщина, за которой он готов был следовать на край света, вселяла в него веру в собственные силы.

Полина Виардо была сейчас далеко, в Париже. Но даже маленькая разлука с ней в несколько дней наполняла душу Тургенева щемящим чувством тоски по дорогом человеку. Хотя в молодые годы Тургенев не был обделён любовью прекрасного пола, отвечая на возникшие чувства с той искренностью, которая характерна для многих мужчин. Вообще он легко сходился с людьми разных социальных слоев. Свободный ум его не принимал никаких преград в общении человека с человеком. Всё ему было интересно в нём: его нужды, стремления, помыслы. Отличаясь добродушием и отзывчивостью, Тургенев любил посмеяться. Нередко во время охоты он ночевал на крестьянских сеновалах, в простых избах, заходил в придорожные кабаки, останавливался у соседей-помещиков, на постоянных дворах, умело располагал хозяев к разговору, подкупая искренностью и сердечностью. Кроме того, всегда подмечал в обыденном что-то необыкновенное, поэтому люди охотно доверяли ему свои секреты.

«Чем мы лучше их?» – не раз размышлял Тургенев о дворовых и крепостных, среди которых прошли его детские годы. – Что они по – другому любят, страдают, чувствуют? – Взять хотя бы моего верного егеря Афанасия... Как ранима была его трепетная душа! Он чуть не погиб, спасая Бубуля... А Полинес? Она так и не смогла простить мне разлуку с матерью, которая обливалась горячими слезами, провожая её за границу...»

Семейная жизнь единственной дочери Тургенева не сложилась. Это больно ранило отца, напоминая, что и у него самого тоже нет тех крепких родственных связей, которые грели бы душу в долгой разлуке с домом. «Я всю жизнь искал приюта у чужого огня...»- с горечью говорил он знакомым. И те сочувственно кивали головами в ответ, а за спиной осуждали за страсть к испанской певице. Может быть поэтому Александра Николаевна Мухортова после смерти мужа прониклась высокими чувствами к Тургеневу. Ей хотелось, чтобы этот красивый, сильный мужчина остался рядом с ней, избавил от подступавшего к горлу одиночества и сам обрёл покой в её доме. Она представляла себе, как они рука об руку будут ходить в местную церковь, гулять по парку, обсуждая последние газетные новости, читать книги.

Вот и сейчас, как только охотники подошли к калитке, она побежала в свою комнату принарядиться. Затем перебросившись тихонько с сыновьями парой – тройкой слов о самочувствии Ивана Сергеевича, отдала приказание подавать на стол.

– Нагулялись Вы сегодня вволю, Иван Сергеевич! Давно, давно Вы не были в наших местах. Стосковались наверно по охоте?

– Ваша правда, Александра Николаевна, – проговорил Тургенев, целуя ей руку. – Красота у вас здесь! Тишина, раздолье. Придётся ли ещё когда-нибудь приехать сюда...

– Что Вы, что Вы, Иван Сергеевич! Приезжайте, приезжайте, не раздумывая, мы всегда рады Вам несказанно. А то бы и погостили у нас денёк-другой, как раньше, а может и подольше задержались...

Щёки Мухортовой так и вспыхнули ярким румянцем, и она, смутившись, опустила глаза.

– Спасибо вам за гостеприимство, Александра Николаевна! – не замечая её замешательства, отвечал Тургенев. – Я вижу, в этом доме ничего не изменилось с тех пор, как не стало нашего дорогого Захария Николаевича. Мир его праху. Щедрой души был человек. Сколько вёрст мы с ним здесь прошли?! Я часто вспоминаю наши душевные разговоры о литературе, горячие споры за столом... Не согласился он купить моё поместье здесь, а зря. Хозяином он был отменным. Ну да что уж теперь говорить об этом...

Наскоро угостившись, Тургенев засобиравшись в дорогу.

– Хочу напоследок в имение своё заглянуть, – сказал он прощаясь с хозяевами. – Благодарствую за приём и хорошую охоту. Буду вспоминать о вас с теплом в далёкой Франции. Может и свидимся ещё...

Он сел в поджидавший его экипаж, который вскоре скрылся за горизонтом, освещаемый лучами уходящего солнца. Это была последняя Тургенева встреча с родной землёй, его последняя встреча с Россией...

Наука. Рецензии. Мнения. Замечания

ГАЛИНА БОРИСОВНА КУРЛЯНДСКАЯ

«ТАИНСТВЕННЫЕ ПОВЕСТИ» И. С. ТУРГЕНЕВА

Вопрос о так называемых «таинственных повестях» Тургенева — один из самых сложных в науке. Идеино-эстетическая, этико-философская позиция Тургенева в этих повестях до сих пор остается невыясненной: она определяется самым противоположным образом. Действительно, как объяснить тот факт, что вера в сверхъестественное получила своё предельно эмоциональное выражение в произведениях того самого Тургенева, который не раз заявлял о своем равнодушии ко всему мистическому. 13 (25) января 1870 года он писал М.В. Авдееву: «...меня исключительно интересует одно: физиономия жизни и правдивая её передача; а к мистицизму во всех его формах я совершенно равнодушен...»; «Я преимущественно реалист, — писал он в 1875 году 22 февраля (6 марта) М.А. Милотиной, — и более всего интересуюсь живою правдою людской физиономии; ко всему сверхъестественному отношусь равнодушно, ни в какие абсолюты и системы не верю...» (Письма, XI, 31).

Во вступительной статье к восьмому тому Сочинений Тургенева Л.В. Пумпянский связывает «таинственные» новеллы Тургенева с определённой фазой в истории «европейских суеверий», когда «вера в таинственные явления вступает в противоестественный союз с буржуазным позитивизмом» в 50-е и 60-е годы прошлого века, когда «явление, с одной стороны, признаётся сверхъестественным, а с другой — признаётся не только его наличность, но и доступность опытному познанию и даже экспериментированию, следовательно, «естественность». Таинственное перестаёт быть фантастикой, становится оккультной эмпирией и уж как лаковая входит в литературу эпохи реакции».

В своей книге «Тургенев и русский реализм» Г. Бялый писал: «Тургенев всегда говорил о том, что он совершенно равнодушен к мистицизму теоретическому, но в своих «таинственных повестях» он отдал дань мистицизму эмпирическому». «Отчасти это продолжение старой тургеневской темы — беспомощности человека перед лицом страшных и непонятных сил природы, враждебных и угрожающих неизбежным уничтожением. Отчасти это дань модному в то время увлечению естественно-научным эмпиризмом, увлечению, связанному с распространением позитивистского воззрения на природу и человека, стиравшего грани между явлениями физическими и психическими и этим открывавшего пути для оживления веры в бессмертие души». Тургенев, согласно исследователю, вводил в свои повести элементы «позитивной таинственности».

Вряд ли можно согласиться с определением позиции Тургенева в так называемых «таинственных повестях» как позиции вульгарного буржуазного естественно-научного позитивизма и даже страха перед «агрессивностью метабиологического мира». Вряд ли Тургенев был связан с «резвыми эмпириками», которые, если говорить словами Ф. Энгельса, стали жертвой самого дикого из всех суеверий современного спиритизма». «Таинственное» в его повестях выступает фантастикой, а не оккультной эмпирией.

Не меньшее сомнение вызывает и понимание Тургенева как прямолинейного рационалиста. В примечаниях к восьмому тому Сочинений Тургенева отрицается малейший интерес писателя к сфере чудесного и таинственного на основании его заявлений о равнодушии ко всему сверхъестественному и мистическому. Вряд ли теоретические заявления писателя могут иметь определяющее значение при выявлении его идейно-нравственного пафоса в том или другом художественном произведении. Проблема «образа автора» разрешается путем тщательного изучения самой

словесной ткани произведения, логики развития характеров и их сопоставления, разумеется, с учётом идей, выраженных писателем в понятийной форме.

Идейно-эстетическая позиция Тургенева в «таинственных повестях» остаётся нераскрытой и в специальной статье С.Е. Шаталова. В решении проблемы мировоззрения и метода Тургенева исследователь допускает какую-то неточность и даже колебания. Остаётся неясным — то ли это реалистическое изображение действительности, обогащенное романтическими достижениями, то ли осуществляется романтический способ изображения, а техника реалистического письма привлекается для доказательства реальности иррационального, таинственного начала в человеческой жизни. В статье имеются и те и другие утверждения, что и лишает её единой направленности и чёткости выводов.

В одной из глав своей монографии «Художественный мир И.С. Тургенева» (1979) Е.С. Шаталов возвращается к поздним повестям писателя. Назвав «Клару Милич» «шедевром», он полагает, что проблему «любви, смерти и бессмертия» писатель решает в духе своих атеистических представлений: «С удивительным мастерством Тургенев показал, как одно маленькое отступление от материализма, одна небольшая уступка идеализму вовлекает Аратова в процесс неотвратимого сближения с защитниками религии». Разумеется, с подобным определением авторской позиции Тургенева совершенно невозможно согласиться.

Идейно-эстетическая позиция Тургенева в «таинственных повестях» определяется крайне противоречиво и в книге А.Б. Муратова «Тургенев-новеллист» (1985). С одной стороны, он признаётся сторонником того естественно-научного эмпиризма, согласно которому можно вступать в общение с явлениями потустороннего мира, можно сверхъестественное подвергать эксперименту, а с другой стороны выражается мысль о том, что согласно Тургеневу существует то «Неведомое», которое не поддается познанию и анализу. «Касаясь вопросов «таинственного» в жизни, говорит А.Б. Муратов вслед за Л.В. Пумпянским, — писатель хотел быть трезвым эмпириком и стремился опираться на данные точных наук...» Получается невозможное сочетание: Тургенев — эмпирик, допускающий опытное познание сверхъестественного, и Тургенев же — писатель-реалист, романтически утверждающий то Неведомое, которое не познаваемо. Необходимо назвать монографию В. М. Головки о художественно-философских исканиях позднего Тургенева, в которой интересно анализируется авторская концепция личности и её философско-мировоззренческие основы, нравственно-эстетическая проблематика творчества.

В предлагаемом исследовании мы стремимся к выявлению единства идейно-художественного видения жизни в так называемых «таинственных повестях», к раскрытию и определению самого типа мирозерцания Тургенева, оплодотворённого вниманием к иррациональному, «таинственному» началу бытия. Анализ художественного текста производится под знаком вопроса о той этико-философской направленности писателя, которая сказалась в раскрытии сложной внутренней жизни героев-персонажей, в концепции человека и мира, в творческом преобразовании реальности.

Проблему идеала и действительное Тургенев всегда решал с реалистических позиций, но вместе с тем и использовал идейно-художественные достижения романтического искусства, когда обращался к изображению идейно-эмоционального мира своих мечтателей. Связь Тургенева с романтическим искусством сказалась не только в этой идеализации «высоких» душевных порывов нравственных идеалистов, но также в несомненном интересе к тем мятежным стихиям страсти, которые представлялись ему «роковыми» и «тёмными». Павел Петрович Кирсанов из «Отцов и детей» явился жертвой непреодолимых и разрушительных стихий, проявившихся в его страсти к княгине Р. с «загадочным взглядом».

Однако в романах, посвящённых социально-идеологической проблематике, это «таинственное», «иррациональное» даётся лишь второстепенным планом. Тем не

менее внимание Тургенева к «таинственному» было постоянным почти на всем протяжении творческих сознательных лет. Ещё в «Записках охотника», именно в рассказе «Бежин луг», воспроизведена атмосфера загадочного и чудесного в человеческой жизни и в природе. С новой силой и новыми акцентами она дана в «Фаусте» и «Призраках». С наибольшей откровенностью эта стихия сверхъестественного выступает в повестях, так и названных критикой «таинственными», в особенности в таких, как «Сон», «Песнь торжествующей любви», «Клара Милич (После смерти)».

В последние годы жизни писателя обостряется присущее ему чувство трагического одиночества человека в мироздании, с ещё большей силой загорается он жаждой религиозных прозрений и вместе с тем крепнет голос скептического отрицания божественного происхождения жизни. В своём последнем дневнике, как бы воспроизводя мотив из «Довольно», Тургенев пишет, что страшно то, что нет ничего страшного в жизни: «...я, может быть, пишу это за несколько дней до смерти. Мысль невеселая. Ничтожество меня страшит...». Рациональное решение философского вопроса не снимает мистических настроений, сказавшихся в последних повестях и в некоторых стихотворениях в прозе. Это мистическое выражается преимущественно в остром ощущении зависимости внешнего и внутреннего мира человека от каких-то недобрых, роковых сил, неподвластных человеческому разумению.

К разработке чисто психологических тем Тургенев обращался на протяжении почти всей творческой деятельности, постоянно интересуясь теми началами жизни, которые не укладывались в рамки здравого смысла, воспринимались им как странные, загадочные, но вместе с тем очень реальные, непосредственно ощущаемые. Чуткость к так называемой сфере чудесного побуждала Тургенева к рациональному осмыслению проявления этой сферы. Задача учёных состоит не в том, чтобы игнорировать острые реакции Тургенева на движения подсознания, а в том, чтобы понять эти реакции в их сложнейших и порой противоречивейших связях с его мировоззренческой позицией.

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ

В РОЩЕ ПЛАТОНА

Встретишь её где-нибудь на мосту через Орлик, вблизи Дворянского гнезда, уже согбенной, при почтенных годах, однако в немыслимой шляпке, — это одно. Другое дело — услышишь где-нибудь в музее Тургенева; на форуме по творчеству кого-либо из наших великих земляков-писателей. Бывает, сидит себе Галина Борисовна на заседании скромненько, порой даже вздремнёт. Но в острый момент, когда дискуссия наберёт высоту, когда важна концептуальная формулировка, научное обоснование выводов, она тут как тут, этот миг для её ума, интуиции, будьте уверены: Истина, как жар-птица, будет схвачена за крыло.

И вот что интересно: «академиков» всяческих в стране сейчас хоть отбавляй. Собрался междусобойчик, обозвали себя как покруче, зарегистрировались в собственном совете — и нате вам: «член-коры», «академики». Утром — деньги, вечером — стулья. Галина Борисовна давно профессор, долгие годы строго несёт свой профессорский титул, пережив многих настоящих академиков, научных светил. Так кто же она тогда, если мода ныне такая на «академиков»? Вспоминается фрагмент из путевых очерков по Японии известного публициста Владимира Цветова. В Токио на витрине выставили картины. Народ течёт, видит баснословные суммы в йенах. Наутро все картины целехоньки, кроме одной: она похищена! А ведь суммы на ней не было никакой. Да и какая может быть сумма, когда картина не имеет цены, бесценная реликвия.

Ценность Галины Борисовны до конца нами как-то даже не осознаётся. А ведь Орловщина — край литературный, земля коренная, созидавшая и созидающая наш русский язык, отечественную литературу, культуру. Это родимые корни Тургенева, Лескова, Фета, толстовские, бунинские места. И ко всему этому ею подобран научный ключ — эстетический, литературоведческий, философский — на базе российского и мирового сознания. Взгляните только на перечень стран, городов и имён, откуда приезжают к нам в Орел на симпозиумы, научные конференции, на степень участия в них профессора Курляндской.

Такие люди, как Галина Борисовна, уникальны, это наша гордость, национальное достояние.

Она давно уже в роце Платона — в мудрообильных кущах, идёт стезёй, протоптанной бессмертными именами. Не в том ли и состоит секрет её неувыдаемости, удивительного долголетия, что живёт она не только за себя, но и за других, во имя, а не вопреки. До сих пор, кстати, она верна идеалам своего первого учителя Скафтымова из Казанской школы филологии, которому по чужой воле не суждено было подойти и к среднему возрасту. Вращение в кругу научных проблем, в этом центробежном и центростремительном хороводе идей, гипотез, концепций, в дискуссиях с уважаемыми коллегами, безусловно, обостряет осознание дела, растёт понимание, как много ещё предстоит успеть. И всё это требует упорства, количества и качества труда, на что и уходят годы.

Думая о Галине Борисовне, я говорю о «сакральном кресте» не случайно. Вся её жизнь и есть тот самый божественный, символический крест, который она несёт на Голгофу и который её саму в свою очередь вынес к этим вершинам, нелёгким, но, можно сказать, счастливым годам. Действительно, сколько всего наработано на научном и педагогическом поприще. А всё он, этот божественный символ!

«Сакральный крест» — это по вертикали движение к высшему, инобытийному, космогоническому, к биоэнергетическим сферам — этическим, эстетическим, к диалогу со всем человечеством. Это то, что даёт жить духу, но не даёт покоя душе. Это путь во истину христианских страданий и мучений радости, победных разочарований и зачарованных побед в глубочайших раздумьях о судьбах Родины, своего народа на фоне общественных переворотов и катаклизмов, это «третий глаз» в запредельное, в инновации цивилизации.

«Сакраментальный крест» — это, если горизонтально, ещё и движение по земле обжитой, обетованной, шаги по своему городу, улице, это работа в любимом университете, скрупулёзное чтение диссертаций, выносимых на учёный совет. Это и сами студенты, аспиранты, многие из которых уже доктора, кандидаты наук, это её комета, вернее, хвост кометы — целая научная школа.

Ну и, конечно, это движение по приземлённой, материальной спирали — бытовая стихия магазинов и кухня, заботы о хлебе насущном. Но что всегда чётко, единственно, однообразно, так это то, что 90 ступенек вверх — на самый высокий этаж в доме по улице Салтыкова-Щедрина и 90 вниз — «вертикальный стадион». С авоськой в руках, с книгами и диссертациями, с кафедральными расписаниями и предписаниями. Вверх-вниз, туда и обратно, и ни ступенькой меньше. По числу прожитых лет.

И во всём конгломерате аргументов и фактов она — первая леди тургеневедения, научной филологии в Орле. Её собственное имя накрепко связано с таким учёным-академиком, как М. П. Алексеев, таким великим исследователем, как наш земляк М.М. Бахтин, с крупнейшими тургеневодами Г.А. Бялым, П.Г. Пустовойтом.

В настоящее время Галина Борисовна является одним из духовных лидеров российской интеллигенции. Она родилась в Саратове, где сама Волга наделила её божественным даром исследователя, но талант её расцвел именно здесь, в Орле. Она не закопала этот свой первородный талант, а приумножила его силой великих

русских идеалов, в основе которых лежат стремление к Свободе, вселенское Добро. Современное литературоведение она повернула вокруг доминирующей мысли о «двоемирии» сначала в творчестве Тургенева, а потом и вообще в литературе, во всем духовном облике искусства, вокруг идеи о реализме, обогащённом романтическими тенденциями. Иными словами, вокруг идеи о том, что реальными людьми правят не только сама жизнь, светская власть, но и Боги, духовное естество, природные космические законы. А в этом плане человек изначально свободен, совестлив, одарён природно-русоистскими воззрениями о предназначении «гомо».

Галина Борисовна сумела сказать свое слово даже в трудные времена, неся ещё и просветительскую ношу. Об этом свидетельствуют её книги — концептуальные труды, коллективные научные сборники, отрецензированные ею, а также различные российские литературные чтения в Орле, в которых она принимает активное участие. Она выезжает и в иные города и веси — в Москву, Петербург, Старую Руссу, Ясную Поляну, Спасское-Лутовиново, на конференции по Толстому, Тургеневу, Достоевскому...

Вот и сейчас на дворе ноябрьские зазимки, когда летят белые мухи. Но, несмотря на любую погоду, Галина Борисовна спешит в студенческую аудиторию, в музей — на заседание Тургеневского общества, в университет — на возглавляемый ею научный совет по защите кандидатских диссертаций.

Это именно у неё по пути успел я спросить, какой будет литература грядущего, куда двинется эстетика, как будет выглядеть художественное слово. Всего три вопроса:

1. Есть Бог или нет, как по-вашему?
2. Останется литература или будет задушена СМИ?
3. Чего больше будет в эстетике XXI века — реализма или романтизма?

И были получены ответы. Бог у каждого свой, особенный, личностный. Об эстетике спросите у своего сына-филолога, у молодого поколения. А вообще-то в литературе перспективно символическое, фантастическое как усиление средств романтического изображения реальной действительности.

6 ноября 2002 г., г. Орёл

ИГОРЬ ЗОЛОТАРЁВ

ПУТЕШЕСТВИЕ С РОБЕРТОМ ДЕССЕ К ТУРГЕНЕВУ

Австралийский писатель, критик и тележурналист Роберт Дессе узнал о России в середине 1950-х благодаря нашим спутникам и полёту Юрия Гагарина в космос. Тогда Россия в представлении многих была символом всего нового и передового. Р.Дессе купил словарь русского языка, и вся жизнь его получила новое направление. Русский язык стал его большой любовью, он окончил курсы русского языка, а в 1966 году приехал учиться в Московский университет. Писатель увлёкся Россией, с годами увлечение перешло в любовь к нашей стране, её культуре, литературе. Однажды, оказавшись в Германии, он напал на след Тургенева. Он уже знал русскую литературу, его поражали бесконечные всплшки фантазии Гоголя, громы и молнии Достоевского, масштабные исторические панорамы Льва Толстого в «Воине и мире». Ещё студентом Р.Дессе прочитал всё написанное Тургеневым, но лишь десятки лет спустя испытал к Тургеневу то, что Т.С.Элиот называл «чувством родства или, вернее, некой личной близости», основанной на «тайном знании». Дессе начал чувствовать себя «другом» великого писателя. Он пишет, что это чувство возвышало его, настоящая дружба вызревает долго, ей нужно время, чтобы окрепнуть, у Дессе на это ушло тридцать лет. Чтобы сильнее ощутить духовное родство с Тургеневым,

Дессе посетил все тургеневские места в России, Германии, Франции. Он полагает, что Тургенев жил в «сумеречное время», в «межеумочном» пространстве между эпохами, когда любовь, как её понимали на протяжении веков, стала редкостью. А ещё через сто лет такая любовь, похоже, и вовсе исчезнет. И то, как Тургенев раскрывает эту тему – любовь в период сумерек любви, «хватает за сердце». Книга Роберта Дессе, о которой пойдёт речь, называется «Сумерки любви».

Будучи в Баден-Бадене, Р.Дессе прежде всего отправился на Лихтенталевскую аллею, где собиралось русское общество и часто на скамейке у каштана сиживал Тургенев. Р.Дессе сразу узнал скамейку по памятнику, установленному возле «русского» дерева стараниями Министерства культуры Российской Федерации. На табличке: Иван Тургенев и годы жизни. Отлично вылепленная тургеневская голова на низком постаменте. Крупная голова, красивое, с окладистой бородой лицо, с длинным, чуть продолговатым носом, глубоко посаженные глаза, выдающиеся скулы, густая ухоженная борода. Красивая голова. Тургенев был поразительно красив, по словам всех, кто его знал. Он прожил в Баден-Бадене семь лет и его европейские романы «Накануне», «Дым», «Рудин», «Дворянское гнездо» были написаны здесь.

Сидя на скамейке, Р.Дессе вспоминает роман «Дым», о его персонажах, о любви и долге. В наши дни, в отличие от века, которому принадлежат Литвинов и Ирина, мы лучше знаем то, чем все прочие нам обязаны, хорошо знаем свои права. За отсутствием нравственных норм мы прибегаем к букве закона. Люди нарушают нравственные нормы при любом удобном случае. Тургенев, пишет Дессе, был одержим идеей любви, ещё более непривычной для нас, чем любовь Литвинова или Татьяны в романе «Дым». С той самой минуты, когда впервые увидел Полину Виардо, он был верен ей всю жизнь, до последнего вздоха. Ему было двадцать пять лет, ей – двадцать два, и он влюбился без памяти. И в последующие сорок лет жизни Тургенева, пишет Р. Дессе, были и увлечения, и нежная дружба, но не было и часа, когда бы он не обращался мыслью к своей возлюбленной, рисуя в воображении её образ – горящие угольно-чёрные глаза с тяжёлыми веками, пухлые, чувственные губы, блестящие чёрные волосы, забранные назад и оставлявшие открытым высокий чистый лоб. Далее писатель продолжает, что не может подыскать слова для этой любви. Назвать их связь «любовным союзом» банально и неверно. Сказать, что он был безумно влюблён, наводит на мысль о несчастном страдальце, но ведь чувство к Полине придавало ему сил, духовно обогащало. Нельзя объяснить это просто страстью, хотя она и присутствовала в первые годы. Не было это и возвышенным «обожанием», как у Бодлера и Блока к их дамам сердца, – почти в каждом письме Тургенев целует ручки и ножки Полины, что показывает и его физическое влечение. Дессе допускает, что для такой любви ещё не придумано имени, поскольку немногим довелось испытать нечто подобное. И Тургенев был доволен своей судьбой.

Роман «Дым» заворожил Дессе лексическим богатством своей речи, россыпью слов, передающих малейшие оттенки настроений и чувств: желаний, влечений, отчаяния, гнева, печали и радости. Каждая записка Ирины и Литвинова друг другу – это крошечный шедевр, каждая их беседа тоже показывает их прекрасное знание родного языка. Это и лёгкое нарушение порядка слов, ритма, использование приставок, суффиксов и огромный словарный запас. Просвещённые читатели понимают, что реальные люди так не говорят. Но так Тургенев демонстрировал своё литературное ремесло, мы видим не просто жизнь, а искусство, тонкое, изощрённое тургеневское письмо. Прожить жизнь, не зная, что у красного цвета есть такие оттенки, как багровый, алый, кумачовый, гранатовый, пунцовый, кармин – это лишить себя чего-то важного, поэтического. Поэзия – нечастая гостья в нашей повседневной жизни, на неё нам не хватает времени, а жаль.

Тургенев, написавший в Баден-Бадене несколько романов, был русским писателем до глубины души. Каждая его книга, свидетельствующая об удивительном богатстве изобразительных средств, изобилует русскими пейзажами, народными характерами, раскрывает особый образ мыслей и чувств, начиная с «Записок охотника», действие которых разворачивается недалеко от его Спасского-Лутовиново до последних мистических рассказов. Он был свободным русским и отстаивал своё право играть на русской скрипке любые мелодии.

В Баден-Бадене, куда Достоевский приезжал, чтобы играть в русскую рулетку (он всю жизнь нуждался в деньгах), Тургенев не ходил в казино, но он играл в карты, играл на счастье, а счастьем для него была любовь, мечта, чтобы Полина была только с ним, она сделала выбор в его пользу, но это было не совсем то, о чём он мечтал. Сорок лет отдал Тургенев своей даме сердца. Стоит учесть, что на его натуру оказала сильное влияние его властная мать-помещица. У мадам Виардо тоже была страсть по власти, Тургенев бросался к ней всегда по первому зову. «Месяц в деревне» был написан Тургеневым, когда он гостил у Виардо в замке в Куртавнеле. В пьесе друг семьи влюблён в хозяйку, это чувство захватывает его, подчиняет ей всецело. У женщины (Полины Виардо) – свобода выбора. И она на глазах у Тургенева заводит роман с Шарлем Гуно (композитором), правда, пьеса к этому моменту уже была написана.

В Баден-Бадене, в этой тихой и прекрасной гавани, в счастливые годы, по словам самого Тургенева, он написал самые мрачные свои произведения. Одно из них «Довольно». Вот цитата: «Страшно то, что нет ничего страшного, что самая суть жизни мелко неинтересна и нищенски плоска. Проникнувшись этим сознанием, отведав этой полыни, никакой уже мёд не покажется сладким». Тоска, страх, даже паника – всё это случается в жизни каждого, тем более творческого человека. В то же время Тургенев работает над фантастической повестью «Призраки», где даже Париж, венец цивилизации, представлен автором на удивление шумным, нездоровым, уродливым, обречённым «человеческим муравейником». Рассказчику вдруг опротивело наблюдать бессмысленное шевеление людей на нашей планете, где природа и человек бесчувственны и обречены на уничтожение. Вот это и есть у Тургенева вкус полыни. При таком ощущении душевной пустоты и внешнем благополучии Тургенев мог прийти к мистицизму, но этого не случилось, хотя он и интересовался сверхъестественным. У каждого бывают кризисы, приступы меланхолии, каждый справляется с ними, как умеет. Тургенев пошёл путём отказа. Смирился с тем, что он бессилён перед лицом высших сил, играющих человеком: это судьба. Слепой случай и непреложные законы природы. Успокоением была и любовь, под этим он подразумевал страсть к женщине, дружбу, нежные чувства, привязанность, верность, надежду.

Из Баден-Бадена Тургенев уезжает в Париж, где поселяется вместе с Виардо на улице Дуэ в двух шагах от «Мулен Руж». В Париже Тургенев написал половину романа «Отцы и дети». В ясный день он любил ходить в сад Тюильри, чтобы посидеть на лавочке, понаблюдать за ходом жизни, поразмышлять, как когда-то на своей любимой Лихтенталевской аллее в Баден-Бадене. Автор романа «Отцы и дети» считал, что суть всех наших проблем не в том, что в век бездуховности всё дозволено, как думал Достоевский, но в том, что любовь становится почти невозможной. А без любви, как сказал бы Тургенев, жизнь вообще теряет всякий смысл. И во всех романах Тургенева проводится мысль: начиная с середины девятнадцатого века существование души оказалось под вопросом, стало чрезвычайно трудно любить.

В Париже жизнь Тургенева не была скучной: участие в литературном процессе, светские приёмы, всегда рядом любимая женщина. Он общался со всеми писателями, ставшими, как и он, великими. С Флобером он дружил, они ценили творчество друг друга, Мопассан – ученик Флобера и Тургенева, которого он тоже считал сво-

им мэтром. Мопассан, тоже друг Тургенева, восхищался его «Записками охотника» за то, что писатель показал крестьян людьми, достойными уважения. Это было ново. Другом считал Тургенева и Мериме, поверяя ему сокровенное, давая Тургеневу печатать свои произведения раньше, чем во Франции. Доде, Золя, Гонкуры, они все знали друг друга, это был один круг общения. Генри Джеймс признавался, что после полуденных завтраков, он покидал тёплую компанию «в состоянии необычайного «внутреннего возбуждения», что, когда начинал говорить, Тургенев всегда «оживлял» воображение слушателей. Он был красноречивым, великолепным рассказчиком. В салонах дамы слушали его, затаив дыхание.

Несмотря на присущую французам внешнюю жизнерадостность, по утверждению Тургенева, они часто были «холодными и банальными». Возможно, во Франции ему недоставало души, русской души. Зато здесь была *civilisation* (цивилизация), в которой он всегда нуждался. Привязанность к замужней женщине приковала его к этой стране. Именно это «чужое гнездо» спасало его любовь, иначе высокое чувство могло бы превратиться в рутину или утонуть в мелочных обязанностях, что часто случается в браке. Ничто в жизни Тургенева не указывает на то, что он представлял себе женитьбу как союз двух людей, при котором любовь расцветает пышным цветом. Брак может оградить от одиночества, но брак нигде в его произведениях не изображается в виде раскалённой добела жаровни. Все его главные персонажи без исключения умирают или кончают жизнь самоубийством, не успев вкусить радостей брака, или же занавес падает до того, как речь заходит о женитьбе. Любовь, а не брачные узы привлекала Тургенева, причём любовь свободная. Паутина любовных отношений, в которую угодил писатель, до конца его жизни была сутью его счастья. Это не был каждый миг безумный восторг, тем не менее его жизнь была наполнена счастьем, а также, без сомнения, печалью и мукой, ибо счастье (в отличие от радости или блаженства) включает в себя и эти чувства. Да и во всех произведениях писателя его в первую очередь волнуют эмоции персонажей. Вирджиния Вульф писала: «Для Тургенева его книги – вовсе не последовательность эпизодов, а последовательность эмоций, исходящих от центрального персонажа... Связаны здесь не сами предметы, а чувства, и, когда, прочитав книгу, испытываешь эстетическое удовлетворение, достигается оно потому, что у Тургенева необыкновенно тонкий слух на эмоции, и получается правдивая, слитная картина». Р. Дессе пишет, что тургеневский необыкновенный слух на эмоции проявился с особенной силой в романе «Дворянское гнездо». В нём авторские наблюдения абсолютно естественны и на редкость поэтичны, поэтому он считает лучшим этот роман Тургенева. Чтобы написать шедевр, добавляет Дессе, как раз и нужно прислушаться к тишине, а потом взять и нарушить её.

Об этом романе Роберт Дессе вспоминает в Спасском. Мы читаем следующее: «Когда Тургенев жил во Франции или Германии, он с нежностью вспоминал о России: «...соловьи, запах соломы и берёзовых почек, солнце и лужи по дорогам, вот чего жаждет моя душа». Всё это – Спасское. И далее Дессе продолжает: «Наверное, мы все с нежностью вспоминаем те места, где нас ничто не неволит, где мы можем наконец побыть наедине с собой. Год за годом Тургенев приезжал сюда из Баден-Бадена и Парижа, чтобы новыми глазами посмотреть на всё, что он узнал, и написать о том, что видел, с высоты вновь приобретённого опыта. (Зачем же ещё возвращаться домой?) Лаврецкий в любимом романе Р. Дессе «Дворянское гнездо» приезжает домой, в родовое гнездо, очень похожее на Спасское. «Тарантас его быстро катился по просёлочной, мягкой, дороге, вокруг – свежая, степная, тучная голь и глушь. Лаврецкий погружается в тишину, словно на дно реки. Глядя в окно на сад, он прислушивается к тишине», как и Р. Дессе в то утро в Спасском, «ничего не ожидая – и в то же время как будто беспрестанно ожидая чего-то».

Самые удивительные страницы книги «Сумерки любви» Р. Дессе посвящены Буживалю. Что такое Буживаль? Сто лет назад каждый парижанин знал это место.

В 80-е годы девятнадцатого века всё пространство вдоль Сены от Аржантёя до Буживаля было излюбленным местом отдыха парижан, особенно по воскресеньям. Там они катались на лодках, купались, прогуливались вдоль реки, обедали в прибрежных кофейнях, смотрели на регаты, устраивали пикники на траве. Это была кипучая жизнь. А также это место, по словам братьев Гонкур, было «пейзажной студией современной французской школы» живописцев, ставших известными и любимыми во всём мире. Кеннет Кларк выразился ещё более определённо: «Плавающий ресторан «Лягушатня», знакомый многим по полотнам Ренуара и Моне, – это родина импрессионизма». Эдуард Мане, Клод Моне, Огюст Ренуар, Писсаро, Сёра, Сислей, а с ними и Мопассан, писавший об импрессионистах, дружил с Тургеневым, часто бывал у него в Буживале. В повести Мопассана «Иветта», написанной в год смерти Тургенева есть сцена, в которой, похоже, изображён именно тургеневский дом. «Стол был накрыт на веранде, выходившей на реку... Вилла «Весна» стояла высоко над излучиной Сены... Напротив дачи горизонт зелёным шатром замыкали гигантские деревья острова Круасси, а течение реки открывалось взгляду вплоть до плавучего ресторана «Лягушатня», спрятанного в листве.

Спускался вечер – тихий вечер, красочный и мягкий, какие бывают по берегам реки, мирный вечер, который навевает блаженное чувство покоя. Было тепло, было отрадно жить на свете... Все восхитились, когда вышли к столу. Радость охватила сердце при мысли о том, как приятно будет пообедать здесь, на лоне природы, созерцая речную гладь в свете сумерек и вдыхая чистый, душистый воздух...»

Тургенев назвал свою усадьбу «Ясени» (есть что-то общее с «Ясной Поляной» Толстого). Дом расположен высоко на холме, среди елей, ясеней и плакучих ив. К дому подступают вековые деревья окружающего леса, шагнув за решётчатые ворота, можно подумать, что ты в России. Именно в этом доме 3 сентября 1883 года великий писатель скончался.

Особенное впечатление в доме-музее «Ясени» производит кабинет И.С. Тургенева. Ступив в кабинет, обитый красным штофом, из окон которого открывался дивный вид на Сену, Р.Дессе испытал потрясение, как бывает, когда с удивлением обнаруживаешь, что смотришь на друга иными глазами. Вот настоящий стол Тургенева, за которым он сидел, внося последние поправки в роман «Новь», обдумывая сюжет «Клары Милич», «Песни торжествующей любви» и других блистательно написанных фантастических рассказов последних лет. А позади стола – резной книжный шкаф чёрного дерева, массивный стул тоже чёрного дерева. Сама вещьность этих предметов: шелковистая ткань киноварных обоев, уютное тепло деревянного стола делают эту комнату словно бы прозрачной. Кабинет просторный, светлый, с окнами на три стороны. Появляется ощущение домашнего уюта. Становится очевидным, что здесь наконец Тургенев свил своё «гнездо». Эта комната, его кабинет, была воплощением настоящего «гнезда», по которому он тосковал всю свою жизнь. (Неудивительно, что он назвал усадьбу «Ясени» – по имени дерева.) Кабинет даёт представление о том, что составляло смысл его жизни и заставляло биться его доброе, благородное сердце. В роскошном красном кабинете Р.Дессе оставил в стороне все прежние образы Тургенева и начал мысленно составлять новый образ.

«Кроткий великан», как говорил о нём Эдмон Гонкур, средневековый трубадур, склоняющийся к ногам прекраснейшей из дам, либерал-пессимист, каким его представляет Том Стопшард, усердный летописец, запечатлевший пути русской интеллигенции, остроумный собеседник, изгнанник, реалист, романтик, певец неразделённой любви, любитель сверхъестественного, охотник, Гамлет, Дон-Кихот. И тут из всех этих образов родилось нечто единое, озарённое тайным огнём. И это пламя можно назвать «земной, смертной любовью». После романа «Отцы и дети», который вышел за десять лет до его приезда в Буживаль, все остальные ро-

маны Тургенева не имели никакой политической окраски. Сидя за своим столом, он размышлял о любви и смерти. Любовь и смерть. Только это – и больше ничего. Писатель говорил своему другу графине Ламберт, что политика никогда его не интересовала и не будет интересоваться. Он обращал внимание на политику только как писатель, призванный изображать современную жизнь». Но у него была своя позиция в отношении всяких радикалов, которые идут в революцию и не верят в неё, а главное – не верят (не любят) себя, они всегда будут обречены на провал.

В молодости, как и многие известные люди его поколения – Белинский, Анненков, Некрасов, Фет, Бакунин, Герцен, Тургенев отказывался верить, что общество должно выбирать между хлебом и свободой. А в зрелом возрасте любимым словом Тургенева стало слово «примириться». Человеческая жизнь может казаться бессмысленной и всегда плохо кончается, но нужно смириться со своим жребием. Если счастье ускользает от вас, не придавайте этому слишком большого значения. Если бурная страсть превращается в нечто более спокойное, можно довольствоваться тихим тлеющим огоньком, ведь и он дарит тепло. Если просвет бывает редко или оказывается миражом, наберитесь терпения и ждите. Если любовь, хоть вы пытаетесь удержать её, утекает сквозь пальцы, нужно примириться с тем, что останется. Любви никогда не бывает достаточно. По мнению Р.Дессе, в известном смысле Тургенев руководствовался этим принципом. Политические дискуссии, стычки между консерваторами и радикалами, между славянофилами и западниками – в действительности просто (вспомним слова Гамлета) «отражение того века и того возраста», в котором бушуют любовные страсти.

Закроем книгу Роберта Дессе «Сумерки любви» и на обложке прочитаем:

*«Мне радостно сказать вам...
что я ничего не видел на свете лучше вас,
что встретить вас на своём пути –
было величайшим счастьем моей жизни,
что моя преданность и благодарность вам
не имеет границ и умрёт вместе со мною.
Да благословит вас Бог тысячу раз!..
Вы – всё, что есть самого лучшего,
Благородного и симпатичного на этом свете.»*

Из письма И.С. Тургенева Полине Виардо».

Октябрь 1850 г.

Совершив все эти путешествия к Тургеневу, Р.Дессе находит в писателе родственную душу, почувствовав свою сопричастность с его творчеством, став другом великого русского писателя, он слышит Тургенева, когда разговаривает с ним. Автору книги «Сумерки любви» приятно думать, что, вернувшись домой, он ещё раз перечитает Тургенева.

В год 200-летия нашего великого писателя-земляка мы тоже перечитаем наши любимые произведения Ивана Сергеевича Тургенева и задумаемся о судьбах современной литературы.

ПРАВДОПОДОБИЕ НЕВЕРОЯТНОГО В ФАНТАСТИКЕ И.С.ТУРГЕНЕВА

В 2018 году мировая общественность будет отмечать 200-летие со дня рождения И.С.Тургенева. Этой дате посвящаются многие мероприятия, проводимые в России, Франции, Канаде. Проходят конференции на родине великого русского

писателя – на Орловщине, в музее Тургенева, в музее-заповеднике Спасское-Лутовиново.

Наша статья посвящается фантастическим произведениям И.С. Тургенева. Многие отечественные и зарубежные исследователи: Г.Б. Курляндская, Р.Н. Поддубная, О.Н. Осмоловский, Мариана Бюри, Франсуаза Фламан и другие относят к фантастическим такие произведения, как «Призраки», «Стук! Стук! Стук!», «Бежин луг», «Фауст», «Песнь торжествующей любви», «Клара Милич (После смерти)» и другие. В статье анализируются три произведения писателя: «Бежин луг», «Сон», «Клара Милич (После смерти)».

Мы говорим о правдоподобию фантастики Тургенева, которая рождается из реального, из повседневной жизни. Французский исследователь Мариана Бюри пишет, что «гений автора фантастических произведений состоит в том, чтобы заинтриговать, пленить читателя, заставить поверить легко и естественно в невероятное, что фантастическое, связанное и логичное, находится внутри нас. Это обычная жизнь, которая вдруг становится странной, невероятной».

В рассказе «Бежин луг» действие происходит ночью, у костра, где заблудившийся охотник встречает пятерых крестьянских ребятишек, которые стерегли табун.

Охотник прилёт под кустиком в стороне и поглядывал на мальчиков. Они варили на костре картошку и рассказывали были и небылицы одну страшнее другой. Это были рассказы о домовых, водяных, русалках, мальчики ссылались на свидетелей, от которых слышали эти истории, кто-то был даже сам участником встречи с домовым.

Атмосфера ночи была фантастической, мальчишки рассказывали обо всём с большой убеждённости. Охотник выделил среди них Павлушу, сильного, умного парнишку лет двенадцати. Рассудительный, знающий лес, повадки зверей и птиц, он отвечал на вопросы других, объясняя непонятное, добавляя своё. Последняя история была рассказана о мальчике Васе, который утонул неподалёку от этого места на глазах у матери, потерявшей рассудок. Во время рассказа этой истории Павлуши не было у костра, он ходил с котелком за водой. «Павел подошёл к огню с полным котельчиком в руке.

– Что, ребята, – начал он, помолчав, – неладное дело.

– А что? – торопливо спросил Костя.

– Я Васин голос слышал.

– Все так и вздрогнули.

– Что ты, что ты? – пролепетал Костя.

– Ей-богу. Только стал я к воде нагибаться, слышу вдруг зовут меня этак Васиным голосом и словно из-под воды: «Павлуша, а Павлуша!» Я слушал, а тот опять зовёт: «Павлуша, подь сюда». Я отошёл. Однако воды зачерпнул.

– Ах ты господи! Ах ты господи! – проговорили мальчишки, крестясь.

– Ведь это тебя водяной звал, Павел, – прибавил Федя... – А мы только что о нём, о Васе-то, говорили.

– Ах, это примета дурная, – с расстановкой проговорил Илюша.

– На что Павел ответил:

– Ну, ничего, пушай! Своей судьбы не минуешь».

В этом эпизоде изображено предчувствие, которое сбывается, атмосфера ночи смущает душу тургеневского героя Павла. Он начинает жить с этим. Через два месяца Павел, упав с лошади, погибает. Он забывает о безопасности, помнит о зове водяного. И хотя Павел хорошо держался на лошади, его падение невероятно, но факт. В рассказе «Бежин луг» невероятное имеет естественное объяснение, сводится к случайности. Мальчик погибает, не справившись с лошастью во время скачки, падает с лошади и разбивается насмерть.

Такой же точки зрения, на наш взгляд, придерживается П.Г. Пустовойт, считая, что в фантастических произведениях создаётся «таинственная» атмосфера, в кото-

рой невероятное становится правдоподобным. А случай связан с атмосферой той ночи. Для «таинственных повестей» <...> чередование сцен бытовых и элементов сверхъестественного», внутренний мир главных героев «Песни торжествующей любви» и других «таинственных повестей» — всё рассказано и построено так, что предсказание сбывается. Всё правдоподобно. «Внимание Тургенева к «таинственному» было постоянным почти на всём протяжении творческих сознательных лет. Ещё в «Записках охотника», именно в рассказе «Бежин луг», воспроизведена атмосфера загадочного и чудесного в человеческой жизни и в природе». Колорит, предшествующий Павлушиной смерти, рисуется загадочным и таинственным, причём загадочные явления как бы внезапно врываются в обычную, будничную, прозаическую обстановку и романтизируют её. Общим для всех фантастических произведений писателей-классиков является то, что почти всегда речь идёт о сверхъестественном, необъяснимом, неизученном событии или явлении, о чём Мопассан говорил, что все эти события появляются из ниоткуда, из реальности, из повседневности. В произведениях отечественных и зарубежных писателей, использующих разные приёмы, мы наблюдаем разные виды фантастики. Главные из них — это зависимость от душевного состояния героя, сама атмосфера, способствующая созданию фантастического. В каких-то случаях используется сон; повествование происходит от первого лица — приём, усиливающий правдоподобие. Правдоподобие невероятного также подчёркивает наличие в тексте свидетелей, невероятное помещается в реальный контекст, даются реальные факты, автор строит своё повествование так, чтобы действовать на подсознание читателя.

Все эти приёмы используются для создания достоверности описываемого фантастического события. «Даже у самого недоверчивого бессознательное отодвигает на задний план голос рассудка», способствуя вере в невероятное. Используя фантастическое, писатель сознательно создаёт свой текст так, чтобы он казался правдивым.

Художественное изображение человека, мотивация его поступков, реалии быта способствуют усилению изобразительных возможностей произведения, проникновению писателя во внутренний мир героя, в его подсознание. В рассказе «Сон» Тургенев использует сновидение как главный приём изображения невероятного, фантастического. По мнению А.Б. Муратова, «отсутствие границ между реальным и ирреальным, возможность и одновременно недостаточность рациональных толкований событий <...> особенность рассказа «Сон»». Соотнесение этого произведения с романтической литературой свидетельствует о том, что романтические идеи о сопредельности человека с общими законами бытия имеют для писателя важное значение. Муратов признаёт существование в произведении идеального мира. В то же время исследователь показывает психологическую мотивированность поступков героя. Во сне герой отыскивает отца в одном из домов города. «Особенно смущал меня один сон. Мне казалось, что я иду по узкой, дурно вымощенной улице старинного города, между многоэтажными каменными домами с остроконечными крышами. Я отыскиваю моего отца, который не умер, но почему-то прячется от нас и живёт именно в одном из этих домов. И вот я вступаю в низкие, тёмные ворота, перехожу длинный двор, заваленный брёвнами и досками, и проникаю наконец в маленькую комнату с двумя круглыми окнами».

Через сон как приём Тургенев приходит к фантастическому, невероятному, когда сон становится явью. В событийном ряде повести сюжетное единство сна распадается на составные: встреча с предполагаемым отцом, обстановка сна, солнечный день, шумная толпа, кофейня. В XIII главе герой узнаёт улицу и дом, но не находит отца, увиденного прежде во сне. В XV главе происходит совпадение деталей реального и «таинственного». «Станный», онирический мир возникает в повести «Сон», как верно считает Р.Н. Поддубная: «Станный, мерцающий в поле «мечта – явь – сон» художественный мир «Сна» порождён не романтическими тен-

денциями в мировоззрении и методе Тургенева, а поисками писателем художественного языка, позволяющего воплотить в искусстве явления психической жизни, граничащие с бессознательным».

В «Сне» сын нашёл дом, но отца там не было. Цепочка «мечта – сон-явь» реализовалась не полностью, но сын нашёл по снам человека, которого он принял за отца, – барона. Сын встречается с ним. В своих поступках сын следует сну, своему внутреннему голосу, бессознательное ведёт его к поискам отца. История невероятная, но правдоподобная. Сам по себе фантастический сон героя говорит о его воображении. Последовательность, предложенная Р.Н. Поддубной «мечты – явь – сон», а в нашей интерпретации «мечты – сон – явь», получившая частичную реализацию, выглядит правдоподобно, в нём совпадение фактов, точность деталей (кольцо, дом из сна стал явью и др.). Исследователь прав, когда утверждает, что художественный мир фантастического произведения «Сон» – это гимн природе человека, а не личности, подобной Творцу.

Тургеневское произведение «Сон» возникает как «студийный» этюд, исследующий наследственные проявления в психике человека, в судьбе личности. В повести нет социальной тематики, характерной для бытового плана. Герой произведения разгадывает «тайну» своего рождения и причину «странных» взаимоотношений с матерью, раскрывает истоки «странного» влечения барона к своей матери. Художественное исследование загадки любви между бароном и матерью героя развивает эффективность мотива «фатальных браков», а размышления о феномене наследственности в «студийности» выявляют исследовательский характер рассказа Тургенева. Решение такой задачи требовало от героя определённой психической организации, способности чутко откликаться на стремление человека познать свои кровные связи с целым, выявить явления, которые не объясняются рационально. Обращение к герою с рефлектирующим сознанием, мечтающему разгадать загадки своей наследственности, связано не столько со стремлением писателя к изображению неустойчивости психики личности и изменчивости форм быта, но и со «студийностью» всего позднего творчества Тургенева.

Выбор авторской позиции в использовании формы исповеди героя о событиях прошлого, придающего правдоподобие событиям, был сознательным.

Фантастический рассказ «Сон» не имеет конкретно-бытовых и общественно-исторических реалий. А из событийно-бытового ряда представлено лишь то, что позволяет изобразить психологическую ситуацию. Экспозиция рассказа построена не только на принципе изображения психической организации героя-рассказчика, но и на мотиве «страстность-тайна». В начале экспозиции этот мотив выражает в сознании героя противоречия между очевидным и «тайным», невероятным смыслом явлений и фактов. Реально объясняется желание сына найти отца. Сюжет поисков отца изобилует совпадениями и случайностями. Живущий в нервном напряжении и в магнетическом, сомнамбулическом состоянии герой узнаёт, что барон уехал в Америку, но что-то приводит его на берег моря, где он натывается на труп барона, думая узнать в нём родного отца, но это был другой человек. Герой уходит, возвращается во второй раз и уже не находит трупа. Тургенев правдоподобно показывает поиски героем своего отца, но они дважды завершаются ничем, потому что делал он это под влиянием бессознательного, то есть сна.

Рассмотрим «таинственное» в повести Тургенева «Клара Милич» (После смерти). В этой повести необычно психическое состояние героя, живущего в противоречивой обстановке. Такие люди поддаются воздействию неизвестных, загадочных сил, склонны к восприятию жизни путём чтения книг. Сами же они, размышляя о сложных явлениях жизни, не способны к непосредственному анализу, принимая воображаемое за реальность. В повести «Клара Милич» Тургенев применяет

онирическое в качестве основного приёма, как и в рассказе «Сон». Характеризуя это произведение как фантастическое, Г.Б. Курляндская пишет: «Факт любви после смерти возлюбленной заинтересовал писателя не только в силу стремления изобразить власть одного человека над душой другого человека, сохранившегося после смерти. Главная задача Тургенева сводилась не к выражению оккультных симпатий, а к воспроизведению психологического процесса познания действительности и самого себя».

По мнению исследователя, эта повесть развивается в двух эмоциональных противоположно-направленных планах, исключающих возможность единой, целостной концепции мира. Рядом с изображением общения живых с умершими стоит естественное объяснение «прозрений» Аратова как болезненных состояний психики. Явление Клары интерпретируется автором как плод болезненного воображения Аратова – человека, наследственная склонность которого к галлюцинациям становится навязчивой в условиях, как кажется ему, из-за совершившейся гибели возлюбленной.

Обращаясь к психологическим проблемам и душевным переживаниям, к процессу зарождения чувства у героя, превращения бессознательного в факт сознания, Тургенев остаётся реалистом. В лице Аратова даётся вариант «лишнего человека» из разночинной демократической среды. Учёный-отшельник, романтик и мечтатель, он посвящает себя научным изысканиям, не связанным с проблемами современности. Как человек, который находится в постоянном эстетическом возвышении над будничной жизнью, Аратов погружён в свои раздумья. Он человек мечты, живущий уединённо.

И вот Аратов впервые встречается с Klarой Милич. Прошло немало времени, чтобы герой, медлительный из-за своего темперамента, осознал свои чувства к Klаре. Влечение героя к Klаре Милич показывается писателем как бессознательное. Образ Клары расходится с представлениями героя об идеальной женщине, сформировавшимся у него с облика его матери. Он хотел бы, чтобы его возлюбленная походила на его мать. Страсть врывается в сердце Аратова насильственно, вопреки его идеалу.

После смерти Клары Аратов выпрашивает у её сестры фотографию. Постоянные напряжённые размышления о загадочной девушке приводят его к почти осязаемому её присутствию. Герой видит живой образ запомнившейся ему девушки с фотографии. «Он погасил свечку – и мрак водворился в его комнате <...> И вот ему почудилось: кто-то шепчет ему на ухо <...> Ни одного отдельного слова нельзя было уловить... Но это был голос Клары! Аратов открыл глаза, приподнялся, облокотился <...> это, несомненно, голос Клары!». Конечно, это невероятно, но правдоподобно, это галлюцинации. Такие герои, как Аратов, встречались в жизни. Аратов чувствовал, что нравственные понятия смещаются. Идеалы рушатся, зло в жизни не исчезает, и человек ощущает брэнность своего существования, подверженного самым разнообразным случайностям. Все эти противоречия обостряют интерес к вечным вопросам о жизни и смерти, гармонии и красоте. Аратов отрекается от обыденных забот ради вечных истин, помогающих обрести уверенность, которой ему не хватало в жизни. Будучи реалистом, писатель добивается правдоподобия этой истории. Самоубийство актрисы – это трагедия для Аратова, с которой он не справился. Он не вынес одиночества и умирает.

В фантастических произведениях писателей-классиков наблюдаются разные виды фантастики. У Пушкина реалистическая фантастика передаёт душевные потрясения героев. У Лермонтова (повесть «Штосс») в фантастических обстоятельствах художник Лугин испытывает моменты творческого озарения. У Гоголя в «Петербургских повестях» мы видим гротескный реализм, фантастический гротеск. У Тургенева это «студийная» фантастика в его «таинственных повестях».

О Тургеневе Мопассан писал, что в своих фантастических произведениях он описывал то, что знал, пережил сам, создавая свои тексты с помощью воображения.

Исследователь В.А. Доманский пишет: «Писатель стремится расширить возможности воздействия своего творчества на читателя посредством обращения к смежным искусствам: музыке, живописи, архитектуре, скульптуре, театральному искусству и т.д.». По его словам, в одной частной беседе Тургенев признался в своём желании с детства стать «пейзажистом». Убедительным свидетельством глубоких и разносторонних связей писателя с изобразительным искусством являются рисунки и карикатуры, которые были для писателя не случайными. Тургенев делал их осознанно, уточняя словесный портрет своих персонажей. Становление писателя-художника как искусного пейзажиста произошло в описаниях природы в его произведениях.

По словам Мопассана, Тургенев был прекрасным рассказчиком, он рассказывал свои невероятные истории так, что в них можно было верить, настолько они были правдоподобны. У слушателей кровь стыла в жилах от услышанного. Вот одна из таких историй. Будучи молодым и сильным, рассказчик однажды охотился в России. Весь день он пробродил в лесу, к вечеру вышел на берег тихой речки. Охотнику захотелось искупаться. Он бросился в воду и поплыл в освежающей, прохладной воде. Вдруг чья-то рука легла ему на плечо. Он обернулся и увидел чудовище, наподобие женщины с огромным лицом, с волосами, покрывавшими всё тело и пльвшими за спиной. Охотник почувствовал такой ужасный страх, который можно было испытать только при виде сверхъестественного. Обезумев, охотник не помнил, как очутился на берегу, чудовище с криком преследовало его. Парализованный страхом, охотник бежал из последних сил, когда мальчик, пасший в лесу коз, пришёл ему на помощь. Он отогнал кнутом чудовище и объяснил охотнику, что это сумасшедшая, которая живёт тут в лесу уже тридцать лет. Целыми днями плавает она в этой реке. Рассказчик добавил, что никогда в жизни не испытывал такого страха. Всё оказалось реальностью. Но описание этого невероятного, фантастического происшествия настолько правдоподобно, что осталось у охотника на всю жизнь. К этому можно только добавить русскую поговорку: «У страха глаза велики».

В заключение отметим, что, развивая реалистический художественный метод, Тургенев мог многообразно и глубоко передавать фантастический пафос реалистическим способом, то есть показывать невероятное правдоподобно. Для этого он использует следующие приёмы: рассказ часто ведётся от первого лица, делаются ссылки на свидетелей, создаётся фантастическая атмосфера, используются сновидения, бессознательное, что заставляет читателя верить в невероятное. Процитируем исследователя Ю.Г. Нигматуллину, которая пишет: «Поискам прекрасного в мире «вечной» природы, в натуре человека всегда выражали стремление писателей вырваться за пределы уклада жизни, освободиться из плена конкретного исторического времени, придать своему идеалу универсальный общечеловеческий характер».

Тургенев расширял возможности реалистического художественного метода, придавая правдоподобие фантастическим произведениям, которые содержат в себе антропологизм в эстетическом идеале Тургенева, что усиливает пересоздающее начало, приводя к обновлённому, обогащённому фантастикой, реалистическому методу.

ВАЛЕНТИНА ГУСАКОВА,
бильд-редактор, читатель

ПО СТРАНИЦАМ ПУБЛИКАЦИЙ

В журнале «Русское поле» есть интересная рубрика «Наука. Рецензии. Мнения. Замечания», которую высоко оценили читатели. В ней они могут дискутировать, выражать свои мнения по различным темам. Опубликованные здесь материалы позволяют по-иному посмотреть на те, или иные изданные сочинения, на самого автора. В этом ряду и публикации редактора журнала Игоря Золотарёва в «Орловском вестнике», посвящённые 200-летию со дня рождения И.С. Тургенева. Анализируя книгу писателя Роберта Дессе «Сумерки любви», Золотарёв любезно приглашает читателей в путешествие к нашему великому земляку.

Живя на родине Тургенева, я не ожидала, что писатель из далёкой Австралии, окончивший Московский университет, настолько был очарован русским языком, что со временем это увлечение переросло в любовь к нашей культуре. Среди многих почитаемых им классиков русской литературы был и И.Тургенев. Читая всё написанное Иваном Сергеевичем, Дессе, через много лет, начал испытывать к писателю даже некое чувство родства, настолько он хорошо изучил характер и жизнь героев произведений великого классика. Дессе фанатично посещал российские и зарубежные места, где отдыхал и творил в своё время Тургенев, был заморожён его одержимой любовью к Полине Виардо, такой непривычной даже для нас теперешних... Книга австралийского критика, писателя и тележурналиста, конечно же, больше напоминает эссе, в котором нашлось место всему, в том числе и его попутным толкованиям о романах и стилистике письма русского писателя. Автор после посещения тургеневских мест рассуждает о творчестве Тургенева, о системе русской классики.

Читая статьи И. Золотарёва, где он необыкновенно легко, лаконично и достаточно ёмко, на основе рассказов Роберта Дессе о многих произведениях Тургенева, ведёт беседу с читателями, расставляет акценты на тончайших нитях литературного творчества классика. Выделяет выводы исследования автора, почему именно тогда были рождены европейские романы «Дворянское гнездо», «Дым», «Рудин», какие минуты и часы переживаний сопровождали Тургенева в то время. Понимаешь, почему лексическое богатство речи, россыпь слов, передающих оттенки настроений и чувств: желаний, влечений, отчаяния, гнева и радости не случайно так пленяли Роберта Дессе, когда он штудировал произведения Ивана Сергеевича.

Путешествуя с И. Золотарёвым по «Сумеркам любви», неожиданно для себя открыла, что есть множество нюансов в произведениях, на которые, не всегда обращала внимание. В который раз отметила, что существуют оттенки во всём, что даже красный цвет может быть пурпурным, багровым, кумачовым, гранатовым, пунцовым... и все они готовы отразить настроение героев или окружающей обстановки. После публикации И. Золотарева, захотелось вновь перечитать тургеневские романы, прикоснуться к великой и безмерной любви Тургенева к Полине Виардо, сохранявшего ей верность с той самой минуты, когда он впервые увидел её и до своего последнего вздоха. Название или имени такого чувства, как пишет автор «Сумерек любви», ещё не придумали люди, поскольку немногим довелось испытать нечто подобное, он кается, что не может подыскать слов, чтобы раскрыть возвышенное обожание Тургенева к своей даме сердца, которое давало начало рождению великих произведений. Да это и понятно, ведь для каждого живущего на земле помимо общих трактовок слова «любовь» есть именно

его личное, сокровенное понятие и своя мечта об этом чувстве. Любовь Тургенева приносила ему наслаждение, чувство собственного достоинства, целостности, помогала проявлять творческий потенциал, отчего жизнь вокруг него виделась каждый раз по иному.

Автор статьи «Путешествие с Робертом Дессе к Тургеневу» справедливо пишет, что поэзия, к сожалению, нечаянная гостья в повседневной жизни, что многим из нас на неё не хватает времени. Невольно начинаешь задумываться о своём бытии, возникает непреодолимое желание начать новый день с чистого листа. Золотарев яркими мазками зазывает читателя в мир высокой литературы и ведёт вместе с Дессе по произведениям Тургенева, раскрывает состояние великого писателя в те периоды его творчества, когда рождались классические произведения – от яркого любовного, без которого, как говорил Иван Сергеевич, жизнь вообще теряет смысл – до приступов меланхолии или красноречия, оживляющих воображение читателей.

Паутина отношений с замужней женщиной была наполнена для Тургенева счастьем, а также, без сомнения, тоской и страданием, печалью и мукой, которые он сам испытывал, не имея возможности стать мужем Виардо. Недаром во многих его романах главные герои умирают, не дожив до брака.

Ознакомившись с публикациями И. Золотарева, явно ощутила и вещность предметов, и шелковистость тканей, и тепло мебелированных комнат, в которых проводили время герои И. Тургенева, отчего возникло желание открыть книгу и заняться чтением.

Считаю целесообразным опубликовать статью И. Золотарёва «Путешествие с Робертом Дессе к Тургеневу» и в журнале «Русское поле» для знакомства читателей с тургеневской тематикой. Хотелось бы увидеть на страницах журнала и другие аналогичные материалы, попутешествовать по страницам произведений, как зарубежных, так и орловских авторов.

Наши юбиляры

ВАЛЕНТИН ВАСИЧКИН

СТИХИ ИЗ КНИГИ «ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ»

ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ

*Три дня несносного разлива,
Ручьёв немислимый разбег.
И вот водою нешумливой
Плывёт с полей последний снег.*

*Подумаешь: вода устала
Месить пустой просёлок в грязь;
А снегу как бы не пристало
Терять с родным раздольем связь.*

*Лежит, темнея, на озимых,
Дождём весенним не промывает.*

*Ему сродни лихие зимы
И деревенский, кроткий, быт.*

*Лежит, томительно вздыхая, –
Он чувствует тепло земли,
И не нужна ему другая,
От родины своей вдали.*

*Не уплывёт, а растворится –
Как матери подаст напиток,
Давая в новый день разбег,
Последний снег...*

Последний снег...

* * *

*Лужок попахивает пряно,
Ещё досматривает сны.
Дорога к горизонту – прямо,
Где дали синие ясны.*

*А за лужком, по заображью,
Дымами стелется туман.
И кажется, что войско вражье
Опять пришло из дальних стран.
И снова через заображье
Охватывает курган.*

*Налево и направо – дали,
Загадочна над полем высь.
Здесь предки жизни отдавали,
За землю русскую дрались.*

*С мечом в руках врагов встречали –
Иных времён, земель иных.
И невесёлый свет печали
Как вещей знак в полях родных.*

МАКУШКА ЛЕТА

*Лето идёт по прогонам,
Радуги в небе вразлёт.
Пчёлы с утра – со звоном! –
Носят пудами мёд.*

*Мало добудут с луга –
Не будет большой беды.
Пряной цветочной вьюгой
Их замечает следы.*

*Здравствуй, макушка лета!
Дождик слепой, пролей!..
Солнце добавит света –
И станет нам веселей.*

*Пчёлки мои, подружки,
Благословен ваш труд!..
Мне на её макушке
Слушать их мирный гуд.*

*Скоро он станет тише:
Бережно, словно мать,
Словно своих детишек,
Ночь их уложит спать.*

РОДНИЧОК

*Родничок всего лишь кроха
В уголке родной земли.
Хорошо нам или плохо –
Все к нему с поклоном шли.*

*– Мне налей-ка!..
– Мне налей-ка! –
Каждый, кланяясь, просил
И ведро или бадейку
Непрерменно уносил.*

*А вода-а-а!
Такой водицей
Славно жажду утолить.
Нет посудыны напиться –
Из пригоршни можно пить.*

*Знали все к нему дорожку,
Шли, спеша и не спеша;
Пили больше понемножку:
Наберут воды в ладошку –
И светлым-светла душа.*

*Пьют зимой – в душе отрада,
Летом, знамо, холодна.
Покряхтит мужик:
– Что надо!..
И посудинку – до дна.*

*Никому не будет плохо,
Потому к нему и шли.
Родничок – всего лишь кроха
В уголке родной земли.*

ПОКЛОН

Татьяне Грибановой

*К вечеру, как светёлка,
Высветлел небосклон.
Озими за просёлком
Низкий земной поклон.*

*Лугу ещё и небу,
Речка со мной всегда.
Родине на потребу
Хлебушек и вода.*

*Помню, как затевала
Хлебушек мать в ночи.
Гущицу подбивала,
Ставила на печи.*

*Рядом с квашнёю место,
У козушка, и мне.
И поднималось тесто
В старой, как мир, квашне.*

*Видно, оно хотело
Покинуть обжитый рай –
Тихо в квашне пытело,
Силилось через край...*

*Этот обряд извечен:
Сколько в рядок домов –
Столько в них русских печек,
Столько с утра дымов.*

*Бабушки ли, молодки –
Затемно не прилечь:
Тесто – на сковородки
И на ухвате – в печь.*

*Русь ты моя святая
В утренний час страдной!..
И над седым витает
Запах его родной.
С ним даже в холод лютый
Много теплее в дому...*

*В благостный час приюта
Руки тяну к нему,
Корочкой пропечённой
Душу свою погреть –
Предками освящённый
И отводивший смерть.*

*Родину, как светёлку,
Высветлил небосклон.
Озими за просёлком
Низкий земной поклон.*

ПОД СЕНЬЮ ОСЕННЕГО САДА

Природы осенний парад –
Привычная глазу картина.
Вздыхнул под окном палисад,
Развешивая паутину, –
Рязанские кружева!
Сентябрьская свежесть ядрёна.
Сирени зелёной листва
На фоне багряного клёна.

Наполнится звуками слух,
И знать бы, о чём это снова
С утра надорвался петух
Под крышей куриного крова.

Взволнованных птиц пересвист –
Узрели смыслёныши крошки.
Вот первый над банькою лист,
Кружась, полетел на дорожки.
Ещё – под окно, на порог...
О время безудержной грусти
И первых осенних тревог
В моём золотом захолустье!

В моей серединной глуши
Родное всё просится в душу.
Замру, чуть не плача, в тиши,
Ничем ничего не нарушу.

И мне ничего не иметь,
Мечтать ни о чём и не надо;
Мне только бы слушать, смотреть
Под сенью осеннего сада.

* * *

Вечер выстужен,
сад простужен.
Ночь холодная неспроста:
Замерцают под утро лужи
У горбатенького моста.

Солнце выплывет над полями,
Загорится огнём в груди;
В окнах дома оно как пламя –
Обожжётся, не подходи!

Дали белы, деревья белы,
Иней проседью на траве.
В неземные плывут пределы
Мысли светлые в голове.

*К речке тропка заледенелая, –
Как подскажет, что жизнь проста;
В ней, что вижу и что я делаю,
Как бы с чистого всё листа.*

ВАЛЕРИЙ АНИШКИН

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА «СТУДЕНТ» (в сокращении)

Глава 1

Московский вокзал города Ленинграда. На Невском проспекте. Чётная и нечётная стороны Невского. Аничков мост, Казанский собор, каналы. Город на болотах? Главный корпус института имени А.И.Герцена.

...Переждав толкучку, я, закинув рюкзак за плечи и взяв чемодан, где книг, включая учебники, оказалось больше, чем носильных вещей, вышел на платформу.

Сдав вещи в багаж, я с лёгкой серой картонной папочкой, где поместились необходимые для оформления перевода бумаги, направился к выходу из вокзала, по пути спросил какую-то симпатичную барышню: «А где здесь Невский проспект?». Она посмотрела на меня и удивлённо сказала, заикаясь: «Так вы стоите на Невском», а потом объяснила, как добраться до института Герцена: «Вон троллейбусная остановка, через дорогу».

– Да я пешком! – заулыбался я во весь рот. Настроение у меня было приподнятое. Ещё бы: я стоял на земле легендарного города, заложенного Петром I, второй столицы нашей Родины, и, хотя ещё не ощутил кожей его величия и красоты, уже любил его и знал, что он меня примет.

– Пешком? – удивилась девушка, и улыбка тоже невольно появилась на её лице. – Это вам весь Невский придется пройти. Знаете, сколько?

– Знаю, – сказал я весело. – Четыре с половиной километра. Спасибо.

– Ну, это от Александрo-Невской лавры до Адмиралтейства. Вам чуть меньше.

Малиновым звоном прозвучали для меня слова: «Александрo-Невская лавра»! «Адмиралтейство»! Я энергично зашагал в ту сторону, где должен был находиться мой новый храм науки, а когда через несколько шагов обернулся, симпатичная девушка всё ещё стояла и удивлённо смотрела мне вслед.

Город встретил меня приветливо – ясным солнечным утром и безоблачным небом, что для расположения на прибалтийской широте – явление не частое.

Вспомнив легенду, по которой чётная сторона Невского проспекта является солнечной и на ней всегда больше улыбающихся людей, чем на теневой стороне, я сообразил, что нахожусь как раз на нечётной стороне, потому что оказался в тени. Недолго думая, я перешёл на другую сторону, где люди должны были улыбаться. К моему разочарованию, люди здесь улыбались не чаще, чем на той, нечётной стороне, хотя настроения моего это никак не испортило.

Я шёл и крутил головой, узнавая памятники великого зодчества и, наверно, казался похожим на аборигена Новой Гвинеи, которого взял с собой в Петербург Миклухо-Маклай.

Я дивился на коней Клодта на Аничковом мосту через Фонтанку. Правильнее сказать, на четыре скульптурных группы «Укротители коней» Петра Карловича Клодта.

На память пришли стихи Александра Блока:

*...Лошадь влекли под уздцы на чугунный
Мост. Под копытом чернела вода.
Лошадь храпела, и воздух безлунный
Храп сохранял на мосту навсегда...
Всё пребывало. Движенья, страданья –
Не было. Лошадь храпела навек.
И на узде в напряженьи молчанья
Вечно застывший висел человек.*

Честно говоря, мне эти стихи не нравились. Что-то громоздкое, заузное и путанное. А, с другой стороны, если они отпечатались в моём сознании, то, наверно, источали какую-то мощь и силу, которые меня впечатлили.

Я ещё дважды прошёл по мостам – через канал Грибоедова и в конце – через Мойку. Подивился сходству магазина купца Елисеева в Ленинграде и в Москве. У Гостиного двора я перешёл Невский проспект в самом его широком месте. Площадь Гостиного двора занимала целый квартал. Купцы, на деньги которых предполагалось строить торговое здание, пожадничали, отвергли проект Растрелли и приняли более скромный – Валлен-Деламота. Но, и согласно этому скромному проекту, здание растянулось на 230 метров. Я специально прошёл всю анфиладу, чтобы представить, где и как можно было разместить 300 лавок, которые изначально расположили здесь.

У Казанского собора я замедлил шаг, отдавая дань похороненному в нём полководцу Михаилу Кутузову.

Моё знакомство с городом только начиналось, но я уже испытывал восторг перед величием творения Петра. Город возник, как призрак – были болота и вознёсся «великий град».

Пока я, не спеша и глаза по сторонам, чтобы не пропустить что-то интересное (а интересным оказалось каждое из зданий, выходящих фасадом на Невский), незаметно пролетело время. Часы показывали без четверти десять. Это значит, что я разгуливал по Невскому почти два часа. На небе появились тучки, похожие на белых барашков. Они медленно плыли по небу, ненадолго закрывая солнце, и тогда тени от предметов размывались и пропадали.

У Мойки, чтобы выйти к институту, нужно было свернуть налево, но зная, что где-то рядом находится Исаакиевский собор, не удержался от соблазна и пошёл его искать. Правду говорят, что в Питере трудно заблудиться: всё по прямой; я без труда нашёл Морской проспект и, наконец, увидел: вот он, Исаакий – один из самых известных символов города на Неве наряду с Медным всадником и Адмиралтейством. Я стоял перед собором и мыслью уносился в тот далёкий век, когда француз Огюст Монферран показал свой проект императору Александру I, а потом под основание будущего собора вбивали более десяти тысяч шестиметровых сосновых свай. Представить невозможно, что ста двадцати пяти тысячам рабочих потребовалось пять лет, чтобы заложить один только фундамент...

До института добрался только в двенадцатом часу.

В главном его корпусе, бывшем дворце Разумовского, в конце XVIII века размещался Воспитательный дом, а потом сиротский институт. Пеликан, кормящий птенцов, на воротах главного корпуса считался символом Воспитательного дома, теперь стал символом института...

Глава 3

Погода в городе Петра. Жизнь прекрасна. Дворцовая площадь и Зимний дворец. Петропавловская крепость и Английская набережная. Пушкин о Медном всаднике. Ночлег под луной.

Петербуржцы часто сравнивают погоду в своём городе с «лондонским» климатом. Меня предупреждали, что в северной столице конец августа может быть ветреным, а часто ветра превращаются в настоящие ураганы. Но, как говорят умные люди, раз на раз не приходится. Погода стояла в меру тёплая, солнечная, только иногда лёгкие порывы тёплого ещё ветра гоняли мелкий сор и редкие упавшие листья с начинающих желтеть деревьев. Ветер лохматил волосы людей, они поворачивались ему навстречу – ветер причёсывал их.

Может быть, природа пробовала силу, как бы примеряла, чтобы потом обрушиться всей мощью непогоды на город.

С вокзала я ушёл в одной шёлковой тенниске, но предусмотрительно взял с собой шерстяной пуловер. Конечно, учитывая неустойчивость погоды в Питере, не помешал бы зонтик. Но у меня его вообще никогда не водилось, ходить с зонтом у нас считалось делом нефталинным.

С лёгким сердцем человека, сбросившего с себя тяжёлый груз, свободного, как ветер, и довольного жизнью, я порадовался обедом из трёх блюд в студенческой столовой и сразу почувствовал себя полноправным членом студенческого сообщества большого города. А съел я полную порцию борща, котлету с двойной порцией макарон и компот из сухофруктов. Всё это стоило два рубля с полтиной. «На десятку в день можно прожить, – отметил я. – Стипендия двести сорок пять рублей, да из дома пришлют, обещали. «В общем, жизнь прекрасна и удивительна», – решил я и отправился дальше знакомиться с городом, который теперь стал и моим.

Я ходил по Дворцовой площади, главной площади Ленинграда; размеры её больше московской Красной в два с лишним раза, и дивился на Александровскую колонну, которую Пушкин назвал Александрийским столпом.

Воздвиг колонну Монферран по своим же эскизам по указу Николая I в честь победы его брата Александра I над Наполеоном.

Я обошёл колонну со всех сторон, чтобы убедиться в том, что она стоит прочно, потому что фотография в путеводителе не давала настоящего представления о её размерах, и я всё удивлялся, как она могла стоять и не падать, если совершенно не закреплена и держится только силой собственного веса. Наконец-то я убедился, что эту махину никаким бульдозером не свалить.

Недаром говорят, что Дворцовая площадь – сердце Северной столицы. Здесь привлекает каждого строгостью и великолепием здание Зимнего дворца. Возведение его закончили в год восшествия на престол блистательной Екатерины II. Здесь заседали цари, заседало Временное правительство в 1917 году, которое в том же году и свергли революционные солдаты и матросы. Теперь здесь Эрмитаж.

Говорят, обойти все залы Эрмитажа за час-другой невозможно, даже если бежать, не глядя по сторонам и не останавливаясь, – коллекция музея насчитывает более трёх миллионов произведений искусства и памятников мировой культуры, начиная с каменного века и до нашего столетия. Здесь воздух пронизан временем и присутствием гениев и их творений. Я был счастлив оттого, что теперь увижу работы легендарных Тициана, да Винчи, Рафаэля и Рембрандта, испытаю восторг в залах греческого и римского искусства.

Петропавловскую крепость я узнал издали. Она расположилась как раз напротив Зимнего дворца. Я чуть постоял, любуясь видом, а потом шёл по Английской набережной и любовался красавицей Невой.

А вот и памятник Петру I, известный всему миру «Медный всадник». Я стоял как зачарованный и во мне звучали стихи Пушкина:

*Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нём сокрыта!
А в сём коне какой огонь!*

*Куда ты скачешь, гордый конь!
И где опустишь ты копыта!*

Я смотрел на памятник, а в ушах грозно ревела буря, и ветер гнал волны разбушевавшейся Невы на появившийся вдруг город, словно пытаюсь смыть его, раздражённый вторжением в свои вековые владения.

*Переграждённая Нева,
Обратно шла, гневна, бурлива,
И затопляла острова,
Погода пуще свирепела,
Нева вздучалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь,
И вдруг, как зверь, остервенясь,
На город кинулась.*

«И перед младшею столицей померкла старая Москва». Это ощущение я вынес вслед за поэтом после моего первого путешествия по Северной столице...

Недавно я восторгался тем Петербургом, который я успел себе показать, а показал студенту клудтовских коней, и Исааиевский сбор, и статую Петра, и Дворцовую площадь, и не просто показал, а как заправский гид рассказал историю создания, описав при этом эпоху, в которую создавались шедевры.

Немецкий я ещё знал недостаточно хорошо, но немец, как многие европейцы знал английский, и я, когда затруднялся выразить мысль на немецком, пользовался английским.

Когда проходили мимо Гостиного двора, Курт попросил зайти с ним в этот огромный магазин, чтобы присмотреть какие-нибудь сувениры для родственников и друзей.

В это время подошёл ничем не примечательный молодой человек и попросил отойти с ним в сторонку. Я извинился перед Куртом, и пошёл за молодым человеком. У одного из окон магазина стояли двое: по виду мой ровесник, и товарищ постарше. Тот что постарше, молча уставился на меня оловянными глазами, изучая и, наверно, оценивая, что я за тип и куда меня отнести по его градации. Потом строго спросил:

- Тебе что нужно от иностранца? Фарцуешь?

И вдруг тот, который по виду был моим ровесником спросил:

- Слушай, это ты читал в Герценовке со сцены стихи?

- Переводы с английского? Я.

- Фёдор Алексеич, это свой. На инязе учится. Он так раздолбал англичан в стихах! Я, говорит, брожу по Лондону, а там сплошная нищета и кругом безрадостная жизнь.

- Это Уильям Блейк. Стихотворение «Лондон». Только это было написано в конце XVIII века.

- Да какая разница! Главное – нос утёрли капиталистам.

- Всё не так, – сказал я. – Во-первых, Ленинград – это не бесполезный клочок земли. Это для нас святыня. Во-вторых, он оставался важной частью всей системы обороны. Но главное в том, что, если бы наши войска сдали город, судьба жителей стала бы ещё страшнее.

- Жителей можно было эвакуировать, – упрямо возразил Гельмут. – Но раз не эвакуировали, гуманно было бы Ленинград сдать.

- Может быть, нам нужно было и Москву сдать? – ехидно спросил я.

- Если бы не морозы, немецкие войска Москву сами бы взяли...

Гельмута, видно, задевало поражение Германии, это сидело в его подсознании, и он искал хоть какое-то оправдание своим воинственным соотечественникам.

Спорить с фанатами идеи всегда бессмысленно, потому что доказать им ничего не сможешь, а обращать в свою веру муторно и накладно.

– Жителей можно было бы эвакуировать, – гнул своё Гельмут.

Курт во время нашего спора всё пытался остановить Гельмута и перевести разговор на другую тему. А Пауль пил пиво и, похоже, ему доставляли удовольствие выпады Гельмута против русских, потому что он с удовольствием, как попугай, повторял неизменное: «Gut, gut».

Этот неприятный и в какой-то степени провокационный разговор как-то сам собой прекратился. Гельмут даже, как бы в извинение, сказал:

– Esistgut, wenneine Jungeein Patriot seines Landesist.

Я поблагодарил, попрощался. Курт попросил передать привет Вале Косовой, сказать, как он хотел её увидеть и как сожалеет, что не застал.

Перевод. Хорошо, когда молодой человек является патриотом своей страны.

Память о них жива

АЛЕКСЕЙ ШИТИКОВ,
г. Курск

СТИХИ ИЗ КНИГИ «ДОННЫЕ КЛЮЧИ»

* * *

Проводят вдоль деревни под конвоем
Фашистов, взятых нашими в полон.
Почуяв дух чужой, дворняжки с воем
Бросаются на них со всех сторон.
В шинелишках, с укутанными лбами –
Видать, февраль пробрал их до костей –
Они ползут устало и губами
Хватают снег со скрюченных горстей.
– В расход бы всех – ни дна им ни покрывки! –
Хрипит мой дядя, волоча протез.
– Тра-та-та-та! – татакают мальчишки,
Как ружья, палки взяв наперевес.
Сбежав с крыльца, в фашистов лёд кидаю.
Кричит конвойный: «Мать, уйми мальчика...»
Но лишь одно я с болью понимаю:
Они убили моего отца...

* * *

От крыльца и до калитки
Сквозь зелёную канву
С неба солнечные слитки
Мягко падали в траву.
Кот блаженствовал в растяжку,
На золе дремал петух.
(Довела любовь бедняжку:

Был орлом – и вот потух...)
Хорохорилась соседка –
Мальшню во двор вела.
С шаткой лестницы соседка
Вишни спелые рвала.
Покачнётся чуть в сторонку –
Грудь плеснётся, как волна.
Вот и выросла девчонка –
Словно ягода, красна...
Хорошо мне отдыхалось:
Квасом потчевала мать,
Даже мушек-мошек хаос
Не мешал мне отдыхать.
А потом пила жужжала
Иль топор играл, звеня,
И соседка угощала
Спелой вишнею меня.

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ

О, песни родины моей –
Неизмеримые глубины!..

«Не пара сизых голубей...» –
Люблю старинные зачины!
Люблю певучий тот размах,
Когда, покой да тишь нарушив,
Рванутся к звёздам из рубаш
Мужские песенные души!
Не голоса – колокола!
То бас густым чугунным гулом
Окатишь улицы села,
То с переливчатым разгулом
Вдруг баритон возьмет верха,
И –
Чтобы не было заронки,
Чтобы не дал он петуха
На высших нотах, –
Тенор звонкий
Неудержимый взлёт берёт, –
И песню так возвысят вместе,
Что осыпает небосвод
На крыши хат пылью созвездий!

ВПЕРВЫЕ В ГОРОДЕ

Жизнь была не праздною:
Мечен с детских лет
Трудностями разными –
Мы росли из бед...
Но вот эти трудности –
Дышло в колесо:
Страшно в многолюдности

Потерять лицо!..
Всё – проспекты, линии,
Всюду люду – рать...
Никого по имени
Не могу назвать,
И, как стёртый гривенник,
В стареньком пальто
Сам брожу без имени,
Будто я – никто...

* * *

Вся – весны сиреневая новь,
Помню, пригорюнившимся вдовам
Пела она голосом лиловым
Песню про фиалки и любовь...

Миновало тридцать лет – и вот
Вся она – осенняя тревога,
Только голос, хоть поблек немного,
Но – лилов!
Ах, как она поёт!
Замираю, слушая. Тону,
Уношусь в заоблачную просинь...
Как любил тогда я ту Весну!
Как люблю сегодня эту Осень!..

ГОЛУБКА

Для неё под голубым карнизом
Пел о счастье голубь тёмно-сизый
Ворковал одну и ту же песню,
Гимн слагал земле и поднебесью!

Но однажды пуля просвистала –
И на свете голубя не стало,
И голубка, что жила любовью,
Уронила взгляд свой
В пропасть вдовью.

.....
Ах, зачем ей строки показали –
Плачет мать горячими слезами...

ВДОВЫ

В землянках их душило горе,
И в новом доме слышно мне:
Сойдутся вдовы в коридоре,
Что ни беседа – о войне.
Им тяжело всё пережитое
Хранить в душевных тайниках:
У каждой слёзы наготове –
Платочки мокрые в руках...
От вдовьих слёз прогоркло детство,

Померкла юность – и опять,
Умрёт лишь кто-то по соседству, –
Как о родном рыдает мать.
Ах, вдовы, вдовы!..
Солнце мира
Не рассиялось в их глазах.
Живём – прекрасные квартиры! –
А всё – как будто в блиндажах...

ДОННЫЕ КЛЮЧИ

За водоёмы дождь – ответчик,
Но всё же, как он ни хлещи,
А ширь и глубь озёр и речек
Хранят лишь донные ключи.
И пусть поверхностному глазу
Они приметны не всегда,
Но лишь не станет их – и сразу
Придёт великая беда..
Люблю характер их спокойный,
Который мужеству сродни:
Ни льду, ни тине многослойной
Не покоряются они!
Творят своё земное дело
Всё так же – летом и зимой –
Как им природа повелела,
Как предначертано судьбой...

АНАТОЛИЙ ШИЛЯЕВ

СТИХИ ИЗ КНИГИ «РУССКАЯ РАВНИНА»

МОЯ ЗЕМЛЯ

Лежу, не поднимая головы
Моя земля –
Зелёные владенья.
Вот муравей по стебельку травы
Взобрался в небо,
Не боясь паденья.

Вот воробей –
Взъерошенный комок,
В пыли нагретой бодро чистит перья.
Вот МИГа реактивного громок
Ушёл с аэродрома за деревья...

Моя земля.
Знакомы мне на ней
И даль полей,
И сена запах мятный...

*Вдали она дороже и родней,
Вблизи она подробней и понятней.*

* * *

*Уже не кукует кукушка.
Уже не поёт соловей,
В осеннем молчанье опушка
Задумалась думой своей.*

*Мне грустно и чуточку странно,
Что листья слетают с ветвей
Что ветер легко и пространно
Купается в жёлтой листве.*

*И всё же я радуюсь шуму
Осенних лесов и полей
И думаю светлую думу
О жизни недолгой моей.*

*Люблю я и осень и лето,
Приемлю и радость и грусть
Как тихую песню поэта,
Как ветки надломленной хруст.*

МАСТЕР

*Из глыбы камня проступают вдруг
Глаза вприщур,
Овалы скул и плечи...
И вот уже по воле щедрых рук
Мне видится характер человеческий.
Морщинки мыслей паутиной лет
Легли на лоб, крутой и непокорный,
И целой жизни выстраданный след
Пролёг у рта бороздкой беспокойной.
Мне кажется, что камень задышал,
Задвигались глаза помолодело,
И ожила бунтарская душа,
Готовая на праздник и на дело.
Какой волшебник это совершил,
Какая сила двигала руками,
Которые взметнули до вершин
Обыкновенный и холодный камень?
Название той силы – мастерство.
Оно заполнит всё, что в мире пусто,
А без него холодно и мертво
Любое вдохновенное искусство.*

ИЮНЬ

*Зовёт в леса зелёная земля,
Зовёт в луга зелёная планета
Гудением мохнатого шмеля,
Дыханием разлапистого лета.*

*Иду в леса, где шорохи и тень,
Где трав хитросплетения живые,
А на опушке, как сторожевые,
Стоят дубки и караулят день.*

*Иду в луга, где сонные цветы
Головками задумчиво качают.
Они меня, росистые, встречают
Неяркими глазами красоты.*

*Иду к реке, где синяя вода
Большое небо чётко отражает.
Она меня умыться приглашает,
Стереть следы заботы и труда...*

* * *

*Живёт во мне стихотворенье,
Как отблеск утренней мечты:
«Я помню чудное мгновенье, —
Передо мной явилась ты...»*

*Мы все заучивали это,
И я запомнил наизусть
Живую музыку поэта,
Живую пушкинскую грусть.*

*Как будто ветра дуновенье,
Над нами веют вновь и вновь
И божество, и вдохновенье,
И грусть, и слёзы, и любовь...
И я готов услышать снова
И в сердце до конца сберечь
Живое пушкинское слово,
Живую пушкинскую речь.*

ВСТРЕЧА

*Вдали торжественно и медленно
Закат весенний угасал,
И красота, ничем не меренная,
Струилась в добрые глаза.
И пела тоненькая девочка,
Звенела высоко струной
Аленушка, а может Верочка,
Случайно встреченная мной.
Я долго слушал, незамеченный,
Нехитрой песенки слова,
И голос детства — голос вечный.
Иное сердцу рисовал.
Мне виделась другая девочка.
Осталась в памяти она,
Рыжеволосая, как белочка,
И тихая, как тишина.*

Она меня приворожила
И за собою повела,
Как будто к сердцу приложила
Незримых добрых два весла,
И я поплыл светло и бережно,
Роняя капель синеву.
Она вослед смотрела с берега
И радовалась, что плыву.
Давно всё это тихо кануло.
Но каждый раз,
Но каждый раз
Мне видится оттенок комеди
Её неотчуждённых глаз...
Стояла у причала девочка,
О том не зная ничего,
Рыжеволосая, как белочка,
Как та —
Из детства моего.

СЕРГЕЙ ПИСКУНОВ

ТРИСТА ДУБОВ Из книги «Мгновения»

Ветреный догорающий день. Начало октября. Мы с лесником дядей Николаем сидим, поджидая попутную машину, на краю молодой дубравы.

Уже осыпается подлесок. Огненными нарядами сияют клёны, осины, черёмуха. Издалека заметны гроздья рябиновых ягод.

Морозец за несколько ночей побил папоротники и принакрыл блюдца воды в душлах и на земле стекляшками льда.

Через дорогу, по ту сторону низины, во всю ширь — изумрудно-сочные зеленыя в тепло-золотом берёзовом обрамлении.

Ветер стремительно и мощно налетает с полей и, разом запутываясь в дубах, буйно шумит, срывает и разносит пёстрый дождь листьев. Дубняк ещё зелен. Но под порывами ветра то и дело срываются жёлуди и тяжело, как спелые яблоки, падают, взбивая сухую рыхлую листву.

Говорим так кое о чем и, не торопясь, выбираем из травы крохотные гладкие ядрышки. Они мягко скользят по пальцам, тугие, холодные, отливая смугло-коричневым блеском.

Дядя Николай рассказывает, что в дубраву начали захаживать кабаны, и высыпает новую горсть. Лицо у него скуластое небритое, такое же тёмное, обожжённое за лето солнцем, как кожица желудей.

Скоро мы набираем их целую горку, и дядя Николай, заметив, что я считаю, спрашивает:

— Сколько?

— Триста, — отвечаю. — Даже больше.

— Триста дубов, — говорит он нараспев.

— Небось, тебе нужно собирать желуди на посадку?

— Нет, пока ещё рано. Пока трудно отличить хорошее зерно от плохого. Вот неделки через две...

Я держу в руке горсть упругих желудей и не верю услышанному.

— А вот смотри. — Он уверенно выбирает один и очищает кожуру старым заношенным ножичком. На белом боку — плесневое пятно. — А пройдёт время, — растолковывает он дальше, — возьмишь горсть, опустишь в воду — гнилое зерно сразу и всплывёт. Правда, и сейчас падают хорошие. Это когда от ветра стеснение в ветках. Здесь же опушьё.

Дядя Николай замолкает. Слышно, как гулко шумит ветер.

— Ещё один мороз — и берёзки листья сбросят. И будут голяком бегать, — певуче, как бы самому себе говорит лесник и опять замолкает.

В лесу все настороженно притихшие. Лишь изредка слышится протяжный одиноко-тоскливый крик желны, пролетающей чёрной тенью, да её редкие гулки, как топором постукиванья.

Рядом на сетку паутины падает целый ворох листьев.

— Хлопот теперь хозяйну... — так же нараспев произносит лесник и усмехается. Потом, будто вспомнив, опять заговаривает о дубах: — Удивительное дерево — дуб. Посадишь под зиму — вымерзает. А только весной чуть начнет сходить снег, положишь под лопатку и за лето почти на четверть вытянется. А потом лет десять почти в одной поре будет. Так, невзрачные кустики. А видишь, какие великаны вырастают. Для них наши мерки негожи. Говорят, где-то стоят дубы, под ними ещё Пётр Первый ночевал. Вот оно, какое племя дубов...

И верно, кто не помнит, как дубы тяжело и неуклюже спешат за сменой времён года. В поздние осенние дни они шелестят листвой. Выпадает снег, а дубравы ещё в бурой шубе. В лютые морозы далеко вокруг леса поземка горстями разносит по пустыне снега сухие заиндевелые дубовые листья.

Ветер натруженно и протяжно шумит вверху, раскачивая ветвистые густые крылья дубов. Предзакатное солнце озаряет прощальным светом дальние берёзы, колею дороги, белую ватную голову растоптанного татарника.

Загоревшиеся розовые зоревые сполохи начинают остывать, превращаясь в лилово-сиреневые и совсем тёмные.

Из-за горизонта показывается огромная стая грачей и долго течёт рекой, то вытягиваясь, то растекаясь в полнеба. Их плавный беззвучный полёт кажется совсем чужим, нездешним: когда-то, в такие же вот дни уже произошло их отторжение от наших мест. Постепенно грачиная вереница тает, унося за собою последних тёмно-синих холодных птиц.

Все стихло. Лишь слабо мерцают в воздухе жёлтые, коричневые, алые, фиолетовые блики. И по-прежнему падают желуды, шумно плескаясь в сухой листве.

ВЫТЕБЕТЬ

Наверное, на свете нет ничего прекраснее лесных полузабытых рек. Все они какие-то подвижные, неукротимые и запоминаются необыкновенной свежестью и чистотой. В этом вы сами убедитесь, когда однажды, странствуя по орловским и калужским лесам, встретите речку Вытебеть.

Быстро бежит она под навесом дубов и вязов, весело играет на песчаных проталинах отмелей, являя в нетерпеливом движении молодость и порыв.

Вытебеть приветлива: в лесу все живут дружно, в лесу каждый рад встречному. И знать, от природы достался ей неугомонный и переменчивый характер: то она неслышно проберётся меж зарослей, то разговорится со встречным ручьём или позабавится юркими рыбёшками, а то печально загрустит в заводи.

Там, где потоку приходится круто изгибаться, с высокого обрыва берега видно, как упругое течение, не успев разбежаться, сникает и застывает в глубоком омуте, неподвижном и тёмном.

И чуть река замедлила бег, как кто-то из прибрежных кустов уже накидывает на гладь воды зелёное покрывало тины, и с берега, будто ребятишки в жару, кидаются в речную прохладу проворные травы, буйные, с яркими зелёными пиками листьев. Самые отчаянные из них даже попытались залезть в Вытебеть в тех местах, где она порывисто сбрасывает и уносит всё, что мешает ей в пути. Незавидная доля постигла смельчаков. Так они и стоят кучками кое-где на протоках, покорные, безвольно поникшие.

У берегов на воде плашмя разбросаны круглые листья кувшинок. За лето они подгорели на солнце, потрескались, пожухли по краям и еле держатся на тонкой проволочке стеблей.

На одном из поворотов у берега долгие годы стоял могучий дуб; потом он незаметно постарел и однажды в весеннее половодье рухнул в поток. Ныне тучный кряж, почерневший и обросший мхом, словно пытаясь встать, всё ещё упирается жилистыми рогатинами сучьев в светлые быстрые струи. Теперь он, сломленный силой времени, грустной тенью темнеет над рекой.

Где-то по берегам Вытебети уже прошла осень. Жёлтые узкие листья ивняка плывут по реке, кружатся, как челноки, в заводях, опрокидываются на перекатах.

Из леса в русло реки устремляются потоки ароматного тёплого воздуха и пряные запахи спелого лета. В эту пору в природе уже чувствуется затаённая насто-роженность ожидания перемен. В тишине, в просветленности солнечного дня, в птичьих приготовлениях к отлёту — грустная торжественность ранней осени.

Всё окружающее как бы заставляет запомнить прелесть преходящего, прелесть того, чему завтра уже не быть. И оживают в памяти прекрасные мгновенья былого, многое из того, что в другое время и некогда вспомнить.

А сколько ещё удивительного вдобавок к этому расскажет при встрече далёкая лесная красавица Вытебеть.

В ШУМЕ ОСЕННИХ ВЕТРОВ

Михаил Михайлович уговорил нас поехать за опятами. Мол, на базаре их уже продают, и знакомых встретил, которые привезли недавно полные корзины.

Азартное возбуждение заядлого грибника и знатока лесных мест подействовало на нас с Витькой, и в первое же воскресенье мы уехали километров за сорок, обошли множество дубрав и порубок и, кроме редких сыроежек, старых маслят и мухоморов, ничего не нашли. Опята попадались тоже старые, засохшие.

Проходив часов семь-восемь и потеряв всякую надежду на удачу, мы разожгли костёр и сели перекусить. Михаил Михайлович виновато разводил руками, удивляясь случившемуся, и скоро улизнул поглядеть ещё какое-то одному ему знакомое место. А мы легли на полушубок подремать.

Но задремать оказалось невозможно. Как-то незаметно занимавшие воображение впечатления дня, лесные дороги и разговоры, потрескивание догоравшего костра — всё потонуло, растворилось в гулком многоголосии осеннего леса.

Сначала было слышно, как высоко, во всю ширь неба, протяжно, нагнетая томительное состояние, тянул дальний ветер. В его потоках, теснясь в сумрачном от-решении, утрюмо и нехотя плыли тучи, плотно застилая блеклое небо.

Но чуть свыкнувшись с этой грустно-далёкой шумностью мы начали различать, что с разных сторон обрушивались на лес редкие могучие ветряные валы.

Они качали ветви деревьев, напористо прокатывались по вершинам дубов-великанов, нагнетая тревогу, предвещая холод и ненастье. Казалось, что на этих неукротимо сильных потоках по лесным просторам мчится сама осень.

На некоторое время устанавливалось глуховатое монотонное затишье, и вновь неожиданно налетал ветер, нагулявшийся на полевым просторе, и стремительно ударял в опушке. Оглушительный ураган шума раскатывался по окрестностям,

слышался пронзительный скрип старых деревьев, треск сухих веток — так испуганный лось ломится в чащобу.

И пока ветер буянил в кронах дубов, по просекам и прогалинам побежали пронизывающие, настоявшиеся на осенних росах потоки, раздувая, как паруса, полотнища паутин, разметая палую листву. И как топот копыт, слышался то в одном, то в другом месте стук падающих желудей. Иногда потоки докатывались до нашей полянки, и тогда костёр окатывал, обдавал нас едкими горячими языками дыма.

Опять наступала тревожная недолгая тишина. И вдруг у соседней берёзы неожиданно закружил ветер-вьюн, вспылчиво-резко обвивая каждую ветку, урывая ворох начавших желтеть листьев, порывисто рассыпая этот золотистый звездопад, затем подлетел к другому дереву и дальше, пока не запутался в чаще. От его порывов в испуге, скрипуче крича, разлетелись сороки, начали жалобно пищать пригревшиеся в кустах птицы. Вьюны вздымались, как фонтаны, кружа сухой листвой, оставляя в ветвях слабое зелёное мерцание.

А в незабываемое многоголосье осени вливались новые звуки: шуршание ворохов листьев, шелест шелковистых прядей берёз, пронзительные и печальные посвисты синиц. Перекрывая это, доносилось, как глухой и глубокий вздох ветра, как его болезненно-усталая мольба:

— Ти-ше, ти-и-ше, слы-шишь, ти-ше...

Опять, усиливаясь, начинал шуметь ветер, и вновь нельзя было не услышать беспокойство, смятение и боль осени. Незаметно стало возникать странное состояние, когда из памяти вызываются мгновенные картины, когда сознание, помимо твоей воли, начинает подбирать видения отрывочно, вразброс, хаотично, соединяя их лишь единым настроением: то встанут перед глазами одинокие, затаившиеся стога сена на заливном лугу, то санная колея в полевом бездорожье.

Однажды, когда-то давно, видел я в поздних летних сумерках отставшего маленького жеребёнка, пугливо бежавшего по дороге. И сейчас, неизвестно почему, мне привиделся этот жеребёнок. Мы обогнали тогда его на машине. Он постепенно отставал, таял в темноте и только выдавал себя порывисто-тревожными поворотами головы. И вновь во мне пробудилась та же жалость. Где же он теперь? — подумал я и почувствовал те же запахи (тогда липа была в самом цвету).

Бывает так, что на некоторое время преграда между прошлым и сиюминутным настолько ослабевает, истончается, что начинается редчайшее незабываемое соприкосновение, общение с тем, чего уже нет, как с реальностью, и человек начинает чувствовать необъятную свою основательность, свои корни, далеко проникшие в тот мир, который уже ничем и никак невозможно воспроизвести.

Я однажды представил, что в будущем непременно научатся изымать из голов уходящих из жизни людей всё интересное, что сохранилось в их памяти из увиденного, услышанного, пережитого — всё, что было человеку и страданьем, и счастьем.

Разлив грустно-тревожных голосов осени, небо, осевшее от тяжести облаков, краски увядания невольно вызвали мерцание мыслей, делали ещё острее восприятия и воспоминания.

Приятель мой Витька, выдумщик, умеющий подметить самые незаметные черты похожести и делать неожиданно- непривычные сравнения, вдруг сказал:

— Что-то я расстроился под этот шум леса. Жалостливость насела. Взгрустнулось о нежном. Знаешь, вдруг захотелось произносить напевные женские имена, ну, например, Аннушка, Аленушка, Любаша. Даже представлял себе каких-то знакомых.

Потом он говорил о том, что хотел бы влюбиться, пусть даже в капризную и вздорную девчонку, что одолела суета, что давно никому не дарил цветов и что эта грибная оказия и поездка в осенний лес вышли великолепными, потому что растревожили в душе что-то отболевшее, но ещё не успевшее исчезнуть навсегда.

— Бывает, задумаешь что-нибудь сделать, — говорил Витька, — загорись, а потом скиснешь. Мол, а зачем? И самолюбия сделать задуманное не хватает.

Мы, наверное, ещё долго бы толковали о всякой всячине, не появившись Михаил Михайлович. Грибов он не нашел. Распалил костёр, согрел чаю. Мы посидели с часок и отправились к электричке.

Ехали молчаливые и беспричинно расстроенные. Сели на разные скамейки и смотрели в окна. Лесного шума не было слышно. Лес становился сумрачнее. Его бархатисто-шоколадная даль уже не манила к себе, а даже чуть страшила, вселяя пугливое чувство одиночества.

Настроение, породнившее нас с лесом, исчезло. Даже в вагоне ощущалась неуютность пронизываемых ветром полян и вырубок.

И каждый из нас уже радовался дорожным огням, резко стегавшим по глазам ярким светом, и шумным дачникам, всё теснее набивавшимся в вагон. Постепенно голоса, звуки музыки, дома и другие приметы приближавшегося города окончательно возвратили нас в привычное состояние жестковатого удерживания себя. И мы уже с ощущением вдруг возникшей легкоострой приятности оставили вагон и пустились в водоворот городской жизни.

ИГОРЬ ЛОБОДИН

ПЕРЕПЁЛКА ВО РЖИ

Летом сорок третьего года в бою под Орлом на ржаном поле, изуродованном танками и взрывами, обмолоченном тысячами солдатских сапог, был убит рядовой Иван Жилин.

Вечером, накануне наступления, он рыл окоп вблизи замаскированной пушки, вслушиваясь, как полковой почтальон, невидимый в кругу струдившихся солдат, весело выкрикивал фамилии адресатов. В соседнем окопе уже кто-то читал очередное письмо лейтенанту Дронникову, погибшему ещё под Волоколамском, уже по редела толпа, когда Жилин, боясь ослышаться, по обрывку «...илин!» угадал свою фамилию, которую почтальон выкрикнул, как и остальные — весело.

Сбоку кто-то протянул Жилину полузакрытый мятый треугольник, прибавил глухим голосом:

— Последнее, браток...

На батарее каждый знал, что последнее письмо считалось несчастливым, что почтовую брезентовую сумку порою трясли и подкидывали на руках вместе с грузным почтальоном, чтобы это последнее, будто написанное на роду письмо, выпало случайно, как жребий, — по судьбе.

Отложив сапёрную лопатку, Жилин неловкими пальцами развернул сложенный треугольником двойной лист из школьной тетрадки. Это было известие, блуждавшее третью неделю по следам солдата, что в бомбежку, при налёте немецких самолетов, погибла его жена Фрося.

Жилин долго каменел над изогнутым листом, потом сунул его за ворот гимнастерки и, будто заторопившись куда-то, стал швырять земляное крошево из начатого окопа вверх, на бруствер.

Жилин не заметил, как кончился чернозём и пошёл гудящий могильный суглинок, как низко над полем встала багровая луна, перечёркнутая чёрным колосом, — и пошла ночь, последняя перед боем...

В ту ночь, тихую и звёздную, объявшаую лунным сиянием всю холмистую равнину с изломистыми фронтами, провалами порушенных городов, Жилин на четвереньках выбрался из своего окопа, тяжело распрямился и долго стоял привидением на свежевырытой пахучей земле, привалившей ржаные стебли с редкими, смутно белевшими на концах колосками. Невысокий, с покатыми медвежьими плечами, в которых угадывалась заматерелая сила, он стоял лицом к луне, и его тень, уродливо перегнутая через холмик, обрывалась в зиявшем окопе. Коротковатые руки были опущены, стоял он, подавшись вперёд, в расстёгнутой мешковатой гимнастёрке. При лунном неверном свете были заметны складки морщин меж сдвинутыми бровями, из-под которых стеклом блестели неподвижные зрачки.

В сквозном сиянии луны Жилин долго стоял без движения. Земля, будто качаясь, уходила из-под ног. С тупой непокорностью беде он силился устоять, удержаться на ногах.

Машинально нащупал под гимнастёркой письмо. Перед глазами поплыли кривые строчки, написанные старческой рукой отца. При свете луны строчки сливались, и больше по памяти Жилин читал, спотыкаясь на каждом слове:

«Наша Фрося погибла в бомбежку, — писал отец. — Попала бомба в соседский двор, и в тот час там была Фрося. Пошла попытать сольцы хворому Мише, они ещё ни разу ей не отказывали. Он весь заплошал от слабой еды и в сильном жару... Кричал по матери и всё спрашивал, когда она придёт... Теперь не отхожу от него и ночью караулю подать воды.»

Жилин перевернул лист, ледяной ладонью провёл по воспалённым, в холодной испарине векам, силясь дочитать до конца.

«Ты про нас не горюй сильно, — плыли перед глазами косые строчки. — С внука теперь глаз не спущу, как оздоровеет.

А ты, сынок, добивай фашистских гадов и вертайся домой. Немец тут всё порушил. Фросю похоронили при людях рядом с братской могилой...»

Жилин растерянно взглянул на звёзды, наискось падавшие трассирующими пулями, потом шагнул в сторону, мешковато повалился на свежевырытый холмик за окопом.

Ближе к полуночи небо стало покрываться плитами облаков. Меж ними, то скрываясь, то медленно выплывая из подсвеченных облаков, тихо шла луна. Из лощины, со стороны деревни, которую предстояло занять утром, на остистое поле потянул ночной ветерок. Но измятое поле не отозвалось обычным шуршанием спелой ржи. Высокие былинки вздрагивали, будто безголосо говорили: «Мы не можем», — и молчали, качаясь.

В этой тишине над великим покоем степи несмело ударил перепел.

«Как же так, как же так?» — тихо встрепенулась птица. Смолкнув, потом, как после раздумья, перепел ударил громче, будто спрашивая у людей от века неизменным волнующим голосом: «Как же так, как же так?»

Неожиданно где-то близко откликнулась другая пара перепелов, и гремящие, ладные удары крешли, заполняли собою всю округу.

Вслушиваясь в близкий перепелиный гром, Жилин, машинально нащупав ком сухой земли, сжал его, ощутил землю, ещё хранившую тепло минувшего знойного дня. Лежа на спине, он глядел в небо, различая с давней ребяческой радостью голос молодой перепёлки, вопрошавшей одно, своё: «Как же так! Как же так!..»

Зеленовато мерцаая звёздами, светлело предрассветное небо. Шли последние минуты перед боем за нашу русскую землю, горсть которой, словно боясь просыпать, Жилин сжимал в своей руке.

Содержание

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	5
К 200-летию И.С. Тургенева	5
АГРАРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ БЛОК	8
САЛИС ДОБАЕВИЧ КАРАКОТОВ	8
Поля в Дубовике, испытательный полигон.....	8
Программа IX научно-практической конференции	9
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ БЛОК	10

Классики

<i>ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ</i>	
Утро туманное	10
Муму	10
<i>НИКОЛАЙ СЕМЁНОВИЧ ЛЕСКОВ</i>	
Леди Макбет Мценского уезда.....	26
<i>ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ БУНИН</i>	
Антоновские яблоки	36
<i>АФАНАСИЙ ФЕТ</i>	
Вечерний звон	44
Ave Maria	45
«О, не зови!».....	45
«Последний звук умолк в лесу глухом...»	45
«В темноте, на треножнике ярком...».....	46
Ответ Тургеневу.....	46
Туманное утро	47
<i>ФЕДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ</i>	
Весенние воды	47
Конь морской.....	48
«Не рассуждай, не хлопочи!..»	49
«Я очи знал, - о, эти очи!..»	49
«Как весел грохот летних бурь!..».....	50
Последняя любовь	51

Проза

<i>ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ</i>	
«Цыганка Шешка» (из романа «Два пророка в одном Отечестве») ..	51
<i>ТАТЬЯНА ГРИБАНОВА</i>	
Настёнины «антарки»	57

<i>ВАЛЕНТИН ВАСИЧКИН</i>	
Ирунечка	63
Мишкина сберкнижка	70
<i>ГЕННАДИЙ ВЕРКЕЕНКО</i>	
Отражённая красота	75
<i>МИХАИЛ ТУРБИН</i>	
Димкина школа	83
<i>ГЕННАДИЙ МАЙОРОВ</i>	
«Паллитрыч»	89
<i>ВАЛЕРИЙ АНИШКИН</i>	
Родное гнездо	93
<i>Л.Н. ИВАНОВА (ПРЕСНОВА), А.С. ДНЕПРОВСКИЙ</i>	
Железцево	97
<i>ВАЛЕРИЙ ПРОТАСОВ</i>	
Париж (из повести «Последнее лето»)	104
<i>ЗЛАТА ФОССЕМАНЬ (Франция, г. Леон)</i>	
Супруга вернулась	112
<i>ВАЛЕНТИНА ПОРСЕДДА (Сардиния, Италия)</i>	
Путешествие на край света. Остров Сахалин	113
<i>ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВА (Австрия, г. Кирилаг)</i>	
Австрийская сказка	130
<i>АЛЕКСАНДР ТРУНОВ</i>	
Пять дней в Австрии	131

Поэзия

<i>ВИКТОР САДОВСКИЙ</i>	
Поэма «Пруд Савиной»	133
<i>ИРИНА СЕМЁНОВА</i>	
Поэма «Ермолов»	139
<i>ЕЛЕНА ПИМКИНА</i>	
Стихи	146
<i>ВАЛЕРИЙ ХОДУЛИН (г. Тула)</i>	
Стихи	148
<i>ЛЕВ КОТЮКОВ (Переделкино, Подмосковьё)</i>	
Стихи	154
<i>АНТОНИНА СЫТНИКОВА</i>	
Завет любви и красоты сердечной	156
<i>АНДРЕЙ ФРОЛОВ</i>	
Стихи из книги «Старый квартал»	159
<i>ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ</i>	
Авторские песни	164

ВАСИЛИЙ КАТАНОВ

«Учитель» (из поэмы об Иисусе Христе (продолжение)) 171

Молодые голоса

ОЛЬГА СОКОВА

Время открытий и чудес 173

ДАРЬЯ УСАЧЁВА

Большая вода 174

Для детей

СВЕТЛАНА ГОЛУБЕВА, ЕЛЕНА МАШУКОВА

Из сказочной повести «Приключения Ромашки,
или Тайна деревянной лошадки» 176

ИГОРЬ ЗОЛОТАРЁВ

Рассказы из трех книг

Андреевский колодец 178

Великий праздник фиалок

В главной, бунинской библиотеке Орла 180

Почему синички синие 181

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

Из книги «Грибное счастье»

Бабушкин праздник 182

Кнопочка в холодильнике 183

Кот Васька прячется в коробке 184

Очерки. Краеведение ТУРГЕНИАНА

ИВАН ГРАЧЁВ

Тургенев и современность 186

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВА

За что я люблю Тургенева 188

ВАЛЕРИЙ ДОМАНСКИЙ, ОЛЬГА КАФАНОВА (г. Санкт-Петербург)

Иван Тургенев – русский европеец 190

ВЛАДИМИР САМАРИН

У истока судьбы 197

ИГОРЬ ЗОЛОТАРЁВ

Владимир Солоухин: уроки Тургенева 201

ЗОЯ ТАРАБРИНА

Русское поле – наша жизнь 204

В орбите мира-космоса Тургенева 207

Тургенев наш, орловский. С чем идём к юбилею? 209

<i>РОМАН ЕРМАКОВ</i>	
Встреча в Буживале	212
<i>ЮРИЙ ЧЕРКАСОВ (художник)</i>	
Тургенев и баронесса Вревская	213
<i>МАРИНА КАРЛОВА</i>	
Последняя встреча	215

Наука. Рецензии. Мнения. Замечания

<i>ГАЛИНА БОРИСОВНА КУРЛЯНДСКАЯ</i>	
«Таинственные повести» И.С. Тургенева	218
<i>ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ</i>	
В роце Платона.....	220
<i>ИГОРЬ ЗОЛОТАРЁВ</i>	
Путешествие с Робертом Дессе к Тургеневу	222
Правдоподобие невероятного в фантастике И.С. Тургенева.....	227
<i>ВАЛЕНТИНА ГУСАКОВА</i>	
По страницам публикаций	233

Наши юбиляры

<i>ВАЛЕНТИН ВАСИЧКИН</i>	
Стихи из книги «Последний снег»	234
<i>ВАЛЕРИЙ АНИШКИН</i>	
Главы из романа «Студент»	239

Память о них жива

<i>АЛЕКСЕЙ ШИТИКОВ</i>	
Стихи из книги «Донные ключи»	243
<i>АНАТОЛИЙ ШИЛЯЕВ</i>	
Стихи из книги «Русская равнина»	246
<i>СЕРГЕЙ ПИСКУНОВ</i>	
Из книги «Мгновения»	
Триста дубов.....	249
Вытебеть	250
В шуме осенних ветров	251
<i>ИГОРЬ ЛОБОДИН</i>	
Перепёлка во ржи	253

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

ВПЕЧАТАННОЕ В СЕРДЦЕ

*На пальце от гусиного крыла
След в памяти, дней неумолимый рок,
Слов сквозь меня прошла уже гора,
Весь былый свет, судьбища между строк.*

*Неизгладим, всего-то бугорок,
А сколько боли, мук моих, труда
Глядит сюда, в судьбищу между строк,
Впечатанное в сердце навсегда.*

*Живи, поэт! Расти свой камень в гору!
Не мучай душу, трепетная жизнь!
Вот что постиг в мою седую пору
Тот след на пальце, дух, стремящий ввысь.*

23 июля 2018 г.

РУССКОЕ ПОЛЕ

РОССИЙСКИЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И

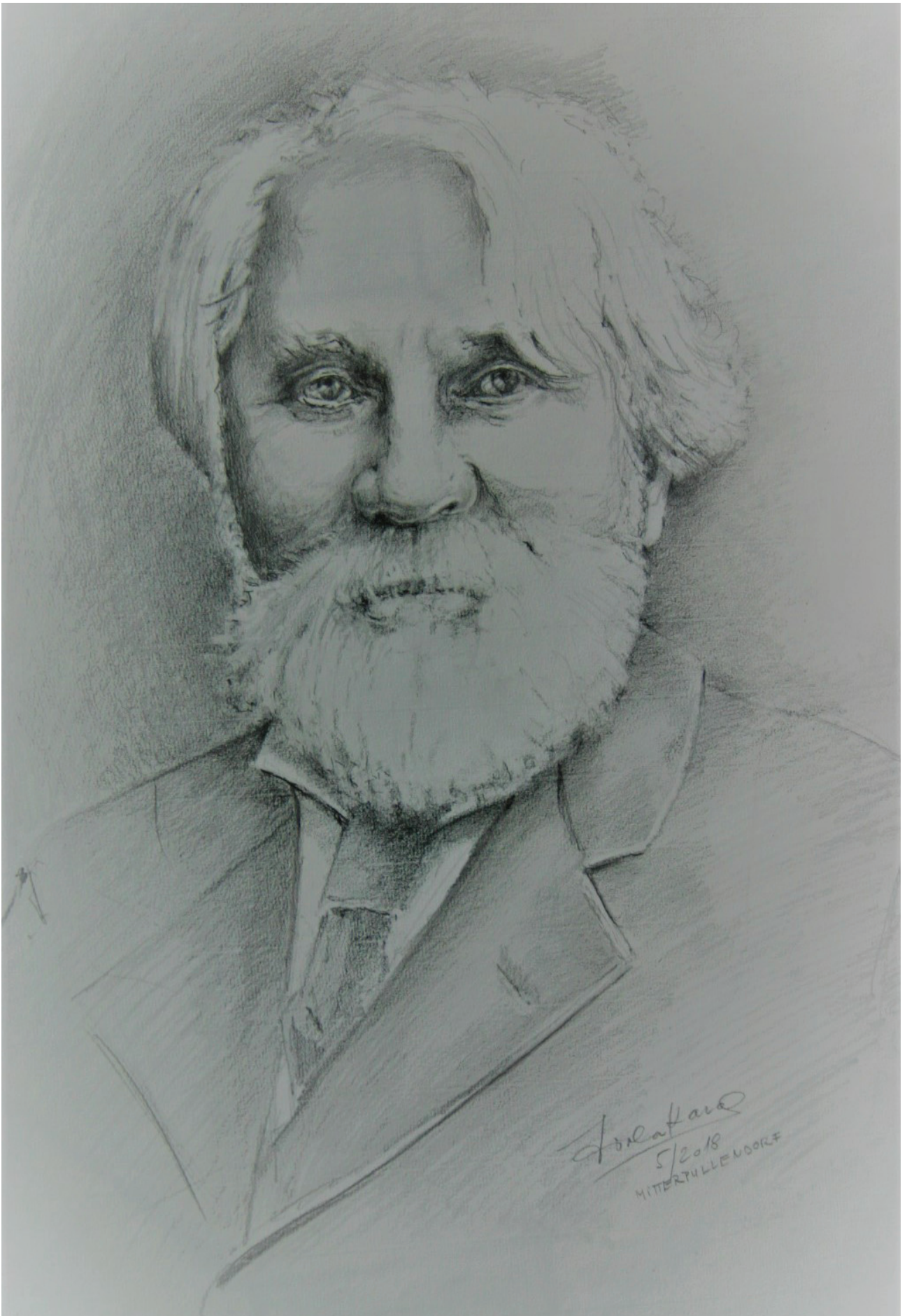
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№7

Корректурa Леонарда Золотарёва

Подписано в печать 10.09.2018 г.
Формат 84x108 1/16. Усл. п. л. 19,5.
Бумага офсетная. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Новое время»
ул. Итальянская, 23

И.С. Тургенев

Тургенев во дворе музея писателей-орловцев

Музей И.С. Тургенева в Орле

*Бюст И.С. Тургенева
на Дворянском гнезде*

*Игорь Золотарёв
у заветного камня, открывающего
дорогу к Дворянскому гнезду*

ПАМЯТНИК
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
ЛАНДШАФТНЫЙ СКВЕР
ДВОРЯНСКОЕ
ГНЕЗДО
ОХРАНЯЕТСЯ ГОСУДАРСТВОМ

*Л.С. Золотарёва (справа) у бюста
Тургенева на Дворянском гнезде*

*Памятник Тургеневу Ивану Сергеевичу
в начале Парка культуры в Орле*

*Мы с сыном Игорем Золотарёвым
у бюста там же*

*Мемориальная доска на доме,
где когда-то родился Тургенев
и куда ежегодно 9 ноября
возлагают цветы
в день рождения великого
писателя-земляка*

А это там же, но годом позже

*Там же в тот же год.
Игорь с Людмилой Серафимовной
Золотарёвой, справа Зоя Федотовна
Тарабрина – автор журнала*

*В Орле на железнодорожном
вокзале Тургенев со своей
охотничьей собакой Дианкой.
Работа художника А.И. Курнакова*

А это уже во Мценске. Глава района Иван Александрович Грачёв смотрит в окно своего кабинета и как бы видит далеко-далеко, до самого тургеневского Спасского-Лутовиново

А вот оно само, это Спасское-Лутовиново. Центральный вход в тургеневскую усадьбу

*Опять же во Мценске. Памятник И.С. Тургеневу в городском парке.
Работа скульптора Вячеслава Клыкова*

Вот и главное здание тургеневской усадьбы

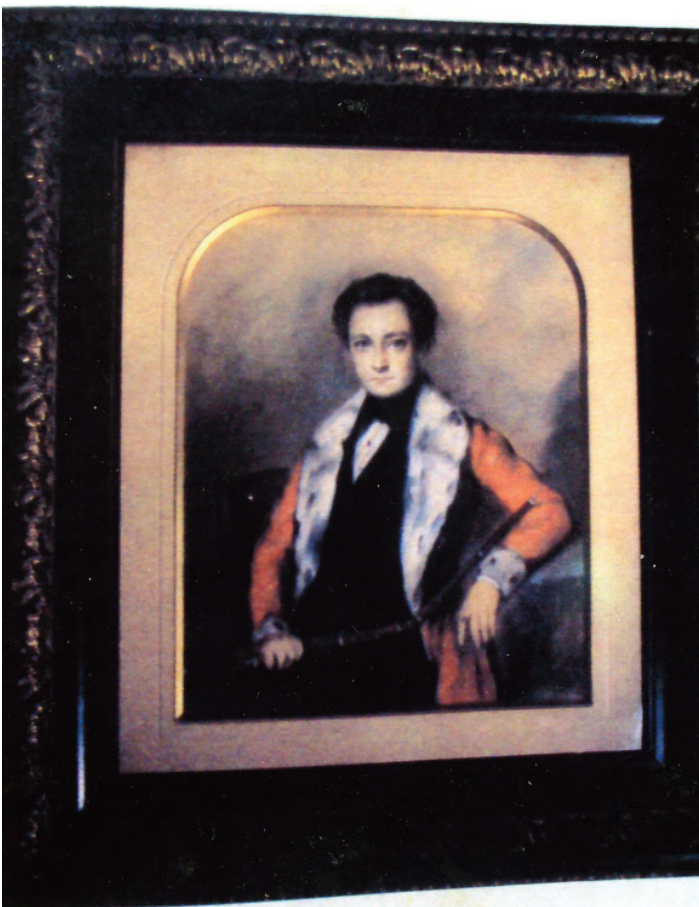

В музее этого главного здания находится в качестве экспоната шахматная доска. Тургенев любил играть в шахматы. Он – первый шахматист среди писателей.

Флигель изгнанника

*Подлинный портрет брата писателя
Николая Сергеевича Тургенева
Original portrait of Nikolay Sergeievich Turgenev, brother of the writer*

*Внутри музея.
Портрет брата
Тургенева Николая Сергеевича*

У пруда Савиной

Банька, где собирались когда-то наши писатели-современники

*А это чуть дальше,
тоже во дворе усадьбы*

*Колодец с «малиновой водой»,
куда до сих пор ходят люди,
чтобы испытать тургеневской
живительной влаги*

Уже в наше время. Встреча с авторами журнала Ги и Валентиной Порседда (Сардиния, Италия). Мы с Людмилой Серафимовной по краям этой четвёрки, а они - в середине

Тоже зарубежье – Австрия. Встречают в г. Кириллаге мэра Малоархангельска А.С. Трунова с семьёй. Крайняя справа автор журнала Ольга Александрова

А это, так сказать, историческая встреча двух глав городов - мэра русского Малоархангельска и бургомистра австрийского Кирилага Йозефа Фрайлера. На пороге администрации г. Кирилага во время ответного визита Александра Сергеевича Трунова в Австрию

Великолепная четвёрка. В семейном кругу

*Ольга Александрова с супругом
в Австрии в национальных одеждах*

*Трое в Малоархангельске (слева направо):
Леонард Золотарёв,
Йозеф Фрайлер
и Александр Трунов
у памятника Пушкину*

Париж. Буживаль. Спальня в вилле Тургенева

Буживаль. Кабинет Тургенева

Буживаль. Письменный стол Тургенева

А это опять же на Орловщине в малоархангельском Дубовике, где ежегодно проходит всероссийский День поля, День русского поля. Участники и гости праздника у общего входа в места, где проходит это мероприятие

Там же. Слева направо: академик РАН Салис Добаевич Каракотов, председатель областного Совета Леонид Музалевский, врио губернатора Андрей Клычков и другие руководители

А это крайний слева Глава Малоархангельского района Юрий Алексеевич Маслов

*И далее фотографии,
так сказать, литературные.
На Фетовском празднике поэзии
в Клейменово (слева направо)
поэты Валентина Корнева,
Леонард Золотарёв,
Иван Яковлевич Мосякин,
прозаик Валентина Амиргулова*

*В библиотеке имени Бунина.
На презентации одного из номеров
журнала Бубнов Валерий Васильевич и
Вдовин Михаил Васильевич –
первый заместитель председателя
Орловского областного Совета*

*Автор журнала
Марина Карлова (Колтна)*

*На презентации книги
«Орловская лавра»
прозаик Татьяна Грибанова*

*Леонард Золотарёв с Татьяной Грибановой
во время выступления перед читателями*

Л.М. Золотарёв

Картина «Тургенев на охоте»

